

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

**посвященная 65-й годовщине
начала изучения языков
Юго-Восточной Азии
в нашей стране**

**Санкт-Петербург
15–16 сентября
2020 года**

Санкт-Петербургский
государственный
университет

St Petersburg
University

Восточный
факультет

Общество дружбы
и сотрудничества
с Республикой Союз Мьянма

**МЕЖДУНАРОДНАЯ
НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ,
посвященная 65-й годовщине
начала изучения языков
Юго-Восточной Азии
в нашей стране**

Сборник материалов

Санкт-Петербург, 15–16 сентября 2020 года

Санкт-Петербург
2020

Faculty of Asian
and African Studies

Общество дружбы
и сотрудничества
с Республикой Союз Мьянма

THE INTERNATIONAL CONFERENCE ON THE 65TH ANNIVERSARY OF SOUTHEAST ASIA LANGUAGES STUDIES IN RUSSIA

Conference Proceedings

September 15–16, 2020

Saint-Petersburg
2020

УДК 811
ББК 81.2 (58)
М43

*Издание материалов конференции осуществлено
при финансовой поддержке «Общества дружбы
и сотрудничества с Республикой Союз Мьянма».*

М43 Международная научная конференция, посвященная 65-й годовщине начала изучения языков Юго-Восточной Азии в нашей стране: Сборник материалов (Санкт-Петербург, 15–16 сентября 2020 г.): / Сост. Е. Н. Колпачкова. С.-Петерб. гос. ун-т, Восточный факультет: [печатается в авторской редакции]. — СПб.: Изд-во АИК, 2020. — 390 с.

ISBN 978-5-6045100-2-5

Начавшееся в 1955 году системное исследование народов и культур материковой и островной Юго-Восточной Азии, преподавание в стенах Ленинградского государственного университета языков этого региона привело к становлению в Ленинграде/Санкт-Петербурге известной научной школы, которая органично вписалась в традиции петербургского востоковедения. Сборник материалов научной конференции охватывает самый широкий круг проблем, связанных с изучением Юго-Восточной Азии. Учитывая разнообразие интересов специалистов по данному региону, тематика мероприятия включает такие традиционные для отечественной ориенталистики аспекты и направления, как языки, литература и фольклор, религии и культуры народов ЮВА, история и современное развитие государств ЮВА.

УДК 811
ББК 81.2 (58)

ISBN 978-5-6045100-2-5

© СПбГУ, 2020
© Авторы сборника, 2020

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS

<i>Адрова И. С.</i> Экономика Индонезии в условиях пандемии	11
<i>I. S. Adrova.</i> Indonesia's Economy during the COVID-19 Pandemic	
<i>Андреева В. А.</i> Новые фразеологические единицы в современном вьетнамском языке	21
<i>V. A. Andreeva.</i> New Phraseological Units in the Modern Vietnamese Language	
<i>Атнашев В. Р.</i> Чамский акаят «Дева мано»: литературные и религиозные особенности.	29
<i>V. R. Atnashev.</i> Cham <i>Akayet</i> "Deva Mano": Literature and Religious Specifics	
<i>Бакланова Е. А.</i> Реализации семантического перехода в заимствованиях тагалога	38
<i>E. A. Baklanova.</i> Realizations of Semantic Shift in Tagalog Borrowings	
<i>Банит С. В.</i> Элементы яванской и западной культуры в романе «Рахваяна» Судживо Теджо	44
<i>S. V. Banit.</i> The Elements of Javanese and Western Culture in <i>Rahvayana</i> by <i>Sujiwo Tejo</i>	
<i>Беломоин В. А.</i> Современное сотрудничество АСЕАН и Японии	60
<i>V. A. Belomoin.</i> Contemporary Cooperation of ASEAN and Japan	
<i>Бурова Е. С.</i> Китайский фактор в аграрном секторе стран субрегиона Большого Меконга	70
<i>E. S. Burova.</i> Chinese Factor in the Agriculture Sector of the Greater Subregion Mekong Countries	
<i>Дмитренко С. Ю.</i> Гонги в кхмерской культуре (лингвистические заметки)	75
<i>S. Yu. Dmitrenko.</i> Gongs in Khmer culture (some linguistic remarks)	
<i>Дмитренко С. Ю., Снатарь Н. М.</i> О слове <i>hetu/haet</i> 'причина' в кхмерском языке	87
<i>S. Yu. Dmitrenko, N. M. Spatari.</i> The Word <i>hetu/haet</i> in Khmer	

<i>Ефремова К. А.</i> Отечественные бирманисты и бирманистика: история и современность	100
<i>K. A. Efremova.</i> Soviet/Russian Specialists in Myanmar Studies and the Discipline: A Historical Overview	
<i>Зарбалиева Л. Х.</i> Языковая ситуация в Индонезии в период глобализации . .	107
<i>L. H. Zarbaliyeva.</i> Language Situation in Indonesia in the Era of Globalization	
<i>Зорин А. А.</i> Реконструкция снаряжения вьетнамского воина периода династии Чан	121
<i>A. A. Zorin.</i> Reconstructing the Equipment of a Tran Dynasty Vietnamese Warrior	
<i>Игнатъев М. А.</i> Своеобразие системы личных местоимений в тайском языке	134
<i>M. A. Ignatev.</i> Some Peculiarities in Thai Pronominal System	
<i>Карпова С. О.</i> Политическая трансформация китайской общины в Сиаме в начале XX в. и ее влияние на внутреннюю политику сиамского правительства	145
<i>S. O. Karpova.</i> Political Transformation of the Chinese Community in Siam at the Beginning of the 20th Century and its Influence on the Internal Policy of the Siam Government	
<i>Кнорозова Е. Ю.</i> К вопросу о традиционных вьетнамских религиозно-мифологических представлениях	152
<i>E. Yu. Knorozova.</i> To the Question of Traditional Vietnam Religious and Mythological Representations	
<i>Колотова Н. В.</i> Отношения РФ и СРВ в рамках политики поворота на Восток	167
<i>N. V. Kolotova.</i> Russia — Vietnam Relations within the Policy Russia's Pivot to the East	
<i>Колотов В. Н.</i> История ленинградской/петербургской школы изучения Вьетнама	171
<i>V. N. Kolotov.</i> History of the Leningrad / Petersburg School of Vietnam Studies	
<i>Крамарова С. Г.</i> Глаголы с префиксом <i>ma-</i> в балийском языке	182
<i>S. G. Kramarova.</i> Balinese Prefixed <i>ma-</i> Verbs	
<i>Лобанова А. Я.</i> Сравнительный анализ сна и сновидений в даосизме и тибетском буддизме	194
<i>A. Y. Labanova.</i> Comparative Analysis of Sleep and Dream in Taoism and Tibetan Buddhism	

<i>Маяцкий Д. И.</i> Цинские иллюстрированные описания нравов народов Юго-Восточного Китая в собрании редких книг Научной библиотеки СПбГУ.	208
<i>D. I. Maiatskii.</i> Qing Illustrated Descriptions of the Peoples of South-East China in the Collection of Rare Books Stored in the Academic Library of St. Petersburg State University	
<i>Моисеев Е. А.</i> Сезонные войны 1792–1799 гг.: характеристика кампании 1792–1793 гг.	217
<i>E. A. Moiseev.</i> Seasonal Wars of 1792–1799: Characteristics of the Campaign of 1792–1793	
<i>P. E. Moskalev.</i> The Chinese Overseas in Thailand and Vietnam — Similarities and Differences	232
<i>Нгуен Тхи Минь Хань.</i> Магический реализм и явления духовной культуры в произведениях вьетнамской литературы	241
<i>Nguyen Thi Minh Hanh.</i> Magic Realism and the Phenomenon of Spiritual Culture in Vietnamese Literature	
<i>Новакова О. В.</i> 100-летие латинской письменности «куок нгы» во Вьетнаме, 1919–2019. Культурная революция в истории и современности	253
<i>O. V. Novakova.</i> The 100 th Anniversary of the Written Script “kuok ngu” in Vietnam, 1919–2019. Cultural Revolution in History and Modernity	
<i>Сабелкис М. Д.</i> Взаимодействие Китая и АСЕАН в рамках противодействия незаконному распространению наркотиков из «Золотого треугольника» в 1990-е гг.	266
<i>M. D. Sabelkis.</i> China and ASEAN Cooperation in the Context of Preventing Golden Triangle Drug Trafficking in the 1990s	
<i>Сапронов А. В.</i> Российско-сингапурские отношения на современном этапе: актуальные проблемы и перспективы развития	273
<i>A. V. Sapronov.</i> Russia-Singapore Relations at the Current Stage: Relevant Problems and Prospects	
<i>Серин П. А.</i> Переписи населения и этническая политика в современной Индонезии	278
<i>P. A. Serin.</i> Censuses and Ethnic Politics in Modern Indonesia	
<i>Смирнова Н. В.</i> О китайских переселенцах в Юго-Восточной Азии в первой трети XIX века.	282
<i>N. V. Smirnova.</i> About Chinese Settlers in Southeast Asia in the First Third of the XIX Century	

Соколов А. А. Как начиналось отечественное вьетнамоведение: Ленинград, 1930-е годы	290
A. A. Sokolov. How the Vietnamese Studies Began in Soviet Union: Leningrad, 1930s	
Травкин П. С. Особенности развития армии в Индонезии	295
P. S. Travkin. Special Features of the Development of the Indonesian Army	
Фролова М. В. Роман «Красота наносит раны» «индонезийского Маркеса» Эки Курниавана как постмодернистский <i>садуран</i>	301
M. V. Frolova. Beauty is a Wound by “Indonesian Márquez” Eka Kurniawan as a Postmodern <i>Saduran</i>	
Харитоновна А. М. Реформы Петра Великого и императора Мэйдзи как один из идейных стимулов вьетнамского национально- освободительного движения конца XIX — начала XX вв.	305
A. M. Kharitonova. Reforms of Peter the Great and Meiji Emperors as Ideological Factor of National Liberation Movement at the End of the XIXth and the Beginning of the XXth Centuries	
Kharitonova A. M. The Historical States of the Eastern Indochina in the Woodcut “Illustrated Tributaries of the Qing Empire”.	309
Яковлева Е. А. К вопросу о периодизации политической истории Лаоса.	311
E. A. Yakovleva. The Phases of the Political Evolution of Laos	
Янковская А. А. Каро-батакские ткани в коллекциях МАЭ и современной Индонезии.	315
A. A. Iankovskaia. Karo Batak Textiles in the Collections of the Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) and in Contemporary Indonesia	
Bui Thi Thao. The Sunnylands Declaration (2016) and the US — ASEAN Relations in Early Decades of the Twenty-First Century.	322
P. Charoenpacharaporn. Circumventing the Cold War divisions: Thailand and India in the South-to-South Diplomatic Space	337
Le Thi Qui Duc. Religious Factor in the Traditional Educations in Southeast Asian Countries: Study the Cases of Vietnam, Malaya and Burma	354
Le Vu Truong Qiang, Duong Quang Hiep. Behavioural Manner of Political Subjects in the Southeastern Asian Region to the Invasive and Colonized Process of Western Countries.	355
Nguyen Huu Phuc. British Educational Policy in Malaysia and the Netherlands in Indonesia from the Last Half of the 19th Century to the First Half of the 20th Century: Some Similarities	369

<i>Nguyen Thi Vinh Linh</i> . The Educational Policy of the British Colonial Government for Indigenous Malays and the Educational Policy of the French Colonial Government for Vietnamese People (during the late 19th and early 20th centuries) — a Comparative research . . .	383
<i>Nguyen Tuan Binh, Le Minh Chinh</i> . Southeast Asia in the Strategic Competition Between the U.S. and China in the Context of Two Decades of the Early 21st Century	385
<i>Nguyen Tuan Binh, Nguyen Huu Thien Phuc</i> . The National Reform Movement at Some Southeast Asian Countries from the Second Half of 19th Century — a Case Study of Burma, Siam and Vietnam	386
<i>Tran Thi Mai An</i> . Water Worship in Southeast Asian Countries.	388
<i>Tran Thi Que Chau</i> . The Role of the Chinese for the Formation and Development of Southeast Asia's Trade Center in the Sixteenth and Seventeenth Centuries: Case Study of Manila.	389

Адрова И. С.

(Институт стран Азии и Африки МГУ им. М. В. Ломоносова,
Москва, is.adrova29@gmail.com)

ЭКОНОМИКА ИНДОНЕЗИИ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

Аннотация: *Возрастающая роль Республики Индонезии как важного экономического и политического игрока в регионе все больше вызывает интерес к этой развивающейся стране Юго-Восточной Азии. За последние 75 лет государство претерпело существенные преобразования и вопреки всем потрясениям последних десятилетий, включая тяжелейшие последствия Азиатского кризиса 1997–1998 гг., Индонезия смогла встать на путь устойчивого экономического роста. Удастся ли крупнейшей экономике Юго-Восточной Азии противостоять новому внешнему шоку — пандемии COVID-19 и надвигающемуся мировому экономическому кризису? Эффективность мер, которые сегодня предпринимаются правительством страны, во многом определяют дальнейшую модель развития Индонезии в условиях нового мироустройства.*

Ключевые слова: *индонезийская модель, пандемия, меры поддержки экономики, экономический рост, антикризисные меры*

Пандемия COVID-19 изменила облик мира. Широкое распространение новой коронавирусной инфекции стало причиной не только человеческих жертв, но и привело к ухудшению социально-экономической обстановки практически во всех странах

мира. МВФ прогнозирует спад мировой экономики в 2020 г. на 3 % — гораздо более серьезный, чем во время мирового финансового кризиса 2009 г. [World Economic Outlook, 2020: 1].

Вместе с тем, влияние внешнего шока, который затронул практически весь мир, способствует формированию новых моделей социально-экономического развития стран и фактически отражает подходы к тому, как государства будут выстраивать отношения в новом мироустройстве. Как справедливо отмечает профессор, доктор экономических наук В. А. Мельянцев, «современная эпоха весьма противоречива. Но при всех проблемах и трудностях она интересна тем, что в социально-политической практике многих стран, происходит смена парадигм от более жестких и не всегда реалистичных моделей, к более органичным, учитывающим сложность и неоднозначность процессов роста и развития в эпоху сверхбыстрых скоростей» [Мельянцев, 2009; с. 5: 2].

Для Индонезии, крупнейшей экономики Юго-Восточной Азии¹, распространение коронавирусной инфекции COVID-19 стало серьезной угрозой поддержания устойчивого экономического роста.

До объявления пандемии прогнозы экспертов и правительства страны относительно роста ВВП Индонезии в 2020 г. были довольно оптимистичны (5,1–5,5 %). Согласно новому базовому сценарию экономического развития, в 2020 г. экономика Индонезии вырастет лишь на 2,3 %, что станет самым низким показателем с 1999 г. (в 2019 г. рост ВВП составил 5,02 %). Правительство также не исключает и пессимистический сценарий развития событий, при котором ВВП сократится на 0,4 %, при этом стоимость национальной валюты будет колебаться в диапазоне от 17500 до 20000 индонез. рупий за один долл. США, что станет историческим минимумом (ниже обменного курса индонез. рупии, зафиксированного во время Азиатского финансового кризиса 1998 г.). По оценкам правительства страны, до 3,78 млн индонезийцев пере-

¹ В 2019 г. ВВП Индонезии составил \$1,1 трлн.

шагнут порог бедности, а 5,2 млн человек могут потерять работу в период пандемии.

В конце февраля 2020 г., еще до введения широкомасштабных мер по ограничению социальной активности, с целью смягчения возможных негативных экономических последствий правительство Индонезии анонсировало *первый пакет мер* по стимулированию экономики на общую сумму 10,3 трлн индонез. рупий (\$725 млн). Комплекс мер был направлен прежде всего на поддержку туристического сектора, который одни из первых почувствовал на себе надвигающийся кризис в отрасли. На тот момент согласно официальной статистике, в Индонезии не было зафиксировано еще ни одного случая заболевания COVID-19¹. Следует отметить, что по количеству иностранных туристов, ежегодно посещающих Индонезию, граждане Китая были на втором месте после малайзийцев. В стоимостном выражении туристическая отрасль Индонезии ежегодно получала в среднем \$2,8 млрд благодаря турпотоку из КНР.

В рамках первого комплекса мер правительством было выбрано 10 приоритетных туристических регионов Индонезии: г. Джокьякарта и г. Маланг (пров. Восточная Ява), г. Манадо (пров. Северный Сулавеси), о. Бали, территория Мандалика (о. Ломбок пров. Западная Нуса Тенгара), Лабуан-Баджо (пров. Восточная Нуса Тенгара), острова провинции Бангка-Белитунг, о. Батам и о. Бинтан (пров. Риау), а также районы Северной Суматры, относящиеся к рекреационной зоне озера Тоба. Владельцы отелей, гостиниц и ресторанов, расположенных в данных регионах, были освобождены от уплаты налогов в течение следующих шести месяцев. Из Специального фонда распределения (Dana Alokasi Khusus — DAK) 96,8 млрд индонез. рупий (\$6,7 млн) направлены в региональные правительства под гранты и развитие собственной туристической индустрии.

На фоне резкого сокращения туристического потока из-за рубежа, правительством Индонезии была предпринята попытка стимулировать внутренний туризм. С этой целью авиакомпаниям

¹ О первом подтвержденном случае заражения коронавирусной инфекцией (COVID-19) в Индонезии было объявлено 2 марта 2020 г.

и туроператорам была выделена финансовая поддержка на общую сумму 443,4 млрд индонез. рупий (около \$30,6 млн). В период с марта по май 2020 г. решено на 20–30 % снизить цены на авиаперелеты по 10 приоритетным направлениям.

13 марта 2020 г. был представлен второй пакет стимулирующих мер для экономики, направленный на поддержку внешней торговли, а также физических и юридических лиц, пострадавших от пандемии коронавируса. На реализацию данного комплекса мер из бюджета выделено 120 трлн индонез. рупий (\$8,1 млрд).

Следует отметить, что Китай является крупнейшим торговым партнером Индонезии¹. Перебои в поставках товаров из КНР (в связи с принятыми мерами по ограничению распространения COVID-19), в том числе сырья и полуфабрикатов для промышленности, повлияли на работу большинства индонезийских предприятий. Так, например, заводы по производству пластмасс, текстиля и стали используют от 20 до 30 % сырья, которое закупается в Китае. По данным Центрального статистического управления Индонезии (BPS) в феврале 2020 г. импорт из Китая снизился на 35,3 % по сравнению с аналогичным периодом 2019 г. и составил \$2 млрд. Между тем, экспорт в Китай составил \$1,9 млрд, увеличившись на 21,5 %.

Однако несмотря на сложную экономическую конъюнктуру на внутреннем и внешних рынках, Индонезии удалось не только сохранить объемы экспорта, но даже увеличить. В феврале 2020 г. ненефтегазовый экспорт вырос на 16 % по сравнению с аналогичным периодом 2019 г., составив \$13,3 млрд. В то время как импорт сократился на 8 % и составил \$9,1 млрд. Таким образом, сальдо торгового баланса за февраль 2020 г.² было положительным и составило \$3,5 млрд. Основным экспортером индонезийской продукции стал Китай.

¹ В 2019 г. китайский импорт в Индонезию (не нефтегазового сектора) в стоимостном выражении составил 44,5 млрд долл. США — данные Центрального статистического управления Индонезии (BPS).

² Без учета продукции нефтегазового сектора.

В условиях пандемии большое внимание правительством Индонезии уделяется поддержке микро-, малых и средних предприятий (ММСП), как основного драйвера экономического роста страны. В Индонезии насчитывается более 60 миллионов ММСП, на долю которых приходится 60 % ВВП страны. Принято решение о снижении ставки налога на прибыль с 25 до 22 % в 2020–2021 гг. и до 20 % начиная с 2022 г., а также предоставлении предприятиям ММСП субсидий на частичное покрытие выплат по кредитам. За счет государственного финансирования процентная ставка по кредитам предприятий ММСП будет сокращена на 2–6 процентных пункта. Кроме того, они получают отсрочку по погашению задолженности на шесть месяцев.

31 марта 2020 г. президент Индонезии Джоко Видодо объявил о дополнительном выделении еще *405,1 трлн индонез. рупий (\$24,63 млрд)*, из которых 150 трлн индонез. рупий — на реализацию программы по восстановлению экономики, которая включает в себя реструктуризацию кредитов и финансирование малого и среднего бизнеса, 75 трлн индонез. рупий — на поддержку здравоохранения, 110 трлн индонез. рупий — на систему социальной защиты граждан и 70,1 трлн индонез. рупий — на налоговые льготы и кредиты для предприятий.

Таким образом, на конец апреля 2020 г. общая сумма денежных средств, выделенных из бюджета Индонезии на борьбу с COVID-19 и смягчение последствий надвигающейся экономической рецессии (с учетом двух пакетов мер и дополнительно выделенных средств) составила около *36,5 млрд долл. США* — примерно 3 % годового ВВП Индонезии.

Ожидается, что в 2020 г. дефицит бюджета возрастет до 5,1 % ВВП (852 трлн индонез. рупий — около 55 млрд долл. США), перешагнув законодательно установленные ограничения в 3 % ВВП¹.

¹ Другие страны тоже прогнозируют увеличение дефицита бюджета. Так, например, согласно оценкам экспертов, Малайзия столкнется с дефицитом бюджета в размере около 4,5 % ВВП, что превысит показатель 2019 г., равный 3,4 % ВВП.

Имея ввиду данное обстоятельство, 31 марта 2020 г. президентом было подписано Постановление правительства (Perppu) №1/2020¹ «О государственной финансовой политике и стабильности финансовой системы для борьбы с распространением коронавирусной инфекции COVID-2019 и/или для противодействия угрозам, наносящим ущерб национальной экономике и/или стабильности финансовой системы». Документ затрагивает вопросы бюджетирования и финансирования (определение порога дефицита бюджета, корректировка обязательных сумм расходов из госбюджета, возможности использования государственных облигаций и т. д.) и дает основания для осуществления перераспределения финансирования, вносит поправки в систему налогообложения (изменение ставки подоходного налога, налоговых режимов в отношении компаний, занимающихся онлайн-торговлей, продление сроков по исполнению налоговых обязательств, предоставление стимулов для предприятий-экспортеров и т. д.).

Принятое Постановление дает юридическое основание для увеличения порогового значения дефицита бюджета за рамки ранее установленного ограничения в 3 % ВВП. Президент Дж. Видодо заявил, что к 2023 г. государственный бюджет вернется к нормальному состоянию, и верхняя граница по дефициту будет снижен до 3 % ВВП. Министр финансов С. Мульяни в свою очередь подчеркнула, что в течение ближайших трех лет восстановления экономики правительство обеспечит максимальную прозрачность госбюджета, чтобы сохранить доверие населения к фискальной и монетарной политике.

Для покрытия растущего дефицита запланированы различные формы финансирования. Вполне очевидно, что спад в производстве ряда отраслей, ухудшение бизнес-активности на фоне мер по ограничению распространения COVID-19, а также отсрочки по налоговым платежам предвещают существенное снижение налоговых поступлений в бюджет. Ожидается, что государственные

¹ Peraturan Pemerintah Pengganti Undang-Undang (Perppu) tentang Kebijakan Keuangan Negara dan Stabilitas Sistem Keuangan

расходы увеличатся на 3 % до 2,6 кватрлн индонез. рупий (около \$167 млрд), в то время как доходы снизятся на 21 % до 1,7 кватрлн индонез. рупий (\$109 млрд).

С целью финансирования экономики в период борьбы с пандемией COVID-19 и ее последствиями на первых этапах правительство планирует использовать накопленные ранее финансовые резервы на сумму 70 трлн индонез. рупий (\$4,5 млрд), а также средства целевого фонда образования на сумму 60 трлн индонез. рупий (\$3,8 млрд). При этом, С. Мульяни отметила, что в долгосрочной перспективе данных накоплений будет недостаточно.

Для получения дополнительного финансирования обозначено 3 основных источника:

- Выпуск долговых ценных бумаг.

Правительство Индонезии приняло решение выпустить государственные долговые бумаги — «пандемические облигации» на общую сумму 449 трлн индонез. рупий (\$28,7 млрд), в результате чего государственный долг в 2020 г. утроится и составит 1 кватрлн индонез. рупий (\$64 млрд). 6 апреля 2020 г. правительство Индонезии выпустило долговые обязательства с самым длительным в истории выпуска долговых ценных бумаг в Индонезии сроком — на 50 лет.

- Иностранные займы.

Индонезия планирует получить финансирование от Всемирного банка, Азиатского банка развития и Азиатского банка инфраструктурных инвестиций на общую сумму около \$7 млрд.

- Целевая денежная эмиссия.

Безусловно, каждый из вариантов несет свои риски.

При этом, по мнению экономистов, отношение госдолга Индонезии к ВВП в 2020 г. не превысит 60-процентный потолок и составит примерно 34–35 % (в 2019 г. — 29,8 %).

Эксперты прогнозируют различные сценарии дальнейшего развития ситуации. Если индонезийская рупия продолжит быстро обесцениваться, экономика Индонезии может войти в долговой кризис (кризис суверенного долга) в связи с тем, что резервы иностранной

Asian Currency Exchange Rate to USD (ytd)

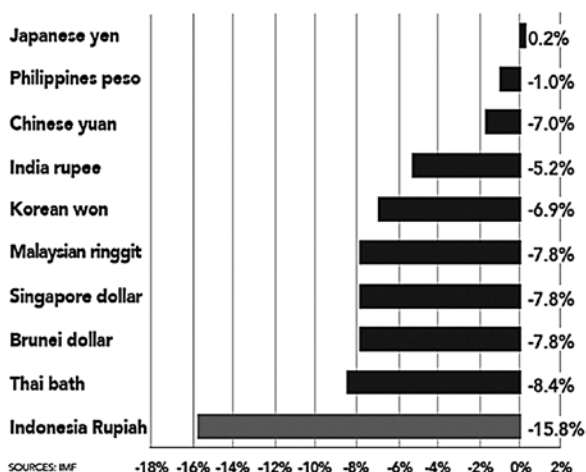

Рис. Снижение курсов валют азиатских стран по отношению к доллару США с февраля по март 2020 г., %

Источник: International Monetary Fund, <https://www.imf.org/external/index.htm>

валюты Центрального банка будут исчерпаны. Отток капитала в начале 2020 г. привел к ослаблению индонез. рупии до уровня 16 000 индонез. рупий за доллар США. С начала года индонез. рупия ослабла на 15,8 % и по сравнению с другими азиатскими валютами была одной из тех, которая наиболее сильно пострадала в период с февраля до середины марта (рис.).

Существует и противоположное мнение, согласно которому будет происходить стабильное восстановление, как только пиковый период кризиса будет преодолен.

Пожалуй, пока еще рано давать однозначные оценки тому, как будет складываться ситуация в экономике Индонезии в ближайшие годы — страна втянута в воронку глобального кризиса. Однако именно в сегодняшних непростых условиях возник мощный импульс для реформирования национальной системы образова-

ния и здравоохранения, развития цифровых технологий, создания эффективных институтов и инфраструктуры. Наметив путь к восстановлению, Индонезия также стремится улучшить и свой инвестиционный климат, разрабатывая новые налоговые режимы, которые будут соответствовать передовым международным практикам. Цифровая экономика Индонезии, которая до кризиса уже развивалась, вероятно, будет играть существенную роль после пандемии, станет одним из ключевых факторов создания рабочих мест и экономического роста.

Литература

1. Мельянцева В. А. Развитые и развивающиеся страны в эпоху перемен: (сравнительная оценка эффективности роста в 1980–200 гг.). Моск. Гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Ин-т стран Азии и Африки. М.: Ключ-С, 2009. 2016 с.
2. World Economic Outlook, April 2020: The Great Lockdown — <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2020/04/14/weo-april-2020>.
3. Independent Observer Jakarta-Indonesia: COVID-19 COLLATERAL DAMAGE.
4. Independent Observer Jakarta-Indonesia: THE INDONESIA COVID-19: In face of a 3 dimensional crisis, Yusuf Rendy Manilet — <https://observerid.com/indonesia-to-pump-idr-405-trillion-into-economy-amid-covid-19>.
5. Independent Observer Jakarta-Indonesia: Indonesia to pump IDR 405 Trillion into economy amid COVID-19.
6. The Jakarta Post: Indonesia must handle digital tax with care — <https://www.thejakartapost.com/news/2020/05/11/indonesia-must-handle-digital-tax-with-care.html>.
7. THE JAKARTA POST: Govt scraps plan to issue \$30b worth of «pandemic bonds» — <https://www.thejakartapost.com/news/2020/05/11/govt-scraps-plan-issue-30b-worth-pandemic-bonds.html>.
8. THE JAKARTA POST: Explainer: BI to throw lifeline to Indonesia's economy to fight COVID-19 — <https://www.thejakartapost.com/news/2020/04/01/explainer-bi-to-throw-lifeline-to-indonesias-state-budget-to-fight-covid-19.html>.
9. THE JAKARTA POST: Indonesia announces Rp 405 trillion COVID-19 budget, anticipates 5 % deficit in historic move — <https://www.thejakartapost.com/news/2020/03/31/indonesia-announces-rp-405-trillion-covid-19-budget-anticipates-5-deficit-in-historic-move.html>.

I. S. Adrova (*Institute of Asian and African Studies,
Lomonosov Moscow State University, Moscow, is.adrova29@gmail.com*)

INDONESIA'S ECONOMY DURING THE COVID-19 PANDEMIC

Abstract: *The increasing importance of the Republic of Indonesia as one of the key political and economic players in the region attracts the attention of researchers. Despite upheavals over recent decades including the devastating impact of the Asian Financial Crisis of 1997–1998, Indonesia has managed to embark on a path of sustained economic growth. Will the largest economy of South-East Asia be able to cope with new challenges as the COVID-19 pandemic and the upcoming global economic crisis? The effectiveness of government policies will largely determine the Indonesian model of economic development in the new world order.*

Keywords: *Indonesia's model, pandemic, economic policies, economic growth, anti-crisis measures.*

Андреева В. А.

(Институт языкознания РАН, Москва, valandr@gmail.com)

НОВЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ В СОВРЕМЕННОМ ВЬЕТНАМСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация: *Статья посвящена новым фразеологическим единицам, появившимся во вьетнамском языке в период с 1980-х годов до настоящего времени. Источниками пополнения фразеологического фонда вьетнамского языка являются активная неологизация на исконно вьетнамской почве и процесс заимствования из других языков. Рассматриваются различные модели образования фразеологических неологизмов, трансформация уже существующих фразеологизмов, создание фразеологизмов на основе фонетических принципов, а также путем цитирования художественных произведений, телепередач, рекламных слоганов и т. п.*

Ключевые слова: *вьетнамский язык, фразеология, фразеологический неологизм*

В настоящее время процесс появления новых фразеологических единиц является одним из наиболее активных процессов в развитии фразеологического фонда многих национальных языков, в том числе вьетнамского. Новая фразеология является неотъемлемой частью фразеологической подсистемы. Анализ и систематизация новых фразеологических единиц — важнейшая задача лингвистики, имеющая непосредственное практическое применение.

Среди исследователей существуют различные точки зрения на вопрос, какие лексические и фразеологические единицы следует относить к категории новых и какими критериями при этом руководствоваться. В нашем исследовании мы принимаем следующее определение фразеологического неологизма Петербургского фразеологического семинара, сформулированное В. М. Мокиенко: «Фразеологические неологизмы — это не зарегистрированные толковыми словарями современных литературных языков устойчивые экспрессивные обороты, которые либо созданы заново, либо актуализированы в новых социальных условиях, либо образованы трансформацией известных прежде паремий, крылатых слов и фразем, а также сочетания, заимствованные из других языков» [цит. по Вальтер 2011: 17]. Однако при этом следует учитывать, что критерий лексикографической неотмеченности лишь отчасти применим к современному вьетнамскому языку, поскольку во Вьетнаме на данный момент отсутствуют специальные словари фразеологических неологизмов. Некоторое количество новых фразеологических единиц было зафиксировано в вышедшем в 2002 году Словаре новых слов вьетнамского языка [Từ điển từ mới tiếng Việt 2002], а также в дополненном современной лексикой издании Словаря вьетнамского языка [Từ điển tiếng Việt 2000] и в Словаре вьетнамского языка Лексикографического центра Vietlex [Từ điển tiếng Việt 2007]. Новым фразеологическим единицам посвящены некоторые статьи вьетнамских исследователей, в частности: «О новых устойчивых выражениях в коммуникации вьетнамцев» Чан Ван Тиенга [Trần Văn Tiếng 2009], «Новые фразеологизмы молодежи с лингвокультурологической точки зрения» До Тхюи Чанг [Đỗ Thùy Trang 2017] и др.

Что касается выбора временных параметров при определении фразеологической неологии, то большинство исследователей определяют новизну фразеологических новообразований относительно предшествующего периода, условно взятого за точку отсчета, до момента описания. Довольно распространена и другая точка зрения, согласно которой новыми считаются слова

и фразеологизмы, образованные или вошедшие в активное употребление «на памяти применяющего их поколения» [Головин 1966: 91]. В нашей работе мы взяли за точку отсчета начало восьмидесятых годов XX века, что во многом обусловлено внеязыковыми причинами, когда в общественно-политической жизни, экономике, социально-культурной сфере жизни вьетнамского общества произошли кардинальные изменения. Радикальный характер произошедших изменений (объединение двух частей Вьетнама, преодоление послевоенных экономических трудностей с помощью дотационно-распределительной системы, переход к рыночной экономике, политика открытых дверей, глобализация) привел к активизации динамических процессов во вьетнамском языке, явился мощным стимулом обновления его лексического и фразеологического состава. В отличие от обновления лексики, обновление фразеологического состава языка не находится в прямой зависимости от необходимости обозначения появившихся новых реалий, понятий и явлений действительности, а во многом связано с активной потребностью назвать и оценить политические и экономические процессы и явления средствами вторичной косвенной номинации. Как отмечает Х. Вальтер, «для фразеологической неологии легко отметить предпочтение уже номинированных семантических полей, которые потребовали в речи новой экспрессии» [Вальтер 2011: 18].

Говоря о фразеологическом фонде вьетнамского языка, мы включаем в него такие традиционные единицы, как в первую очередь тханьгы (готовые выражения, идиомы), тукнгы (пословицы), устойчивые сравнения, крылатые выражения (*danh ngôn*), а также устойчивые обороты, обозначающие новые политические, социальные, научно-технические и другие реалии, многие из которых образованы по типу калькирования.

Источниками пополнения фразеологического состава вьетнамского языка являются активная неологизация на исконно вьетнамской почве и процесс заимствования из других языков. Новые фразеологические единицы образуются путем метафоризации,

метонимического переноса, детерминологизации словосочетаний, трансформации уже существующих фразеологизмов, а также цитирования художественных произведений, телепередач, рекламных слоганов и т. п.

Среди традиционных фразеологических единиц вьетнамского языка наиболее многочисленную группу составляют тханьгы и тукнгы *параллельной структуры*, построенные на принципах грамматического, лексико-семантического и фонетического параллелизма. Во фразеологических единицах данного типа наблюдается гармоничное сочетание тонов и их закономерное чередование, широко используется рифма и ритмическая организация сочетаний. Новые фразеологические единицы параллельной конструкции также обладают вышеперечисленными признаками. Например: *trên nóng dưới lạnh* («верх горячий, низ холодный») верхи отдают распоряжения, а низы не выполняют (семантическое противопоставление *trên* «верх» — *dưới* «низ», *nóng* «горячий» — *lạnh* «холодный»); *chân dài não ngắn* («ноги длинные, мозг короткий») красивые девушки глупы, безмозглая красавица (противопоставление *chân* «ноги» — *não* «мозг», *dài* «длинный» — *ngắn* «короткий»); *chán cơm thèm phở* («надоел рис, хочется супа «фо»») изменять законной жене (мужу), гулять на стороне (одинаковая синтаксическая структура, противопоставление состояний *chán* «надоело» — *thèm* «хочется» и блюд вьетнамской кухни *cơm* «вареный рис» — *phở* «суп фо»); *đầu đội áp suất chân đi bàn là* «на голове скороварка, на ногах утюги» привезти много товаров на продажу в эпоху дефицита (грамматический параллелизм, заключающийся в однотипном синтаксическом построении звеньев фразеологизма, лексико-семантический параллелизм, заключающийся в нахождении в одном семантическом поле связанных попарно слов из двух звеньев: *đầu*, *chân* — части тела человека *đội*, *đi* — носить на теле, надевать на тело, *áp suất*, *bàn là* — предметы обихода). Как и в традиционных фразеологизмах, в новых фразеологических единицах применяется закономерное чередование ровных и неровных тонов, часто присутствует контактная и дистантная рифма: *nhà mặt phở*

bố làm to («дом фасадом на улицу (что благоприятно для торговли, бизнеса), отец занимает высокий пост» завидный жених, завидная невеста (контактная рифма *phố* — *bố*), *hy sinh đời bố cùng cố đời con* («пожертвовать жизнью отца, чтобы укрепить жизнь детей» принести в жертву свою жизнь ради материального благополучия детей (обычно о коррупции) (дистантная рифма *bố* — *cố*); *nhất muối tiêu nhì Việt kiều* «первое — волосы с проседью (зрелый мужчина), второе — вьетнамец из-за рубежа (добившийся там материального успеха)» предпочтительный кандидат в мужа, любовники (дистантная рифма *tiêu* — *kiều* с интервалом в две морфемы), и т. п.

Новые фразеологические единицы *непараллельной структуры* строятся по разнообразным традиционным моделям словосочетаний и предложений: *mì không người lái* «лапша без пилота» лапша без мяса; *người đẹp dao kéo* «красавица ножа и ножниц» красавица благодаря пластической хирургии; *muỗi đốt inox* «комар кусает сталь» ничтожные попытки нанести ущерб более сильному; *hạ cánh an toàn* «благополучно приземлиться» спокойно, без скандала уйти на пенсию, избежав наказания (о коррупционерах и т. п.); *buồn như mất số gạo* «опечаленный, будто потерял продовольственную книжку» очень расстроенный, печальный (во времена дотационно-распределительной системы продовольствие во Вьетнаме распределялось по карточкам, и потеря продовольственной книжки означала голод для семьи). Во фразеологизмах этого типа также часто присутствует семантическое *противопоставление*: *phì công trẻ lái máy bay bà già* «молодой пилот управляет старым тихоходным самолетом» муж намного младше жены; *рифма: thủ kho to hơn thủ trưởng* кладовщик важнее, чем начальник; *ba số năm vừa nằm vừa ký* «три пятерки и лежат, и подписывают» сигареты «555» помогают получить нужную подпись (в эпоху дефицита считалось, что если оставить на столе начальника пачку престижных сигарет «555», возрастают шансы, что он подпишет искомый документ); *аллимет-пация: thắng thắn thật thà thường thua thiệt* правдивые и честные обычно остаются в убытке; удвоение компонентов: *năm ăn năm thua* «пять выиграть, пять проиграть» пятьдесят на пятьдесят, фифти-

фифти; либо пан, либо пропал; *игра слов: sanh toàn quốc* «суп одна страна» (игра слов: quốc — страна, синоним nước — страна, омоним nước — вода) суп — одна вода, пустой суп.

Семантика новых фразеологических единиц отличается значительным разнообразием, однако, как представляется, преобладают в основном негативно окрашенные семантические поля (обман, коррупция, воровство, взяточничество, бюрократия, глупость и т. п.).

В последние годы широкое распространение в современном вьетнамском языке получило такое явление, как переделка традиционных фразеологических единиц, их трансформация в своего рода шуточные, иронические антиподы хорошо знакомых традиционных фразеологизмов. Трансформированные фразеологические единицы намеренно опровергают либо высмеивают устоявшиеся общественные стереотипы, создают юмористический эффект, отражают новое видение традиционных сторон жизни. Особенно популярно данное явление в молодежной среде. Трансформация происходит путем изменений в компонентном составе фразеологических единиц — замене компонентов, сокращении либо расширении компонентного состава. Например, традиционная единица: *có công mài sắt có ngày nên kim* «если точить железо, в один прекрасный день получится иголка» трансформируется в единицу *có công mài sắt có ngày chai tay* «если точить железо, в один прекрасный день на руках образуются мозоли». Или: *khôn ba năm đại một giờ* «умная три года, глупая один час» (о женщине, которой приходится расплачиваться за минутную слабость) — *khôn ba năm đại một giờ. Biết vậy đại sớm khỏi chờ ba năm* «умная три года, глупая один час. Если бы знать, поглупела бы раньше, чтобы не ждать три года».

Новая тенденция во фразеологическом творчестве носителей вьетнамского языка, в частности молодежи, — создание новых фразеологических единиц, построенных исключительно на фонетических принципах и парадоксальности образа. Например: *buồn như con chuồn chuồn* «печальный (грустный), как стрекоза» очень грустный, как в воду опущенный (рифма buồn — chuồn), *chán như*

con gián «скучный, как таракан» очень скучно, тоска смертная (рифма *chán* — *gián*), и т. п.

Еще один источник пополнения фразеологического фонда — цитирование, когда фраза из известной песни, интервью, телепередачи, сериала, стихотворения, рекламного ролика становится воспроизводимой, устойчивой и целостной единицей, вызывая в сознании носителей языка образы и сюжеты цитируемого произведения. Например: *mình thích thì mình làm thôi* хочу и делаю; делай то, что хочется (фраза из интервью известного певца Шон Тунга); *xách ba lô lên và đi* взять рюкзак и поехать; отправиться в путешествие, путешествовать (название книги девушки-путешественницы Хюйен Тьип); *về nhà đón Tết, gia đình trên hết* поехать домой встречать Новый год — семья превыше всего (рекламный слоган компании-производителя растительного масла «Нептун») и т. п.

С процессами языковой глобализации и формированием глобальной информационной среды связано появление во вьетнамском языке фразеологических неологизмов иноязычного происхождения, образованных в основном по типу фразеологического калькирования. Основная масса такого рода оборотов и идиом заимствуется из английского языка. Приведем некоторые примеры: *chảy máu chất xám* утечка мозгов, *ngoại giao con thoi* челночная дипломатия, *giáo chủ áo xám* серый кардинал, *đường dây nóng* горячая линия, *chiếc dù vàng* золотой парашют, *mỹ nổi xanh* голубые береты, *con vịt què* хромая утка, *ánh sáng cuối đường hầm* свет в конце туннеля, *bật đèn xanh* дать зеленый свет, *bỏ tất cả trứng vào một giỏ* класть все яйца в одну корзину, *cái gì cũng có giá của nó* все имеет свою цену.

На рубеже веков, в период с 1980-х годов до нашего времени, фразеологический корпус вьетнамского языка обогатился множеством новых фразеологических единиц, как возникших на национальной почве, так и заимствованных. Представляется чрезвычайно актуальным лексикографическая фиксация и описание фразеологических неологизмов, анализ способов их образования и структурно-семантических особенностей.

Литература

1. Вальтер Х. Лексические и фразеологические неологизмы: общее и различное // Мир русского слова. 2011. № 2. С. 11–19.
2. Головин Б. Н. Общее языкознание. М., 1966.
3. Đỗ Thùy Trang. Thành ngữ mới giới trẻ nhìn từ đặc điểm ngôn ngữ — văn hóa // Tạp chí Khoa học — Đại học Huế. 2017. Tập 126, № 6A, tr. 125–141.
4. Trần Văn Tiếu. Về những cụm từ cố định mới hình thành trong giao tiếp của người Việt // Ngôn ngữ và đời sống. 2009. № 4, tr. 1–6.
5. Từ điển tiếng Việt / Hoàng Phê chủ biên. In lần thứ bảy. Trung tâm từ điển học. Hà Nội — Đà Nẵng, 2000.
6. Từ điển tiếng Việt / Hoàng Phê, Hoàng Thị Tuyền Linh, Vũ Xuân Lương v.v. Trung tâm từ điển học Vietlex. NXB Đà Nẵng, 2007.
7. Từ điển từ mới tiếng Việt / Chu Bích Thu chủ biên. Viện Ngôn ngữ học. NXB Tp. Hồ Chí Minh, 2002.

V. A. Andreeva (*Institute of Linguistics,
the Russian Academy of Sciences, Moscow, valandr@gmail.com*)

NEW PHRASEOLOGICAL UNITS IN THE MODERN VIETNAMESE LANGUAGE

Abstract: *The article is devoted to new phraseological units that appeared in the Vietnamese language during the period of the 1980s to the present. Sources of replenishment of the phraseological fund of the Vietnamese language are active neologization on the original Vietnamese soil and the process of borrowing from other languages. Various models of the formation of phraseological neologisms, the transformation of existing phraseological units, the creation of phraseological units based on phonetic principles, as well as by citing works of art, television programs, advertising slogans, etc. are examined.*

Keywords: *Vietnamese language, phraseology, phraseological neologism.*

Атнашев В. Р.

(Северо-западный институт управления РАНХиГС,
Санкт-Петербург, atnashev-vr@ranepa.ru)

ЧАМСКИЙ АКАЯТ «ДЕВА МАНО»: ЛИТЕРАТУРНЫЕ И РЕЛИГИОЗНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Аннотация: В докладе рассматриваются особенности одного из главных произведений малоизученной литературы чамов. Термин акаят, как и основной сюжет «Дева Маню» заимствованы из средневековой малайской литературы (хикаят «Дева Манду»), однако чамские варианты существенно отличаются от малайских. Приводится краткое содержание «Дева Маню», дана характеристика его жанровых и стихотворных особенностей, проводится сравнение с малайским источником. Влияние ислама в чамском тексте проявляется в меньшей степени, что можно объяснить влиянием религиозного синкретизма чамов. «Дева Маню» имеет все основания считаться национальной эпопеей.

Ключевые слова: Чампа, хикаят, малайский, ислам, мифология

Происхождение акаята. Источником этого произведения считается малайский хикаят «Дева Манду». Имеется шестнадцать рукописей «Дева Манду», известного на Малайском полуострове, на Суматре и Риау, Калимантане и Сулавеси [Chambert-Loir 1988: 99].

Рассмотрим основные известные варианты «Дева Маню». Первый печатный текст акаята появился в 1971 г. под названием «Руох Дуах». Его подготовили к печати Ж. Муссэ и группа чамских исследователей. Через три года, в 1974 г., он был перепечатан

с некоторыми исправлениями в первом номере «Собрания чамских рукописей» [Moussay 1974]. Это было первое издание чамской средневековой поэмы полностью на *акхар тхрах* (традиционный вид чамского письма) с читабельным шрифтом и списком замеченных опечаток.

В 1977 г. еще один вариант был опубликован Муссэ в Париже, и также это было первое исследование «Дева Мано» [Moussay 1975]. В 1982 г. в сборник «Чамские поэмы», выпущенный ханойским издательством «Культура», был включен вьетнамский перевод акаята под названием «Хоа Но», однако в нем не был указан источник и отсутствовали ссылки на оригинал. Не удивительно, что в этом переводе имеются большие расхождения с другими обнаруженными вариантами «Дева Мано». Тем не менее 10 лет спустя, в 1992 г., Данг Нгием Ван перепечатал «Хоа Но» в третьем томе «Сборника литератур национальных меньшинств Вьетнама» [Dang 2002].

В CPB чамский стихотворный текст (в транскрипции) с вьетнамским переводом и примечаниями, а также с ссылками на другие варианты, был впервые опубликован только в 1994 г. чамским поэтом и писателем Инрасарой [Inrasara 1994].

На основе данного издания далее и рассмотрим **основные вехи сюжета**:

1. Отец Дева Мано, Курамараджа, имеет божественное происхождение. Это небожитель, «посланный на землю, чтобы править страной Сри Инра».

2. Трудности при рождении составляют завязку сюжета: в малайской версии главный герой рождается от второй жены короля без согласия королевы. Дева Мано, напротив, — сын королевы и наследный принц, но его рождение возможно только после смерти короля-отца. Курамараджа увидел вещий сон, смысл которого ему растолковал астролог: у короля родится сын, но затем умрет, поскольку так на роду написано. Единственный способ сохранить ребенку жизнь — это согласие Курамараджи оставить этот мир.

3. Недостача в чамском тексте — поиски Дева Мано своего отца. Когда Дева Мано подрос, то захотел узнать о своем отце,

и мать все ему рассказала. Дева Мано решил найти Курамараджу и пустился в путь вместе со своим верным другом Ангкар ом.

4. Первый подвиг героя. В лесу Дева Мано встречает превращенную в слониху принцессу по имени Ратна Тяхья Сри Бийонг, которую заколдовал отвергнутый ее отцом жених — раджа Самылек. Дева Мано вернул девушке прежний облик и вернул ее домой, в страну Бирунгангдару, по пути одержав победу над войсками Самылека.

5. Двойная свадьба Дева Мано. Отец спасенной принцессы, король Суаро Ганлига, выдал ее замуж за героя, а чуть позже и свою племянницу Палинган Тяду.

6. Уход Дева Мано из дома жены. Мать Ратны через дочь устроила проверку зятю — Дева Мано догадался об этом и, обидевшись, тайно покинул дворец вместе с Ангкар ом. По пути они встречают джинна Сангги, который подчинился Дева Мано. Жены тем временем следуют за Дева Мано, и Ратна просит прощения за недоверие своей матери.

7. Мечь Самылека. Раджа Самылек после семилетних занятий магией в горах собирает армию и вступает в бой с Дева Мано. Волшебные стрелы Самылека превращаются в двух огненных драконов и уносят Дева Мано и Ангкара в море.

8. Третий брак Дева Мано. Джинн Сангги спасает обоих юношей и приносит их во владения короля Куратьо Рагамалы, где Дева Мано женится на принцессе Лима Гираккасе, а Ангкар — на ее сестре Тон Рамай. Вскоре Лима Гираккаса родила сына, которого называли Патра Курама.

9. Возвращение в Бирунгангдару и женитьба на Сапатандеви. Джинн Сангги сообщил, что первая жена Дева Мано, Ратна, готова покончить собой, так как ее домогается Самылек. Сангги, Дева Мано и Ангкар немедленно прибывают во дворец Ратны. Там они обнаруживают сестру Самылека, Сапатандеви, которую тот прислал, чтобы Ратне не было скучно. Сапатандеви полюбила Дева Мано и попросила разрешения остаться с ним. После некоторых сомнений он согласился и сообщил Самылеку, что женится на его сестре.

10. Коварство Самылека. Самылек по совету своего дяди, раджи Докараванны, пригласил к себе на пир в знак примирения Дева Мано и Ангкара и отравил их. Однако благодаря покровительству высших сил, злодей не смог лишить их жизни — они только находились без сознания.

11. Освобождение Дева Мано и его женитьба на Джотне. Самылек решил, что лучше всего сделать так, чтобы Дева Мано забыл обо всем, поэтому он передал двух друзей принцессе-волшебнице Джотне. Она вернула их к жизни, но приворожила Дева Мано взглядом. Однако Ангкар успел воззвать к джинну Сангги, и тот вызволил Дева Мано и лишил колдовской силы Джотну. Она же попросила принца взять ее с собой как жену.

12. Сражение и гибель Самылека. Дева Мано вернулся в Бирунглангдару, куда вскоре прибыл и Самылек, намереваясь захватить жен Дева Мано. Произошла жестокая битва, и по прошествии многих дней Дева Мано удалось убить Самылека.

13. Воскрешение Самылека и суд Всевышнего. Рыдания Сапатандеви по погибшему брату достигли небес, и Бог приказал воскресить Самылека. Между Дева Мано и Самылеком начался новый бой, который они вели в воздухе, под водой и под землей. Тогда Всевышний вызвал противников к себе на суд. Узнав, в чем причина конфликта, он создал копию принцессы Ратны и передал ее Самылеку. Затем все вернулись по домам.

14. Триумфальное возвращение Дева Мано на родину. Пробыв некоторое время в Бирунглангдаре, Дева Мано, Ангкар и их жены прибыли на родину, в Сри-Инру. Спустя некоторое время по его приказу была изготовлена золотая книга с рассказом о приключениях принца. Дева Мано взшел на престол, а Ратна стала королевой. Потом семья Дева Мано простилась с джином Сангги, который вернулся домой.

Поэтическая форма произведения. Акаят «Дева Мано» написан в чамской поэтической форме *ария*, где можно выделить строфы¹.

¹ Инрасара называет эти строфы *люкбат* (вьет. *шесть-восемь*), по аналогии с вьетнамским стихотворным размером.

Каждая строфа состоит из 14 стоп в трех стихах (чам. *kaneng pandit*): в первом, как правило, шесть стоп (первая строка), во втором и третьем — по 4 стопы. Классический тип характеризуется наличием в многосложных словах силового ударения, в результате чего количество слогов в строке может быть разным, как в «Дева Мано».

В чамской литературе немало примеров выразительности, образности, много гипербол, особенно в мифах и акаятах, сравнений, параллелизмов. Ярким примером использования средств гиперболы могут служить примеры из акаята «Дева Мано»: описание дворца и крепости принцессы Ратны с гигантской горой и морем внутри; описание дальних стран или битвы между Дева Мано и Самылеком.

Акаят «Дева Мано» является одним из самых популярных у чамов произведений, независимо от религиозной принадлежности (к исламу Бани или к индуизму). Чамы верят, что «Дева Мано» был ниспослан свыше, а не был создан людьми. В акайте бросаются в глаза мифические мотивы и эпизоды, имеющие все-ленский масштаб. Часть из них отражают некоторые **особенности религиозного мировоззрения чамов**.

1. Король Курамараджа, отец Дева Мано, — не кто иной, как «сын Бога, посланный на землю». Такое божественное происхождение короля должно быть абсолютно понятно чамам, учитывая существование в Чампе культа Дева-раджи. Ведь и чамские короли, реальные исторические лица, считались воплощением Шивы (или Вишну). Например, По Клонг Гарай или По Роме.

2. В конце произведения Всевышний (чам. *Debithroh* или *Bhodarha*) выступает в роли Верховного судьи, обеспокоенного происходящим на земле. Однако он вовсе не является всеведущим, поскольку только плач Сапатандеви по убитому брату привлёк его внимание, а позже ему понадобилось расспросить Дева Мано и Самылека о причине их конфликта. Такой образ вполне соответствует представлениям индуистов и буддистов (например, китайцев и вьетнамцев).

3. Касаясь сцены воскрешения Самылека, можно связать ее с древним культом умирающих и воскресающих божеств: вероятно, Самылек — чамская транскрипция малайского Dewa Raksa Malik, то есть Короля демонов. Его смерть представляется своего рода жертвоприношением, которое в сочетании с рыданиями Сапатандеви должно привлечь внимание небес. Тем более, что в тексте говорится о том, как вслед за слезами сестры Самылека «поток хлынул с неба».

4. Несмотря на то, что под командованием Самылека находились ракшасы, другие демоны, только подземные, разогнали его войско, придя на помощь Ангкару и Дева Ману (это стало возможным, однако, только благодаря джинну Сангги, помощника и спасителя главного героя). Возможно, это не просто фантазия автора, но отражение представлений о подземном царстве, которое, как правило, является миром темных сил.

5. Поскольку одним из главных персонажей является Джин Сангги, наделенный огромной магической силой, и первая часть его имени, как и подземных демонов, происходит от арабского *jinn*, то вполне вероятно влияние мусульманской демонологии на малайский хикаят «Дева Манду».

6. Очень интересно описание королевства Ганунгсалапанг, имевшего собственные солнце и луну, которые управлялись богами-гигантами: «Солнце, луна, дождь и ветер были созданы благодаря магии». Здесь мы имеем дело с совершенно отдельной моделью как бы одного мира в другом. Представление же о богах или духах, имеющих определенные функции, является, несомненно, языческим и отражает архаичные формы мировоззрения.

7. Другой волшебной страной является Гренггах, столица которого находилась в пасти дракона. Не совсем понятно, каких размеров достигало чудовище, по тому, что «его разинутая пасть доставала до середины неба», можно было поместить в дракона и всю страну.

8. Незначительное влияние ислама в акайте проявляется в следующем. Большое значение для героев имеет пятница — *джамыат*

(чам.), выходного дня и дня коллективной молитвы у мусульман. Именно в пятницу «все собрались» (во дворце), и тогда была представлена книга о подвигах Дева Мано. Также именно в пятницу родился Дева Мано — в строках об этом упоминается имя Аллаха:

Аллах велел, чтобы отца [на земле] заменил сын,
И в пятницу Руннаранга Тяхья родила сына...

Таким образом, Аллах, несмотря на предсказание астрологов, согласно которому сын Курамараджи должен был умереть в младенчестве, оставил Дева Мано жить и избрал лучший день, пятницу, для рождения принца.

Мифологические мотивы. В «Дева Мано» мы в изобилии находим мотивы, свойственные мифам. Например, описание битвы между Дева Мано и Самылеком: «Битва продолжалась семь дней и ночей, и никто не мог взять верх. Дева Мано и Самылек сражались в пучине моря еще семь дней и ночей, от чего бесчисленное множество рыбы и крабов погибло.

Затем Дева Мано и Самылек превратились в двух гигантских драконов и бились уже под землей еще три дня и три ночи, и от этого горы обламывались и земля содрогалась... Противники взмыли в воздух — их мечи, ударяясь друг от друга, производили гром и молнии и сотрясали небо и землю. Поднялся ураган, небо потемнело так, что было непонятно, где день и где ночь. Весь мир пришел в хаос».

Или вот как говорится в стихотворном тексте о гневе Самылека: «Страшно разгневавшись, он топнул ногой — метеориты посыпались, горы обрушились...» О Дева Мано перед боем: «Яркое сияние осветило все небо: держа в руке волшебный меч, Дева Мано взлетел на белом коне».

Среди волшебных атрибутов героев видим летающие диск, лодку и скамью, волшебные меч, стрелы, финиковые пальмы и др. Кроме того, несколько раз упоминается меч с именем Лакураба и просто «волшебный меч».

Примечательно одно из заметных различий между малайским и чамским сюжетами — число жен главного героя. Если у Дева Манду четыре жены, то у Дева Мано — пять, что никак не противоречило индуистским обычаям. Согласно малайскому тексту, Дева Манду знакомится с принцессой-волшебницей, когда у него уже есть четыре супруги, то есть максимальное число жен, разрешенных в исламе. Эта принцесса околдовала Дева Манду, заставив все забыть. Дева Мано же согласился взять Джотну с собой в качестве пятой жены.

В одном из эпизодов «Дева Мано» находим типично чамскую деталь, отсутствующую в хикайте: перед лицом опасности жены Дева Мано готовы умереть вслед за мужем. Известно, что в Чампе даже в конце XVI в. практиковался индуистский обычай *sami* (самоожжения вдов) [Manguin 1979: 269, 273].

Наконец, по-разному складывается судьба главного антагониста героя: если Дева Ракса Малик (малайский текст) был убит и похоронен, то Самылек (чамский текст) после смерти воскрешается Богом и, в конце концов, примиряется с Дева Мано.

Таким образом, создатели акаята настолько хорошо приспособили малайский «Дева Манду» к восприятию чамов, что герои, несмотря на имена иностранного происхождения, считаются настоящими местными представителями. По этой причине современные чамы не без оснований видят в акаяте «Дева Мано» национальную эпопею.

Литература

1. *Chambert-Loir H.* Notes sur les relations historiques et littéraires entre Campa et monde malais / Actes du seminaire sur le Campa. Paris, 1988. P. 95–107.
2. *Manguin P.-Y.* L'introduction de l'Islam au Campa. Paris, 1979.
3. *Moussay G.* Khảo lục nguyên cáo Chăm, Akayet Dewa Muno, Trung tâm văn hóa Chăm, Phan Rang, 1974.
4. *Moussay G.* Akayet Devamano. Paris, 1975.
5. *Đặng, Nghiêm Vạn.* Tổng tập văn học các dân tộc thiểu số Việt Nam. Đà Nẵng, 2002 (переиздание).
6. *Inrasara.* Văn học Chăm. TP. HCM, 1994.

V. R. Atnashev (North West Institute of Management, RANEPa,
St. Petersburg, vatnash@hotmail.com)

CHAM AKAYET “DEVA MANO”: LITERATURE AND RELIGIOUS SPECIFICS

Abstract: *The report discusses features of one of the main literature works of Chams of East Indochina that is poorly studied. The plot of “Dewa Mano” is borrowed from the Malay literature (Hikayat “Dewa Mandu”). The author gives a brief summary of the Dewa Mano’s plot, characteristics of its genre and poetic features, and compares it with the Malay original version. The influence of Islam in the Cham text appears to a lesser extent, that can be explained by the influence of the Cham religious syncretism. “Dewa Mano” has every ground to be considered a national epic.*

Keywords: *Champa, Hikayat, Malay, mythology, Islam*

Бакланова Е. А.

(Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова, Москва, baklanova@gmail.com)

РЕАЛИЗАЦИИ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПЕРЕХОДА В ЗАИМСТВОВАНИЯХ ТАГАЛОГА

Аннотация: В работе рассматриваются семантические изменения в заимствованиях тагалого (тагальского языка) с точки зрения теории семантических переходов Анны А. Зализняк. На материале ряда заимствований из санскрита, малайского, испанского языков обсуждаются типы семантических переходов, реализуемых в заимствованиях тагалого (ТЯ). Примеры реализаций перехода в ТЯ сопоставляются с реализациями из разных языков, представленными в «Базе данных семантических переходов» (DatSemShifts) [Zalizniak Anna A. et al. 2020].

Ключевые слова: заимствование, семантический переход, тагалог, филипино, языковой контакт

Словарный состав тагалого (тагальского языка, в качестве государственного именуемого «филипино») характеризуется наличием нескольких контактных слоев лексики, образовавшихся под влиянием таких языков, как южнокитайские диалекты, санскрит, малайский, арабский (и др. восточные), испанский (вкл. испано-мексиканский слой), и с нач. XX в. по настоящее время — английский [подроб.: Baklanova 2017: 327–332]. Заимствованиям в тагалог посвящен целый ряд исследований, в первую очередь, касавшихся

ассимиляции инолексем, а также языковой интерференции [см. напр., Goulet 1971; Francisco 1973; Wolff 1973, 1976; Yap 1980; Alcántara 1999; Baklanova 2004; Potet 2016, и др.]. Значительные слои иноязычной лексики в тагалоге, вкупе с влиянием английского языка в синхронии, представляют богатый материал для исследования семантических переходов (по Анне А. Зализняк).

Понятие «семантического перехода» определяется как факт совмещения в пределах одного слова двух концептуально смежных значений (синхронная полисемия, или семантическая эволюция) [Зализняк 2013: 32–33]. В «Базе данных семантических переходов» [Zalizniak Anna A. et al. 2020], созданной группой ученых ИЯз РАН под руководством Анны А. Зализняк, представлены типы реализаций семантических переходов, выявленные на материале различных языков (в т.ч. 60 примеров из тагалога). Нашей целью, в отличие от известных нам исследований ассимиляции заимствований в тагальском языке, является рассмотрение типов семантических переходов, реализуемых в заимствованиях тагалога (далее — ТЯ). Для удобства сопоставления примеров реализаций семантического перехода в ТЯ с реализациями, представленными в «Базе данных семантических переходов», для нашей пары лексем мы предлагаем формулировку перехода, уже имеющуюся в Базе, а если такая реализация не представлена, собственный вариант (следуя формату Базы, на английском языке).

Из предложенных Анной А. Зализняк пяти типов семантического перехода — 1) синхронная полисемия; 2) диахроническая семантическая эволюция; 3) морфологическая деривация; 4) когнаты; 5) заимствование [Зализняк 2013: 33–34] — релевантными для нашего анализа мы полагаем типы 3, 4 и 5.

Морфологическая деривация (В — значение морфологического деривата слова, имеющего значение А, либо наоборот, морфологический дериват имеет значение А [Zalizniak Anna A. 2018: 774]).

Этот тип довольно сложно выявить в синхронии, особенно на материале ранних заимствований (малаизмов, санскритизмов,

китаизмов). К реализациям данного типа перехода можно, по-видимому, отнести следующие примеры изменения семантики у дериватов заимствований:

‘jewelry, precious’ > ‘decoration, ornament’:

мал. *mote* ‘жемчуг’ (< скр. *mutya* ‘жемчужина’ [M-W: 822]) > таг. *pala-muti* ‘украшение; орнамент’

‘pity’ > ‘waste’:

таг. *sayang* ‘жаль!’ (< мал. *sayangnya* «жаль!») > *sayang-in* (и др. глаг. формы) ‘напрасно тратить’.

Когнаты.

В классификации семантических переходов эта категория описывает значения А и В, принадлежащие двум родственным языкам. В ТЯ представлен несколько иной переход — между испано-английскими «ложными» когнатами, усвоенными ТЯ (*false cognates* [Wolff 1973]). Вследствие массового англо-филиппинского билингвизма с XX в. наблюдается феномен взаимовлияния испанизмов и англоязычной лексики в ТЯ [Baklanova 2004: 107]. В частности, семантика целого ряда лексем английского языка романской этимологии влияет на семантику однокоренных им испанизмов, уже усвоенных в ТЯ. Происходит семантический переход от исходного значения испанизма к значению его англоязычного «когната», обычно с сохранением исходного значения испанизма, что приводит к расширению семантики:

исп. *impacto* «удар, столкновение» > таг. *impakto* ‘столкновение; злой дух, призрак’ + ‘воздействие’ (< англ. *impact*);

исп. *bomba* [< исп. *bomba* ‘насос; бомба’] > ‘насос; бомба’ + ‘звезда порно’ (< англ. *sex bomb*).

Займствование (иностранный слово со значением А в языке-источнике приобретает значение В в заимствующем языке).

Этот тип семантического перехода широко представлен в ТЯ, т. к. большое число иноязычных лексем, ассимилированных в ТЯ (особенно ранних), претерпели изменение значения в реципиенте. Ряд реализаций могут дополнить семантические переходы, представленные на материале других языков в «Базе данных семантических переходов», например, обратный переход к представленному в ней ‘blacksmith’ > ‘wizard/ be wise, crafty’) [DatSemShifts: #2667]:

‘wise’ > ‘blacksmith’

скт. */paṇḍita/* ‘мудрый, знающий; ученый, философ, и т. п.’ [M-W: 580] > мал. *panday* ‘эксперт; ремесленник’ [Blust, Trussel 2016], таг. *panday* ‘кузнец’.

К переходу ‘power, authority’ > ‘sentence (by a court)’ [DatSemShifts: #3862] в ТЯ представлен другой переход -

‘order, arrangement’ > ‘sentence (by a court)’:

мал. (*h*)*atur* ‘расположение, порядок’ > таг. *hatol* ‘приговор, вердикт’ [Blust, Trussel 2016].

В «Базе» имеется переход ‘answer’ > ‘be responsible for’ [DatSemShifts: #2313], в тагалого представлен иной переход:

‘weight, load’ > ‘be responsible for’:

скт. */bhāra/* ‘доля, ноша; вес, груз; тяжелая ноша; работа’ [M-W: 753] > мал. *bahara* ‘мера веса (ок. 180 кг)’ > таг. *bahala?* ‘[груз] ответственности’;

В заимствованиях ТЯ представлены и другие переходы, не отраженные пока в «Базе», например:

‘rank’ > ‘group’:

мал. *pangkat* «ранг, образец» (< скт. */paṅkti/* «ряд, линия чего-то; коллекция, собрание» [M-W: 574]) > таг. *pangkat* «отрезок; группа (людей)»;

‘power, might’ > ‘threat’:

скт. *bala* ‘сила, мощь’ [М-В: 722] > таг. /*bála?*/ ‘угроза, предупреждение’ (ср. мал. *bala* ‘катастрофа, несчастье’, индон. ‘военные силы’);

‘count word, numeral’ > ‘smaller count word, numeral’:

мал. *juta* ‘миллион’ (от скт. /*niyuta*/ ‘очень большое число, миллион’ [М-В: 552]) > таг. *yuta?* ‘сто тысяч’.

Заемствования разных типов в ТЯ представляют богатый материал для дальнейшего исследования семантических изменений в языке, а также пополнения Каталога семантических переходов.

Литература

1. *Зализняк А. А.* Семантический переход как объект типологии // Вопросы языкознания, № 2, 2013. С. 32–51.
2. *Alcántara T. A.* Mga Hispanismo sa Filipino (Batay sa Komunikasyong Pangmadla ng Filipinas: Pag-aaral Lingguwistiko). Quezon City: UP Diliman, 1999.
3. *Baklanova E.* Interference in Tagalog as a Result of Borrowing // Pilipinas. A Journal of Philippine Studies, No 42, 2004. Pp. 95–116.
4. *Baklanova E.* On contact-induced changes in modern tagalog: A case study / Межцивилизационные контакты в странах Юго-Восточной Азии: исторические перспективы и глобализация. Сборник статей, под ред. А. К. Оглоблина, Р. А. Янсона, С. Ю. Дмитренко. Санкт-Петербург, 2017. С. 329–359.
5. *Blust R., Trussel S.* Austronesian Comparative Dictionary (ACD), web edition, rev. 2016. Available at: www.trussel2.com/ACD. Accessed on April, 2020.
6. *Chan Yap G.* Hokkien Chinese borrowings in Tagalog. Canberra: Australian National Univ., 1980.
7. *DatSemShifts — Zalizniak A. A. et al.* Database of Semantic Shifts in the Languages of the World (DatSemShift), web edition. 2020. Available at: <http://datsemshift.ru/shifts>. Accessed on May, 2020.
8. *Goulet R. M.* English, Spanish and Tagalog: A Study of Grammatical, Lexical and Cultural Interference // Philippine Journal of Linguistics, Special Monograph Issue, № 1, July, 1971.
9. *Francisco J. R.* Sanskrit Loanwords in the Philippine Languages / Readings in Philippine Linguistics, ed. by A. Gonzalez, T. Llamzon, Fe Otones. Manila: Linguistic Society of the Philippines, 1973. Pp. 678–736.

10. M-W — *Monier-Williams M.* (ed.) *A Sanskrit-English Dictionary*, [reprint]. Delhi, 1997.
11. *Wolff J.* The character of borrowings from Spanish and English in the languages of the Philippines // *Journal of Philippine Linguistics*, No 4(1), 1973. Pp. 72–81.
12. *Wolff J.* Malay Borrowings in Tagalog / *Southeast Asian History and Historiography. Essays, presented to D. G. E. Hall, ed. by C. D. Cowan and O. W. Wolters.* Othaca and London, 1976. Pp. 345–367.
13. *Potet J.-P. G.* Tagalog Borrowings and Cognates. Raleigh: Lulu Press, 2016.
14. *Zalizniak A. A.* The Catalogue of Semantic Shifts: 20 Years Later // *Russian Journal of Linguistics*, 2018, 22 (4). Pp. 770—787.

E. A. Baklanova (*Lomonosov Moscow State University Moscow,*
baklanova@gmail.com)

REALIZATIONS OF SEMANTIC SHIFT IN TAGALOG BORROWINGS

Abstract: *The paper investigates semantic changes in sample Tagalog borrowings with the perspective of the “semantic shift” theory by Anna Zalizniak (2013). Some Sanskrit, Malay and Spanish loanwords are given to illustrate different types of semantic shift realized in Tagalog borrowings. The cases of the shift are compared with the cross-linguistic data of the DatSemShift web catalogue [Zalizniak Anna A. et al. 2020].*

Keywords: *borrowing, loanword, semantic shift, Tagalog, Filipino, language contact*

Банит С. В.

(Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, sbanit@yandex.ru)

ЭЛЕМЕНТЫ ЯВАНСКОЙ И ЗАПАДНОЙ КУЛЬТУРЫ В РОМАНЕ «РАХВАЯНА» СУДЖИВО ТЕДЖО

Аннотация: *В статье рассмотрен современный роман, содержащий элементы яванской культуры. Обращение к традициям вызвано желанием сохранить культуру, показать ее востребованность обществом. Автор отразил традиции и современность во взаимодействии и взаимопроникновении, подвергнув их творческому переосмыслению и приблизив их к современному читателю. Яванское общество знает и хранит свою культуру, воспринимая элементы западного образа жизни.*

Ключевые слова: *современная индонезийская литература, яванская культура, западная культура, ваянг, традиции.*

Индонезийская литература развивалась как литература на индонезийском языке, опирающаяся на многообразную культуру (разнообразие стилей, персонажей, мифологии, социальных, политических и культурно-этнических явлений). Опора на традицию долго была ее основой, авторам было сложно оторваться от корней многовековой культуры, а потому новые идеи часто выражались старыми средствами, с использованием элементов сказок, легенд, мифов, хикаятов, шаиринов, пантунов, гуриндамов, мочопата, тамбо. Элементы региональных культур, как, например, культуры

минангкабау, можно было увидеть в романах «Сити Нурбая», Марах Русли, 1922, «Неправильное воспитание», Абдул Муис, 1928, «Утонул корабль ван дер Вьяк», Хамка, 1938.

Последовавшие за тем отказ от традиций и возврат к истокам повторялись не раз, но возврат зачастую реализовывался за счет включения описания элементов культуры и простого названия. Связь с традицией на официальном уровне выражалась в использовании образов и имен героев мифов (названия поездов, компаний, военных судов).

Стремительное технологическое развитие и относительное выравнивание в области потребления материальных благ, втягивание миллионов жителей небольших городов и сел в большие города внесло изменение и в культуру индонезийского общества. В конце XX века влияние большого города на традиционную культуру оценивалось как сугубо негативное, разрушительное, связи с ней ослабевали. Развлекательность культуры стала довлеющим фактором, угрожающим полным распадом традиции. Литература стремилась к обновлению в западном духе, в желании не отстать от модных современных тенденций, и традиционное при этом сохранялось как нечто мало заметное.

Однако, как показывают последние тенденции в литературе, общество не готово отказаться от традиционной культуры и верований. Авторы пошли по пути «духовной деколонизации», возвращаясь к основам традиционной культуры. Но в этом для них важно не копирование традиционной культуры, а ее новое осознание, переоценка [Брагинский, Современ. Инд. Проза, с. 567].

Волна центростремительного движения к общеиндонезийской культуре пошла на спад, возродился интерес к локальным культурам, к возвращению к истокам. Он проявляется не столько в писании на местных языках, которое также присутствует (батакские поэты, переложения каба минангкабау, яванская проза), но и в восприятии элементов традиционной культуры в новых обстоятельствах. Авторы в стремлении сохранить локальную культуру и при этом обратиться ко всей индонезийской

нации используют синтез, как инструмент создания новой культурной реальности.

В 1980-х и начале 1990-х гг. романисты вдохновлялись местной культурой, делая ее фоном своих произведений. В трилогии «Танцовщица из деревушки Парук» представлена местная культура региона Баньюмас: маленькая деревушка, не затронутая современными изменениями в культуре, обществе, политике, вера местных жителей в духов, твердая приверженность старым порядкам, проституция как часть традиции ронггенг (танец). Обращение к традиционной культуре, к старине в то время использовалось, чтобы скрыть истинное отношение к современности, когда власть жестко использовала цензуру для контроля за произведениями, угрожающими безопасности и нарушающими порядок в обществе. В таких условиях авторы предпочли обратиться к жизни глубинки. О яванской культуре написали Линус Сурьяди А. Г. («Вероисповедание Парийем», 1981), Умар Каям («Смиренная», «Бавук», 1875, «Аристократы», 1992), Ахмад Тохари («Танцовщица из деревушки Парук», 1982), Мангунвиджайя («Дурга/Умайи», 1991), поэт Рендра; о мадурской — поэт Д. Замави Имрон («Мадура, я твое море», 1978, «Золотой серп», 1980, «Моя подушка — волна, мое одеяло — ветер», 1996); о балийской — Ока Русмини (роман «Сагра», 1996, рассказ «Резчик», 2000) и Путу Виджая («Когда сгущается тьма», 1972). Элементы локальной культуры Сурабаи можно встретить в сборнике рассказов Шоима Анвара «Последняя женщина», описывающего лудрук (традиционное музыкально-танцевальное представление) и его историю.

Второй причиной такого обращения стало желание возродить местные культуры, привлечь внимание общества к разнообразию и богатству национальной культуры. Третья причина — противостояние современной массовой обезличенной культуре, в которой невозможно увидеть национальные особенности.

Народы Индонезии, особенно яванцы, остаются огромным этническим массивом, фактически не поддающимся этническому

размыванию. Яванцам присуще стремление к утверждению собственной национальной самобытности, нередко скрытое за приверженностью идее общендонезийской нации. Именно поэтому особенный интерес представляет литература этнических яванцев, как самого большого этноса Индонезии, этноса с многовековой письменной традицией, этноса, оказывающего самое большое влияние на культуру Индонезии, этноса, с которым в массовом сознании ассоциируется вся Индонезия.

Новый социальный феномен индонезийской литературы — новое выражение культуры и традиции через процесс творческого переосмысления. Ситуация анализа и оценки усложняется наличием местных языков, родных для индонезийских авторов, что неизбежно находит отражение в произведениях, и не только на уровне лексики, но и на уровне синтаксиса и фразеологии. Часто отсутствие в индонезийском языке средств для передачи реалий, концепций и идей заставляет авторов включать слова местного языка в текст, обогащая таким образом словарный запас индонезийского языка. Эта билингвильность и мультилингвильность авторов известна: например, Бокор Хутасухут использовал в своих стихах батакские слова (самый выдающийся пример — роман «Дурга/Умайи» Мангунвиджайи, где он использовал яванский язык с местными особенностями, опирался на его синтаксис, что привело к созданию идиолекта).

Важным элементом, который необходимо отразить в литературе, является понимание обществом окружающего мира, жизненная философия, переданная предками. Поэтому авторы стремятся адаптировать традиционную мифологию, как квинтэссенцию народной мудрости, в новой литературе, согласно новым потребностям читателя и слушателя.

Использование традиционных мифов и образов в современной литературе уже изучено М. В. Фроловой в работе «Яванская мифология в современном индонезийском романе Буди Сарджоно «Ньяи Роро Кидул — богиня Южных морей» и В. В. Сикорским на примере романа Айю Утами «Число Фу». Использованная в романе

ремифологизация не является новым приемом для индонезийской литературы, его использовал в 1935 году Нур Сутан Искандар в романе «Богиня джунглей», показывая, как восприятие легенд и верований жителей Северной Суматры преломилось в современном обществе и какое влияние они оказывают на повседневную жизнь.

Обычным для современной литературы является включение неизменных культурных и литературных элементов, образов и мотивов в текст: описание церемоний, постановок ваянга, стихотворные вставки (пантуны, шаиры, гуриндамы — особенно характерны для произведений первой половины XX века). Однако на переработку (*pencernaan*) и переосмысление решается редкий автор.

Судживо Теджо родился в Джембере 31 августа 1962 года. Учился в Бандунгском технологическом институте (на двух направлениях: математика и гражданское строительство), но ушел ради карьеры в мире искусства. Во время учебы он был голосом институтского радио, играл в студенческой театральной студии, собрал коллектив Лудрук (музыкально-танцевальная драма); был главой отдела кукловодов в объединении танцевального и музыкального искусства ИТБ. Восемь лет проработал журналистом в газете «Компас», потом стал писателем, далангом (кукловод теневого театра ваянг). Теджо был режиссером, актером театра и кино. В 1999 году Теджо взял на себя инициативу создания Сообщества далангов с целью придать новое дыхание ваянгу в жизни современного общества.

Как даланг, он разрушил много традиционных стандартов, например, его Равана стал положительным персонажем (герой, защищающий чистоту и на касающийся Синты), а Пандавы не всегда поступали правильно. Он избегает разделения мира на черное и белое. Он призывает зрителей «вспоминать будущее», потому что о нем можно узнать, оглянувшись в прошлое, туда, где корни индонезийской культуры. Он начал сочинять свои собственные лаконы (сюжеты ваянга), дебютом стал лакон «Семар улыбается» (1994). Теджо показал 13 эпизодов ваянга кулит Рама-

яна на образовательном канале индонезийского телевидения (TPI) в 1996 году, за ними последовали постановки «Сожженная Синта» и «Бисма пал» (*Shinta Obong, Bisma Gugur*).

Теджо стремится привлечь внимание к культурным корням, поднять их на новую высоту, но не быть при этом консервативными, переработать их творчески, так чтобы они стали понятны и близки современному читателю и зрителю и не казались замшелой стариной. Использует ваянг и музыку, приправляя их политической сатирой, что привлекает зрителей (в том числе подростков) к традиционному театру.

В романе «Рахваяна» (от Равана и Рамааяна) Судживо Теджо представил элементы яванской культуры (погребальная церемония, Панггир в свадебной церемонии, касание земли Тедак Сити) как часть повседневной жизни, современный ритуал. Культура здесь — позиция, мышление, верования, поступки; она — результат установления обществом правил, порядка, ценностей. Все, что делает человек, определено этим порядком. Чтобы донести свои мысли, человек может использовать разные способы: непосредственно сказать, передать знаками и символами, смысл может быть донесен элементами культуры. И это не только представление какого-то смысла, но и борьба за донесение этого смысла. Автор, создающий произведение, отражающего культуру, не только отражает действительность, как и жизнь общества, но и формирует ее.

Судживо Теджо — человек с глубоким пониманием культуры, использует ее элементы в творческом процессе. Его «Рахваяна» — повесть современного ваянга, источником которой стала «Рамааяна», история о принце государства Айодья по имени Раден Рама Виджая, который победил в соревновании женихов и получил в жены красавицу Деви Синту, дочь Прабу Джанаки, правителя государства Мантили. А правитель Аленгки, Прабу Рахвана, влюблен в Деви Видовати. Он считал, что Синта — это потомок Деви Видовати, о которой он мечтал.

Уникальность повести «Рахваяна» состоит в том, что, опираясь на традиционную культуру, Теджо создает постмодернистское

произведение, используя приемы современной литературы. Его герои Рахвана и Синта живут в разные эпохи: иногда в прошлом, иногда в современности, оба они используют смс-ки и мессенджеры, Синта может жить во времена Клеопатры (76, здесь и далее цифры в скобках означают страницу текста романа по изданию 2014 года), во времена завоевания Вавилона (83), она может присутствовать на первой постановке «Отверженных» (91). Рахвана также может жить во времена Одри Хэпберн (77), присутствовать на официальном открытии Бурдж Дубай (самая высокая башня мира), здание в 169 этажей (23).

В этом романе сплелись Запад и Ява, герои живут в разных эпохах и странах, автор использует популярный сюжет ваянга, адаптированный из индийских эпосов Рамаяна и Махабхарата. Ваянг, неотъемлемая часть культуры Индонезии, смешался с местными легендами и историей, яванцы считают, что истории ваянга имели место на Яве. Это и станет мерой анализа представления яванской и западной культуры, как инструмента донесения смысла в повести. Западная культура представлена свободным стилем жизни, мысли, поступков, которые ставят на первое место дисциплину. Аккультурация западной и яванской культуры в повести, включая свободу секса, стиля жизни, свободный стиль одежды, является важным для автора вопросом.

Героям большинства произведений Судживо Теджо не только дает имена героев ваянга (мифов), но они и являются этими героями, перемещенными по авторской воле в современный мир, так что реалии прошлого и нынешнего времен перемешиваются. Для современного яванца (индонезийца) в этом нет ничего удивительного, потому что они живут в мире, наполненном мифологией, руководствуясь понятиями мифологического сознания, следуя традициям предков. Для иностранного читателя произведения Теджо представляют сложно организованный текст, для прочтения и понимания которого нужно знать не только мифологию и историю региона, но и быть знакомым с традициями, верованиями и суевериями.

Рассмотрим некоторые элементы яванской жизни и культуры, включенные автором в его роман, это аскеза, мантры, свадебная и погребальная церемонии, церемония первого касания земли. Жители деревни, услышав крик младенца, все вместе бросаются на поиски и помощь, побросав свои дела; в этом проявляется готонг-ройонг, обычай предусматривающий не только взаимопомощь, но и взаимную заботу между жителями общины. Они на перемышке заливных рисовых полей обнаружили девочку, чтобы принять ее в общину, ей надо дать имя, и Прабу Джанака совершал аскезу, чтобы дать имя младенцу. Древняя традиция совершения аскезы проводится для получения желаемого, например, Арджуна совершал аскезу, чтобы заполучить волшебное оружие. *«У меня есть свидетели серьезности аскезы Прабу Джанак до того, как он дал тебе имя. Как он ограничил себя в еде и питье, чтобы получить вдохновение и выбрать тебе соответствующее имя»* (6).

«Сри Рату снова потеряла сознание, на самом деле, больше, чем потеряла сознание. И как велело учение предков о смерти, оба слуги отправились в сад, чтобы собрать цветы розы, жасмина, гамбира и иланг-иланга. Все цветы сплели в тремя ветками алое» (10). Здесь описан яванский обычай плести венки из цветов для прощальной церемонии. Цветы имеют философское значение: аромат защищает от предков.

Жизнь яванца наполнена церемониями (они и сейчас проводят сламетан («общинный пир») в переходные моменты жизненного цикла [Гирц, с. 172]), религиозными практиками и связанными с ними небольшими ритуальными действиями: яванцы сопровождают начало многих действий произнесением заклинаний, имен богов или мантр. Мантры призваны придать человеку сил, чтобы он мог управлять своими желаниями и органами чувств, удерживая себя от плохих поступков и преступлений. Настоящие яванцы, произнося мантру перед каждым поступком, таким образом, настраивают себя на правильное, достойное поведение. *«В этот момент Прабу Сумали Раджа Аленга получала наставление Sastrajendra Hayuningrat Pangruwating Diyu* от Реси Висравы.

Это было поучение, а именно, мантра, божественная мантра, как условие того, что мужчина возьмет в жены Сукеси» (25).

Традиция рассказывать сказки перед сном — часть яванской культуры. Родители обычно рассказывают детям традиционные сказания, используя для этого традиционную поэзию тембанг. «Я хорошо спал тогда, когда отец или мать ложились со мной в кровать и рассказывали мне сказки. Гладили меня при этом по голове. Их колыбельной мантрой были сказки, хикаяты, рубайи и прочее» (33). *«Часто ночами перед рассветом в доме на сваях горели свечи. Сова тосковала по луне. Я слушал, как Триджата рассказывал сказки Синте, то были яванские песни тембанг»* (122).

Яванские похороны не сопровождаются рыданиями, они представляют собой сдержанное прощание, направленное на то, чтобы поскорее закончить и не упиваться горем [Гирц, с. 179], родные испытывают чувство спокойной скорби, а соседи — чувство общинной гармонии, которая проявляется в проведении сламетана. *«Если житель умирает, то его семья и друзья не плачут, но они и не смеются. Тела хоронят, сжигают или опускают в море. Но никто не плачет. Друзья и гости только говорят «**Hum pin pah alaiyum gambreng**». В Нусантаре так выкрикивают дети, шутя и играя. В Локапале это значит: пришел от бога, вернулся к богу»* (37). Эти слова описывают обычай Локапалы, места, где живет Рахвана, когда человек умирает, то близкие и члены общины говорят эту фразу.

В яванской культуре много разных мифов, здесь представлен миф о небольших птичках приниях, живущих рядом с человеком. Яванцы ухаживают за приниями и считают, что начинают щебетать без умолку, когда к дому приближается гость, если перед домом или справа от него, то гость несет добрые вести, а если позади или слева, то новости дурные. Если приния подает голос, то это знак, что почтальон несет письмо. *«Моя сестра Супия, я прошу перевести, что говорят принии. — Эй, Рахвана, зачем я летаю перед твоим домом, если нет почтальона, стучащего в ворота, принесшего розовые письма от Синты? — так говорят принии*

без перерыва друг другу» (88, 89). «Мою молитву услышало небо. Самки и самцы приний вернулись щебетать перед моим домом. Впервые за всю мою жизнь: почтальон в оранжевой шапке принес письмо от тебя. Белый конверт и марка с розовым лотосом» (135).

«Почему вы будто растерялись? — спросил Тан Напас меня. Он погладил по голову моего младенца, мы сидели в доме на сваях, из-под которого шумели индюки. — О, да, не забудь провести [церемонию] Тедак Сити, пригласи ваянг» (105). Речь идет о церемонии, которую проводят все яванцы до сих пор, — это церемония первого касания земли младенцем. Она проводится не только в деревнях, но и в столице, собираются родные и друзья семьи, готовится сламетан с угощением, обязательно включающим рисовые лепешки семи цветов (символ жизни), вареный рис конусом (пожелание родителей, чтобы их ребенок стал полезным членом общины), стручковую фасоль (символ долголетия), ипомею (символ благополучия), проростки злаков (символ процветания), курицу (символ самостоятельности). Сначала проводят очищение ножек младенца, он наступает на землю (пол), его ведут по семи лепешкам из окрашенного риса, ставят на символическую лесенку из сахарного тростника, помещают в клетку для петухов, предлагают на выбор несколько вещей (кольцо/деньги, ручку, хлопок, зеркало, книгу). В заключение ребенка купают и одевают в новую одежду. Вся церемония сопровождается молитвами родителей и родственников, призванными обеспечить ребенку успех в жизни. Цель этой церемонии научить ребенка самостоятельности, ответственности, решительности перед лицом трудностей. *«Тедак Сити — это церемония, во время которой младенец впервые касается земли. Обычно проводится через семь месяцев по яванскому календарю после рождения ребенка. Месяц по такому календарю составляет примерно 36 дней, так что церемония, на которой подаются сладкие лепешки из клейкого риса и тростниковый сахар, проводится через восемь месяцев по христианскому календарю» (105).*

«Ребенок должен пройти, наступая на лепешки белого, красного, синего, желтого, фиолетового, черного, оранжевого цвета.

Это означает, что в своей жизни ребенок сможет преодолеть разные испытания. Затем ребенок поднимается по лестнице из стволов сахарного тростника. Ребенок наступает на красные стволы, и это значит, что в жизни ребенок будет иметь стойкий характер» (106).

Многие яванцы до сих пор верят в правильность традиций, в необходимость во всем почитать родителей, так что зачастую и сейчас родители выбирают будущего супруга своим детям, а дети глубоко уважают родителей и принимают их выбор. А в семье каждый выполняет традиционную роль, так жена должна ухаживать за мужем. Предки поступали также и жили хорошо, потому и герой Судживо Теджо следует выбору своей матери, и результат радует всех: *«Рахвана, потерявший рассудок от того, что его любовь к Деви Читравати и Деви Сукасалье потерпела неудачу, наконец, получил предложение взять в жены Деви Мандодари. С того момента Рахвана стал одеваться опрятно. Куртка от Ральфа Лорена. Пиджак от Бёрберри. И тому подобное. Одежду ему подбирала Мандодари» (139).*

Задача традиций, кроме прочего, разъяснять символы церемоний. Например, при Панггих, что означает встреча, церемонии встречи жениха и невесты, которая проводится после заключения брака. Каждый держит в руках листья бетеля, в которые красиво завернуты цветы арековой пальмы, известью, черный табак и перец, жених и невеста бросают друг в друга свернутые листья бетеля или кусочки листьев. Значение церемонии в том, что семья будет жить стабильно, в любви и заботе. *«Каждый из них держит в руках свертки листьев бетеля. А это значит, что жить в своей семье они будут ладно, любовно, во взаимной заботе. Все горькое и тревожное не затронет их, если они живут во взаимной любви» (184).*

Представляя явления западной культуры Теджо, в первую очередь, говорит о высоком уровне свободы в одежде, человек западной культуры одевается, как ему угодно: *«Это я сам, на самом деле проткнул колесо, чтобы ты могла улыбаться, умиро-*

творенно наблюдая за пузырями в баке с водой. ... потому что, пока ты наблюдаешь за пузырями, твои ягодички соблазнительно выглядывают из суперкоротких голубых джинсов с неровными краями». (173) Свобода одеваться — один из признаков западной культуры: простота и демократичность в одежде доходит до полного пренебрежения мнением окружающих. На то, что простые яванцев посчитают непристойным, европейцы давно уже не обращают внимания.

«Я расслабленно болтал с тобой, сменившей одежду и снявшей бюстгальтер. Да, без бюстгальтера. Не так ли, Синта? Я ясно вижу соски твоих грудей сквозь футболку» (13). Люди не обращают особого внимания на одежду и поведение других, пока оно не нарушает их границ: *«...гостиничный бой помог мне заполучить адрес телестанции, откуда ты вещала, Синта. Она оказалась всего в квартале от моей гостиницы. Я не успел одеться. Тут же я поспешил туда. Я был обнажен. Охранник на телестанции не удивился, увидев меня обнаженным. Совсем без одежды. Его только удивил мой вопрос»* (24). *«Ты сама знаешь, Синта, им до нас нет дела. Ты сама знаешь, как только я обнажился, ни один человек не посмотрел на меня. Все они смотрели только на Бурдж Дубай, высочайший небоскреб в мире»* (31). Индивидуализм европейцев с их спокойным отношением к поведению других людей вокруг. Обнаженный Рахвана на телестанции Бурдж Дубай не привлек ничьего внимания.

В представлении большинства индонезийцев западное общество — это общество обеспеченных людей, белый — значит богатый. Роскошный стиль жизни известен поклонникам западной культуры, потому они стараются следовать модным трендам, выбирают брендовые или гламурные вещи, стремятся делать покупки в роскошных торговых центрах, обедать в популярных ресторанах. *«После того, как мы поужинали особым блюдом района Клунгкунг острова Бали, Синта, обсуждая статуи района Клингкунг, вдруг повела разговор в другую сторону — заговорила о твоём детстве на Мэдисон Авеню в Нью-Йорке. Женщины и девушки делали там*

покупки. Они высокомерно вышагивали с сумками модных марок. Ты даже покупала дорогостоящие ожерелья, но никто не знал, что они от Кристиана Диора» (34).

Стараясь приблизиться во всем к Западу, герои не только одеваются по-европейски, живут роскошно, но и понимают, что Запад не достиг бы высокого уровня жизни без главного принципа поведения — дисциплины, важного элемента культуры. Они серьезно сосредоточены на развитии науки, ведь благодаря ей западная культура такая высокая. Синта занята объединением Запада и Востока, она создает библиотеку, подобную древней библиотеке Александрии: *«Я знаю, что ты слишком занята, чтобы гадать. Ты точно занята составлением древнеегипетской библиотеки» (60).* Западная культура ставит ответственность, дисциплину и науку на первое место. Синта, как европейский человек, твердо берет на себя ответственность за работу по сбору рукописей о любви со всего мира. *«Синта, это снова я... Быть правителем — нелегкая работа, она также тяжела, как уход за младенцем, сбор рукописей о любви со всего света...» (195).*

Акультурация яванской и западной культуры — это смешение и взаимное влияние яванской и западной культуры, как в поведении, верованиях и способе мысли, так и в поступках. Потому Судживо Теджо помещает своих героев в разные уголки Земли, заставляет их выполнять яванские обряды и церемонии, работать как западные люди, одеваться современно, посещать всемирно известные места (Ниагарский водопад), автор упоминает мало знакомые яванцам имена (Вольтер, Людвиг Холберг, Альбер Камю, Платон), заставляя своих читателей узнавать новое, то, что находится за пределами привычного.

Но он также несет яванскую культуру в мир, где она мало известна, его герои готовы принести клятву почонга (клянутся, завернутые в саван) в Дубае: *«Но на нашем телевидении не было никаких ток-шоу, господин. Клянусь. Мы даже можем поклясться клятвой почонга. Если хотите, то весь Ближний Восток — свидетель» (24).*

Общее между западной и яванской культурой Судживо Теджо видит в толковании снов, в обеих культурах оно существует веками. Яванцы верят, что сны каждого человека имеют свое значение, связанное с его жизнью, сны — одна из любимых тем разговоров. Он обращается к имени самого известного на Западе специалиста по толкованию снов, приписывая его знания обучению у яванца: *«...Тан Нупус веками обучал Сигизмунда Фрейда толкованию снов. Он сказал мне, что сны, окутанные голубым, означают депрессию. Правда ли это, Синта? Действительно ли так?»*

Слияние двух культур происходит и при смешении мелодии из «Лебединого озера», балета, написанного русским композитором по мотивам немецкой сказки, и яванских тембангов (жанр традиционной яванской поэзии, исполняемой нараспев, иногда в сопровождении гамелана): *«Светильник в окне дома на сваях еще показывал красно-желтое до самого озера. Аргасока вернулся, напевая вполголоса мелодию из «Лебединого озера» вперемешку с тембангом Мегатрох, Асмараданой и Пангкурор. Пел он о Субали, который последовал указаниям Реси Готамы, не о том Аль Субали, который стал посыльным в гостинице в Дубае»* (126). Теджо называет известные яванские тембанги: Мегатрох (тембанг печального содержания о том, как человека расстается с духом в момент смерти, возвращаясь к истокам), Асмарадана (форма любовного тембанга) и Пангкур (тембанг со строфой в 7 строк про битвы и войны). Таким образом, автор показывает нам сочетание совершенно различных культурных явлений.

Открытый разговор о сексе и сексуальной культуре давно не нов в современной индонезийской литературе, однако обычно этот разговор связан с культурой мегаполиса, Теджо же вводит свободный секс как элемент западного образа жизни, проникший на Яву: *«Что же прежде-то я не расстраивался, глядя на то, как ведут себя деятели ваянга? Повозка и коровы, везущие гамелан, вот свидетели. Певцы оркестра гамелан и скрипач могут совокупляться прямо на груди инструментов гамелана на повозке, наслаждаясь пляской колес. Качнется влево... Качнется вправо... Ааах... Ооох. Ааах.*

Трясется вверх-вниз на дорожных кочках... О, я сержусь, когда вижу, как флейтист потихоньку отходит к краю и исчезает со сцены. Они совокупляются в зарослях банана. Если в эти заросли вдруг зайдет зритель, чтобы помочиться, то они могут начать совокупляться втроем» (150,151).

В яванской культуре много элементов, которые являются верованиями для тех, кто в них убежден. Так, яванское общество крепко держится за такие элементы жизни, как взаимопомощь и взаимная забота. Жизнь яванцев наполнена традициями и обрядами, как погребение и Панггих на свадьбе. Каждое действие имеет свою ценность и глубокое значение для общества, которое в них верит и выполняет повседневно. Яванское общество не свободно от мифов, которые являются неотъемлемой части жизни. Мифы разрастаются и проникают внутрь реальности. Западная культура отражена в повести как индивидуалистическая. Современный стиль жизни, представления и поступки ставят на первое место дисциплину. Аккультурация яванской и западной культур Судживо Теджо показал через свободный секс, стремление к роскоши и брендам, западному стилю одежды у яванцев. Элементом аккультурации также является клятва почонга в Бурдж Дубай. Свободный секс постепенно проник в яванскую жизнь. Яванское общество больше не стесняется вступать в сексуальные отношения вне брака.

Социальные изменения оказали очень сильное влияние на устои яванского общества, что отразилось на культуре и литературе, а это в свою очередь вызвало ответную реакцию — желание зафиксировать культуру, которая может исчезнуть. Судживо Теджо показал, что яванцы стремятся сохранить свои традиции и при этом готовы заимствовать из западной культуры.

Литература

1. Современная индонезийская проза. 70-е годы: Сборник. Пер. с индонез. Составл. и послесл. В. Брагинского. М.: Радуга, 1988.
2. *Гири К.* Интерпретация культур / Пер. с англ. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004.

3. Сикорский В. В. Политика, история, философия яванизма и проч. в романе индонезийской писательницы Айю Утами «Число Фу». Доклад на заседании общества «Нусантара», 2017.

4. Фролова М. В. Яванская мифология в современном индонезийском романе Буди Сарджоно «Ньяи Роро Кидул — богиня Южных морей».

5. *Sujiwo Tejo*. Rahvayana: Aku Lala Padamu. Yogyakarta: Bentang, 2014.

S. V. Banit (*Saint-Petersburg State University,
St. Petersburg, sbanit@yandex.ru*)

THE ELEMENTS OF JAWANESE AND WESTERN CULTURE IN RAHVAYANA BY SUJIWO TEJO

Abstract: *The article considers a modern novel containing elements of Javanese culture. Appeal to traditions is caused by the desire to preserve culture, to show its relevance to society. The author gave a view at traditions and modernity in interaction and interpenetration, creatively rethinking them and bringing them closer to the modern readers. Javanese society knows and preserves its culture, perceiving elements of the Western way of life.*

Keywords: *Indonesian modern literature, Western culture, Javanese culture, wayang, traditions.*

Беломоин В. А.

(Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, vlad-belo0@mail.ru)

СОВРЕМЕННОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО АСЕАН И ЯПОНИИ

Аннотация: В статье рассматриваются основные направления двустороннего и многостороннего сотрудничества Японии и стран-членов АСЕАН в области политики, экономики, культуры и социальной сферы. Анализируются перспективы развития их отношений.

Ключевые слова: АСЕАН, Япония, экономическое развитие, Юго-Восточная Азия, политика.

АСЕАН (Association of South East Asian Nations, Ассоциация стран Юго-Восточной Азии) является политической, экономической и культурной региональной межправительственной организацией, которая была основана подписанием «Бангкокской декларации» в 1967 году. Изначально ее странами-членами были Таиланд, Индонезия, Сингапур, Филиппины и Малайзия. После присоединения Брунея в 1984 году число стран-членов постепенно увеличивалось, и в настоящее время организация состоит из 10 стран: Брунея, Вьетнама, Индонезии, Камбоджи, Лаоса, Малайзии, Мьянмы, Сингапура, Таиланда и Филиппин. АСЕАН — это регион с заметным экономическим ростом, номинальный ВВП которой за последние 10 лет удвоился более чем

в 2 раза, а ее реальный ВВП стабильно увеличивается примерно на 5 % с 2015 года. В свою очередь, каждая страна-участница с 2010 года сохраняет стабильный рост своего реального ВВП. В 2018 году реальный ВВП организации увеличился на 5,2 %, по сравнению с 2017 годом, и составил \$3 трлн [АСЕАН по гайкё:].

Азиатско-Тихоокеанский регион является одним из мировых центров роста. Достижение его процветания и мира в нем считается одним из наиболее важных вопросов японской дипломатии. В 2018 г. исполнилось 45 лет совместного сотрудничества АСЕАН и Японии с момента совещания их министров по закупке синтетического каучука в 1973 году. В 1977 году премьер-министр Такэо Фукуда посетил Манилу, столицу Филиппин, и объявил «Доктрину Фукуда», которая впоследствии стала дипломатическим принципом японского сотрудничества со странами АСЕАН. Ее основные положения таковы: 1) построение сердечных отношений с АСЕАН; 2) Япония больше никогда не станет милитаристской державой; 3) Япония и АСЕАН являются равноправными партнерами. Кроме того, в том же году в Куала-Лумпуре, в Малайзии, состоялась первая встреча на высшем уровне между Японией и АСЕАН, а в 1978 году состоялась встреча министров иностранных дел Японии и АСЕАН, которая с тех пор стала регулярным мероприятием. Такие отношения стали краеугольными камнями их дружбы, а Япония считается одной из важнейших стран диалога для АСЕАН.

В 2013 году, к 40-летию дружбы и сотрудничества Япония-АСЕАН, премьер-министр Японии Синдзо Абэ объявил о пяти принципах внешней политики с АСЕАН:

1. Япония будет работать вместе со странами АСЕАН для установления и расширения универсальных ценностей, таких как свобода, демократия и основные права человека.

2. Свободный и открытый индо-тихоокеанский регион, который регулируется «законом», а не «силой», является «общественным благом», и Япония сделает все возможное, чтобы защитить его вместе со странами АСЕАН.

3. Через различные сети экономических партнерств Япония будет и впредь содействовать потоку торговли и инвестиций, таких как товары, деньги, люди, услуги, и будет процветать вместе со странами АСЕАН, оживляя японскую экономику.

4. Япония будет защищать и развивать различные культуры и традиции Азии.

5. Япония будет развивать взаимопонимание, активно взаимодействуя с молодым поколением, нацеленным в будущее.

Также на специальной встрече на высшем уровне Япония-АСЕАН, состоявшейся в декабре 2013 года в Токио, лидеры Японии и АСЕАН приняли «Положение о дружбе и сотрудничестве Япония-АСЕАН» и его «план осуществления». Страны объявили, что они будут продолжать сотрудничество, основанное на четырех основных принципах (партнеры для мира и стабильности, партнеры для процветания, партнеры для лучшей жизни и партнеры для сердечных отношений). В то же время было принято Совместное заявление по региональным и глобальным вопросам, и Япония и АСЕАН разделили общее понимание проблем с точки зрения «мировых отношений Япония-АСЕАН» [Панфурэтто «Нихон то АСЕАН», 2020: 4]. Ожидается, что страны будут и впредь укреплять свои дружеские связи посредством таких прочных партнерских отношений.

Партнеры для мира и стабильности (политика и безопасность)

Поскольку стратегическая обстановка в Азиатско-Тихоокеанском регионе стремительно меняется, Японии и АСЕАН необходимо углублять свое сотрудничество для поддержания региональной и мировой безопасности и стабильности, используя многонациональное сообщество в регионе. Согласно этому, на нескольких уровнях были организованы такие мероприятия, как «АСЕАН+3», «Саммит стран Восточной Азии» (EAS), «Совещания министров обороны стран-членов АСЕАН и диалоговых партнеров» (ADMM Plus) и «Региональный форум АСЕАН» (ARF).

Япония придает особое значение EAS, запущенному в 2005 году, и использует его в качестве форума для диалога на высшем уровне и сотрудничества по вопросам политики и безопасности, представляющим стратегическую важность для региона [Гайко: сэйсё 2019, 2019: 66–74].

Учитывая важность «Свободного и открытого индо-тихоокеанского региона», Япония и АСЕАН подтвердили свою приверженность международному праву на море и урегулированию конфликтов. С 2012 года также проводится «Расширенный морской форум АСЕАН» (EAMF) на основе предложения Японии — обсудить морское сотрудничество между странами-участницами EAS. Он также содействует борьбе с терроризмом и транснациональной преступностью и сотрудничеству в области оказания помощи при бедствиях и гуманитарной помощи.

Партнеры для процветания (экономика)

Экономическая взаимозависимость между Японией и АСЕАН продолжает расширяться. Обмен людей, товаров, денег и информации через национальные границы становится все более активным. Страны установили прочные партнерские отношения в качестве деловых партнеров, причем число японских компаний, работающих в странах АСЕАН, превышает 13 000, а ассоциация является крупнейшим инвестиционным направлением Японии в регионе Восточной Азии.

Внешнеторговый оборот Японии со странами-участницами ассоциации в 2018 году составил более 25 трлн йен, что составляет около 15 % от японского общего объема торговли. С другой стороны, для стран АСЕАН с 2016 года Япония является четвертым торговым партнером, после Китая, Евросоюза (ЕС) и США, и на нее приходится около 8 % общего внешнеторгового оборота стран Юго-Восточной Азии (ЮВА). Экспорт Японии в 2018 году составил 12,63 трлн йен и показал рост на 6,4 %, по сравнению с 2017 годом. Основными товарами экспорта являются сталь, электронные компоненты, автомобили и их запчасти и двигатели. Японский импорт составил

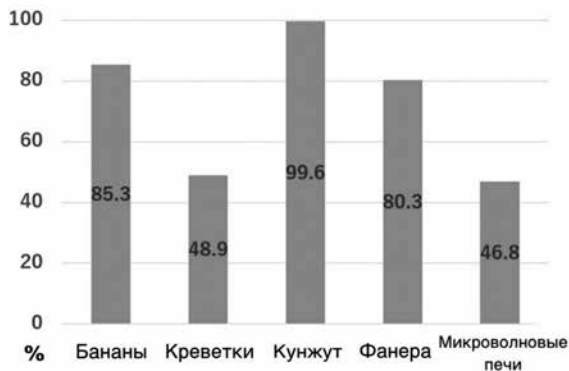

Рис. 1. Товары из стран АСЕАН с наибольшей долей от общего импорта Японии в 2018 г.

12,39 трлн йен (увеличение на 7,4 %, по сравнению с предыдущим годом), благодаря чему страна сохранила положительное сальдо торгового баланса с АСЕАН. В основном предметами импорта являются сжиженный природный газ, одежда и аксессуары, изолированные провода и кабели, оборудование связи и электронные компоненты [АСЕАН но гайкё:]. В прошлом сохранялась тенденция, в которой страна восходящего солнца импортировала сырье, сельскохозяйственную и морскую продукцию, а экспортировала промышленные товары, но она изменилась. Доля импорта продукции из стран АСЕАН в Японию, которая составляла менее 10 % от общей стоимости импорта в 1980 году, достигла около 67 % в 2018 году в основном за счет увеличения поставок электрического оборудования, изделий из дерева, одежды и аксессуаров, благодаря чему структура торговли с каждым годом становится все более сложной. Помимо торговли товарами, как в экспорте, так и в импорте, торговля услугами растет из года в год [Нихон то АСЕАН то но канкей].

В целях дальнейшего содействия таким активным торговым обменам страны заключили двусторонние экономические и инвестиционные соглашения, а также «Соглашение о всеобъемлющем

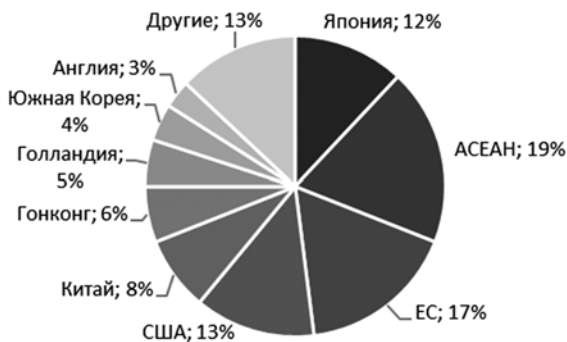

Рис. 2. ПИИ в страны АСЕАН с 2016 по 2018 г.

экономическом партнерстве между Японией и АСЕАН» (AJCER) в 2008 году, которое основывается не только на торговле и инвестициях, но и на сотрудничестве в широком спектре областей, таких как конкуренция, интеллектуальная собственность и обмен людьми. Кроме того, с 2013 года начались переговоры по «Соглашению о Всестороннем региональном экономическом партнерстве» (RCEP) между странами АСЕАН, Японией, Китаем, Индией, Южной Кореей, Австралией и Новой Зеландией, что приведет к еще большему расширению региональных экономических партнерств.

Также в 1981 году был создан Центр содействия развитию торгового и инвестиционного туризма между Японией и Юго-Восточной Азией, который в течение многих лет активно продвигает их внешнюю торговлю. Проект был реализован с целью стимулирования прямых инвестиций в Японию и продвижения туризма из Японии в АСЕАН. Нужно отметить, что с 2013 года на государства-члены АСЕАН приходится основная доля инвестиций Японии в Азии. Страны ЮВА привлекают внимание японских компаний не только как традиционные производственные базы, но и как огромные потребительские рынки с населением более 650 млн человек. Прямые иностранные инвестиции (ПИИ) Японии на конец 2018 года равнялись 25,27 трлн йен, и на ее долю приходится 12 %

от всех ПИИ в страны АСЕАН. В свою очередь, в 2018 г. АСЕАН инвестировала около 3,03 трлн йен в страну восходящего солнца [Нихон то АСЕАН то но канкей].

Партнеры для лучшей жизни (социальная сфера)

В последние годы АСЕАН достигла значительного экономического роста, но не смотря на это она сталкивается с различными проблемами в таких сферах, как окружающая среда, урбанизация, здравоохранение и медицинское обслуживание, старение населения, энергетика и предотвращение стихийных бедствий. Япония уже имеет опыт преодоления подобных проблем, и активно направляет свою поддержку странам ЮВА, чтобы улучшить жизнь их населения. Например, знания в области чистой энергии, такие как энергосбережение и высокоэффективное производство энергии с помощью угля, являются сферой, в которой Япония может внести существенный вклад для стран АСЕАН. Кроме того, она является крупнейшей страной в мире по ожидаемой продолжительности жизни, поэтому оказывает помощь в области здравоохранения и медицины по расширению базовых медицинских услуг и мерам по борьбе с инфекционными заболеваниями, мерам по спасению жизни в чрезвычайных ситуациях, старению населения и профилактики неинфекционных заболеваний.

Партнеры для сердечных отношений (культурный обмен)

Япония и АСЕАН углубили их культурные обмены на многие годы вперед. На Специальном саммите Япония-АСЕАН, состоявшемся в Токио в декабре 2013 года, премьер-министр Японии Синдзо Абэ объявил о политике азиатского культурного обмена под названием «Проект Ва (Гармония, Окружающая среда, Олимпийские игры) — Азия, которую мы знаем» [Адзиа но кидзуна о цуёку суру, 2014]. В рамках этого проекта в Японском фонде в апреле 2014 года был создан Азиатский центр с целью создания новой азиатской культуры к 2020 году.

Кроме того, для АСЕАН туризм является ключевым сектором

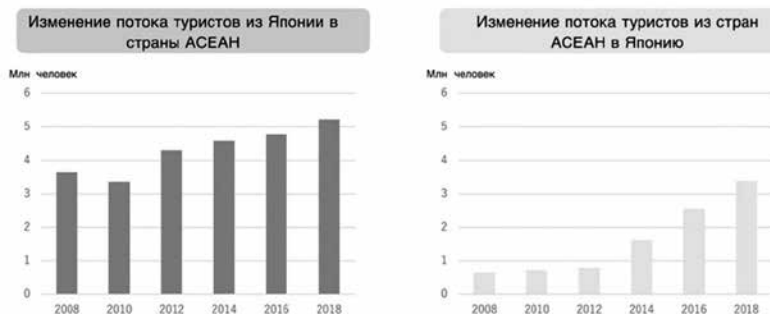

Рис. 3. Изменения потоков туристов с 2008 по 2018 гг.

промышленности в экономике каждой страны. Из-за обилия туристических ресурсов и небольшой разницы в часовых поясах более 5 млн японцев посетили страны ЮВА в 2018 году. С другой стороны, количество человек, посещающих Японию, стремительно увеличивается благодаря быстрому росту экономики и среднего класса, появлению на рынке дешевых авиакомпаний и растущей популярности японского туризма. В странах АСЕАН японское аниме и J-POP-культура, пользуются большой популярностью, в результате чего все больше и больше молодых людей интересуются Японией, изучают японский язык или уезжают учиться за границу в Японию. В 2018 году общее число туристов, посетивших Японию, увеличилось до 3,4 млн человек, что примерно в пять раз больше, чем 10 лет назад [Нихон то АСЕАН то но канкей].

2019 год стал еще одним важным годом в развитии сотрудничества и дружеских отношений между странами АСЕАН и Японией. В июне были опубликованы «Перспективы АСЕАН в Индо-Тихоокеанском регионе» (АОИР), благодаря чему был сделан важный шаг в направлении укрепления связи стран ЮВА с центром в АСЕАН ASEAN [Outlook on the Indo-Pacific, 2019]. В начале августа в Бангкоке, столице Таиланда, была проведена ежегодная встреча министров Японии и стран-участниц АСЕАН. В ходе встречи заместитель премьер-министра АСЕАН Минь

и министр иностранных дел Японии Коно Таро подвели итоги совместного сотрудничества в таких областях, как политика и безопасность, экономика и социальная сфера, и оценили перспективы на дальнейшее развитие сотрудничества между Японией и АСЕАН. В частности, вице-премьер Минь выразил надежду АСЕАН на расширение деятельности Японского фонда «Азиатский центр». В свою очередь, ссылаясь на вклад, сделанный Азиатским центром, министр Коно заявил, что он хотел бы обсудить со странами АСЕАН дальнейшее развитие обменов мнениями по региональным и межрегиональным вопросам [Chairman's statement of the ASEAN Post Ministerial Conference, 2019: 8–10]. Кроме того, в ноябре состоялся 22-й Саммит «Япония-АСЕАН», на котором японский премьер-министр Синдзо Абэ сообщил, что Япония намерена удвоить инвестиции и кредиты Японского агентства международного сотрудничества (JICA) в области инфраструктуры, финансового доступа и поддержки людей, с акцентом на страны АСЕАН. Также были сделаны совместные заявления по развитию торговли и экономике, городов и транспорта, культуры и обороны [Chairman's statement of the ASEAN Post Ministerial Conference, 2019: 8–10]¹.

Таким образом, за время тесного сотрудничества АСЕАН и Япония стали важными стратегическими партнерами друг для друга. Кроме того, с каждым годом отношения между страной восходящего солнца и каждой страной-членом АСЕАН развиваются все сильнее. Общий взгляд на проблемы, многообразие точек взаимопонимания и регулярные встречи на различных уровнях укрепляют взаимоотношения двух блоков и оставляют большие перспективы для их сотрудничества в будущем, что может привести к их значительной роли не только в регионе, но в мире, в целом.

Литература

1. АСЕАН по гайкё: / Гаймусё:. (Обзор АСЕАН / Министерство Иностранных Дел Японии. На яп. языке). URL: https://www.mofa.go.jp/mofaj/area/asean/page25_001325.html (дата обращения: 10.05.2020).

¹ <https://www.mofa.go.jp/files/000535017.pdf>

2. Панфурэitto «Нихон то АСЕАН». (Брошюра «Япония и АСЕАН» / Министерство Иностранных Дел Японии, 2020. На яп. языке). URL: <https://www.mofa.go.jp/mofaj/files/000305625.pdf> (дата обращения: 10.05.2020).

3. Гайко: сэйсё 2019. Тиики кё:рёку-Тиикикан кё:рёку / Гаймусё: (Дипломатическая голубая книга 2019. Глава 2. Раздел 1.7. Региональное и межрегиональное сотрудничество / Министерство Иностранных Дел Японии, 2019, 50 с. На яп. языке). URL: https://www.mofa.go.jp/mofaj/gaiko/bluebook/2019/pdf/pdfs/2_1.pdf (дата обращения: 10.05.2020).

4. Нихон то АСЕАН то но канкей / Нихон АСЕАН сэнга:. (Отношения Японии и АСЕАН / Центр Япония-АСЕАН. На яп. языке). URL: <https://www.asean.or.jp/ja/asean/relation/> (дата обращения: 10.05.2020).

5. Адзиа но кидзуна о цуёку суру / Кокусай ко:рю: кикин, 2014 №5. (Улучшим отношения Азии / Японский Фонд, 2014 №5. На яп. языке). URL: <https://www.jpff.go.jp/j/about/press/2014/dl/2014-005.pdf> (дата обращения: 10.05.2020).

6. ASEAN Outlook on the Indo-Pacific / ASEAN, 2019, 5 p. URL: https://asean.org/storage/2019/06/ASEAN-Outlook-on-the-Indo-Pacific_FINAL_22062019.pdf (дата обращения: 10.05.2020).

7. Chairman's statement of the ASEAN Post Ministerial Conference (PMC) 10+1 sessions with the dialogue partners / Ministry of Foreign Affairs of Japan, 2019, 14 p. URL: <https://www.mofa.go.jp/mofaj/files/000504014.pdf> (дата обращения: 10.05.2020).

8. Chairman's Statement of the 22nd ASEAN-Japan Summit / Ministry of Foreign Affairs of Japan, 2019, 6 p. URL: <https://www.mofa.go.jp/files/000535017.pdf> (дата обращения: 10.05.2020).

V. A. Belomoin (*Saint-Petersburg State University, St. Petersburg, lad-belo0@mail.ru*)

CONTEMPORARY COOPERATION OF ASEAN AND JAPAN

Abstract: *The article discusses the main directions of bilateral and multilateral cooperation between Japan and ASEAN member countries in the fields of politics, economy, culture and the social sphere. It analyses the prospects for the development of their relations.*

Keywords: *ASEAN, Japan, economic development, Southeast Asia, politics.*

Бурова Е. С.

(Институт Дальнего Востока РАН, Москва, erulsina@yandex.ru)

КИТАЙСКИЙ ФАКТОР В АГРАРНОМ СЕКТОРЕ СТРАН СУБРЕГИОНА БОЛЬШОГО МЕКОНГА

Аннотация: *Китай играет все более заметную роль в развитии аграрного сектора стран Субрегиона Большого Меконга, а в некоторых из них получает распространение тенденция его китаизации. В докладе рассматриваются как положительные, так и отрицательные стороны влияния Китая на развитие стратегически важного сектора экономик этих стран.*

Ключевые слова: *аграрный сектор, субрегион Большого Меконга (СБМ), Китай, инвестиции, внутрирегиональная торговля.*

Аграрный сектор традиционно занимал важные позиции в экономике стран Субрегиона Большого Меконга (СБМ). И хотя его вклад повсеместно сократился и заметно варьируется, будучи более весомым в Мьянме (24,5 %) и Камбодже (22,0 %) и менее — в Таиланде (8,1 %), сельское хозяйство по-прежнему во всех без исключения странах субрегиона оказывает существенное влияние на развитие экономики. Немаловажную роль он сохраняет и в обеспечении занятости населения, достигая 44 % по субрегиону в целом. Его развитие рассматривается, как ключевой фактор поддержания продовольственной безопасности, а также снижения уровня бедности населения.

Несмотря на все это, уровень развития сельскохозяйственного производства в странах СБМ остается достаточно низким. Его отличает исключительно высокая степень зависимости от погодных условий, достаточно слабая диверсификация, низкий уровень жизни основной массы сельских жителей. Для стран СБМ характерен отстающий рост аграрного сектора от других секторов экономики, подверженный существенным колебаниям. В период 2010–2018 гг. он составил 5 % в целом по всем странам СБМ.

Однако в последние десятилетие аграрный сектор стран СБМ демонстрирует позитивные сдвиги. В первую очередь, в сельскохозяйственном производстве субрегиона происходит интенсивный рост продуктивности земли — урожайности, хотя и сохраняется ее сильная зависимость от погодных условий. Одновременно повсеместно увеличивается и производительность труда. В результате, наблюдается рост сельскохозяйственного производства. Происходят изменения и в его структуре. Традиционно монокультурные хозяйства, специализирующиеся на производстве риса, постепенно диверсифицируются, расширяется производство второстепенных, товарных культур.

Таким образом, увеличивается товарный выход продукции и, как следствие, сельскохозяйственный экспорт. В странах СБМ идет процесс формирования отличающегося более высокой продуктивностью рыночного хозяйства фермерского типа. Крестьянские хозяйства все больше ориентируются на региональный и мировой рынок, начинают производить продукцию, обладающую сравнительными преимуществами, участвуя в региональном разделении труда, возрастает роль внутрирегиональной торговли. Так, показатель значимости взаимных торговых потоков (т.е. доли стран СБМ в общем товарообороте) увеличился в Таиланде с 16,8 до 21,1 %, во Вьетнаме — с 18,6 до 27,1 %. В то же время в Мьянме, Камбодже и Лаосе показатель значимости взаимных потоков сократился, хотя и остается весьма внушительным. В Мьянме его значения уменьшились с 60,3 до 48,1 %, Камбодже с 36,8 до 20,7 %, а Лаосе с 83,7

до 67,6 %. В этом процессе Китай выступает, как вместительный и важный рынок сбыта продукции этих стран.

Происходит также выстраивание вертикально интегрированных предприятий и производственно-сбытовых цепочек в рамках СБМ. Эффективность производства продукции сельского хозяйства существенно возрастает за счет новых организационно-экономических форм производства, в том числе вертикально интегрированных предприятий и объединений, способных при содействии государства осуществлять согласованную инновационную политику, долгосрочные вложения, техническое перевооружение и инфраструктурное развитие на своей территории. Инициаторами подобной интеграции и инвестиционного процесса чаще всего выступают перерабатывающие предприятия, нуждающиеся в расширении своей сырьевой базы, ритмичных поставках и высоком качестве сырья.

Китай в этом процессе играет роль важного инвестора и донора, а в отдельных странах, таких как Лаос, Камбоджа, Мьянма и лидирующего. В Камбодже и Лаосе доля китайских инвестиций в аграрный сектор превышает 50 %, а официальной помощи развития достигает почти 70 %.

Китайские инвестиции направляются в проекты агробизнеса различных размеров — от небольших ферм до крупных плантаций, а помощь развития идет на развитие ирригационных систем, строительство транспортной и энергетической инфраструктуры, создание учебных центров и демонстрационных ферм, что, безусловно, может содействовать развитию аграрного сектора и экономики в целом.

Иностранные инвестиции в сельское хозяйство могут потенциально принести выгоду местному населению, создавая рабочие места, принося доход за счет аренды земли, налогообложения и экспортных поступлений, а также способствуя развитию перерабатывающих отраслей. Местные крестьянские хозяйства могут потенциально воспользоваться преимуществами улучшенной инфраструктуры, новых методов ведения сельского хозяйства и доступа к рынкам, которые открыты для инвесторов.

На практике же иностранные инвестиции в сельское хозяйство дают весьма неоднозначные результаты. В Камбодже, Лаосе, Мьянме, например, правительства приняли концессионную модель в качестве средства для привлечения иностранных инвестиций, но это привело к широко распространенным земельным спорам, спекуляциям и беспрецедентно быстрому процессу обезлесения. По-видимому, большой процент концессий фактически не был использован для продуктивного сельскохозяйственного использования. Китайские компании все чаще выстраивают отношения с чиновниками и местными бизнес-элитами, а не с сообществами, где расположены проекты. В ряде случаев это приводит к враждебности, и, в частности, в Мьянме и Камбодже репутация Китая среди населения сильно пострадала отчасти из-за деловой практики китайских компаний.

Инвестиции в сельское хозяйство в некоторых областях также могут увеличивать продовольственную нестабильность, особенно в тех случаях, когда мелкие крестьянские хозяйства теряют земли из-за их сдачи в концессии. Нередко инвесторы развивают плантационное хозяйство по производству каучука, маниоки и других биотопливных культур, которые не способствуют повышению продовольственной безопасности на местном уровне.

Принося новые технологии, китайские инвесторы используют, прежде всего, интенсивную модель развития аграрного сектора, нанося непоправимый ущерб самому важному богатству — почве. Так, по данным ФАО за 2016 г. около 10–40 % сельскохозяйственных земель СБМ оказались подвержены высокой степени деградации, что означает практическую невозможность их восстановления в обозримом будущем.

В этих условиях продолжающийся рост инвестиций может обогатить компании, политиков и чиновников, но это не приводит к автоматическому повышению уровня жизни сельского населения. В регионе необходимо провести фундаментальное переосмысление, и необходимо провести переориентацию качества инвестиций над количеством инвестиций.

Литература

1. ADB, Agricultural Trade Facilitation in the Greater Mekong Subregion, Manila, 2012.
2. CDRI, Agriculture Trade in the Greater Mekong Subregion, Phnom Penh, 2009.
3. FAOSTAT Data URL: <http://www.fao.org/faostat/en/#data/QC>.
4. Greater Mekong Subregion Statistical Database URL: <https://www.greatermekong.org/statistics/index-static.php>.
5. Mills E., Chinese Agricultural and Land Investments in Southeast Asia: A Preliminary Overview of Trends, Chiang Mai University 2015.

E. S. Burova (*Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences, epylcina@yandex.ru*)

CHINESE FACTOR IN THE AGRICULTURE SECTOR OF THE GREATER SUBREGION MEKONG COUNTRIES

Abstract: *China is playing an increasingly prominent role in the development of the agrarian sector of the countries of the Greater Mekong Subregion, and in some of them the trend of its Sinization is spreading. The report examines both the positive and negative aspects of China's influence on the development of a strategically important sector of the economies of the countries.*

Keywords: *agriculture, the Greater Subregion Mekon, China, investment, intraregional trade.*

Дмитренко С. Ю.

(Институт лингвистических исследований РАН, СПбГУ,
Санкт-Петербург, dmitrserg@gmail.com)

ГОНГИ В КХМЕРСКОЙ КУЛЬТУРЕ¹ (ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ)

Аннотация: В работе рассматривается лексика кхмерского языка, связанная с гонгами. Как и повсюду в Юго-Восточной Азии, гонги играют важнейшую роль в религиозной обрядности и музыкальной культуре кхмеров. Кхмеры используют как плоские гонги (*flat gongs*), так сосковые гонги (*bossed gongs*). Первые именуются по-кхмерски гонгами-самцами (кх:η *chmɔ:l*), а вторые — гонгами-самками (кх:η *li:*). По формальным и функциональным признакам выделяются виды гонгов *rɛkaɲ*, *tr:ŋ* и *khmɔ̃h*. Кхмерская лексика, связанная с гонгами, включает единицы, являющиеся заимствованиями из древневянского, тямского, санскрита, китайского, что отражает разнообразные культурные контакты кхмеров за последние две тысячи лет. С другой стороны, для ряда лексем обнаруживаются параллели в ряде мон-кхмерских и тайских языков.

Ключевые слова: гонг, плоский гонг, сосковый гонг, кхмерский язык, этимология, кхмерская традиционная культура

¹ Исследование выполнено в рамках гранта Российского Фонда фундаментальных исследований. Проект № 20–012–00325 — «Реалии традиционной материальной культуры в языках и фольклорных текстах народов Юго-Восточной Азии».

*Рис. 1. Большой декоративный гонг
с символикой стран-членов АСЕАН*

Монастырь Ват Уналом, Пномпень, 2020 г. (фотография С. Ю. Дмитренко)

1. Гонги являются одним из наиболее значимых элементов материальной культуры народов Юго-Восточной Азии на пространстве от Филиппин до Мьянмы [Blench 2014: 5–6]. Гонг в традиционной культуре народов ЮВА — не просто один из музыкальных инструментов (хотя и активно используется в качестве такового), но, в первую очередь, важнейший атрибут традиционного религиозного культа: основное применение гонга — шаманские ритуалы и медиумические практики (см., также, [Федоров, в печати]). Гонг находится в одном ряду с другими важными для народов ЮВА культурными феноменами (и также связанными с традиционными религиозными ритуалами, предполагающими коммуникацию с потусторонним миром): жеванием бетеля, изготовлением и употреблением рисовой браги (rice wine), принесением в жертву буйвола (см. рис. 1).

2. В религиозных ритуалах и музыкальном искусстве кхмеры используют несколько разновидностей гонгов:

Рис. 2. Кимвал ангорской эпохи из Лавапуры
Национальный музей в Бангкоке (фотография С. Ю. Дмитренко)

- *kɔːŋ* — собственно гонг, родовой термин для гонгов всех видов;
- *piət kɔːŋ* — музыкальный инструмент, состоящий примерно из 8–10 гонгов, лежащих на платформе, имеющей форму полумесяца (*piət* < санскр. *vādya* ‘музыкальный инструмент’);
- *kɔːŋ vɔəŋ* — букв. ‘круглый гонг’, музыкальный инструмент, состоящий из полутора десятка гонгов, лежащих на платформе, имеющей форму круга;
- *chiŋ* — кимвал (два небольших гонга, соединенные пропущенным через них шнуром).

Также гонгами по традиции могут называть различные виды бамбуковых и деревянных перкуссий, которые распространены у коренных малочисленных народов северо-востока страны (ср., например, *kɔːŋ russəj* ‘бамбуковый гонг’), однако в этом случае термин гонг употребляется, скорее, переносно.

Среди собственно гонгов *kɔːŋ* различают два основных типа: *плоские гонги* и *сосковые гонги*. Плоский гонг (гонг с плоским тимпаном) именуется по-кхмерски *kɔːŋ chmɔːl* ‘гонг-самец’. Обычно такие гонги делаются из бронзы [Keo et al. (s.a.): 95–96]¹.

¹ Технология традиционного производства гонгов в современной Камбодже постепенно исчезает. Она подробно описана в статье камбоджийского

Рис. 3. Плоский и сосковый гонги из коллекции национального музея в Пномпене. XX в.

Фотография из электронного каталога музея
(<http://www.search.cambodiamuseum.info>)

Рис. 4. Изображения сосковых гонгов и кувшинов с рисовой брагой на ограде административного учреждения.

Пров. Ратанакири. Камбоджа, г. Банлунг (фотография М. В. Станюкович)

Сосковый гонг отличается от плоского тем, что он имеет выпуклость в центре тимпана (по-кхмерски — *дох* ‘сосок’). Материалом для изготовления соскового гонга чаще всего является сплав латуни и бронзы [там же: 99]. Кхмерское название такого гонга — *кэ:ηji*: ‘гонг-самка’.¹ Размеры гонгов обоих типов могут варьироваться.

Гонг *кэ:ηji*: часто ассоциируется у кхмеров с музыкой коренных малочисленных народов (пнонгов, крынгов, тампуан, джарай и др. [Кео 2005: 200], ср. также [Nicolas 2009: 80])², хотя в кхмерской традиции он также широко представлен еще с ангорской эпохи.

У кхмеров гонги обоих типов могут использоваться одновременно, что встречается далеко не у всех народов ЮВА (так, по свидетельству М. В. Станюкович, у народов Филиппин существует нечто вроде «дополнительной дистрибуции» гонгов: одни народы используют только плоские гонги, а другие — только сосковые [Станюкович 2017]). Камбоджийский этномузыковед и исследовательница фольклора Каеу Наром указывает, например, что большой плоский гонг в кхмерской классической музыкальной культуре в первую очередь связан с особым типом монастырского ансамбля *traj leak* (букв. ‘три качества, три свойства’), где гонг используется вместе с большим барабаном, гонгом-пиат (см. выше) и флейтой *сролай* [Кео 2005: 199]. Три эти инструмента символизируют три «атрибута всего сущего» в буддизме: *dukkha*, *anicca*, *anatta*. Тем не менее, в этом же ансамбле дополнительно может использоваться и сосковый гонг, который звучит в унисон с барабаном или «перекликается» с плоским гонгом [Кео 2005: 200]³.

исследователя Хуат Сомнанга (электронная версия статьи размещена по адресу: <https://www.yosothor.org/publications/khmer-rennaissance/chapter-one/rbos-tver-kong.html>).

¹ Таким образом, номинация гонгов устроена в кхмерском языке аналогично номинации животных. Ср. *кэ: чмо:l* ‘бык’ — *кэ: ji*: ‘корова’.

² О гонгах у коренных малочисленных народов Камбоджи см., например, работу [Tra:ne: 2006: 157–161].

³ Считается, что музыка, исполняемая ансамблем *трей леак*, а также способ ее исполнения, имеет вероучительный смысл, символизируя дисгармонию, царящую в мире. Так, три музыканта всегда сидят спиной друг к другу, а музыка основана на диссонансе: каждый из музыкантов ведет свою партию, как бы, не слыша

Помимо двух основных типов выделяется еще несколько разновидностей гонгов: это гонги *rʰkean*, *mɔːŋ* и *khmɔʔəh*. Они будут рассмотрены ниже (п. 4–6).

Для извлечения звука по поверхности гонга (большие гонги обычно подвешиваются на раме или перекладине, гонги меньших размеров могут держать в руке за продетый сбоку шнур, плоский гонг также могут держать непосредственно в руке) бьют рукой или колотушкой *ʔonluːŋ* (также широко используется название *ʔonluːŋ kbaːl svaː* ≈ ‘колотушка с обезьяньей головой’), которую делают из дерева или бамбука, и иногда оборачивают тканью, чтобы изменить характер звучания гонга.

3. Остановимся подробнее на кхмерском термине для колотушки — *ʔonluːŋ*, поскольку его этимология, как кажется, представляет немалый интерес. Встречается это слово впервые в текстах XVII в. и обозначает не только колотушку, которой бьют в гонг, но и *язык колокола*. Удовлетворительного объяснения происхождения этого термина в существующей литературе, кажется, нет. Нам, однако, представляется, что ключ к разгадке истории кхмерского слова *ʔonluːŋ* можно найти в мон-кхмерских языках группы кату. См., например, слова со значением ‘дерево, древесина’ в языках бру (*ʔaːluan*), куай (*ʔəluan*), пакох (*ʔalɔːŋ*) и др. Все они, безусловно, восходят к одной и той же лексеме языка-предка (протокатуического языка), которую П. Сидвелл реконструирует как **ʔalɔːŋ* (<http://sealang.net/monkhmer/dictionary/>). Можно предположить, что имело место заимствование слова в кхмерский из одного из катуических языков (сегмент *-n-*, в этом случае, является эпентезой, появление которой объясняется особенностями кхмерской морфонологии).

4. Разновидностью соскового гонга является гонг *rʰkean*. Каеу Наром указывает, что он относится к сосковым гонгам, см. также объяснение в [Рои 1974: 305]. Обычно *rʰkean* изготавливают из толстого медного листа. Бьют в него при помощи ротанговой колотушки. Подобные гонги можно видеть подвешенными в зданиях

двух других. Как правило, такой ансамбль играл в доме умершего до кремации тела [Кео 2005: 70].

Рис. 5. Сосковый гонг типа рокеанг в монастыре Ват Уналом, Пномпень, 2020 г. (фотография С. Ю. Дмитренко)

на территории буддийских монастырей: в *вихаре* («храме»), *сала чхан* (трапезной) и или расположенными отдельно (например, под специальным навесом) (рис. 5).

Этот гонг используется также в театре *басак* (театральный жанр позднего происхождения, сформировавшийся под китайским влиянием).

Впервые упоминание о гонге *рокеанг* встречается в среднекхмерской надписи из Ангкор Вата (ИМА 36) с не вполне ясной датировкой.

Его высокопреосвященство настоятель Джоттидева [saṃttec jottidevā mahāsāgharāj], движимый (своим) сердцем, что очищено верой, преподнес [букв. ‘принес’] 2 статуи Будды, равного веса, каждая — один хап [≈60 кг] и установил их для поклонения в Святом Маханако [Mahānagar], также [принес он] 4 ракеанга [ragāmñ]

и, чтобы сопровождать игру оркестра, 3 гонга больших и малых [gañ ddhañm me kūñ goñ tūc], 1 гонг-ниам [bādy gañ], 2 пары кимвалов [cheñ], 2 гобоя [sralaiy], 2 барабана [sañbor], 1 ящик для суп¹.

Кхмерское слово *rəkeañ* заимствовано из тямского *ragañ* (это особенно заметно по транслитерации кхмерского термина, которая приведена в цитате из надписи выше). Тямское слово, в свою очередь, может восходить к древняяванскому корню *gañ*, который, вероятно, является по своему происхождению ономотопом. Как видно из приведенного выше фрагмента надписи, в среднекхмерский язык этот древняяванский корень также был заимствован: *gañ ddhañm me kūñ goñ tūc 3* (гlossa: ‘гонг большой мать ребенок гонг маленький 3’) в переводе Пэу Саверос это место выглядит как «une série de trois gongs de dimensions différentes» [Pou 1974: 305] (разные написания слова в этом тексте — *gañ* и *goñ* — пример характерной для среднекхмерских надписей вариативности орфографии). Таким образом, современные кхмерские слова *rəkeañ* и *кэ:η* исторически являются однокоренными и восходят к одному яванскому корню².

5. Еще одной разновидностью соскового гонга является *тэ:η*. Это маленький сосковый гонг с широким ободом, который исполнитель держит в руке подвешенным на шнуре. Используется в ансамбле *чхайам*³: на нем отбивают зачин музыкальной темы, сопровождающей танец. Может также использоваться как монастырский гонг (аналогично *rəkeañ*). Хотя сам термин *тэ:η*

¹ Надпись впервые опубликована Э. Эмонье в 1900, транслитерация, перевод и комментарии сделаны Пэу Саверос [Pou-Lewitz 1974].

² Сходные термины для гонга в австронезийских (тоба батак *ogun*, нганджу *geñ*, тагало *ágoñ*, мараано *agoñ*) также являются, вероятно, заимствованиями из яванского (прямыми или опосредованными) (<https://www.trussel2.com/acd>). Это же относится к названиям гонга в некоторых тайских языках: тай. *khə:ñ*, лао *khə:ñ*.

³ *Чхайам* (*chajjam*) — тип чрезвычайно популярного в Камбодже инструментально-танцевального ансамбля. Несмотря на то, что выступления *чхайам* представляют собой оживленные действия с танцами и выступлением актеров в масках, они сопровождают важные буддийские религиозные обряды (например, пострижение в монахи, шествие мирян в праздник *катхэн*, знаменующий окончание периода вассы).

кажется звукоподражанием (вероятно, по своему происхождению он действительно является оноματοпом), у него есть когнаты в ряде других мон-кхмерских языков: *məj* в палаунг, данау, и рианг (палаунгические языки), *mòj* ‘сосковый гонг’ (монский), *tiŋmoŋ* (млабри), *moŋ* ‘маленький гонг’ (сре), см. также *məj seej tǝŋg hēŋ* ‘самый маленький гонг в ансамбле гонгов’ (бахнар).

С другой стороны, как указывает А. Николас, на Филиппинах термин *tongmongan* ‘сосковый гонг’ засвидетельствован испанскими словарями XVII–XVIII вв., как бытовавший на центральном Лусоне [Nicolas 2009: 86]. Встречается аналогичный корень и в тайских языках: *mòːŋ* тай. ‘звукоподражание удару в гонг’, лао *m̄ːŋ* ‘звукоподражание удару в гонг’, *məj*⁴ шанск. ‘гонг’. Также этот корень представлен в бирманском: *máŋ* ‘гонг’ (см. <http://sealang.net/burmese/dictionary.htm>). Скорее всего, данный термин в языках ЮВА имеет китайское происхождение. Ср. кит. *máng luó* ‘гонг’.

6. Гонг *khmɔəh* является разновидностью плоского гонга. Он делается из меди или латуни и его толщина обычно меньше, чем у гонга *kəːŋ chmɔl*. Размер, как и у гонгов *kəːŋ chmɔl*, может варьироваться. По сведениям Каеу Наром, этот тип гонга первоначально использовался во время свадебного обряда. В частности, в него били в то время, когда свадебная процессия шла из дома жениха в дом невесты [Кео 2005: 232].

Кроме того, гонг *khmɔəh* (или два таких гонга разных размеров) используется в театре *басак*. В этом случае гонг подвешивается на деревянной раме. Удар в гонг сопровождает открытие и закрытие занавеса. Иногда такой гонг именуют китайским словом *lao* (< кит. *luó*).

Этимологически название *khmɔəh* представляет собой отглагольное существительное, образованное от корня *khɔəh* ‘бить, ударять’, при помощи инфикса *-m-*. Интересно, что данный инфикс в кхмерском языке исторически имеет агентивное значение, т. е. ожидаемое значение деривата *kh-m-ɔəh* должно было бы быть ‘тот, кто бьет; музыкант, бьющий в гонг’ (ср., например, *siær* ‘торговать’ > *chtiær* ‘торговец’).

Рис. 6. Изображение военного оркестра на одном из барельефов Ангкор-Вата (XII в.). Музыканты несут подвешенный на перекладине плоский гонг (фотография С. Ю. Дмитренко)

7. В ангорской Камбодже (по крайней мере, начиная со второй половины X века) гонги, безусловно, имели широкое распространение [Blench 2007]. Об этом свидетельствуют как изображения на барельефах (см., например, рис. 5), так и их упоминания в эпиграфических памятниках. При этом для обозначения гонга использовался санскритский по происхождению термин *tāla*, который в современном языке отсутствует. Первые упоминания гонгов в эпиграфики относятся к X в.¹ См., например: *tāla* 6 (K.669C:25) ‘шесть гонгов’ (972 г.); *tāla samrit* (K.370:11) ‘бронзовый гонг’

¹ Примерно этим же временем датируется важная археологическая находка: 61 гонг, обнаруженный на затонувшем в районе Сабаха корабле с грузом китайской керамики. Судно, вероятно, отплыло из Китая и следовало к Борнео, см. [Nicolas 2009: 68].

(978–1077 гг.); *sgar mvay tāla chanda pansam* (К.754В:22) ‘один барабан с благозвучными гонгами в придачу’ (1308 г.).

8. Несмотря на то, что группа лексики, связанной с гонгами, в кхмерском языке относительно невелика (особенно если сравнить ее, например, с лексико-семантическими группами «Бетельная жвачка», «Корзины», «Рыболовные снасти» и др.), она является прекрасной иллюстрацией разнонаправленного культурного и языкового взаимодействия в Юго-Восточной Азии. Среди описанных лексем обнаруживаются заимствования из санскрита, древнеяванского, тямского, китайского языков. Интересные параллели можно обнаружить также с лексикой других мон-кхмерских языков, а также лексикой тайского и лаосского языков.

Литература

1. Станюкович М. В. О собирании и изучении филиппинских музыкальных инструментов в России. Вопросы инструментоведения. Вып. 12. СПб.: РИИИ, 2017. С. 69–74.
2. Федоров Р. В. Роль гонгов в традиционной культуре коренных народов Камбоджи и Филиппин. В печати.
3. Blench R. Ethnographic and archaeological correlates for an mainland Southeast Asia linguistic area. Paper for a volume from the Conference ‘Beyond the Sanskrit Cosmopolis’. ISEAS, Singapore, November 2013. Andrea Acri & Alex Landman eds. ISEAS, Singapore, 2014.
4. Blench R. Musical instruments of South Asian origin depicted on the reliefs at Angkor, Cambodia. [Draft circulated for comment]. 2007.
5. Keo Narom. Cambodian Music. Phnom Penh: Reyum, 2005.
6. Keo Dorivan, Yun Theara, Y Lina, Mao Lenna. Traditional Musical Instruments of Cambodia. Phnom Penh: United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization, [s. a.]
7. Nicolas A. Gongs, bells, and cymbals: The archaeological record in maritime Asia from the ninth to the seventeenth centuries // 2009 Yearbook for Traditional Music. Vol. 41. International Council for Traditional Music, 2009. P. 62–93
8. Pou-Lewitz S. Inscriptions modernes d’Angkor 35, 36, 37 et 39 // Bulletin de l’Ecole française d’Extrême-Orient. T. 61. 1974. P. 301–337.
9. Tra:ne:t Mi:sael. Mea?rea?dak voappa? thoa mo:n-khmae. Phlæk 1. [Мон-кхмерское культурное наследие. Ч. 1]. Phnom Penh, 2006.

S. Yu. Dmitrenko (*Institute for Linguistic Studies, St Petersburg,
dmitrserg@gmail.com*)

GONGS IN KHMER CULTURE (SOME LINGUISTIC REMARKS)

Abstract: *The paper considers Khmer lexis associated with gongs. Gongs play a central part in the religious rites and musical culture of Cambodia as well as of other South-Eastern Asia nations. Khmers use both flat and bossed gongs, the former named kɔːŋ chmɔːl 'male gong', and the latter, kɔːŋ jiː 'female gong'. Other gong names, reflecting the instruments' formal/functional features, are rəkəaŋ, mɔːŋ, and khmɔəh. Khmer gong-related lexis includes borrowings from Old Javanese, Chamic, Sanskrit, and Chinese as evidence of diverse cultural contacts. A range of other lexemes, however, reveal parallels in a number of Mon-Khmer and Tai languages.*

Keywords: *gong, flat gong, bossed gong, khmer culture, etymology.*

Дмитренко С. Ю., Спатарь Н. М.

(Институт лингвистических исследований РАН,
Санкт-Петербург, dmitrserg@gmail.com,
natalia.spatar@gmail.com)

О СЛОВЕ *hetu/haet* ‘причина’ В КХМЕРСКОМ ЯЗЫКЕ¹

Аннотация: В докладе анализируются употребления слова *hetu/haet* ‘причина’ в древнекхмерском, среднекхмерском и современном кхмерском языке. Показано, что на разных этапах развития языка это слово регулярно использовалось и используется для обозначения причинно-следственных отношений между двумя ситуациями. Для древне- и среднекхмерского было возможно самостоятельное употребление *hetu* в качестве причинного союза. В среднекхмерском имеются также случаи употребления *hetu* в предложной функции. В современном языке наиболее распространены употребления слова *haet* как части оборота со значением следствия или части составного показателя «причинного» вопроса.

Ключевые слова: кхмерский язык, древнекхмерский язык, среднекхмерский язык, причинно-следственные отношения, причинная конструкция.

¹ Работа выполнена при поддержке гранта Российского научного фонда № 18-18-00472 «Причинные конструкции в языках мира: семантика и типология». Мы чрезвычайно признательны нашим информантам — д-ру Би Сокконгу и д-ру Миак Боура за обсуждение части материала, представленного в статье. Авторы также выражают благодарность коллегам, ознакомившимся с предварительной версией этого текста — Н. М. Занке и В. С. Храковскому. Разумеется, все ошибки и недочеты полностью остаются на нашей совести.

1. Вводные замечания. Лексема *haet* ‘причина’ достаточно употребительна в современном кхмерском языке. Помимо собственно именной функции она входит в состав ряда показателей (служебных слов) и устойчивых сочетаний, которые используются для обозначения причинно-следственных отношений между двумя ситуациями.

Этимология данного слова очевидна: это индийское заимствование [Pou 2013: 617], восходящее к санскритскому существительному *hetu* ‘причина, основание, довод’ [Monier-Williams 1899: 1303–1304]. Также словари отмечают употребление этого слова в санскрите в функции предлога со значением причины (‘из-за, ради’) [Кочергина 1978: 280].

Имеющиеся данные дают основание предполагать, что санскритское слово было заимствовано в древнекхмерский язык в ангорский период, т. е., условно, после 802 г. н.э. (его употребления в доангорском кхмерском не фиксируются). При этом (как в древнем, так и в современном языке) кхмерское написание «калькирует» санскритскую орфографическую форму (𑄛𑄢𑄟𑄣 транслитерация *hetu*).

Помимо древнекхмерского, данное слово заимствовали и другие старописьменные языки ЮВА: древнемонский (*het*) [Shorto 1971: 403] и древнеяванский (*hetu*) [Zoetmulder 1982]. Тайское *hè:t* и лаосское *hè:t* — слова, имеющие то же значение, были заимствованы из пали в более позднюю эпоху. Зафиксированные в словарях некоторых других тайских и мон-кхмерских языков ЮВА единицы типа *hoo'heet*⁶ ‘причина’ (дай лы) [Hanna 2012: 312] или *het?an* ‘из-за этого’ (различные идиомы пеарической группы) [Baradat 1941] заимствованы уже, соответственно, из лаосского/тайского и кхмерского языков.

2. Слово *hetu* в древнекхмерских текстах. Употребления *hetu* (далее используется транслитерация *hetu* для древнекхмерских и среднекхмерских¹ форм, а транскрипция *haet* — для современного

¹ Древнекхмерским языком принято называть язык VII–XV вв. (условно — до 1431 г.), среднекхмерским — язык XV — конца XVIII вв. (условно — до 1780 г.).

кхмерского) представлены в тринадцати ангорских надписях [Kunthea 2018], созданных в период с X по XI вв. (всего шестнадцать употреблений).

Анализ сохранившихся употреблений *hetu* позволяет разделить их на три типа: существительное ‘причина’ (1), грамматический маркер причины/причинный союз (2), часть маркера следствия (3).

- (1) *man ti stap vyava(3)hāra man mratāñ kurui*
 иметь PASS слушать процесс иметься господин правитель
 (4) *paṃvyatt neḥ 'aṃve ta roḥh (5) neḥh pi kathā*
 подтверждать DEM поступок ATR подобный DEM CONJ сказать
man hetu (6) vāp 'amṛta kathā man bhū(7)mi dai pi
 иметь причина вап PN сказать иметь земля другой CONJ
pre mratāñ kurui to(8)k gol praśasta
 использовать господин правитель выгачить межевой.столб храм

‘Во время процесса правитель подтвердил этот факт, и сказал, что причина в том, что вап Амрита сказал ему, что имеется другая земля, тем надоумив его убрать межевые столбы с храмовой земли’ (K.181B; 962; [Coedès 1954: 140–142]).

- (2) *ri 'nak ta sok (2) nicāya 'nak (3) neḥ phon leñ*
 TOP человек ATR соблазнять группа человек DEM PL оставлять
kaṃ(4)raten jagat (5) 'nak noḥ dau ta (6) naraka lvaḥ
 Владыка.мира человек DEM удаляться PREP ад до
kalpa(7)koti nu santāna (8) phon hetu lap
 десять.миллионов.кальп PREP потомок PL REAS уничтожить
 (9) *kalpanā*
 пожертвование

‘Тот же, кто соблазнит этих людей оставить Владыку мира, отправится в ад на десять миллионов кальп вместе со своими потомками, ибо уничтожит (благочестивое) пожертвование’ (K.518D; 878–977; [Coedès 1942: 75]).

- (3) *mel man 'āśrama ta dai ti 'val ta śū(11)nya*
 смотреть иметь ашрам PTCL другой место все PTCL пустой

'ya[tj]□□ ley gi hetu pi thvāy saṃnvat svaṃ
 NEG совсем COP REAS CONJ.CONS преподнести прошение просить
 vraḥ (12) 'ālakṣa[ṇa] pi cār leṇ kaṃ pi 'āyatta
 королевский.рескрипт чтобы высечь OPT PRON быть.под.юрисдикцией
 ta kaṃlo(13)ñ 'nak phoñ nu 'nak vraḥ
 PTCL сословие.клонь человек PL CONJ человек божий

‘Он увидел, что другие ашрамы пусты и в них нет совсем. Из-за этого он обратился с прошением, чтобы высечен был королевский рескрипт, да не будут (эти ашрамы) под властью клоней и служителей бога’ (K.829; 978–1077; [Coedès 1952: 43–44].

Иногда провести границу между перечисленными случаями оказывается непросто, однако в половине имеющихся древнекхмерских употреблениях *hetu* можно интерпретировать именно как причинный союз. Так, например, именно в этом качестве *hetu* трижды употреблен в тексте надписи из храма Пхимианаках (K.292), известной как «Клятва верности Суьяварману I» (1011 г.).

(4) *daha mān caṃpāñ yeñ (11) udyoga chpāñ*
 COND иметь(ся) битва мы стараться.изо.всех.сил сражаться
nu sarvvātmaṇā vvaṃ sṛivan ta 'āyuḥ hetu bhakti
 INSTR все.существо.свое NEG заботиться PTCL жизнь REAS преданный
 (12) *vvaṃ rat leṇ caṃpāñ*
 NEG бежать покидать битва

‘Если будет битва, с усердием будем мы биться всем существом своим, не заботясь о жизни, ибо те, кто предан (царю) не бегут с (поля) битвы’ (K.292; 1011; [Coedès 1937: 205–216].

3. Слово *hetu* в среднекхмерских текстах. В среднекхмерских текстах имеются случаи употребления *hetu* как в качестве показателя причины, так и в качестве части показателя следствия, однако здесь две эти функции выделяются гораздо увереннее, чем в некоторых из древнекхмерских текстов. Так, текст дидактической поэмы *Sbar koun saw* ‘Правила для потомков’, которую датируют

XVI в. [Pou, Jenner 1977: 167], демонстрирует обе функции *hetu*. В примере (5) это причинный союз, а в (6) часть сочетания (вместе с указательным местоимением *noh* 'тот'), которое можно рассматривать как составной маркер следствия.

- (5) ¹⁸ *muoy sot lok thā / kanlan' nñ phkā // sthān chñāy dīdai /*
 один другой мудрец сказать шмель CONJ цветок место далекий разный
hetu citt cañ' krep // jañjāp' klin nai /
 REAS сердце хотеть высасывать сосать(.нектар) запах GEN
hoer huos crēv₁ crai₂ // ruos
 летать выходить.за.пределы очень.быстрый_{1,2} быть.старательным
rak pupphā
 искать цветок

‘Другой мудрец сказал: «Шмель и цветок далеки друг от друга, (но) поскольку жаждет сердце (шмеля) испить нектар и обонять аромат, он стремится на встречу цветку»’ [Pou, Jenner 1977: 184].

- (6) ²³ *koet jā manuss neḥ / tūc kañ' radeḥ // vil*
 рождаться COP человек DEM быть.подобным колесо телега вращаться
trūv₁ grap' gnā₃ / mñ kāl trūv ge // lhae e ātmā /
 все.вместе_{1,2,3} иметь(ся) время PASS 3 отдыхать PREP душа
hetu noḥ lok thā // proe trāp' but kañ'
 REAS DEM мудрец сказал использовать подражать уподобиться колесо
 ‘Быть человеком, словно быть колесом у телеги, люди крутятся вместе с другими, а иногда в душе их царит покой, поэтому мудрецы говорят «Уподобься колесу и подражай ему!»’ [Pou, Jenner 1977: 185].

Как часть такого маркера следствия *hetu* дважды используется и в тексте другой среднекхмерской дидактической поэмы — *Sbar preah riācsomphīā*, которую относят к XVII в. В качестве показателя причины в этом памятнике используется исключительно слово *tbit*.

- (7) ⁴⁴ *hetu niḥ guor git / guor riḥ₁ rak₂ kit // thnām*
 REAS DEM следовать думать следовать изучать_{1,2} думать снадобье

bis oy srān / ǰă lok neḥ guor // rak anak
 яд CAUS успокоиться LOC мир DEM следовать искать человек
drañ' 3 ñāñ 4 / sep sāñ sīlādān // jā thnām
 Великое.знание_{3,4} предаваться создавать добродетель COP лекарство
lokiy
 мировое

‘Потому следует размышлять и найти лекарство, которое излечит этот мир, следует найти того, кто обладает Великим знанием и творит добродетель — лекарство для мира’. [Pou, Jenner 1978: 382]

Пример употребления *hetu* в среднекхмерской эпиграфике показывает еще одну возможную функцию этого слова: предлога, вводящего именную группу с причинным значением (в древнекхмерских текстах такие случаи не обнаруживаются).

- (8) *hetu te(48)jaḥ phalānisaṅs saṃtec braḥ mahāūpāsak*
 REAS могущество плоды.заслуг Его.Величество Царственный.упасака
mahā(49)rajapabitr smoḥ bvumñākk ai ta
 Великий.святый.государь верный прибежище LOC PTCL
braḥ mahācīratnatrai 2 para(50)mapabitr byit ayt pi
 Три.великих.сокровища_{1,2} пресвятой истинный NEG случаться
l-īeñ ley dep debv cyut (51) mok
 недобросовестный CONT CONS бог воплотиться приближаться
otpātt ai ta mātrodar nai saṃtec 3 braḥ 4 rājade(52)bi 5
 (за)родиться LOC PTCL утроба POSS Ее.королевское.величество_{3,4,5}
diby tá mān buny bhul
 божественный PTCL иметь добродетель появляться.на.(свет)
braḥ 6 rajāputr 7 kopr nu lāks
 принц_{6,7} все OBJ качество

‘Благодаря заслугам Его Божественного Величества, Царственного Упасаки, всегда прибегающего к Трем Великим Драгоценностям, того, чья истинная святость ни в чем не знает изъяна, бог сошел на землю и воплотился в лоне исполненной добродетелями Царственной Королевы, явившись на свет принцем, одаренным всеми достоинствами’ (IMA 3A; 1579; [Lewitz 1970: 110]).

При этом следует иметь в виду, что древнекхмерский и среднекхмерский материал достаточно ограничен (это касается количества имеющихся текстов, их временного распределения, жанровой специфики), а потому может не отражать всех возможных функций слова *hetu* в данные периоды истории языка.

4. Слово *haet* в современном кхмерском языке. В современном кхмерском языке мы также наблюдаем несколько функций *haet*.

1) Как и в древних текстах, слово *haet* употребляется в функции имени со значением ‘причина’ или, даже, ‘происшествие, событие’. Так, например, в примере (9), представляющем собой причинную конструкцию с зависимой именной группой, оно появляется дважды. В первом случае *haet* выступает в качестве вершины предложной именной группы, обозначающей причину (при этом зависимая часть здесь включает стандартный для современного кхмерского показатель причины *daoj sa:*), а в главной части — вершины именной группы, обозначающей объект.

- (9) *daoj₁ sa:*₂ ***haet*** *cɔmlaek* *doucneh* *preah ba:t*
 REAS_{1,2} причина удивительный подобный.этому титул
phu:mɔ:viʔlɔriəcɿə *trɔəŋ jəŋ* *ce:n* *təw* *tɔ:t*
 PN HON шествовать выходить удаляться созерцать
haet *ɤhca:* *nih* *daoj phtɕal* *preah ne:t*
 событие удивительный DEM AUX собственный королевский.глаз
 ‘Из-за столь удивительных причин, Его Величество Пхумоувилориать
 отправился своими глазами взглянуть на эти невероятные события’ (PRPK).

Также *haet* функционирует в значительном количестве компози-
 тов, выступая вместе с другими корнями санскритско-палийского
 (а) или кхмерского (б) происхождения: (а) *niʔmit haet* ‘симптом’
 (*niʔmit* ‘признак, внешний вид, знак’), *haet ka:* ‘инцидент, проис-
 шествие’ (*ka:* ‘дело, действие, деяние’), *haet viʔccɿə* ‘логика, диалек-
 тика’ (*viʔccɿə* ‘знание, наука’), *kəc haet* ‘факт’, *paʔthaʔmaʔhaet* ‘пер-
 вопричина’ (*paʔtʰaʔmaʔ* ‘начальный, первичный’), *meaʔreaʔnaʔhaet*

‘причина смерти’ (*mea?rea?na?* ‘смерть’), (b) *rɔ:k haet* ‘искать повод для ссоры’ (*rɔ:k* ‘искать’), *bəŋkɔ: haet* ‘провоцировать’ (*bəŋkɔ:* ‘провоцировать, вызывать, подстрекать’), *huəh haet* ‘чрезвычайный, необычный, экстраординарный’ (*huəh* ‘выходить за пределы’).

2) В отличие от древнекхмерских текстов, где союзное употребление слова *hetu* было, вероятно, обычным, в современном языке оно является крайне редким и характерно исключительно для письменной речи. Кроме того, *haet* употребляется в качестве причинного союза не самостоятельно, а только как часть составного союза *haet tae*. Составные показатели причины, содержащие компонент *tae* (изолированно — слово со значением ‘только’), могут формироваться и на базе других причинных показателей (*pruh* → *pruh tae*, *daoɔj sa:* → *daoɔj sa: tae*), однако в случае *haet tae* это единственный существующий в языке вариант союза.

- (10) *bo?rəh mneak haet₁ tae₂ cəŋ houp douŋ kɔ: lauŋ beh*
 мужчина один-CLF REAS_{1,2} хотеть есть кокос NARR подниматься срывать
douŋ rəhout thleak bak sv:ŋ
 кокос вплоть.до падать ломать нога
 ‘Один человек, из-за того, что хотел съесть кокос, залез на пальму, упал и сломал ногу’ (Инф.)

- (11) *khɲom khliən nah haet₁ tae₂ nəw phteah rəbɔh khɲom ət*
 1SG быть.голодным очень REAS_{1,2} находиться дом POSS 1SG NEG
miən məhouɔp₃ a:ha: a: tɛ
 иметь еда_{3,4} NEG
 ‘Я голоден, потому что у меня дома нет еды’ (Инф.)

Сопоставление (10) и (11) показывает, что позиция причинной клаузы, вводимой *haet tae*, может быть различной: она может как находиться в препозиции к главной клаузе, так и следовать за ней (это характерно и для причинных придаточных, вводимых почти всеми прочими причинными союзами). Показательно также, что, обсуждая с нами пример (11), информант указал, что он абсолютно

приемлем и грамматически правилен, но, все же, не характерен для устной речи (где в зависимой клаузе, скорее, ожидалось бы показатели *daoj sa.* или *pruh*).

Интерес представляет также пример (12), где союз *haet tae* употреблен в характерной для кхмерского языка формально гибридной структуры, объединяющей каузативную (показатель *thvʔ: aoj*) и причинную (один из показателей причины + показатель следствия *tv:p*) конструкции (подробнее см. [Дмитренко, Храковский 2020]).

- (12) *haet₁ tae₂ phliəŋ thleak khlaŋ tv:p thvʔ: aoj₄ kəmrət tuək*
 REAS_{1,2} дождь падать сильный CONS CAUS_{3,4} уровень вода
lauŋ khpuh bəmpʰot
 подниматься высокий самый
 ‘Из-за того, что пошли сильные дожди, вода поднялась до самого высокого уровня’ (Инф.)

Предложные употребления *haet tae*, аналогичные тем, что фиксировались в среднекхмерском (пример (8)), для современного языка нехарактерны.

3) Достаточно часто (в том числе, в разговорной речи) слово *haet* выступает как часть вопросительных оборотов со значением ‘почему, зачем?’, которые могут иметь различный вид: *haet əvəj*, *haet əvəj ba:n ciə*, *pruh tae haet əvəj* и т. д. Помимо слова *haet* и местоимения *əvəj* ‘что’ (разговорная форма *əj*), такой оборот может включать показатели причины (*pruh tae*) и следствия (*ba:n ciə*).

- (13) *haet₁ əvəj₂ (ba:n₃ ciə₄) boʔrəh nih lauŋ*
 зачем₁₋₄ (причина₁ что₂ CONS₃₋₄) мужчина DEM подниматься
daum₅ douŋ₆ ?
 кокосовая.пальма_{5,6}
 ‘Зачем этот мужчина залез на кокосовую пальму?’ (Инф.)

- (14) *haet₁ douc₂ mdec₃ tv:p₄ cah boʔra:n taen*
 зачем₁₋₄ (причина₁ быть.подобным₂ Q₃ CONS₄) старый древний часто

prɪəp₅ thiəp₆ mənuh cət a:kɾək təw₇ nuŋ₈ tɛ:veaʔtoat?
сравнивать_{5,6} человек сердце плохой PREP_{7,8} Девадатта

‘Почему в старые времена плохих людей часто сравнивали с Девадаттой?’
(Facebook)

- (15) *haet₁ əj₂ tɛ:veaʔda: θvɯ: ba:p mənuh lʔɔ:*
почему_{1,2} (причина₁ что₂) божество делать грех человек хороший
baep nih
вид DEM

‘Почему боги жестоки к хорошим людям?’ (Facebook)

Стандартные ответы на вопросы типа (13)–(15) будут начинаться не только с союза *haet tae*, но и (гораздо чаще, если речь идет о разговорном языке) с более употребительных показателей причины *daoj sa:* и *pruh*.

4) Еще одна распространенная функция *haet* в современном языке, истоки которой можно усмотреть в древнекхмерских употреблениях типа (3), — участие в составе сложных оборотов, которые функционируют в качестве показателей следствия (такие обороты соответствуют русским словам типа *поэтому* или выражениям типа *по этой самой причине*). Обычно в составе подобного оборота *haet* выступает вместе с компонентом *tae*, другими показателями причины и стандартными показателями следствия (*ba:n ciə, tv:p*).

- (16) *a:sraɟ₁ haet₂ nih₃ hauj₄ ba:n₅ ciə₆ knoŋ phiəsa:*
именно.поэтому_{1–6} (REAS₁ причина₂ именно.ЭТОТ_{3,4} CONS_{5,6}) в язык
khmae aoj chmuh dom₇ θmɔ:₈ teaj₉ la:j₁₀ na: dael miən
кхмерский давать имя камень_{7,8} все_{9,10} любой REL иметь
riəŋ douc pu:θaw ru: cɔ:p₁₂ kap₁₃ kba:l sruəc ru:
форма быть.подобным топор или мотыга_{12,13} голова острый или
douc kam₁₄ bət₁₅ tha: «kam₁₆ rɔnteah₁₇»
быть.подобным нож_{14,15} что молния_{16,17}
‘Именно поэтому по-кхмерски называют «молниями» все камни, которые по форме похожи на топор, острие мотыги или нож’

- (17) *phnɔm domrəj rɔmiəl ku: daɔj₁ sa:₂ tae₃ samaj dauum phnɔm nih*
 гора TN COP REAS_{1,2,3} эпоха начальный гора DEM
miən sat domrəj ciə₄ craun₅ ba:n maok rɔəh nəw
 иметь животное слон много_{4,5} PRF приближаться жить находится
lv: ciə phnɔm teaj nih haet₆ nih, hauj₈ ba:n₉ ciə₁₀
 верх ряд гора весь DEM поэтому_{6–10} (причина₆ именно.этот_{7,8} CONS_{9,10})
cah boʔra:n ba:n haw phnɔm nih tha: ciə ciə phnɔm
 старый древний PRF звать гора DEM что COP ряд гора
domrəj rɔmiəl tae₁₁ mɔv:ŋ₁₂
 слон скатываться просто_{11,12}

‘Горы Пном Домрей Ромиаль (называют так) потому, что в прежние времена на этой горной гряде обитало много слонов. Именно поэтому древние прозвали их просто Пном Домрей Ромиаль (букв. *Горы скатывающихся слонов*)’ (<http://bizdoctors.asia>)

По словам информанта, в примере (17) в составе оборота со значением следствия *haet nih hauj ba:n ciə* показатель следствия *ba:n ciə* может быть заменен на синонимичный показатель *tv:p*. Кроме того, данную клаузу легко трансформировать в вопросительную, заменив указательный оборот *nih hauj* ‘именно этот’ на вопросительное местоимение *əvəj*.

Выводы. На протяжении последней тысячи лет слово *hetu/haet* регулярно использовалось и используется в кхмерском для обозначения причинно-следственных отношений между двумя ситуациями. При этом оно функционирует и как лексическая единица со значением ‘причина’, и как грамматический показатель (составляющая грамматического показателя). Для древнекхмерского и средн. екхмерского языка было возможно, в том числе, самостоятельное употребление *hetu* в качестве причинного союза. В среднекхмерском зафиксировано употребление *hetu* в предложной функции (маркер именной группы с причинным значением). В современном языке союзная функция этого слова отошла на второй план (в качестве основных причинных союзов в современном

кхмерском употребляются показатели *pruh* и *daoj sa:*) и гораздо более распространенными стали употребления слова *haet* в качестве одного из составляющих оборота со значением следствия или части вопросительного «причинного» оборота.

Список сокращений

ATR — определение, AUX — служебное слово, CAUS — каузатив, CLF — классификатор, COND — условный союз, CONJ — союз, CONS — следование, CONT — продолженность, COP — связка, DEM — указательное местоимение, INST — инструмент, LOC — локатив, NARR — нарратив, NEG — отрицание, OBJ — показатель дополнения, OPT — оптатив, PASS — пассив, PL — множественность, PN — имя собственное, POSS — посессивность, PREP — предлог, PRF — перфект, PROH — прохибитив, PTCL — частица, Q — вопросительное слово, REAS — причина, REL — относительное слово, TN — топоним, TOP — тема

Литература и источники

1. *Дмитренко С. Ю., Храковский В. С.* Каузатив и причина (обо одной синтаксической конструкции в кхмерском языке). 2020 (в печати).
2. *Кочергина В. А.* Санскритско-русский словарь. М.: Русский язык, 1978.
3. *Baradat R.* Les dialectes des tribus sâmrê. Manuscrit de l'Ecole Française d'Extrême-Orient, Paris. 1941. 267 p. [unpublished manuscript]. Цит. по: <http://sealang.net/monkhmer/dictionary>.
4. *Coedès G.* (éd. et tr.). Inscriptions du Cambodge. Vol. II. Paris: P. Geuthner, 1942.
5. *Coedès G.* (éd. et tr.). Inscriptions du Cambodge. Vol. III. Paris: Éditions De Boccard, 1937.
6. *Coedès G.* (éd. et tr.). Inscriptions du Cambodge. Vol. IV. Paris: Éditions De Boccard, 1952.
7. *Coedès G.* (éd. et tr.). Inscriptions du Cambodge. Vol. VI. Paris: École Française d'Extrême-Orient, 1954.
8. *Hanna W. J.* Dai Lue — English Dictionary. Chiang Mai: Silkworm Books, 2012.
9. *Kunthea Chhom.* Le rôle du sanskrit dans le développement de la langue khmère : Une étude épigraphique du VIe au XIVe siècle. Paris: INALCO, 2018.

10. Lewitz S. VI. Textes en kmer moyen. Inscriptions modernes d'Angkor 2 et 3 // Bulletin de l'Ecole française d'Extrême-Orient. T. 57. 1970. P. 99–126.
11. Monier-Williams M. A Sanskrit-English Dictionary. Oxford: At the Clarendon Press, 1899.
12. Pou S., Jenner P. N. VII. Les *cpâp'* ou "codes de conduite" khmers. III. *Cpâp' kun cau* // Bulletin de l'Ecole française d'Extrême-Orient. T. 64. 1977. P. 167–215.
13. Pou S., Jenner P. N. VIII. Les *cpâp'* ou «Codes de conduite» khmers. IV. *Cpâp Rajaneti* ou *Cpâp' Brah Râjasambhâr* // Bulletin de l'Ecole française d'Extrême-Orient. T. 65. 1978. P. 361–402.
14. Pou S. Lexique de Sanskrit-Khmer-Français. Phnom Penh: Editions Angkor, 2013.
15. Shorto H. L. A Dictionary of the Mon Inscriptions. London: Oxford University Press, 1971.
16. Zoetmulder P. J. Old Javanese-English Dictionary. 1982. <http://sealang.net/ojed>.

S. Yu. Dmitrenko, N. M. Spatari (*Institute for Linguistic Studies, St Petersburg, dmitrserg@gmail.com, natalia.spatar@gmail.com*)

THE WORD *HETU/HAET* IN KHMER

Abstract: *The report addresses the uses of hetu/haet 'cause' in Old Khmer, Middle Khmer, and Modern Khmer. It shows that the word signaling cause-consequence relations between two situations has been regularly employed in this capacity during the different stages of Khmer history. In Old Khmer and Middle Khmer, hetu could occur as a full-fledged causal conjunction and in Middle Khmer, also in a prepositional function. In Modern Khmer, it is most frequently found in the form of haet as a part of a consequence construction or a component of a compound "causal" question marker.*

Keywords: *Khmer; Old Khmer; Middle Khmer; cause-consequence relations, causal construction.*

Ефремова К. А.

(Московский государственный институт международных
отношений (университет) МИД России, Москва,
efremova@mgimo.ru)

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ БИРМАНИСТЫ И БИРМАНИСТИКА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Аннотация: *В настоящем докладе рассматривается эволюция бирманистики в СССР и России, ее преемственность и динамика. Автор анализирует биографические данные отечественных специалистов по Мьянме со знанием бирманского языка, чтобы проследить их профессиональную карьеру. Бирманисты-практики (дипломаты, переводчики и др.) не включаются в их число.*

Ключевые слова: *Мьянма, Бирма, бирманистика, филология, этнография, экономика, история, политика, регионоведение, международные отношения*

История российско-бирманских отношений восходит к середине XIX века, когда между Британской и Российской империями развернулась «Большая игра» за контроль над Центральной Азией, Южной Азией и прилегающими территориями. Первые попытки установить контакт между династией Конбаун и династией Романовых предпринимались в 1873–1875 гг. Это было время, когда Нижняя Бирма пала жертвой имперских амбиций Лондона, и бирманский король Миндон отчаянно искал дипломатического содействия России в своей борьбе против британских колонизаторов.

Однако его надеждам не суждено было осуществиться. В 1885 г. Верхняя Бирма также была захвачена англичанами, и российско-бирманские отношения прервались на несколько десятилетий.

После Октябрьской революции 1917 г. новое советское правительство, лелеющее мечту о мировой революции, обратило свои взоры к Азии, все еще находившейся под колониальным гнетом. Появление академического интереса к Мьянме в СССР восходит к концу 30-х гг. XX в., когда эта юговосточноазиатская страна была выведена из состава Британской Индии и превратилась в отдельно управляемую колонию. После того, как Мьянма получила независимость в 1948 г. и между Москвой и Янгоном были установлены тесные дружественные отношения, этот интерес только возрос.

С начала 1950-х гг. бирманистика в СССР переживала расцвет. В 1951 г. группа выпускников Московского института востоковедения (МИВ, создан в 1920 г., в 1954 г. слился с МГИМО) с китайским и японским языками поступила в аспирантуру по новой для них и для нашей страны специальности — исследования Юго-Восточной Азии. Среди них были Анна Петровна Муранова, Афанасий Федорович Жабреев, Игорь Павлович Азовский. Все эти люди, посвятившие свою жизнь бирманистике, впоследствии пришли на работу в Институт востоковедения АН СССР (основан в 1818 г.).

После официального визита премьер-министра У Ну в Москву в октябре 1955 г. и ответного визита советских партийных и государственных деятелей Николая Александровича Булганина и Никиты Сергеевича Хрущева в Янгон в декабре 1955 г., двусторонние отношения вышли на самый высокий уровень. В 1957–1961 гг. советские инженеры и специалисты построили для мьянманцев три подарочных объекта: Янгонский технологический университет, фешенебельную гостиницу «Инья Лейк» в Янгоне и ультрасовременную больницу в Таунджи, названную в честь известного шанского политика Сао Сан Тхуна — одного из девяти «героев-мучеников», погибшего вместе с генералом Аун Саном от рук наемных убийц 19 июля 1947 г.

В 1955 г. бирманский язык был включен в список дисциплин, преподаваемых в Московском государственном институте международных отношений (МГИМО) МИД СССР. Первыми учителями экзотического языка были Тамара Андреевна Гуськова и ее ученица Светлана Дмитриевна Борисенко, которым помогали приглашенные из Мьянмы профессора У Маун Маун Ньун и У По Чжо Мьин. В 1969 г. на кафедру пришел У Аунг Вин (У Тин Вин) — мьянманский коммунист, оставшийся жить и работать в СССР. Начиная с 1973 г., бирманский язык будущим дипломатам преподавала также выпускница МГИМО, сотрудник ИВ АН СССР Ирина Михайловна Тагунова.

В 1957 г. отделение бирманской филологии было открыто на Восточном факультете ЛГУ им. А. А. Жданова. Первый (1957–1962) и второй (1958–1963) выпуски студентов-бирманистов дали нашей стране таких выдающихся ученых как Алла Дмитриевна Бурман, Елена Александровна Западова, Вадим Борисович Касевич, Рудольф Алексеевич Янсон и другие. Р. А. Янсон и В. Б. Касевич известны не только своими научными трудами, но и высоким педагогическим мастерством. Именно они подготовили целую плеяду отечественных филологов-бирманистов.

Одна из первых выпускниц бирманского отделения Востфака ЛГУ, Ольга Анатольевна Тимофеева преподавала бирманскую филологию в Институте стран Азии и Африки (ИСАА) МГУ им. М. В. Ломоносова, начиная с 1967 г. Все эти годы, вплоть до своего ухода на пенсию в 2014 г., ей помогал Чен Ир (У Чо Зо). В 2016 г. О. А. Тимофеева получила благодарность от председателя Комиссии по развитию общественной дипломатии и поддержке соотечественников за рубежом Общественной палаты Российской Федерации Е. В. Суторминой за ее вклад в развитие российско-мьянманских гуманитарных и деловых связей. В 2019 г. она также ушла на пенсию, передав эстафету преподавания бирманского языка в ИСАА МГУ им. М. В. Ломоносова другой выпускнице ЛГУ/СПбГУ, Марии Витальевне Тихомировой.

За 65 лет подготовки специалистов со знанием бирманского языка в стране была создана практически с нуля новая отрасль востоковедения — бирманистика. Подготовка исследователей-бирманистов велась в разных областях, таких, как филология, этнография, история, политика, экономика. Часть их стала научными работниками, а другая часть занялась практической деятельностью (дипломаты, переводчики и т.д.).

Анализируя биографии советских / российских ученых, которые внесли свой вклад в становление отечественной бирманистики как субдисциплины востоковедения (например, успешно защитили кандидатские и докторские диссертации, опубликовали научную монографию или словарь), можно выделить следующие закономерности:

Во-первых, очевидна преемственность поколений в различных научных сферах (больше в филологии, меньше в экономике, но она присутствует везде). Младшее поколение российских бирманистов строит свои умозаключения на прочном фундаменте, заложенном их старшими коллегами. Безусловно, советская методология была весьма несовершенной и подверженной идеологическому влиянию, что приводило зачастую к искаженному пониманию мьянманской действительности (особенно это касается общественных наук). Вместе с тем, советское академическое наследие нельзя недооценивать.

Более того, сами ученые-бирманисты старшего поколения после распада СССР пересмотрели свои подходы к изучению истории, политики и экономики Мьянмы — т. е. тех сфер, где раньше доминировала марксистско-ленинская догматика, — и пришли к более глубокому и взвешенному пониманию того, что происходило и происходит сейчас в Мьянме. Хорошим примером подобного переосмысления является фундаментальная «История Мьянмы/Бирмы. XX век», написанная в конце 2000-х гг. В. Ф. Васильевым, которого по праву считали патриархом отечественной бирманистики.

Во-вторых, в отечественном сообществе бирманистов всегда практиковался широкий обмен идеями и опытом. Это не позволяет

говорить о существовании автономных региональных школ советской/российской бирманистики («ленинградской», «московской» и т. п.), поскольку выпускники ЛГУ/СПбГУ, ИСАА МГУ и МГИМО переходили из вуза в вуз, приходили работать в одни и те же академические институты и встречались на дипломатической службе. Корректнее было бы объединять отечественных бирманистов не по региональным школам, а по дисциплинарным областям специализации: филологи, историки, культурологи, религиоведы, искусствоведы, экономисты, политологи и пр.

В-третьих, сама дисциплинарная специализация бирманистов была непостоянной: нередко были случаи, когда выпускники-филологи с бирманским языком продолжали обучение в аспирантуре по другим специальностям: история, политология, экономика и т. п. Некоторые из них сочетали научные исследования с педагогической деятельностью или дипломатической работой, в то время как другие полностью посвящали себя практической деятельности (переводчики, дипломаты и т. д.). Бирманисты-практики, коих было немало, не попали в наш список по формальным признакам (отсутствие ученой степени). Исключение было сделано лишь для преподавателей-аспирантов и составителей словарей.

Ну и, наконец, в-четвертых, необходимо отметить высокий уровень подготовки отечественных бирманистов — как старшего, так и младшего поколения. Несмотря на то, что количество публикаций по Мьянме после распада СССР резко сократилось, их качество осталось неизменно высоким. Такое сокращение научного интереса к Мьянме можно объяснить политической конъюнктурой: в 50–60-х гг. прошлого века, когда советско-мьянманские отношения переживали подъем, количество отечественных специалистов, посещавших Мьянму, было значительно большим, чем сейчас. Советские идеологи восхваляли «Бирманский путь к социализму», пока не убедились в ущербности автаркической политики генерала Не Вина. 1980-е гг. были временем разочарования. Новая волна интереса к Мьянме поднялась было в начале 1990-х, когда эта страна вышла из самоизоляции

и начала демонстрировать высокие темпы экономического роста, однако этот интерес не был удовлетворен из-за доминирования во внешней политике Б. Н. Ельцина атлантического вектора. И лишь в начале 10-х гг. нынешнего столетия, после «поворота России на Восток», контакты между Москвой и Нейпидо начали восстанавливаться. Сегодня российско-мьянманские отношения более прагматичные и взаимовыгодные, чем когда-либо в их истории, и научные работы отечественных бирманистов отражают эту тенденцию.

Литература

1. *Богданов К. М.* Бирманистика: краткий очерк возникновения и развития отрасли востоковедения. 25.03.2010. // Официальный сайт ИВР РАН. URL: http://www.orientalstudies.ru/rus/index.php?option=com_content&task=view&id=2554&Itemid=143.
2. *Другов А. Ю., Мосяков Д. В., Фомичёва Е. А.* Отдел Юго-Восточной Азии Института востоковедения РАН во второй половине XX и в XXI вв. // Вестник ИВ РАН. 2018. №2. Р. 13–22.
3. *Захаров А. О.* Игорь Можейко и московская школа востоковедения. // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2018. Т. 1, № 1. С. 5–23.
4. *Листопадов Н. А.* «Сая» — значит «учитель» // Азия и Африка сегодня. 2003, №7. С. 60–65.
5. *Милибанд С. Д.* Востоковеды России. XX — начало XXI века: библиографический словарь. В 2 т. М.: Восточная литература, 2008.
6. *Муранова А. П.* Изучение истории Бирмы в СССР // Советская историография Юго-Восточной Азии. М.: Наука, 1977. С. 11–58.
7. *Муранова А. П.* Марина Георгиевна Козлова (1929–2014). // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2014, №5. С. 213–216.
8. *Муранова А. П.* Слово о Владимире Федоровиче Васильеве (1924–2010). // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2011. № 16. С. 6–11.
9. *Симакин С. А.* К 85-летию со дня рождения Игоря Всеволодовича Можейко. Малоизвестные эпизоды. // Официальный сайт Российской ассоциации дружбы и сотрудничества с Республикой Союз Мьянма. URL: <http://druzhbarm.ru/2019/10/15/k-85-letiyu-so-dnya-rozhdeniya-igorya-mozheiko>.
10. Факультету международных отношений МГИМО(У) МИД России 60 лет. / Под ред. Ю. А. Булатова. М. МГИМО(У) МИД России, 2003. 147 с.

K. A. Efremova (Moscow, Russia) Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, efremova@mgimo.ru

SOVIET/RUSSIAN SPECIALISTS IN MYANMAR STUDIES AND THE DISCIPLINE: A HISTORICAL OVERVIEW

Abstract: *This piece of research is dedicated to evolution of Myanmar studies in the USSR/Russia. The author tries to collect and analyse biographic information on Soviet/Russian scholars who were trained as Myanmar specialists with command of the Burmese language, to trace their academic careers. Those Myanmar specialists who chose practical work (e.g. diplomats, interpreters, etc.) were not included in this list.*

Keywords: *Myanmar, Burma, Philology, Ethnography, Economy, History, Politics, Area Studies, International Relations.*

Зарбалиева Л. Х.

(Азербайджанский университет языков, Баку,
laurazarbaliyeva@yahoo.com)

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В ИНДОНЕЗИИ В ПЕРИОД ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Аннотация: В статье рассматриваются языковая ситуация в Индонезии в условиях глобализации, положительная и отрицательная стороны влияния глобализации на государственный и местные языки. В ней вскрываются пути и способы обогащения словарного состава индонезийского языка заимствованиями из английского языка, выясняются возможные пути защиты, сохранения чистоты, а также развития государственного и местных языков.

Ключевые слова: глобализация, индонезийский язык, заимствования, языковая ситуация, местные языки.

1. Введение

Сегодня глобализация продолжает проникать в различные сферы общества. В этом процессе огромную роль играет английский язык как основной язык бизнеса, науки и средств массовой информации в мире. Потому и его называют также языком глобализации. Чем больше расширяется сфера употребления английского языка, тем шире становятся его возможности и сфера влияния на языки мира. Не остался в стороне от этого влияния и индонезийский язык, являющийся языком общения более двухсот пятидесяти

миллионов людей. Даже беглый взгляд на научную и популярную литературу показывает насколько открыт индонезийский язык для пополнения своей лексики заимствованиями из английского языка. Заимствования в основном охватывают новые понятия, связанные с развитием науки и техники, но проникают также в лексику экономической, политической, культурной, бытовой и других сфер. С точки зрения обогащения словарного состава индонезийского языка это является, конечно, положительным фактором.

Однако по мере расширения влияния английского языка как языка глобального возникает и определенная угроза чистоте, оригинальности языков как национальных, так и этнических меньшинств. Этот вопрос особенно актуален для Индонезии, где наряду с общегосударственным языком, существуют и несколько сотен языков этнических меньшинств. Для предотвращения этого языкового империализма правительство Индонезии принимает различные меры. Этим вопросом занимается специальное заведение при Министерстве образования и культуры Индонезии — Агентство по языкам и вопросам книг (далее Агентство). Однако было бы неверно ожидать, что только одно это заведение, имеющее в различных провинциях страны свои отделения, и осуществляющее контроль над защитой государственного и местных языков, может справиться с такой задачей. Этим вопросом должны заниматься все соответствующие организации. Кроме того, защита индонезийского языка как одного из основных атрибутов единства индонезийского народа является гражданским долгом каждого индонезийца.

2. Роль английского языка в индонезийском обществе

Необходимость изучения в Индонезии иностранных языков, особенно английского языка, который имеет международный статус, растет изо дня в день. Одним из главных причин этого является то, что в современном индонезийском обществе знание этого языка считается важным элементом пути, ведущего к достижению

успеха. Знание английского языка является одним из основных условий для поступления на работу во многих учреждениях, предприятиях страны. Поэтому в Индонезии число молодых людей, получивших образование в англоязычных странах, постоянно растет. В соответствии с требованиями времени растет и интерес к специальности «английский язык» в университетах. Кроме того, в ряде университетов страны по определенным специальностям преподавание ведется на английском языке. Функционируют также англоязычные международные средние школы. В таких школах ученики даже внеучебное время общаются на английском, и нередко разговаривая на родном языке, переходят на английский или, наоборот. Во многих случаях такие дети не проявляют интереса к изучению языка этнической группы, к которой они принадлежат, на котором говорят их родители. Например, дети индонезийки по имени Диах за время проживания в Азербайджане получали образование на английском языке. Они между собой и с родственными сверстниками, получившими образование на английском языке, говорили на английском, а с родителями — на индонезийском языке. Несмотря на то, что их родители между собой говорили на яванском, они не хотели изучать этот язык, боясь, что яванское произношение создаст им трудности в английской и индонезийской речи. Произносительные особенности местных языков, особенно яванского, между индонезийцами часто становятся предметом шутки.

В университетах студентам в качестве учебного материала, наряду с литературой на индонезийском языке, рекомендуется также литература на английском. Современный индонезийский язык является сравнительно молодым — история его начинается с начала XX века. Нехватка литературы на этом языке компенсируется англоязычной литературой.

В Индонезии издается ежедневная англоязычная газета *The Jakarta Post*, вещается по государственному каналу *TVRI* выпуск новостей на английском языке. Различные телевизионные каналы демонстрируют фильмы (с субтитрами на индонезийском языке)

и передачи на английском языке. В фильмах актёры, в телевизионных передачах ведущие, в интервью известные лица часто употребляют слова и выражения на английском языке.

В некоторых случаях названия художественных фильмов (например, *The Way I Love You* ‘Как я полюбил тебя’, *Wedding Agreement* ‘Свадебный договор’) и телевизионных передач (*Headline News* ‘Главные новости’ на канале *Metro TV*, *Weekend List* ‘Список на выходные’ на канале *NET*) представляются на английском языке. На страницах печати часто употребляются слова и выражения на английском (например, *social distancing* ‘социальное дистанцирование’, *hand sanitizer* ‘санитайзер для рук’), хотя в самом индонезийском языке есть их соответствия. За этой модой, свойственной печати, следуют также чиновники в своих официальных выступлениях, преподаватели и студенты в университетских аудиториях. В местах, которые часто посещают туристы, названия объектов общественного питания (*The Brotherhood* ‘Братство’) и учреждений (*Jakarta Convention Centre* ‘Джакартский конференционный центр’), рекламные щиты (*Service HP* ‘Сервис мобильных телефонов’) и предупреждающие надписи (*No smoking* ‘Не курить!’) в основном указываются на английском языке. Присвоение предприятиям торговли английские названия, указание географических названий на английском языке (например, *The Blue Paradise Island // Nusa Penida* ‘Голубой райский остров’), конечно, направлено на привлечение клиентов. Однако употребление английских слов и выражений наблюдается даже в речи чиновников самого Агентства, в трудах и речах лингвистов, писателей.

Согласно статьям 25–42 Конституции Республики Индонезии, во всех вышеуказанных случаях должен употребляться индонезийский язык, а при необходимости могут применяться местные языки. Лишь в особых случаях допускается применение иностранных языков [Undang-Undang Republik Indonesia Nomor 24 Tahun 2009].

Вообще, в Индонезии говорить на английском языке или же, по меньшей мере, употреблять в своей речи английские слова и выражения считается в определенном смысле элементом пре-

стижа. Поэтому люди, владеющие им в недостаточной степени, пытаются как-то приспособиться к моде. Как отмечает и Сахрил, некоторые даже делают вид, что говорить на индонезийском языке им будто труднее, нежели на английском, демонстрируя тем самым свою особую способность говорить на английском [Sahril 2008: 6].

В действительности влияние английского языка в Индонезии начало расти еще в 1965 году с открытием здесь пути потоку иностранного капитала, увеличением числа визитов в страну деловых кругов из Европы, США, Австралии и Японии. В 50-е годы прошлого столетия доминирующее положение здесь все еще занимал голландский язык, но в 1970-е годы он уже был вытеснен английским языком. Неслучайно, что в декабре 1967 г. решением министра Культуры и образования Индонезии английскому языку был дан статус самого важного иностранного языка [Кондрашкина 1986: 70–71]. Как отмечала Е.А.Кондрашкина еще в 80-ые годы прошлого столетия, «пока в стране проводится политика *открытых дверей* для иностранного капитала, престиж английского языка будет оставаться высоким» [Кондрашкина 1986: 72].

Считается, что проникновение Западной культуры в индонезийское общество посредством фильмов, телевизионных передач и реклам, которые демонстрируются на английском языке, англоязычной литературы, социальных сетей, молодежи, обучавшейся на Западе, и другими путями оказывает на него серьезное отрицательное влияние, и что глобализация создает угрозу индонезийским ценностям. Направленность глобализации на создание глобальной культуры пропагандой Западной культуры и установлением гегемонии над локальной культурой не может не вызывать беспокойства в индонезийском обществе. В стране английскому языку уделяется очень большое внимание, тогда как индонезийский и местные языки оставлены без должного внимания. Не во всех школах выделяют достаточное количество часов на преподавание местных языков.

Согласно указанию губернатора провинции Восточной Нуса Тенгары от 2018 г., в рамках «дня английского языка» в каждую среду все население провинции как в общественных местах,

так и на местах работы должны говорить на английском языке. Хотя этот шаг был предпринят с целью способствовать развитию туризма и повышать уровень знания английского языка населения для коммуникации с туристами, как заявил глава отделения по вопросам языка этой провинции, все же противоречит соответствующей статье Конституции о языке [Taolin].

История показывает, что в свое время малайский язык, которым пользовались в быту в Сингапуре, не выдержал конкуренции с английским языком, в результате чего английский стал основным языком страны. Малайский язык, употребляемый в Малайзии, тоже подвергся очень серьезному влиянию английского языка [Riyan Fernandes 2019: 111–112]. Хотя малайская община Сингапура сознает, что малайский язык является их культурным наследием, все же считает английский язык необходимым для деловой жизни детей в будущем. Поэтому большинство малайцев стараются говорить со своими детьми на английском языке и отдавать их в школы, где обучение ведется на этом языке. В Малайзии постоянное пропагандирование английского языка ради глобализации, интернационализации и экономических целей здесь значительно подняло его престиж, создало условия для широкого использования его.

Не исключено, что с такой же ситуацией столкнется и индонезийский язык. Крайняя склонность к английскому языку может привести к нанесению серьезного ущерба не только индонезийскому, но и местным языкам. Молодые люди, проживающие в больших городах, особенно те, у кого родители являются представителями различных этнических групп, не проявляют интереса к изучению языков родителей и общаются с ними на индонезийском языке. А индонезийский язык, которым они пользуются, в условиях сильного влияния на него английского языка становится все более «загрязненным», подвергается отрицательному влиянию глобализации. Примеры Сингапура и Малайзии показывают, что для предотвращения этого необходимо принять эффективные меры.

Однако сказанное выше о равнодушии к индонезийскому и местным языкам нельзя отнести ко всем индонезийцам, и это

вовсе не означает, что языки и культура Индонезии полностью остались без внимания. Наоборот, большинство индонезийцев, которые гордятся своим культурным наследием, борясь против отрицательного влияния глобализации, стараются беречь свои родные языки и культуры, носителями которых они являются.

3. Пути обогащения индонезийского языка в условиях глобализации

Инновации, изменения, происходящие в обществе, научно-техническом прогрессе вследствие распространения четвертой индустриальной революции, естественным образом находят свое отражение и в языке. В соответствии с инновациями, новыми понятиями, возникающими в процессе глобализации, развивается и обогащается также терминологическая лексика языка. Доминирование английского языка в терминотворчестве многих языков неоспорим. В Индонезии для более быстрого осуществления обмена научной информацией область терминологии всегда была открыта для английского языка. Агентство по языкам и вопросам книг, которое до 2018 г. функционировало как Языковой центр (*Pusat Bahasa*), регулярно готовит руководства, связанные с терминологией. В этих руководствах дается толкование новых терминов и других заимствованных слов, указываются области их употребления.

Обогащение словарного состава индонезийского языка заимствованными словами и выражениями производится различными способами:

1. Путем перевода. При этом сохраняются как содержание, так и форма слова, взятого из другого языка. Например: англ. *skyscraper* ‘небоскреб’ → *pencakar langit* ‘небоскреб’. Однако иногда при сохранении содержания форма может не соответствовать оригиналу. Ср.: англ. *supermarket* ‘супермаркет’ → *pasar swalayan* ‘супермаркет’ (букв. “базар самообслуживания”).

Содержание рекомендаций, данных в руководствах относительно перевода терминов, таково:

а) значение того или слова может быть дано не одним словом, например: англ. *psychologist* ‘психолог’ → *ahli psikologi* ‘психолог’,

б) положительная и отрицательная формы терминов сохраняются, например: англ. *illiterate* ‘безграмотный’ → *niraaksara* ‘безграмотный’,

в) слова по возможности переводятся теми же частями речи, какими они выражены в оригинале, например: англ. *transparent* ‘прозрачный’ (прилагательное) → *bening* ‘прозрачный’ (прилагательное),

г) термины, имеющие в оригинале форму множественного числа, переводятся в форме единственного числа, например: франц. *charge d'affaires* ‘временный поверенный’ → *kuasa usaha* ‘временный поверенный’.

В тех случаях, когда трудно перевести то или иное слово, можно придать уже имеющемуся в индонезийском языке слову новое значение. Например: англ. *factoring* ‘факторинговая операция’ → *anjak piutang* ‘факторинговая операция’.

2. Путем калькирования:

а) приведением написания и звучания слов в соответствие с индонезийскими, например: англ. *camera* ‘камера, фотоаппарат’ → *kamera* ‘камера, фотоаппарат’.

б) приведением форм слов в соответствие с индонезийским написанием, сохраняя оригинальное звучание, например: англ. *file* ‘папка’ → *fail* ‘папка’.

в) приведением звучания слов в соответствие с индонезийским, сохраняя форму языка-источника, например: англ. *bias* ‘преломление’ → *bias* ‘преломление’.

г) сохранением формы и звучания слов как в языке-источнике, например: *internet* ‘интернет’ → *internet* ‘интернет’ [Pedoman Umum Pembentukan Istilah, 13–16].

Инновации в области технологии происходят так быстро, что невозможно так же быстро включать термины, созданные в связи с этими инновациями, в словари. Поэтому часто индонезийские специалисты употребляют новые термины так же, как в языке-

источнике, откуда они взяты. Потом эти термины постепенно популяризуются. Если даже в дальнейшем устанавливаются их соответствия в индонезийском языке, все же предпочтение отдается тем терминам, которые уже стали популярными. Например, несмотря на то, что в словарях уже зафиксированы термины *mengunduh* и *perbaruan*, часто вместо них употребляются соответственно *download* / *men-download* 'скачать' и *update* / *meng-update* 'обновить'.

4. Защита индонезийского и местных языков в условиях глобализации. Деятельность Агентства по языкам и вопросам книг

Процесс глобализации, как было отмечено выше, оказывает на языки, наряду с положительным, также и отрицательное влияние. «Загрязнение» индонезийского языка подобно многим другим вследствие проникновения английского языка вызывает большую обеспокоенность среди лингвистов. Индонезийский язык является средством единства и интеграции всех местных этносов и представителей других народов, населяющих Индонезию. Утрата им этих функций может создавать угрозу целостности страны. Соответствующие институты, сознающие насколько важна защита индонезийского и местных языков, с этой целью осуществляют различные мероприятия. В стране часто проводятся конференции местного и международного масштабов, соревнования среди молодежи по вопросам языков и культур, издаются научная литература и различные словари. Кроме того, правительство Индонезии ежегодно выделяет стипендии иностранным гражданам для изучения языка и культуры Индонезии в этой стране (*Darmasiswa* и Программа по изучению культуры и искусства Индонезии), направляет преподавателей в зарубежные университеты для преподавания индонезийского языка за счет средств правительства Индонезии (по линии Министерства образования и культуры Индонезии), проводит в зарубежных странах фестивали культуры Индонезии и т. п.

В деле защиты индонезийского языка наибольшая ответственность падает на Агентство. Это агентство, являющееся заведением с широким кругом деятельности, занимается стандартизацией и управлением индонезийского языка, а также защитой местных языков, и имеет свои отделения в 22-х провинциях.

Одним из самых важных результатов деятельности Агентства является подготовленный и изданный им «Большой словарь индонезийского языка». Этот нормативного характера словарь, охватывающий полный словарный состав индонезийского литературного языка, считается самым полным и самым точным. Через каждые пять лет он пополняется и переиздается. А электронная версия его обновляется два раза в год.

В рамках программы развития и защиты индонезийского языка и литературы Агентством совместно со своими отделениями в провинциях издаются такие научные журналы, как *Ranah: Jurnal Kajian Bahasa* (Равнина: журнал лингвистических исследований; издается главным управлением Агентства в Джакарте), *Jentera: Jurnal Kajian Sastra* (Колесо: журнал литературоведческих исследований), *Kandai* (издается отделением на Южном Сулавеси), *UNDAS: Jurnal Hasil Penelitian Bahasa dan Sastra* (UNDAS: Журнал результатов исследований по языкам и литературе; издается отделением на Южном Калимантане), *Medan Makna* (Поле значений), *Tuah Talino* (издается отделением на Западном Калимантане), *LOA: Jurnal Ketatabahasaan dan Kesusastaan* (LOA: журнал по вопросам грамматики и литературы; издается отделением на Восточном Калимантане), *BATRA* (издается отделением в провинции Бенгкулу на западном побережье острова Суматры), *BIDAR* (издается отделением на Южной Суматре), *Jurnal Bahasa Indonesia bagi Penutur Asing* (Журнал по индонезийскому языку для иностранцев; издается главным управлением Агентства в Джакарте) [*Jurnal-el Badan Bahasa*].

Агентство каждый год по случаю годовщины Организации «Клятва молодежи» в октябре в рамках «Месячника языка» среди студентов проводит языковые дебаты, конкурс рассказчиков, теа-

тральный фестиваль, обсуждение книг, фестиваль короткометражных фильмов [Bulan Oktober, Bulan Bahasa dan Sastra].

С целью широкого распространения соответствий новых иностранных слов и выражений среди населения Агентством разработан электронный список этих слов и выражений для компьютеров и мобильных телефонов (*Senarai Padanan Istilah Asing Indonesia* — SPAI). Благодаря этой разработки пользователи могут не только ознакомиться с новыми терминами, но также вносить свои предложения [Senarai Padanan Asing Indonesia di Ruang Publik]. Однако в силу того, что отделения Агентства не имеют полномочий осуществлять контроль над учреждениями, не входящими в структуру Министерства Образования и Культуры, в 2007 году правительство дало органам местных властей специальные инструкции по защите и разитию государственного и местных языков [Sahril 2008: 3].

Местная власть Особого столичного округа Джакарты в сотрудничестве с Агентством осуществляет контроль над названиями действующих здесь предприятий, учреждений. Тем, предприятиям, учреждениям, которые частично или полностью названы на английском языке, делают устное предупреждение и требуют от них замены названия. Например, прежние названия учреждений *Ciputra Mall* и *Mestika Bank* заменены соответственно на *Mal Ciputra* и *Bank Mestika*, имеющие свойственные индонезийскому языку форму и структуру [Nurhayati].

Однако сотрудник Меданского (Суматра) отделения Агентства Сахрил с большим сожалением отмечает, что деятельность отделений в провинциях, открытых как результат заботы правительства о языках, не удовлетворительна. Он желает, чтобы сотрудники отделений проявляли больше усилий для исследования и развития языков, для языкового строительства, и чтобы результаты проведенных исследований принесли пользу народу [Sahril 2008: 7, 9]. Конечно, защита языка не должна ограничиваться только проведением работ на правительственном уровне, это и моральный долг каждого носителя языка. В этом деле особая ответственность лежит на специалистах по языкам.

На семинаре Агентства в 2019 г., посвященном государственному языку, лингвистами были выдвинуты ряд мнений и предложений относительно защиты индонезийского языка. По мнению Харияди, чтобы законы об индонезийском языке и его использовании действовали, необходимо вести просветительскую работу среди населения [Hariyadi 2019: 393]. И Кетут Дарма Лаксана выдвинул предложение, согласно которому отделением Агентства следует дать полномочия по контролю над названиями учреждений, предприятий и т.п. [Laksana I Ketut Darma 2019: 81]. Мух. Чаелани Аль-Пансори предложил применение штрафных санкций за нарушение правил использования языков [Al-Pansori 2019: 151]. Внесение подобных предложений в список мероприятий, проводимых в рамках защиты государственного и местных языков, несомненно, поможет более оперативному предотвращению имеющихся недостатков в этой области.

4. Заключение

В период глобализации английский язык оказывает большое влияние на языковую ситуацию в Индонезии. В соответствии с требованиями глобализации заимствованиями из английского обогащаются, восполняют пробелы в своем словарном составе не только индонезийский язык как государственный, но и местные языки. Однако принятые меры для предотвращения отрицательного влияния, которое оказала и может оказать глобализация на языки, недостаточны и требуется принятие более эффективных мер. Поэтому необходимы расширение полномочий Агентства по языкам и вопросам книг, проведение регулярных просветительских работ через средства массовых информации и телевидение, направленных на защиту государственного и местных языков, и усиление внимания к их изучению в учебных заведениях.

Литература

1. Al-Pansori Muh.Jaelani. Hegemoni Bahasa Pelancong di Kawasan Wisata Lombok: Tantangan Optimalisasi Otonomi Daerah terhadap Bahasa Negara // Prosiding Seminar dan Lokakarya. Pengutamaan Bahasa Negara di Ruang Publik: Perkuat Pengawasan. 2019. Hlm. 291–307. <http://badanbahasa.kemdikbud>.

go.id/lamanbahasa/sites/default/files/Kumpulan%20Makalah%20Semiloka%20Pengutamaan%20Bahasa%20Negara%202019.pdf.

2. Bulan Oktober, Bulan Bahasa dan Sastra. <https://gln.kemdikbud.go.id/glnsite/bulan-oktober-bulan-bahasa-dan-sastra>.

3. Fernandes Riyan. Jurnalisme Warga dan Gerakan Sadar Berbahasa Indonesia di Ruang Publik // Prosiding Seminar dan Lokakarya. Pengutamaan Bahasa Negara di Ruang Publik: Perkuat Pengawasan. 2019. Hlm. 101–114. <http://badanbahasa.kemdikbud.go.id/lamanbahasa/sites/default/files/Kumpulan%20Makalah%20Semiloka%20Pengutamaan%20Bahasa%20Negara%202019.pdf>.

4. Hariyadi. Strategi Penegakan Pengutamaan Bahasa Resmi Negara di Ruang Publik. // Prosiding Seminar dan Lokakarya. Pengutamaan Bahasa Negara di Ruang Publik: Perkuat Pengawasan. 2019. Hlm. 387–403. <http://badanbahasa.kemdikbud.go.id/lamanbahasa/sites/default/files/prosiding/ProsidingSemiloka-BahasaNegaradiRuangPublik-2019.pdf>.

5. Jurnal-el Badan Bahasa. <https://ojs.badanbahasa.kemdikbud.go.id/jurnal>.

6. Laksana I Ketut Darma. Penguatan Pengawasan Pengutamaan Bahasa Negara di Ruang Publik: Kasus di Daerah Pariwisata Kecamatan Nusa Penida // Prosiding Seminar dan Lokakarya. Pengutamaan Bahasa Negara di Ruang Publik: Perkuat Pengawasan. 2019. Hlm. 77–98. <http://badanbahasa.kemdikbud.go.id/lamanbahasa/sites/default/files/Kumpulan%20Makalah%20Semiloka%20Pengutamaan%20Bahasa%20Negara%202019.pdf>.

7. Nurhayati S. Rokhmah. Pengaruh Globalisasi terhadap Eksistensi Bahasa Indonesia. <https://www.kompasiana.com/nunungsuryani/5517fedba333115307b661fc/pengaruh-globalisasi-terhadap-eksistensi-bahasa-indonesia>.

8. Pedoman Umum Pembentukan Istilah. Jakarta: Pusat Bahasa, 2007. http://badanbahasa.kemdikbud.go.id/lamanbahasa/sites/default/files/Pedoman_Umum%20Pembentukan_Istilah_PBN_0.pdf.

9. Sahril. Bahasa dan Perhatian Pemerintah. Satu Upaya Memperkukuh Jati Diri Bangsa // Medan Makna. 2008. Vol. 5. No 1. Hlm. 1–9.

10. Senarai Padanan Asing Indonesia di Ruang Publik. https://spai.kemdikbud.go.id/v1/web/index.php?to=tentang_kami.

11. Taolin Antonius Un. Aturan Rabu Wajib Bahasa Inggris di NTT Dainggap Cacat Hukum. <https://www.gatra.com/detail/news/386985-Aturan-Rabu-Wajib-Bahasa-Inggris-di-NTT-Dianggap-Cacat-Hukum>.

12. Undang-Undang Republik Indonesia Nomor 24 Tahun 2009 tentang Bendera, Bahasa, dan Lambang Negara, serta Lagu Kebangsaan. <https://www.hukumonline.com/js/pdfjs/web/viewer.html?file=/pusatdata/viewfile/lt4a8148e111ba4/parent/lt4a8148b5af61c>.

13. Кондрашкина Е. А. Языковая ситуация и языковая политика. Москва: Наука, 1986.

L. H. Zarbaliyeva (Azerbaijan University of Languages, Baku,
laurazarbaliyeva@yahoo.com)

LANGUAGE SITUATION IN INDONESIA IN THE ERA OF GLOBALIZATION

Abstract: *This article deals with the language situation in Indonesia under globalization, and with the positive and negative effects of globalization on the national and local languages. The author explores how the Indonesian vocabulary is being enriched with the English loanwords; then highlights the possible ways of the language protection and the maintenance of the language purity, and the development of the national and local languages.*

Keywords: *Globalization, the Indonesian language, loanwords, language situation, local languages.*

Зорин А. А.

(Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, azlivingma@gmail.com)

РЕКОНСТРУКЦИЯ СНАРЯЖЕНИЯ ВЬЕТНАМСКОГО ВОИНА ПЕРИОДА ДИНАСТИИ ЧАН

Аннотация: На основе письменных, изобразительных и археологических источников был реконструирован образ гвардейца из Дайвьета периода правления династии Чан (1225–1400). Затрагиваются вопросы экипировки, костюма, используемых материалов и их сходства с китайскими аналогами. Данная работа позволяет ознакомиться с материальной культурой вьетнамских воинов среднего звена.

Ключевые слова: Дайвьет, династия Чан, костюм, армия, доспехи.

Введение

Проблема экипировки войск в феодальном Вьетнаме на данный момент еще не была подробно затронута в отечественных и зарубежных работах, и изучению вьетнамского военного костюма уделяется значительно меньшее внимание, чем его китайским или японским аналогам. Ключевым препятствием при изучении вьетнамского военного костюма является практически полное отсутствие археологических находок, что можно объяснить вьетнамским климатом и многочисленными разрушительными войнами на территории Вьетнама. Тем не менее, до наших дней дошло

достаточное количество других видов источников, чтобы с определенной точностью реконструировать некоторые элементы вьетнамского военного костюма периода династии Чан (1225–1400). Ключевыми письменными источниками при написании данной работы выступили «An Nam chí lược» Ле Така (1335 г.) — подробная энциклопедия о Дайвьете, в которой среди прочего затрагивается придворный костюм династии Чан, «Đại Việt sử ký toàn thư» Нго Ши Льена (1479 г.) — наиболее полный и подробный летописный свод Вьетнама, и «Binh chế chí», раздел «Lịch triều hiến chương loại chí», посвященный военному делу, Фан Хюи Тю (1809–1819). Раздел «Аннам ты лыок» про придворные одеяния дает нам определенное представление о некоторых элементах одежды, которую могли носить войска Дайвьета. Упоминания в «Дайвьет шы ки тоан тхы» служат доказательством использования доспехов или иных элементов снаряжения в войсках феодального Вьетнама. В «Бинь те тыи» упоминаются некоторые особенности снабжения вьетнамских войск XV–XVI веков, которые скорее всего можно перенести и на XIII–XIV века.

Изобразительные источники данной работы включают в себя картину «Trúc Lâm đại sĩ xuất sơn đồ» конца XIV — начала XV века, изображающую процессию императора Чан Няи-тонга. Данная картина интересна нам с точки зрения изучения вьетнамского придворного костюма династии Чан, так как на ней изображены вьетнамские придворные разных рангов. Определенный интерес также представляют ваза династии Чан с изображением двух воинов и статуэтка воина, обнаруженные при раскопках крепости Тханглонг и хранящиеся во вьетнамском национальном музее истории в городе Ханой.

Единственный археологический источник данной работы — железный шлем с широкими полями, обнаруженный при раскопках крепости Тханглонг и хранящийся в музее военной истории в городе Ханой. Этот шлем представляет особый интерес, так как он сильно отличается от шлемов, изображенных на упомянутой выше статуэтке воина и на статуях из пагоды Лонгдой, значимом

источнике по доспехам династии поздних Ли (1009–1225). Так как на статуях скорее всего изображены аристократы в богатых доспехах, обнаруженный шлем можно с достаточной точностью отнести к снаряжению рядовых солдат или войск камкуан («запретных» войск, гвардии).

История развития военного костюма в феодальном Вьетнаме характеризуется постепенным отказом от использования личной защиты из металла в пользу использования таких материалов, как кожа и различные ткани. Окончательный переход скорее всего произошёл при правлении династии поздних Ле (1428–1789), так как в этот период появляются как статуи, облаченные в доспехи [Trinh Quang Vu 2008 : 200–202], так и изображения свиты в церемониальных костюмах из ткани [Ветюков 2007]. При правлении династии Чан, по всей видимости, ещё достаточно активно использовались доспехи из чешуек, схожие с доспехами династии поздних Ли, которые в свою очередь во многом повторяют доспехи китайской династии Тан (618–907) [Tran quang Duc 2013: 133–134]. Тем не менее, следует понимать, что в условиях средневекового общества далеко не всем воинам были доступны доспехи из металлической чешуи, которые требовали большого вложения сил и средств при изготовлении. Скорее всего такие доспехи были доступны только верхушке вьетнамского общества, в то время как рядовые солдаты были вынуждены довольствоваться гораздо более скромными средствами. В данной работе затрагивается нечто среднее между этими двумя крайностями — придворные гвардейцы так называемых запретных войск «камкуан», которые имели доступ к большим ресурсам, чем рядовые солдаты, но не могли позволить себе такую дорогую экипировку, как аристократия.

Костюм

В крайнем правом углу картины «Чук лам дай си суат сон до» изображены придворные в двухслойных одеждах (рис. 1). Мы не можем быть уверены, что это воины камкуан, так как они одеты

Рис. 1

в «гражданскую» одежду, а не облачены в доспехи, нет на них и шлемов. Впрочем, ряд фактов позволяет предположить, что если изображены не воины камкуан, то хотя бы представители близкого к ним ранга: в отличие от многих других изображенных на картине фигур, у них нет обуви, что свидетельствует об их сравнительно низком ранге. Их двухслойная одежда с украшенными поясами более богата, чем однослойная одежда с ткаными поясами носильщиков паланкина или погонщика слона, в то же время сужающиеся рукава на их нижней одежде говорят о том, что это военная форма, так как такая одежда была бы значительно удобнее при ведении боя, чем одежда с широкими рукавами, в которую одеты другие участники процессии. Наиболее важный показатель того, что перед нами воины – предметы, которые они держат в руках. По всей вероятности, это крупные булавы, подобные тем, что встречаются на статуях воинов периода поздних Ле [Trinh Quang Vu 2008: 206]. Мы видим, что они одеты в два слоя верхней одежды – белый нижний, достигающий колен и имеющий длинные зауженные рукава, и темный верхний с рукавами, достигающими плеча. Скорее всего нижний слой одежды представляет собой запахиваемый халат, подобный тому, что изображен на носителях паланкина и погонщике слона (рис. 2). У этого халата

Рис. 2

четко прослеживаемый шов на середине спины, при этом на них не видно швов на плечах, что позволяет предположить, что такие халаты сшивались из двух кусков ткани с рукавом на каждой. Верхний слой, напротив, имеет круглый подшитый ворот и шов по центру груди, что позволяет предположить, что он сшивался из двух кусков ткани со швами на груди и спине. Мы не можем установить, какого цвета верхний слой одежды, так как картина выполнена в черно-белом стиле. Согласно «Аннам тыи лыок», военные офицеры носили пурпурные одежды:

«Bọn chức quan, tá chức đều đội khăn, mặc áo tía, thắt đai xéo...»
[Annam chí lược 2016: 261]

«Гражданские и военные чиновники носят тюрбаны, одеты в пурпурную одежду и опоясаны косыми поясами///
»

Вполне вероятно, что верхняя одежда воинов камкуан также была пурпурной.

Описываемые нами придворные на картине не имеют штанов и обуви, однако в «Аннам тьи лыок» упоминается, что даже обычный народ носил белые штаны из шелка и обувь из кожи.

«Từ vương, hầu đến thứ dân thường hay mặc xiêm màu huyền, cổ tròn, quần bằng lụa trắng, thích đi giày da» [Annam chi luoc 2016: 261]

«От выонгов, хоу и до простого народа все часто носят черные сьемы (разновидность нижнего белья, похожего на фартук), [одежду] с круглым воротом, штаны из белого шелка и обувь из кожи»

Нам достаточно хорошо известна выкройка китайских штанов династии Мин, которая с минимальными изменениями сохранилась до XX века, и, по всей вероятности, существовала и до правления Мин [Сычев 1975 : 31–32]. Это штаны с широкой талией и большим углом между штанинами, придававшим им мешкообразный вид. Многие фигуры на картине «Чук лам дай си суат сон до» изображены в светлых штанах — их длинные верхние одежды не позволяют рассмотреть устройство этих штанов, но мы можем предположить, что они не сильно конструктивно отличались от своих китайских аналогов и действительно были сшиты из белого шелка. Сложнее обстоит вопрос с обувью — на картине изображены чиновники, обутые в туфли, состоящие из подошвы, пятки и двух частей, сшитых вдоль середины стопы. Учитывая, что обута на картине «Чук лам дай си суат сон до» лишь небольшая часть чиновников, и что свиты более поздних династий чаще всего также изображались с босыми ногами, мы пришли к выводу, что воины камкуан династии Чан скорее всего не использовали обувь в бою, а на церемониях могли носили кожаные туфли.

Следует отметить, что описанный нами костюм варьировался в зависимости от времени года и от случая к случаю. Воины, изображенные на вазе династии Чан имеют только набедренные повязки (рис. 3) и тюрбаны (рис. 4) на головах, похожим образом одеты и солдаты династии поздних Ле [Trinh Quang Vu 2008: 201].

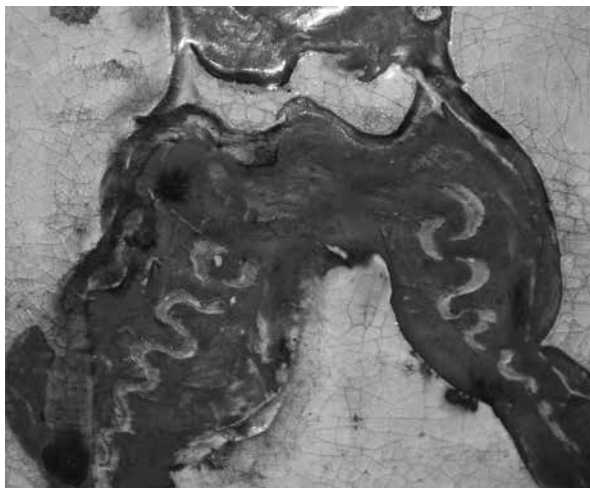

Рис. 3

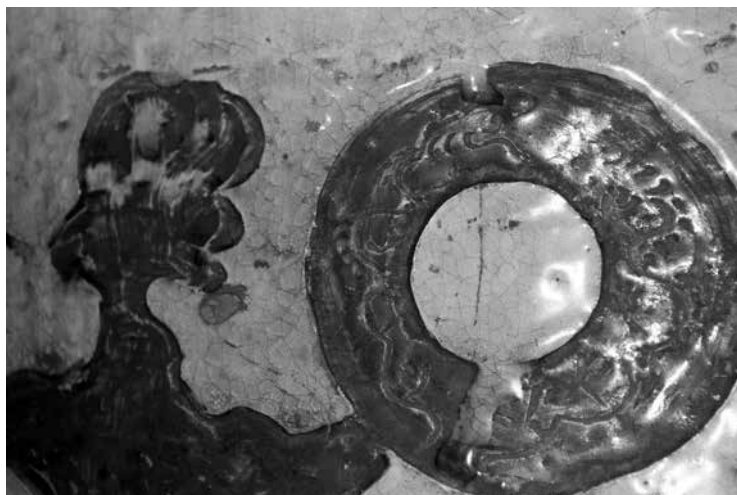

Рис. 4

Следует отметить узоры на бедрах воина, которые обозначают татуировки в виде драконов. Мягкий климат Вьетнама не требовал от солдат Дайвьета тепло одеваться, и они могли иметь «летнюю» форму, состоящую из набедренной повязки и тюрбана, и «зимнюю» с более сложной одеждой. Разумеется, для нас больший интерес представляет «зимняя» форма.

Головные уборы

«...Все носили четырехугольные шляпы с плоским верхом <такая шляпа делалась из кожи, [имела] плоский верх, четыре стороны скреплены между собой, сверху была узкой, внизу — широкой. Такой способ [кроя] сохранялся до времен восстания [ныне] правящей династии, да и потом оставался прежним>» [Дайвьет шы ки тоан тхы 2012: 74]

Под восстанием правящей династии подразумевается Ламшонское восстание (1417–1428), а значит, подобного рода головные уборы использовались и при династии Чан. Как и в случае с кожаными туфлями, такие головные уборы скорее всего использовались в большей степени вне боевых действий, так как они бы не предоставляли практически никакой защиты. В бою же могли использоваться упомянутые в «Аннам ты лыок» тюрбаны, служившие подшлемниками для железных шлемов. Такие тюрбаны состояли из нескольких длинных полосок ткани, несколько раз обмотанных вокруг головы, завязанных сверху и спускавшихся сзади, как крылья стрекозы [Tran Quang Duc, 2013, 75], в подобного рода головных уборах изображены воины на вазе династии Чан.

Доспехи

Использование доспехов в средневековом Вьетнаме остается спорной и неизученной темой. Упоминания доспехов в «Дайвьет шы ки тоан тхы» встречаются довольно часто – порядка десяти раз за период V–XIV веков. Кроме того, ряд сохранившихся до наших дней храмовых статуй дают нам довольно точное представление

о доспехах, используемых аристократией. Тем не менее, о доспехах рядовых солдат нам известно крайне мало. Особый интерес для нас представляет цитата из «Дайвьет шы ки тоан тхы», относящаяся к 1401 году (то есть сразу после падения династии Чан), описывающая войско в бедственном положении.

«...Phải nướng áo giáp bằng da để ăn, quân phải trở về.» [Dai Viet su ky toan thu 2013: 436]

«...они были вынуждены готовить доспехи из кожи, чтобы их есть, войска должны были вернуться...»

Эта краткая запись подтверждает не только существование кожаных доспехов в Дайвьете начала XV века, но и их достаточно широкое распространение. В пользу теории об использовании кожаных доспехов говорит и «Бинь те тьи» Фан Хуи Тю:

«Áo mũ của ngoại binh thì dùng da trâu sơn đỏ.» [Lich Trieu Hien Chuong Loai Chi, 72]

«Одежда и головные уборы солдат изготавливались из кожи буйвола, покрытой красной краской».

Под головными уборами скорее всего подразумеваются упомянутые выше четырехугольные шляпы либо один из других видов головных уборов, упоминающийся в «Бинь те тьи» по отношению к династии поздних Ле, но не к более ранним династиям. Под одеждой же скорее всего как раз имеется в виду упомянутые выше кожаные доспехи.

На данный момент нельзя установить точную форму и строение кожаных доспехов периода Чан. Вполне возможно, что это был просто выполненный из кожи вариант металлических доспехов — в таком случае он имел форму кожаных чешуек, нашитых на кожаную или матерчатую основу. На описание кожаных доспехов, данное в «Бинь те тьи», подходят доспехи, использовавшиеся народом И на юге Китая в средневековье и вплоть до XX века. Хранящийся в американском

Рис. 5

Источник: <https://www.metmuseum.org/art/collection/search/658575>
(Дата обращения 17.09.2020)

музее Метрополитан под номером 2014.592 доспех народа И (рис. 5) относится к XII–XIII векам, то есть является современником династии Чан. Этот доспех состоит из нескольких крупных кожаных пластин, образующих нагрудник, и ламеллярной юбки. Чаще всего доспехи народа И покрывались красной краской и расписывались узорами. Такой доспех схож как с описанием, данным Фан Хуи Тю, так и с образцами доспехов на более ранних вьетнамских статуях, которые тоже состоят из нагрудника и чешуйчатой юбки. Таким образом, можно предположить, что пусть и не идентичные, но схожие

доспехи использовались и войсками камкуан династии Чан. На статуэтке воина, обнаруженной в крепости Тханглонг (рис. 6 и 7) также

Рис. 6

Рис. 7

Рис. 8

изображен нагрудник, однако ключевым отличием от доспехов народа И является использования чешуи, а не пластинок, на юбке — это видно по узору на юбке и на защите шеи.

Единственный доступный нам археологический источник — железный шлем, обнаруженный при раскопках крепости Тхан-глонг (рис. 8) не украшен и имеет простую округлую форму с широкими полями и, по всей вероятности, был изготовлен из одного листа металла. Эта простота в изготовлении позволяет нам заключить, что этот шлем был предназначен для рядовых войск, а не для аристократии или высших военных чинов. У основания его купола с двух сторон можно увидеть небольшие отверстия — если это не результат воздействия ржавчины или износа, то скорее всего за эти отверстия крепился шнур, благодаря которому шлем мог закрепляться за подбородок воина. Такие шлемы были крайне простыми при изготовлении и скорее всего изготавливались массово, об этом свидетельствует и «Дайвьет шы ки тоан тхы»:

«Приказали изготовить несколько тысяч [боевых] шлемов и раздать их войскам.» [Дайвьет шы ки тоан тхы 2013: 100].

Реконструкция

В таком случае можно следующим образом реконструировать комплекс «зимнего» снаряжения воина династии Чан:

Воины нередко имели татуировки в виде драконов на бедрах, и наиболее необходимым предметом их гардероба была простая набедренная повязка (рис. 9). Поверх черного сьема воин надевал белый запахивающийся халат с узкими длинными рукавами и мешковатые штаны из белого шелка, подпоясанные тканым поясом (рис. 10). Поверх этого халата надевалась верхняя одежда из пурпурного шелка, достигающая колен и имеющая короткие рукава до середины плеча, поверх надевался более украшенный пояс (рис. 11). На голову воин надевал либо тюрбан, либо покрытый красной краской кожаный четырехугольный головной убор. В качестве доспехов воин надевал покрытую красной краской кожаную кирасу с чешуйчатой юбкой и простой железный шлем (рис. 12).

Рис. 9

Рис. 10

Рис. 11

Рис. 12

Литература

1. *Trần Quang Đức*. Ngàn năm áo mũ. Thế giới; Công ty Văn hoá và truyền thông Nhã Nam, 2013.
2. *Đại Việt sử ký toàn thư* (trọn bộ). Nhà xuất bản Thời Đại, 2013.
3. *Trịnh Quang Vũ*. Trang phục triều Lê-Trịnh. Nhà xuất bản từ điển Bách Khoa, 2008.
4. *Phan Huy Chú*. Lịch triều hiến chương loại chí. T. 5, Binh chế chí — Văn tịch chí — Bang giao chí. T. P. Hồ Chí Minh, nhà xuất bản trẻ, 2014.
5. *Lê Tắc*. An Nam chí lược. Nhà xuất bản Hồng Đức, 2016.
6. Полное собрание исторических записок Дайвьета (Дайвьет шы ки тоан тхы): в 8 т. / пер. с ханвьета и коммент. К. Ю. Леонова и А. Л. Федорина при участии М. Ю. Ульянова; предисл. вступит. ст. и прил. А. Л. Федорина. М.: Вост. лит., 2002. Т. 3. Основные анналы. Гл. I–IV. 2012.
7. *Сычев Л. П., Сычев В. Л.* Китайский костюм. Символика. История. Трагедия в литературе и искусстве. М.: Наука, 1975.
8. *Ветюков В. А.* Вьетнамский военный костюм в эпоху Ле (1428–1789). Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, 2007.

A. A. Zorin (*Saint-Petersburg State University, St. Petersburg, azlivingma@gmail.com*)

RECONSTRUCTING THE EQUIPMENT OF A TRAN DYNASTY VIETNAMESE WARRIOR

Abstract: *An attempt at reconstructing the equipment of a Tran dynasty (1225–1400) camquan warrior was made based on “Annam chi luoc”, “Đại Việt sử ký toàn thư”, “Binh chế chí”, archeological evidence and the XIV–XV century painting “Trúc Lam đại sĩ xuất sơn đồ”.*

Keywords: *Daiviet, Tran dynasty, clothing, army, armour.*

Игнатъев М. А.

(Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, ignatev-mihail@rambler.ru)

СВОЕОБРАЗИЕ СИСТЕМЫ ЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ В ТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация: *В данной статье речь идет о таких специфических особенностях системы личных местоимений в тайском языке, как взаимозаменяемость используемых в качестве личных местоимений лексических единиц, высокая степень их независимости от грамматических категорий лица и числа, расплывчатость границ между существительным и местоимением, определяющая роль контекста, наконец, властвование частных случаев над системным подходом.*

Ключевые слова: *тайский язык, грамматика, местоимения, личные местоимения.*

Одной из главных особенностей тайского языка является его сложная и вариативная система личных местоимений. Несмотря на то, что в тайском языке слова, используемые в качестве личных местоимений, формально имеют разные морфологические признаки лица, это не способствует упрощению их употребления ввиду целого ряда причин.

Во-первых, в тайском языке разделение местоимений по категориям лица на практике оказывается весьма условным, несмотря на то, что во всей учебной литературе (как в крайне немногочисленной русскоязычной, так и в англоязычной) по тайскому языку приво-

дится список принятых, как бы «фиксированных» местоимений 1-го, 2-го и 3-го лица. Да и с теоретической точки зрения, как отмечает составитель первого тайско-русского словаря Л. Н. Морев, «система личных местоимений (...) характеризуется наличием в каждом разряде нескольких слов с одинаковым значением, но разной стилистической окраской» [Морев 1964: 958].

Л. Н. Морев приводит список из двадцати наиболее употребительных форм личных местоимений (10 форм местоимений первого лица, 7 — второго, 3 — третьего) [Морев 1964: 959] и описывает наиболее подходящий контекст для использования каждого из них. Еще более подробный список личных местоимений тайского языка был представлен профессором Калифорнийского университета Джозефом Куком (18 форм местоимений первого лица, 17 — второго, 8 — третьего) [Cooke 1968: 38–40]. К сожалению, даже знания такого, казалось бы, многочисленного списка форм местоимений зачастую оказывается недостаточно, поскольку носители тайского языка в своей живой речи используют еще большее число лексических комплексов, выражаемых личным местоимением.

Во-вторых, личные местоимения в тайском языке, равно как и существительные, не имеют категории числа. Иногда только контекст позволяет определить, обозначает ли подлежащее один предмет или несколько. Тем не менее, все же существует особая группа существительных для обозначения категории множественности у того или иного подлежащего. Если подлежащее выражено личным местоимением, употребляется слово «*пхуак*» (พวัก — здесь и далее в скобках дается вариант написания на т. яз.), которое при переводе на русский язык означает «группа» или «команда». Именно с его помощью образуется, например, «официальное» местоимение 3-го лица множественного числа «они» — «*пхуак кхау*» (พวักเขา). В данном случае первое слово («*пхуак*») становится служебным и обозначает множественность лиц; второе же слово («*кхау*») выступает в своей обычной смысловой роли местоимения 3-го числа единственного числа «он/она». На первый взгляд, такое правило образования местоимения «они» может показаться

незамысловатым, однако сложность заключена в том, что правило это не гарантирует применения именно такой конструкции носителем языка в живой речи, если он захочет использовать местоимение «они»: напротив, указанный лексический комплекс считается в тайском языке чересчур официальным, формальным, и потому в повседневных разговорах тайцы, как правило, ограничиваются употреблением в значении местоимения «они» одного только слова «*кхау*» — которое, как уже было упомянуто, «формально» является местоимением 3-го лица единственного числа «он/она». Таким образом, местоимение «*кхау*» как бы теряет свою «формальную» категорию единственного числа и становится более универсальным, обретая вдобавок еще и категорию множественного числа.

Эти особенности позволяют утверждать, что едва ли не наибольшую сложность в плане какой бы то ни было унификации личных местоимений в тайском языке представляет их полная или относительная взаимозаменяемость. Свойственная тайскому языку «гибкость» в этом аспекте грамматики проявляется в полной мере. В предыдущих двух пунктах мы уже отмечали вариативность тех или иных местоимений, а сейчас для большей наглядности приведем еще несколько примеров.

Так, слово «*рау*» (เรา), которое считается общей формой местоимения 1-го лица множественного числа «мы» [Морев 1964: 959], в других случаях может употребляться в качестве местоимения 1-го лица единственного числа «я» или выступать в роли местоимения 2-го лица единственного числа «ты/вы». Иными словами, это личное местоимение имеет три варианта употребления, отличающихся друг от друга как по категории лица, так и по категории числа.

Аналогичным образом не сковано грамматическими категориями и слово «*тхэ*» (เธอ), которое в одном случае (например, во фразе «я тебя люблю» — «*чхан рак тхэ*» (ฉันรักเธอ)) используется в качестве местоимения 2-го лица единственного числа «ты», а в другом (во фразе «она пришла на работу» — «*тхэ ма тхынг тхи тхам нган*» (เธอมาทำงาน)) — в качестве местоимения 3-го лица единственного числа «она».

Подобную «вариативность» чуть ли не каждого личного местоимения в тайском языке следует принимать как данность. Она существенно осложняет перевод вырванных из контекста фраз, в которых используются личные местоимения. В итоге роль контекста становится определяющей — не только при переводе с тайского языка, но и при построении фразы (в тайском языке) с использованием личного местоимения.

Во многом именно контекстом обуславливаются особенности выбора местоимений и в более частных случаях. К примеру, если ученик, разговаривая с учителем (т. е. лицом более высокого статуса и возраста), захочет сказать о себе в 1-ом лице, он никогда не прибегнет ни к одному из по меньшей мере десятка вариантов местоимений 1-го лица единственного числа; вместо этого он использует слово «ну» (หนู), которое буквально переводится на русский язык как «мышь», и сделает это, чтобы подчеркнуть разное статусное положение разговаривающих. Более того, если ученику потребуется выразиться об учителе в 3-ем лице, он не станет использовать ни расхожее «кхау» (เขา), ни вежливое «тхан» (ท่าน), которое также может употребляться и как местоимение 2-го лица, и как местоимение 3-го лица, — он скажет об учителе с помощью терминов «кхру» (ครู) или «атян» (อาจารย์), которые переводятся на русский язык как «учитель» или «преподаватель», — т. е. употребит не местоимение, а существительное с нужным по смыслу семантическим свойством.

По этой же логике строятся диалоги между родственниками: если ребенок захочет сказать о матери в 3-ем лице (к примеру, во фразе: «она пошла домой» — «мэ пай тхи бан» (แม่ไปที่บ้าน)), он назовет ее «мэ» (แม่) — «мать», а о себе в 1-м лице (допустим, во фразе «я хочу есть» — «ну ху» (หนูหิว)) скажет при помощи все того же существительного «ну» (หนู) — «мышь», которое в данном случае выступит в роли местоимения 1-го лица единственного числа «я».

Таким образом, многочисленные термины родства («отец» (พ่อ), «мать» (แม่), «старший брат/сестра» (พี่), «младший брат/сестра» (น้อง), «дедушка по отцовской линии» (ปู่), «бабушка по отцовской линии»

(«йа» — ย่า), «дедушка по материнской линии» («та» — ตา), «бабушка по материнской линии» («йай» — ยาย), «дядя» («лунг» — ลุง) и др.), а также наименования профессий («преподаватель» («атян» — อาจารย์), «врач» («мо» — หมอ) и др.), будучи существительными по грамматической категории, берут на себя функции личных местоимений.

В результате граница между употреблением имени существительного и местоимения в тайском языке становится расплывчатой. Если в русском языке существует четкое различие, какой частью речи является подлежащее во фразах «преподаватель читает книгу» и «он читает книгу» (в первом случае подлежащее «преподаватель» выражено существительным, во втором случае — подлежащее «он» выражено местоимением), то в тайском языке в обоих случаях подлежащим может быть одно и то же слово «атян» (อาจารย์) — «преподаватель» — которое может выражаться как существительным, так и местоимением.

Частой заменой личным местоимениям в повседневной речи тайцев становятся никнеймы или прозвища (т.н. «чы лен» (ชื่อเล่น) — короткие, в подавляющем большинстве случаев односложные слова, которые используются вместо официальных имен и фамилий — замысловатых многосложных слов пали-санскритского происхождения с глубоким символическим значением), которые употребляются в значении местоимений 1-го, 2-го и 3-го лица чаще всего в разговорной речи и переписке между друзьями. Авторы подробного англоязычного учебника по грамматике тайского языка приводят следующий пример употребления таких прозвищ: «Студент (Кит) использует свой никнейм при обращении к себе (в качестве местоимения 1-го лица), а никнейм своей знакомой, студентки Ум, — при обращении к ней (в качестве местоимения 2-го лица)» [Iwasaki, Ingkaphirom 2005: 56].

Помимо того, в тайском языке существует отдельная группа местоимений, которые используются в разговоре между буддийским монахом и мирянином, т.е. представителями двух принципиально разных социальных групп в тайландском обществе. Самым

распространенным из таких «особых» форм местоимений можно считать слово «*аттама*» (อาตมา), которое используется монахами в качестве местоимения 1-го лица единственного числа. В учебнике тайского языка приводятся следующие особенности употребления термина «*аттама*» (อาตมา): «...он используется буддийскими монахами в качестве местоимения 1-го лица, когда они обращаются к незнакомым мирянам и монахам более низкого ранга» [Iwasaki, Ingkaphirom 2005: 49]. К примеру, если монах захочет сказать мирянину: «следуйте за мной», — он употребит именно эту форму местоимения «я»: «*там аттама*» (ตามอาตมา).

Еще одной «особой» формой личного местоимения служит слово «*йом*» (โยม), которое употребляется буддийскими монахами как в значении существительного «мирянин», так и в значении местоимения 2-го лица единственного числа «ты/вы» в первую очередь по отношению к мирянам. Эту специальную форму местоимения монахи используют даже при обращении к родителям. В поисках примера ее употребления в художественной литературе обратимся к новелле известного тайского писателя Кыкрита Прамота (1911–1995) «Святой отец Сэм», входящей в цикл из 11 новелл под общим названием «Множество жизней» (на русский язык книга не переводилась; здесь и далее перевод с тайского языка наш — М. И.). Главный герой новеллы, монах Сэм, использует слово «*йом*» в адрес своей матери, которая пришла забрать его из монастыря: «*йом йа уиток пай лёй*» (โยมอย่าวิตกไปเลย) — «тебе не о чем волноваться» [ศิริฤทธิ ปราโมช 2549: 45].

Однако термин «*йом*», как следует буквально из следующей фразы диалога между матерью и сыном, используют в своей речи не только монахи: мать Сэма в течение всего разговора с сыном-монахом употребляет слово «*йом*» в качестве местоимения 1-го лица единственного числа «я» — допустим, во фразе: «*йом ко ке лэу*» (โยมก็แก่แล้ว) — «а я уже состарюсь» [ศิริฤทธิ ปราโมช 2549: 46].

Наконец, слово «*йом*» используется по отношению к матери главного героя (в качестве местоимения 3-го лица единственного числа «она») и рассказчиком-повествователем; единственное раз-

личие заключается в том, что в таком случае после употребления «йом» (โยม) добавляется слово «пху йинг» (ผู้หญิง), которое само по себе в переводе на русский язык означает «женщина». Всю эту конструкцию («йом пху йинг» — โยมผู้หญิง) на русский язык можно перевести одним словом — «мирянка» — но подразумеваться под этим словом будет не кто иной, как мать главного героя. В тексте же на тайском языке, как мы уже отмечали, именно такой сложный лексический комплекс используется в значении местоимения 3-го лица единственного числа «она», например, во фразе: «*йом пху йинг йанг кхонг нанг кхой ю тхи бандай кутхи*» (โยมผู้หญิงยังคงนั่งคอยอยู่ที่บันไดกุฏิ) — «мирянка все еще сидела у лестницы, ведущей к келье» [คึกฤทธิ์ ปราโมช 2549: 45].

Следует также отметить, что при обращении к сыну-монаху мать использует в качестве местоимения 2-го лица единственного числа «ты/вы» слово «пхо» (พ่อ), основное значение которого, как было указано выше, — термин родства «отец». Иными словами, обращение к сыну с помощью слова «отец» подчеркивает его возвышенный духовный статус буддийского монаха.

Приведем еще одну фразу из все того же диалога, в которой в качестве личных местоимений используются сразу оба разобранных выше слова — «йом» (โยม) и «пхо» (พ่อ). Это реплика матери, с которой начинается ее просьба к сыну-монаху: «*пхо йа ха уа йом тий бап йап ча лёй*» (พ่ออย่าหาว่าโยมใจบาปหยาบช้าเลย) — «ты [отец] не подумай, что у меня [мирянки] есть какой-то злой умысел» [คึกฤทธิ์ ปราโมช 2549: 46]. Совершенно очевидно, что без контекста перевести эту фразу на русский язык, не искажая ее смысл, не представлялось возможным — виной тому были бы смысловые значения существительных, выступающих в качестве личных местоимений.

Итак, используемые в тайском языке в качестве личных местоимений лексические единицы зачастую оказываются взаимозаменяемыми; по воле случая они свободно «кочуют» из одной категории лица и числа в другую; наконец, ввиду крайней расплывчатости границы между частями речи — местоимением и существительным — само понятие «личное местоимение» становится растяжимым.

Все это подводит к мысли о том, что в тайском языке может существовать неведомое множество слов, которые в зависимости от контекста выступают в роли местоимений разного рода и числа. Если же контекстом является отрывок текста с использованием т.н. королевской лексики (особой лексической категории в тайском языке, знание которой необходимо для общения с членами королевской семьи), ни одна, даже самая универсальная система личных местоимений не сможет предусмотреть то многообразие лексических комплексов, которые могут выступать в качестве личных местоимений, и поэтому в таких случаях остается лишь эмпирическим путем знакомиться с новыми формами.

Именно эмпирическим путем нам и удалось найти в тайской художественной литературе новые формы личных местоимений — когда мы столкнулись с использованием в качестве личных местоимений лексических конструкций «*тхун мом пу*» (ทุณมอมปู), «*тхун мом йа*» (ทุณมอมย่า) и «*тхун мом лунг*» (ทุณมอมลุง) в автобиографии принца Чулы Чакрабона (1908–1963), не переводившейся ранее на русский язык. Соответственно, рассказчиком в ней выступает сам Чула Чакрабон — сын принца Чакрабона (1882–1920), очень известной фигуры в контексте истории отношений России и Таиланда, и внук великого короля Сиам Рамы V Чулалонгкорна (1853–1910). И если своего отца, он, предварительно оговорив это, называет в 3-ем лице при помощи уже известного нам слова «*пхо*» (พ่อ), то упоминая в том же 3-ем лице своего деда, короля Раму V Чулалонгкорна, он употребляет любопытную конструкцию «*тхун мом пу*» (ทุณมอมปู), о которой, как выяснилось, нет информации ни в одном русско- или англоязычном источнике. Рассказывая об остальных своих родственниках (естественно, в 3-ем лице), повествователь использует образованные по тому же принципу конструкции: «*тхун мом йа*» (ทุณมอมย่า) — когда речь идет о бабушке; «*тхун мом лунг*» (ทุณมอมลุง) — если упоминается дядя.

На первый взгляд, в употреблении именно таких лексических конструкций нет ничего необычного. Напротив, вполне логичной

кажется финальная часть каждой из них, которая буквально указывает на то, кем именно приходится те или иные родственники повествователю — дедушкой («пу» — ปู่), бабушкой («йа» — ย่า) или дядей («лунг» — ลุง). Как было указано выше, эти термины родства, существительные по грамматической категории, обычно используются в общении между членами семьи вместо личных местоимений. Что касается неизменяемой первой части каждой из конструкций — собственно слов «*тхун мом*» (ทูลหม่อม) — можно предположить, даже не зная их перевода, что это какой-то титул, указывающий на принадлежность его обладателя к королевской семье, или своего рода обращение, отдаленно напоминающее английское “*Your Highness*” — «Ваше Высочество».

Однако прямо на той же странице [พระเจ้าวรวงศ์เธอ พระองค์เจ้าจุลจักรพงษ์ 2552: 19], на которой впервые вводится кажущаяся логичной лексическая конструкция с «*тхун мом*» (ทูลหม่อม), рассказчик делится подробностями, существенно осложняющими ее значение: оказывается, как признается повествователь, даже его друг-однокурсник всегда удивлялся, почему тот называет дедушку и дядю с помощью лексических комплексов «*тхун мом пу*» (ทูลหม่อมปู่) и «*тхун мом лунг*» (ทูลหม่อมลุง) соответственно, а не использует, по всей видимости, привычные в королевских кругах обращения формы «*пхра тья пу*» (พระเจ้าปู่) и «*пхра тья лунг*» (พระเจ้าลุง) — на русский язык их буквально можно перевести «король-дедушка» и «король-дядя», поскольку само по себе выражение «*пхра тья*» (พระเจ้า) указывает на принадлежность к королевской семье.

Можно было бы теряться в догадках, в чем заключается разница между формами «*тхун мом пу*» (ทูลหม่อมปู่) и «*пхра тья пу*» (พระเจ้าปู่), но рассказчик, по-видимому, осознавая, насколько тонкая грань разделяет эти две формы, прямо в тексте дает подробное пояснение. «В королевской семье Чакри существует следующая традиция: те, кто родились в королевской семье или в семьях близких родственников короля, должны обращаться к правящему монарху, используя тот титул, который был у него

до вступления на престол; когда будущий король был еще только наследным принцем, к нему обращались с титулом «*тхун мом*», и, уже после вступления его на престол, близкие монарха продолжали обращаться к нему с этим же титулом, добавляя после него термины родственной принадлежности («дедушка», «дядя», «тетя») — в зависимости от того, кем именно монарх приходился обращающемуся к нему родственнику» [พระเจ้าวรวงศ์เธอ พระองค์เจ้าจุลจักรพงษ์ 2552: 20].

Таким образом, в книге, из которой мы взяли вышеприведенный пример, как в качестве местоимения, так и существительного выступает лексическая конструкция, состоящая из титула-обращения «*тхун мом*» (ทูลหม่อม) и идущего вкупе с ним термина родственной принадлежности, причем употреблять ее можно только в особых (вышеописанных) условиях. Если же говорить о переводе этой конструкции на русский язык, наиболее точным, пусть и стилистически небезупречным, будет такой вариант — «Его Высочество Дедушка» (в случае с формой «*тхун мом ну*» (ทูลหม่อมปู่)). Выбранный нами титул «Его Высочество» призван отразить ту самую особенность, которую объяснял рассказчик, — это тот же титул, что был у короля до вступления на престол. Во всей книге короля Чулалонгкорна, дедушку повествователя, ни разу не назовут иначе как «Его Высочество Дедушка» — ни в значении существительного, ни местоимения.

Как следует из рассмотренного примера, к личным местоимениям могут относиться настолько сложные и редкие лексические комплексы, что для одного только понимания их значения требуется отдельное пояснение автора, который их использует в своем тексте. Следовательно, любая попытка составить единую систему личных местоимений в тайском языке, которая бы вобрала в себя все существующие их формы, обречена на неудачу.

Отметим напоследок, что такое властвование частных случаев над какой-либо системой можно объяснить не столько лингвистическими особенностями, сколько культурно-историческими, а именно — иерархичностью тайского общества в целом, одной из

отличительных черт которого является акцентирование внимания на социальном положении, возрасте, профессии и проч. Многочисленные формы местоимений, отражающие эти особенности, служат выражению крайней уважительности или, напротив, пренебрежения.

Литература

1. Морев Л. Н. Тайско-русский словарь. — М.: Советская энциклопедия, 1964.
2. Cooke J. Pronominal reference in Thai, Burmese, and Vietnamese. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1968.
3. Iwasaki S, Ingkaphirom P. A Reference Grammar of Thai. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
4. ตึกฤทธิ์ ปราโมช ม.ร.ว. หลายชีวิต. — พิมพ์ครั้งที่ 10. — กรุงเทพฯ : ดอกหญ้า 2000, 2549.
5. พระเจ้าวรวงศ์เธอ พระองค์เจ้าจุลจักรพงษ์. — เกิดวังปารุสก์ ฉบับ 100 ปีจุลจักรพงษ์. — กรุงเทพฯ : บริษัท สำนักพิมพ์ริเวอร์ บุคส์ จำกัด, 2552.

M. A. Ignatev (Saint-Petersburg State University, St. Petersburg, ignatev-mihail@rambler.ru)

SOME PECULIARITIES IN THAI PRONOMINAL SYSTEM

Abstract: *this article describes some specific characteristics of Thai pronominal system, namely large inventory of the personal pronouns, their versatility across boundaries between persons, personal pronouns, personal names, nouns expressing titles, occupations, social positions, kinship. It also refers to the importance of the context, such features as level of formality and the referent's sex that distinguish forms of pronouns. The study highlights that it is each particular context rather than grammar system or patterns that prevails in the speech situations.*

Keywords: *Thai language, grammar, pronominal system, pronouns, personal pronouns.*

Карпова С. О.

(Институт стран Азии и Африки при МГУ им. М. В. Ломоносова,
Москва, sayanaka@gmail.com)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ КИТАЙСКОЙ ОБЩИНЫ В СИАМЕ В НАЧАЛЕ XX в. И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ВНУТРЕНнюю ПОЛИТИКУ СИАМСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Аннотация: *Китайская община сыграла важную роль в политической жизни Таиланда в XX в. Подвергаясь преследованиям со стороны властей, ее представители уходили в подполье, основывали антиправительственные организации и принимали участие в партизанском движении. Однако, до конца XIX в. отношения между правящей элитой и китайским этническим меньшинством представляли собой хорошо налаженную систему. Антагонизм начал проявляться в начале XX в. одновременно с трансформацией китайской общины. Существует ряд объективных причин, объясняющих изменения, коснувшиеся китайской общины. К ним можно отнести и общий рост числа мигрантов, и увеличение в их составе женщин, и растущий тайский национализм. В данной работе корреляция отношения правительства королевства к проживающим в стране китайцам рассматривается в связи с уровнем их политической вовлеченности. Рост национального самосознания, связанный с событиями на исторической родине, стал способствовать увеличению политической активности китайской общины, что,*

в свою очередь, привело к подъему антикитайских настроений в правящих кругах королевства.

Ключевые слова: *Сиам, китайская община, Китай, Гоминь-дан, Коммунистическая партия Китая*

Китайское этническое меньшинство занимает важное место в истории Таиланда. На протяжении многих веков китайцы являются самым многочисленным некоренным населением страны. Поэтому их экономическая деятельность, социальная активность, политические настроения всегда были важны для правительства королевства. В течение XX в. китайская община неоднократно подвергалась дискриминационным мерам со стороны тайландских властей. Особенно широко репрессивные меры проводились в 1930–1950-е гг. Закрывались китайские школы, вводились ограничения предпринимательской деятельности местной китайской буржуазии, ограничивался въезд китайских иммигрантов на территорию Таиланда. Наряду с причинами экономического и националистического характеров, немаловажную роль в развязывании антикитайской политики сыграла высокая степень политизированности китайской общины. Поэтому зачастую реакционные меры, направленные против проживающих в Таиланде китайцев, были обусловлены опасениями тайландского правительства развития национально-освободительного и коммунистического движений в странах Азии. Этнические китайцы рассматривались властями как главные носители оппозиционных идеологий, а китайская община как основной источник политической нестабильности в королевстве.

Однако так было не всегда. До начала XX в. политическая деятельность была чужда проживающим на территории Сиаму китайцам. Большая часть мигрантов покидала Китайскую империю из-за тяжелой экономической ситуации. Их главной целью был поиск заработка. В Сиаме они занимали те ниши в обществе, которые в силу разных причин не были заняты местным населением — становились торговцами, наемными работниками, ремесленниками,

сборщиками налогов и т. д. [Hallett 1890: 460] . Их связи с исторической родиной, в основном, ограничивались отправкой денег оставшимся там семьям. Даже деятельность китайских тайных обществ, «ангйи», неоднократно участвовавших в организации забастовок рабочих, была сосредоточена преимущественно на отстаивании социально-экономических прав иммигрантов.

Однако с конца XIX в. ситуация начала меняться. Китайская община в Сиаме стала стремительно политизироваться [ภาณุทองประเสริฐ 2004: 184]. Обострение социальных, политических и экономических проблем, недовольство цинским правительством вызвало подъем революционных и национально-освободительных движений в Китае. Это неизбежно сказалось на политических настроениях китайских иммигрантов, проживающих в Сиаме. В их среде на рубеже XIX–XX вв. особенно широкое распространение получили националистические идеи Сунь Ятсена. В 1905 г. он возглавил объединение китайских революционных кружков, получившее название «Тунмэнхой». В 1907 г. в Бангкоке было создано Сямское отделение Тунмэнхоя, которое объединило некоторые разрозненные китайские тайные общества. Чуть позже филиалы Тунмэнхоя стали появляться и в других городах страны.

В тот же период в Бангкоке стали выпускаться первые газеты на китайском языке. Они публиковали материалы о событиях в Китае и содержали статьи национально-освободительного характера. Крайняя политизированность и антимонархические взгляды некоторых групп китайских иммигрантов стали вызывать негативное отношение правительства, которое опасалось распространения революционных настроений в сямском обществе. Когда в 1908 г. Сунь Ятсен посетил Бангкок, чтобы встретиться с представителями сямского отделения Тунмэнхоя, местные власти потребовали его покинуть страну в течение одной недели [Skinner 1957: 157].

В 1911 г. в Китае произошла Синьхайская революция, в результате которой была свергнута манчжурская династия Цин. Среди революционных сил не было единства и фактически государство распалось на ряд отдельных территорий, управляемых местными

милитаристами. В этот сложный период Сиам не поддерживал официальных отношений с Китаем. Однако события, связанные с Синьхайской революцией, вызвали очередной подъем националистических настроений в среде китайских иммигрантов, а также способствовали сохранению их социальной и культурной обособленности. Постепенно менялось политическое самосознание китайских иммигрантов. Идеи Сунь Ятсена воспринимались проживающими в Таиланде китайцами и оказывали большое влияние на формирование их политических воззрений. Становилось все больше приверженцев его новой партии Гоминьдан, которая расширяла свое влияние по ходу освобождения Китая от экономической зависимости от европейских стран и борьбы с японской агрессией.

Закономерно, рост националистических настроений в среде китайцев провоцировал раздражение правительства Сиам. В период правления короля Рамы VI Вачиравуда (1910–1925 гг.) была разработана и начала пропагандироваться новая государственная идеология, основанная на принципе триединства: «король-нация-буддизм» [Липилина 2016: 294]. Китайцы не вписывались в эту структуру идеального сиамского государства. Поэтому они рассматривались властями как чужеродный элемент, угрожающий внутренней стабильности. В 1913 г. королем Вачиравудом был написан памфлет «Евреи Востока», в котором он открыто выразил свою неприязнь к китайцам, обвинив их в нежелании ассимилироваться в тайском обществе, паразитировании на сиамской экономике и не правильных политических взглядах [Baker, Phongpaichit 2014: 113–114].

К началу 1920-х гг. во внутривнутриполитической ситуации в Китае произошли значительные изменения. В 1921 г. была основана Коммунистическая партия Китая (КПК), которая начала стремительно расширять свое влияние, конкурируя с националистической партией Гоминьдан. В 1923 г. в Бангкоке открылось первое сиамское отделение КПК. Его деятельность, в первую очередь, была ориентирована на политические события в Китае, и до начала 1930-х гг. не приобрела широких масштабов. Однако, соперничество после-

дователей Гоминьдана и КПК, двух основных китайских партий, теперь стало развиваться также и на территории Сиам. При этом взгляды обеих сторон шли вразрез с политическими устоями сямского королевства. А значит их дальнейшее распространение было крайне нежелательно для правительства.

После переворота 1932 г. новое правительство начало проводить дискриминационные меры в отношении выходцев из среды китайской общины. Были закрыты некоторые китайские школы, ограничена предпринимательская деятельность местной китайской буржуазии, ограничен въезд китайских иммигрантов на территорию Сиам. В 1933 г. был принят первый антикоммунистический закон, запрещающий деятельность коммунистических организаций и пропаганду коммунистических идей. Впоследствии много раз дополненный в процессе становления деспотического режима Пхибуна Сонгкхрама, этот закон, по сути, носил антикитайскую и антиоппозиционную направленность. Во-первых, китайцы считались главными носителями враждебной коммунистической идеологии в ЮВА. Во-вторых, этот закон трактовался настолько широко, что позволял новому правительству открыто преследовать недовольных режимом, закрывать оппозиционные печатные издания, сажать в тюрьмы и депортировать вызывавших подозрения.

В ответ на дискриминационные меры правительства деятели китайских политических партий, действовавших на территории королевства, начали постепенно смещать акцент с событий в Китае на положение дел в Сиаме. Обострению отношений между представителями китайской общины и военным режимом особенно способствовало сближение правительства Пхибуна Сонгкхрама с Японией. В 1937 г., с началом японо-китайской войны, антияпонская деятельность китайской общины в Сиаме приняла широкие масштабы. Китайские предприниматели отказывались вести дела с представителями японских фирм, бойкотировали японскую продукцию, рабочие отказывались разгружать японские суда в порту и перевозить грузы с японскими товарами [Tejapirga 2009: 269].

Правительство королевства, в свою очередь, продолжало ужесточать репрессивные меры в отношении китайцев. Если при короле Вачираваде китайцы рассматривались, в первую очередь, как чужеродный элемент, культурно чуждый тайскому населению, то в 1930-е гг., и особенно с установлением военного режима Пхибуна Сонгкхрама, правительство стало позиционировать китайскую общину как враждебную политическую силу.

Таким образом, отношение правительства Сиам к китайскому меньшинству во многом было спровоцировано политической трансформацией общины. Закат и падение империи Цин, основание первых китайских политических партий, необходимость отстаивания национальной независимости в борьбе с Японией, жестокое соперничество Гоминьдана и КПК — все эти события изменили китайскую общину в Сиаме. Сопереживая событиям на исторической родине, китайские иммигранты и их потомки втягивались в политическую деятельность на территории королевства. Борьба за социально-экономические права, проявлявшаяся в ходе забастовок на плантациях и шахтах в самом начале XX в., переросла к середине века в направленную политическую борьбу против диктаторского режима военных.

Литература

1. *Литилина И. Н.* Трансформация представлений о власти в современном тайландском обществе // *Власть и общество в странах Юго-Восточной Азии. История и современность.* М., 2016. С. 294.
2. *Baker C., Phongpaichit P.* A History Of Thailand. Cambridge University Press, 2014. P. 113–114.
3. *Hallett H. S.* A Thousand Miles on an Elephant in the Shan States. London: William Blackwood & Sons, 1890, P. 460.
4. *Skinner G. W.* Chinese society in Thailand: An Analytical History. Ithaca, 1957. P. 157.
5. *Tejapira K.* The misbehaving jeks: the evolving regime of Thainess and Sino-Thai challenges // *Asian Ethnicity*, Vol 10, No 3, 2009. P. 269.
6. ภาณุทองประเสริฐ จีนโพชนะเลสมัยใหม่ ไทยกุลไฮเออร์แปรช กรุงเทพมหานคร ๒๕๒๖. Пхувадон Сонгпрасет. Тин Пхон Тхале Самай Май (Китайские иммигранты в новой истории). Бангкок: Higher Press, 2004. С. 184.

S. O. Karpova (*Institute of Asian and African countries, Lomonosov Moscow State University, Moscow, sayanaka@gmail.com*)

**POLITICAL TRANSFORMATION OF THE CHINESE
COMMUNITY IN SIAM AT THE BEGINNING
OF THE 20 CENTURY AND ITS INFLUENCE
ON THE INTERNAL POLICY OF THE SIAM GOVERNMENT**

Abstract: *The Chinese community played an important role in the political life of Thailand in the 20th century. Subjected to harassment by the authorities, its representatives went underground, founded anti-government organizations and took part in the partisan movement. However, until the end of the 19th century relations between the ruling elite and the Chinese ethnic minority were a well-established system. The hostility appeared at the beginning of the 20th century along with the transformation of the Chinese community. There are a number of objective reasons explaining the changes affecting the Chinese community. These include the general increase in the number of migrants, and a growing percentage of immigrant women, and emerging Thai nationalism. In this paper, the correlation of the attitude of the kingdom government towards the local Chinese community is considered in connection with the rising level of their political involvement. The growth of national identity associated with the events in their historical homeland began to influence the political activity of the Chinese community, which, in turn, led to a rise in anti-Chinese sentiment in the ruling circles of the kingdom.*

Keywords: *Siam, Chinese Community, China, Kuomintang, Communist Party of China.*

Кнорозова Е. Ю.

(Санкт-Петербургский государственный университет,
Библиотека Академии Наук, Санкт-Петербург,
knorozova@yandex.ru)

К ВОПРОСУ О ТРАДИЦИОННЫХ ВЬЕТНАМСКИХ РЕЛИГИОЗНО-МИФОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ

Аннотация: *Во Вьетнаме, так же как и в Китае, ни одно из «трех учений» господствующего положения не занимало и стержнем религиозно-идеологической ситуации была имперская идеология. Во Вьетнаме пользуется огромной популярностью Тхань Зяунг — дух земли, дух-хранитель местности, связанный с деревом и камнем, он предстает в образе героя, отразившего вторжение северных захватчиков. Золотая черепаха — любимый мифологический персонаж. Божества, связанные с водой, имеют во Вьетнаме очень большое значение. В народных верованиях Вьетнама значительное место занимают культы женских божеств — Святых Матушек.*

Ключевые слова: *религия, мифология, Вьетнам, верования, культ.*

Традиционные верования вьетнамцев всегда были синкретичны. Значительную роль играл культ духов, сходный с китайским. Влияние буддизма на традиционную культуру Вьетнама было постоянным фактором, прежде всего через буддизм Вьетнам ознакомился с достижениями культур Индии и Китая [Торчинов 1993: 107].

В религиозно-мифологической системе вьетнамцев ощущается определенное влияние даосизма. В рассказах, связанных с даосами, часто речь идет о геомантии. Распространение во Вьетнаме китайской геомантии соотнесено с именем Гао Пяня, китайского военачальника, управлявшего в IX в. Вьетнамом.

С храмами связана тема садов, парков, их окружавших, сад является своеобразным святилищем под открытым небом. Религиозную роль играли сады в миниатюре, считалось, что им была присуща благотворная магическая сила. Идеологическими предшественниками садов в миниатюре были курительницы для благовоний, возможно, изображавшие остров-гору, возвышающуюся в море, подобно островам блаженных: Пэнлаю, Фанчжану и Инчжоу [Стейн 2007: 148–149].

Вероятно, во Вьетнаме, так же как и в Китае, ни одно из «трех учений» господствующего положения не занимало и стержнем религиозно-идеологической ситуации была имперская идеология. Как отмечает Д. В. Деопик, с XI в. рядом с государственным культом предков монархов важную роль стал играть аграрный культ Неба и Почвы, корни которого уходят глубоко в австрическое прошлое народов Юго-Восточной Азии. Основную роль в культе играл монарх — верховный жрец культа. Культ производящих сил природы, отождествляемый с процветанием рода монарха, защищаемого его предками, отправлялся и как праздник обновления природы, и как праздник почитания монарха и его предков [Деопик 1994: 95–96].

Во Вьетнаме присутствует большой пантеон духов, которым поклоняются с санкции или при участии государства. Считалось, что божества и духи наделены сверхъестественной силой *лин* (кит. лин).

В настоящее время Коммунистическая Партия Вьетнама, наследующая сакральный облик монархической власти, выполняет функцию духовного единения нации. Образ Хо Ши Мина, наряду с Чан Хынг Дао, военачальником, отразившем в XIII в. монгольское вторжение, возведен в статус духа-покровителя нации.

Культу защитников родины уделяется внимание на государственном уровне.

Древний бронзовый барабан долгое время был символом сверхъестественных сил, защищающих государство вьетов. Донгшонская цивилизация начала складываться в начале первого тысячелетия до н.э. в низовьях Красной реки. По словам Д. В. Деопика, основной ритуальный предмет донгшонцев — бронзовый полый усеченный конус, открытый снизу, а сверху имеющий плоский диск; позднее традицией он воспринимался как барабан [Деопик 2002: 114]. В странах Восточной и Юго-Восточной Азии особой популярностью пользуются два инструмента: барабан и колокол, различие между ними, в значительной степени условно [Стратанович 1978: 188]. Бронзовые барабаны являлись прежде всего музыкальными инструментами, выполняющими следующие функции: религиозные, магические, погребальные, обетные, военные, политические, общественные [Мухлинов 1977: 122–123]. К донгшонской культуре поздней бронзы и раннего железа относится замена тыквы в мифологии мон-кхмерских народов бронзовым барабаном [Мифы народов мира 1992: 175]. Начало сокращения производства барабанов совпадает с распространением из Индии буддизма и началом попыток культурной ассимиляции лаквьетов ханьцами.

Во Вьетнаме издавна почитением пользовался дух горы Донгко — Бронзового барабана. В настоящее время культу духа горы Бронзового барабана в идеологической системе страны отведено место духа-охранителя.

Темы плодородия, могущества, постоянства, совершенного мира оказываются связаны у народов Юго-Восточной и Восточной Азии с близкими образами сосуда, колокола, барабана, тыквы-горлянки.

Во Вьетнаме пользуется огромной популярностью Тхань Зяунг или дух Фудонга. Тхань Зяунг — дух земли, дух-хранитель местности, связанный с деревом и камнем, он предстает в образе героя, отразившего вторжение северных захватчиков. Тхань

Зяунг — великан-богатырь, чей образ не раз встречается во вьетнамской культуре, это, например, великан Онг Дунг, Кхонг Ло, Ли Тхан (Ли Онг Чонг), статую которого приказал отлить Цинь Ши-хуан для устрашения северных варваров. Иногда с разными героями соотнесено похожее предание. Можно отметить связь Тхань Зяунга с героями эпической литературы. Дух Фудонга почитается во Вьетнаме как родоначальник кузнецов, добывший железную руду и научивший людей выплавлять железо, а его железная лошадь, из пасти которой вырывалось пламя, спалившее целую деревню, вероятно, олицетворяет кузницу. В образе Тхань Зяунга можно усмотреть ряд черт, характерных для металлургических магики-религиозных концепций: он посланец божества (Государя-Дракона), Небесный воитель, культурный герой. Тхань Зяунг — это дух растительности. В тех местах, где не хватило тканей для его одежды, тело духа было прикрыто растениями. Согласно другому преданию, Тхань Зяунга прикрыли растениями, чтобы замаскировать от врагов. Когда меч Тхань Зяунга сломался, он разил врагов стволом бамбука или пучком стволов бамбука. Как традиционные изображения, так и современные статуи как раз и представляют героя не с мечом в руке, а держащего ствол (стволы) бамбука. Во многих местах бамбуковые заросли возле деревень ассоциируются с Тхань Зяунгом, даже считается, что он помогал партизанам, базировавшимся в чащобах, бороться с французами. По преданию, Тхань Зяунгу помогали сражаться два земледельца, вооруженных колотушками, одна из которых была сделана из дерева, а другая из бамбука. После победы они исчезли, оставив свои колотушки. Из одной колотушки появилась роща деревьев, а из другой — заросли бамбука. Тхань Зяунгу присущи черты культурного героя, который принес семена особого сорта баклажанов. Произошла контаминация образа Тхань Зяунга с Вайшраваной — буддийским покровителем северной стороны света, и, возможно, с Сюань-у — даосским божеством, владыкой севера. Наблюдается сходство Тхань Зяунга с Индрой, а праздника в честь Тхань Зяунга — с очистительными театрализованными ритуалами конца года (Китай, Индия).

Во Вьетнаме, как и в Китае, буйвол (бык) связан с водными божествами. Покровителями Западного озера в Ханчжоу и Западного озера в Ханое были золотые быки. Считалось, что фигуры лежащих металлических быков, как и изображения черепах, стабилизировали горы и реки [Stein 1942: 137–138].

В современном Вьетнаме Золотая черепаха — популярный и любимый мифологический персонаж, однако в письменных памятниках истории, связанных с ней, появляется не ранее XV в. Золотая черепаха — действующее лицо ряда вьетнамских легенд, наибольшей известностью пользуются два цикла преданий, в одном из них рассказывается о том, как Золотая черепаха помогла Ан Зыонг-выонгу построить крепость Колоа, стены которой все время обрушивались, кроме того, дала свой коготь, чтобы сделать из него спусковой крючок арбалета; в другом повествуется о Ле Лое и его волшебном мече, дарованном Золотой черепахой, с помощью которого он сумел изгнать китайцев в XV в. Как отмечает Ж. Пшилуски, Золотая черепаха обладала двойными магическими свойствами, это связано как с ее природой (священное животное), так и с субстанцией, из которой она состояла (золото является веществом, обладающим магической силой [Przyluski 1914: 5–6].

Водный праздник был весьма популярен во Вьетнаме. По мнению Э. Поре-Масперо, возможно, некогда в Ханое на озере Возвращенного меча проходили водные игры. Так, согласно легенде, Ле Лой там нашел меч, лезвие которого испускало молнии. Он подумал, что это знак неба, и поднял своих соотечественников против китайского ига (1418–1428). Однажды, уже после того как Ле Лой был провозглашен правителем, он должен был принести жертву духу озера. Но едва Ле Лой подошел к берегу, как среди ясного неба раздался гром, и меч, выскочив из ножен и превратившись в дракона, исчез в озере. Возможно, что перед нами соотнесенное с историческим героем мифическое описание ритуала [Поре-Масперо 2007: 414–415].

В рассказах народов Юго-Восточной Азии есть стремление историзовать миф и связать личность, владеющую чудесным оружием,

с государственной властью. Вьетнамские предания и представляют этот миф о мече уже в связи с историей государства и историческими событиями. В ряде преданий народов Юго-Восточной Азии чудесный меч связан с водной стихией и небом, он обладает сущностью огня и является орудием упорядочивания. Эти основные моменты характерны и для вьетнамских преданий о мече.

Одним из самых популярных во вьетнамской культуре был миф о борьбе владыки гор и владыки вод, возможно, это было связано с древними дуалистическими представлениями. Можно предположить, что в основе вьетнамского повествования о борьбе двух духов и распространенного в Юго-Восточной Азии цикла преданий об укрощении водной стихии с помощью чудесного оружия, которое соотнесено с небом, солнцем, огнем, молнией, лежат сходные мифологические представления. Так, согласно вьетнамскому преданию, владыка гор усмирил владыку вод молниями, которые он стал метать со своей горы. По народным поверьям, распространенным в Юго-Восточной Азии, золотой меч, укрощающий воду, и является сущностью огня, молнии.

Древние вьеты считали, что государство охраняют две горы — Танвиен и Тамдао. Танвиен можно перевести как гора Небесного купола в виде зонта. Своим названием — Тамдао — Три Острова — горная гряда обязана группе из трех гор, напоминая три острова-горы бессмертных, находившихся в Восточном море: Пэнлай, Инчжоу, Фанчжан.

На горе Танвиен жил дух гор, а на горе Тамдао обитало женское божество. Гора Тамдао находится на левом берегу Красной реки, гора Бави — на правом, священные горы состояли из трех вершин, в названии присутствует число три, символизирующее *ян*.

Гора Танвиен — самое важное сакральное пространство вьетнамцев, это Предок государства. Дух горы Танвиен (другое имя — Шон Тинь) — верховный персонаж вьетнамского народного пантеона. Чудесную силу духа горы Танвиен пытался подавить танский губернатор Гао Пянь, но потерпел поражение.

По всему Евразийскому континенту мы наблюдаем связь между лошадьми и водными божествами. Во Вьетнаме лошадь также соотнесена с водой, в преданиях отразились ритуалы, в которых важную роль играло сакральное животное, выбирающее место новой столицы, а также ритуалы обхода центра по кругу.

Во Вьетнаме в качестве жертвенных животных обычно использовали свинью, козу, буйвола, в торжественных случаях закалывали белую лошадь. Так, обряд принесения чиновниками клятвы на верность в храме духа Бронзового барабана скреплялся кровью белой лошади. Большой популярностью пользуется во Вьетнаме один из древнейших ханойских храмов — храм Батьма (Белой Лошади) и связанные с ним предания.

С белой лошастью соотнесены два исторических лица: китайский губернатор Гао Пянь (IX в.) и вьетнамский император Ли Тхай-то, правивший с 1010 г. по 1028 г. Гао Пянь пытался подавить почитаемого духа горы Танвиен, явившегося в виде всадника на белом коне, но потерпел поражение. Другим духом, чудесное могущество которого Гао Пянь не сумел побороть, был дух Лонгдо — хранитель столицы Тханглонга. Именно с ним была соотнесена белая лошадь.

В то время, когда танский губернатор Гао Пянь жил в Аннаме, ему явилось могущественное местное божество — дух-владыка Лонгдо (т. е. места, где Гао Пянь возвел крепость). Хотя дух-владыка Лонгдо не собирался причинять никакого вреда Гао Пяню, тот попытался извести его. С этой целью он построил храм, установил там статую владыки Лонгдо, а внизу зарыл медь и железо. Однако Гао Пянь потерпел неудачу. Именно этот храм, возведенный в честь владыки Лонгдо, стал известен как храм Батьма — Белой Лошади.

Вероятно, в той местности, где впоследствии были возведены крепость Латхань (Дайла), а затем и Тханглонг, существовали представления о влиятельном местном хтоническом божестве, связанном с водой и горой, — духе-владыке Лонгдо. Возможно, на определенном этапе развития это божество представлялось в виде золотого дракона. Когда император Ли Тхай-то основал здесь

столицу, ему тоже явился золотой дракон, но уже взлетающий. Из-за этого город и был назван Тханглонг — Взлетающий дракон. Далее дух-владыка Лонгдо приобрел облик антропоморфного божества. О более раннем облике напоминало его ездовое животное — золотой дракон. Во Вьетнаме, так же как и Китае, с усилением позиций конфуцианства персонажи мифов превращались в исторических героев, а события оказывались привязанными к определенному времени. Миф включался в историческое повествование. Так местное хтоническое божество дух-владыка Лонгдо стал примерным конфуцианцем То Литем, происходившим из семьи, в которой больше всего ценили сыновью почитательность.

Дух-владыка Лонгдо обладает чертами бога грозы. Владыка Лонгдо помог китайскому губернатору Гао Пяню возвести укрепления для крепости Дайлатхань. Белая лошадь, чудесным образом возникшая во владениях этого духа, указала ему план внешних укреплений крепости. Она появилась на рисовом поле — в воде. Местное божество пожелало, чтобы укрепления возвел именно Гао Пянь.

Во второй раз дух-владыка Лонгдо помог возвести укрепления императору Ли Тхай то. Из его храма вышла белая лошадь. Государь пошел за ней следом, составил план следов от ее копыт. В соответствии с этим чертежом и были построены крепостные стены, больше они не обрушивались.

В преданиях Юго-Восточной Азии облик крылатой лошади белого цвета принимал бодисатва Авалокитешвара, помогая терпящим бедствие морякам.

Божества, связанные с водой, имеют во Вьетнаме очень большое значение. Важность речных духов видна повсюду на территории страны. Во Вьетнаме популярны истории о двух быстро растущих змеенышах, появившихся из яиц, найденных в воде, которые впоследствии стали речными духами. Возможно, эти предания связаны с китайскими легендами о драконах яйцах.

Дракон — это популярное мифологическое существо во Вьетнаме, связанное в том числе и с водой. Во Вьетнаме, так же как

и в Китае получили широкое распространение предания о рождении женщиной водного божества (дракона) после того, как во время купания вокруг нее обвилась змея или же на нее натолкнулся кусок дерева.

С тямпскими верованиями связано обоожествление кита. Согласно верованиям вьетнамских рыбаков, кит является священным животным, богом моря, которого нельзя убивать. Как отмечает Та Ти Дай Чыонг, в представлениях жителей прибрежных районов кит и женское божество сливаются в один образ [Tạ Chí Đại Trường 2005: 177].

На формирование вьетнамских божеств, связанных с морем, оказали влияние и китайские божества. Так, Святая Матушка Тхиенхау (кит. Тяньхоу) вызывает и успокаивает бури, дарует дождь. Бодисатва Авалокитешвара, в Китае известная как Гуань-инь, а во Вьетнаме как Куан-ам, — богиня покровительница моряков.

В народных верованиях Вьетнама большое место занимают культы женских божеств — Святых Матушек (Тхань мау). Известно, что с древнейших времен представления о богине-прародительнице существовали в самых разных культурах. По словам Р. Стейна, можно попытаться объяснить важную роль женского начала во вьетнамской культуре, обратившись к тямпской цивилизации, обнаруживающей черты матриархата, но при этом нужно отметить, что с тем же успехом можно рассматривать и древний Китай, в котором, как показал М. Гране, присутствуют те же черты [Стейн 2007: 214].

В Центральном Вьетнаме был очень популярен культ великой богини-покровительницы Тхиен-и А-на, это божество благовонных деревьев, подательница дождя, ведавшая бурями и наводнениями. Тхиен-и А-на — неточная фонетическая транскрипция с тямпского на вьетский слов «богиня земли» (По Нагар). По Нагар — наиболее влиятельная богиня тямов, она считалась создательницей земли, растений, покровительствовала земледелию. Как архаическая богиня-мать, она связана с морской стихией и водой. В образе богини Тхиен-и А-на можно увидеть связь камня и дерева. Тхиен-и

А-на — это дух алойного дерева, ценность алойного дерева проявляется только после долгого пребывания в воде. В мифологическом мышлении существует близость камня и дерева [Стейн 2007: 210–211].

Эту чрезвычайно древнюю ассоциацию камня и дерева воспринял и усвоил буддизм. Предание, объединяющее дерево, камень и женское божество, это история Ман-ньонг, соотнесенное с пагодой Зау (Фапван, III в.), находившейся в центре древней крепости Люйлау. Это одна из древнейших буддийских святынь Вьетнама. Буддийский культ фактически сливается с почитанием местного женского божества Ман-ньонг и ее дочерей.

В истории о Ман-ньонг нашли отражения мифологические представления, распространенные у ряда народов Юго-Восточной Азии. Это рассказы о заключенных в дереве божествах, о плывущих по реке статуях божеств, о плывущих деревьях, из которых впоследствии вырезаются статуи божеств. Например, согласно мифу даяков-нгаджу верховный бог Махатала вырезал изображения юноши и девушки на противоположных концах ветви мирового дерева, после чего ветвь сломалась пополам, а ожившие первоначально плавали по воле волн изначального океана, пока Махатала не пришел на помощь и не сочетал их браком. Верховные бирманские духи-покровители (наты) — Господин Великой Горы и Госпожа Великой Горы после своей мученической смерти поселились в дереве, а затем, когда дерево было срублено, пущено вниз по течению и выловлено возле нового города, вселились в вырезанные из дерева позолоченные изображения, водруженные на горе Поупа возле Пагана [Юго-Восточная Азия: проблемы региональной общности 1977: 233].

Во Вьетнаме принесенные водой божества вызывают и успокаивают бури, даруют дождь. Например, широкую популярность получило во Вьетнаме предание о четырех Святых Матушках. Р. Стейн приводит историю, записанную в «Новых записях о провинции О» («О тяу кан лук», автор Зыонг Ван Ан, XVI в.): «Четыре Святых Матушки, китайские принцессы, уцелели во

время кораблекрушения. Они выбрались на берег возле некой пагоды, и монах накормил их. Они были очень красивы. Монах почувствовал желание и ночью попросил позволения соединиться с ними. Женщины, решив остаться целомудренными, отказали. Монах с досады утопился. Принцессы, глубоко опечаленные тем, что явились причиной смерти своего благодетеля, утопились тоже. Их трупы приплыли в Аннам. Местные жители, увидев, что трупы не изменились, а выглядят словно живые люди, сочли их духами. Они воздвигли в честь них пагоду, куда стали приходить путешественники и просить, чтобы успокоились бури. Далее следует довольно темная фраза, которую можно попытаться перевести так: „Жители, следующие древним обычаям, очень невежественны. Почитание этих духов сопровождается непристойностями. Какое извращение!“» [Стейн 2007: 193].

По мнению Та Ти Дай Чыонга, в популярном предании о четырех Святых матушках из залива Кон сначала было одно божество, потом — три, а с XIV в. до середины XVI в. число божеств увеличилось на одного человека, и появились четыре Святых Матушки. Зыонг Ван Ан, автор «Новых записей о провинции О» так описывает способ почитания духа, что ясно — люди поклонялись линге [Tạ Chí Đại Trùng 2005: 178]. Храмы в честь Святых матушек были возведены во многих заливах и устьях. Духом, которого заменили четыре матушки, был тямпский дух морских волн имеющий мужской облик [Tạ Chí Đại Trùng 2005: 179]. Вьетнамский ученый приводит мнение Э. Поре-Масперо, отмечавшей, что из-за авторитета женщин ряд духов называются «Ба» — «Госпожа», тогда как предметом, символизирующим духа, является линга, обладающая мужской сущностью [Tạ Chí Đại Trùng 2005: 178].

Линга почиталась во Вьетнаме; так, в приведенном ниже описании, по мнению Та Ти Дай Чыонга, речь идет не просто о колонне, а о линге [Tạ Chí Đại Trùng 2005: 104]: «1043 г. Император почтил своим присутствием древнюю пагоду Тунгшон в *тяу* Вунинь, чтобы посмотреть там на след человека. Здесь было тягостно. Стены утратили кровлю. Находившаяся внутри каменная колонна

накренилась и готова была рухнуть. Император сокрушенно вздохнул, и у него появилась мысль капитально отремонтировать ее. Слова еще не были произнесены, а каменная колонна внезапно вновь распрямилась. Император поразился этому и приказал сановникам-конфуцианцам составить оду-*фу*, дабы прославить это чудо» [Полное собрание исторических записок Дайвьета 2012: 154]. Кроме того, Та Ти Дай Чыонг считает, что изображение супруги бога земли, история которого была рассказана в сборнике Ли Те Сюйена «О таинственных силах и духах земли Вьет» (Вьет диен у линь, XIV в.), представляло собой мукхалингу (лингам с ликом) [Tạ Chí Đại Trường 2005: 104].

Можно отметить, что в традиционных религиозно-мифологических представлениях вьетнамцев в ряде случаев присутствует тема трансвестизма, что характерно и для культур других народов.

Авалокитешвара — это один из главных бодхисатв в буддийской мифологии махаяны и ваджраяны, олицетворение сострадания. Возникший в Индии культ получил широкое развитие в Юго-Восточной Азии, странах Дальнего Востока. Начиная с VII–VIII вв. отмечается перемена пола; наряду с мужским образом Авалокитешвары возник и женский. Образ Гуань-инь постепенно слился в народном представлении в древними культами богинь-покровительниц плодородия. По словам М. И. Никитиной, в Корее Авалокитешвара может выступать и как андрогинное божество, обладающее как материнскими, так и отцовскими признаками, а отсюда способное само по себе зачать и произвести на свет дитя [Никитина 2001: 106]. В народном религиозном синкретизме бодхисатва Гуань-инь стала сближаться с Сиванму: Сиванму соотносена со своим постоянным местопребыванием на далеком Западе, а Гуань-инь — на Южном море.

Важная фигура вьетнамского буддизма — богиня Куан-ам (кит. Гуань-инь). Ее культ стал всеобщим при династии Ли и оказал влияние на все буддийские школы. Куан-ам почитается главным образом как мать-заступница всех страждущих. С бодисатвой

Куан-ам соотносились и реальные люди, например, императрица Илан (II в.). Во Вьетнаме Куан-ам существовала как в женской, так и в мужской ипостаси. Большой популярностью пользуется во Вьетнаме история о Тхи Кинь, соотнесенная с бодисатвой Куан-ам. Сначала это был добродетельный мужчина, которого Будда обратил в женщину. Затем, уйдя из семьи, женщина переодевается в мужскую одежду и становится послушником в буддийском монастыре.

Возможно, с андрогинными мистериями были связаны вьетнамские божества Онг Дунг и Ба Да. Тема андрогинности присутствует в преданиях о матушках-хозяйках воды. Рассказывают, что одна водная матушка была двуполым божеством, наполовину мужчиной, наполовину женщиной. Однако женское начало все же преобладало, и она вышла замуж за подводного владыку [Đỗ Thị Nào, Mai Thị Ngọc 1984: 39–40].

Култ медиумов («донг») во Вьетнаме — это пережиток добуддийских культов и древнего шаманизма. Медиум верит во все мифологии, во все божества. Он в высшей степени эклектичен и в основе анимист. Мифология вьетнамских медиумов, по-видимому, основывается на очень древних верованиях в Богиню-мать, которая являлась источником всякой жизни [Дюран 2007: 317]. Шаманизм отмечен феноменом трансвестизма, который рождается при овладении техникой экстаза [Серова 2012: 60]. Во Вьетнаме также, например, медиум-женщина, после того как божество вошло в нее, подает сигнал: когда речь идет о женском божестве — медиум вытягивает правую руку, если же воплотилось мужское божество — левую [Дюран 2007: 280]. В синкретическом народном культе различные женские божества (Лиёу Хань, Тхиен-и А-на и др.) часто смешиваются в одну безымянную фигуру Святой Матушки [Стейн 2007: 190–191].

Одна из наиболее почитаемых Святых Матушек — Лиёу Хань отнесена к четырем бессмертных — наиболее известным вьетнамским духам (Тхань Зяунг, дух горы Танвиен, Ти Донг Ты, Лиёу Хань).

Вьетнамская культура в значительной степени соотнесена с традициями Юго-Восточной Азии. Многое связывает Вьетнам с культурой стран дальневосточного культурного региона. Хочется обратить внимание на идеологическое противостояние, присутствующее во вьетнамских преданиях: почти десять веков китайцы контролировали Вьетнам, а усмирить местных духов им оказалось не под силу.

Литература

1. Деопик Д. В. История Вьетнама. М., 1994. Ч. 1.
2. Деопик Д. В. Вьетнам: История, традиции, современность. М., 2002.
3. Дюран М. Техника и пантеон вьетнамских медиумов (*донг*) // Миниатюрные сады стран дальневосточного культурного региона. М., 2007. С. 269–339.
4. Мифы народов мира. М., 1992. Т. 2.
5. Мухлинов А. И. Происхождение и ранние этапы этнической истории вьетнамского народа. М., 1977.
6. Никитина М. И. Миф о Женщине-Солнце и ее родителях и его спутники в ритуальной традиции Древней Кореи и соседних стран. СПб., 2001.
7. Полное собрание исторических записок Дайвьета. Перевод с ханвьета и комментарий К. Ю. Леонова и А. Л. Федорина при участии М. Ю. Ульянова, предисловие, вступительная статья и приложения А. Л. Федорина. М., 2012. Т. 3.
8. Поре-Масперо Э. Аграрные обряды камбоджийцев // Миниатюрные сады стран дальневосточного культурного региона. М., 2007. С. 403–425.
9. Серова С. А. Религиозный ритуал и китайский театр. М., 2012.
10. Стейн Р. Миниатюрные сады стран дальневосточного культурного региона) // Миниатюрные сады стран дальневосточного культурного региона. М., 2007. С. 116–268.
11. Стратанович Г. Г. Народные верования населения Индокитая. М., 1978.
12. Торчинов Е. А. Буддийская школа *тихуэн* (Становление и история развития) // Кунсткамера. Этнографические тетради. СПб, 1993. Вып. 2–3. С. 73–112.
13. Юго-Восточная Азия: проблемы региональной общности. М., 1977.
14. Przyluski J. L'or, son origine et ses pouvoirs magiques. Etude de folklore annamite // BEFEO. Hanoi, 1914. Т. 14. Р. 1–17.

15. *Stein R.* A propos des sculptures de boeufs en metal // BEFEO. Hanoi, 1942. T. 42. P. 135–138.

16. *Đỗ Thị Hảo, Mai Thị Ngọc.* Các nữ thần Việt nam. Hà Nội, 1984.

17. *Tạ Chí Đại Trường.* Thần, người và đất Việt. Hà Nội, 2005.

E. Yu. Knorozova (*Saint-Petersburg State University, Library of the Academy of Sciences, St. Petersburg, E-mail: knorozova@yandex.ru*)

TO THE QUESTION OF TRADITIONAL VIETNAM RELIGIOUS AND MYTHOLOGICAL REPRESENTATIONS

Annotation: *In Vietnam, as well as in China, none of the “three teachings” dominated and imperial ideology was at the core of the religious and ideological situation. Thanh Zaung is very popular in Vietnam — the spirit of the earth, the guardian spirit of the area associated with wood and stone, he appears in the form of a hero who repelled the invasion of the northern invaders. The Golden Turtle is a favorite mythological character. The deities associated with water are very important in Vietnam. In the popular beliefs of Vietnam, a significant place is occupied by the cults of female deities — the Holy Mothers.*

Keywords: *religion, mythology, Vietnam, beliefs, cult.*

Колотова Н. В.

(Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, nadyakolotova@gmail.com)

ОТНОШЕНИЯ РФ И СРВ В РАМКАХ ПОЛИТИКИ ПОВОРОТА НА ВОСТОК

Аннотация: 12 декабря 2012 года президент РФ В. В. Путин провозгласил об изменениях приоритетов внешнеполитического вектора страны — Повороте РФ на Восток. Данный курс был выдвинут с целью укрепления позиций страны на Дальнем Востоке, в том числе и во Вьетнаме. Согласно многочисленным заявлениям, за это время был дан значительный толчок для продвижения экономических и культурных связей между стран.

Ключевые слова: Вьетнам и Россия, поворот на Восток, Всеобъемлющее стратегическое партнерство, АТР, Перекрестный год культур Вьетнама и России.

Вьетнам является одним из старейших партнеров России в Юго-Восточной Азии, с которым дипломатические отношения были установлены 30 января 1950 года. А в 2012 году отношения между двумя странами достигли статуса Всеобъемлющего стратегического партнерства.

12 декабря 2012 года президент РФ В. В. Путин провозгласил об изменениях приоритетов внешнеполитического вектора страны — Повороте РФ на Восток [1]. Данный курс был выдвинут с целью укрепления позиций страны в АТР, в том числе

и во Вьетнаме. Согласно многочисленным заявлениям, за это время был дан значительный толчок для продвижения экономических и культурных связей между стран. К примеру, в 2015 году состоялось подписание договора о свободной торговле с ЕАЭС, что гласит о заинтересованности Вьетнама в развитии экономических отношений с Россией и ее партнерами по ЕАЭС.

В настоящее время политика Поворота на Восток получает второе дыхание в контексте наложения на Россию санкций со стороны западных стран, с которыми торгово-экономические отношения традиционно велись более активно. Смещение основного вектора российской политики обуславливается поиском надежных стратегических партнеров и стабильных рынков. Вьетнам в свою очередь видит перспективу в богатых природных ресурсах России, авторитете на мировой политической арене, а также рассматривает страну как потенциальную площадку для развития своих проектов. Например, в 2016 году в Подмоскowie началось строительство молочного завода вьетнамской компании TH True Milk [2], а в 2017 году уже было подписано новое соглашение о создании промышленного комплекса по разведению коров и переработке молока на Дальнем Востоке [3]. Заместитель МИД Вьетнама господин То Ань Зунг в 2019 году в рамках Восточного экономического форума заявил, что у Вьетнама есть возможность поставки в Россию каучука, морепродуктов, продукции сельского хозяйства, электроники, а СРВ в свою очередь хотел бы импортировать металлы и полезные ископаемые [4].

За последние пять лет товарооборот между двумя странами удвоился и достиг \$4,5 млрд. Сумма инвестиций Вьетнама в РФ составляют \$5,4 млрд (23 проекта), а РФ во Вьетнам — \$940 млн (115 проектов) [5]. Однако информация об этом не подтверждается. Пять лет назад в 2015 году товарооборот составил 3,89 млрд. Для сравнения, товарооборот с США и КНР с СРВ за последние пять лет более чем на порядок превышает товарооборот с РФ [6].

В ходе визита премьер-министра СРВ Нгуен Суан Фука в Москву в мае 2019 года был открыт перекрестный год культур

двух стран. Это событие приурочено к юбилеям установления дипломатических отношений и подписания Договора об основах дружественных отношений РФ и СРВ.

Поворот на Восток является одним из шагов к реализации гипотетического концепта Большая Евразия, выдвинутого в 2016 году президентом РФ [5],[7].

Главная причина не всегда удачных попыток укрепления отношений с Вьетнамом является недостаточное вовлечение востоковедов в продумывание планов взаимодействий с партнерами.

В докладе подробно рассмотрены дискуссионные вопросы, касающиеся приоритетов и реальных достижений в области российско-вьетнамских отношений, а также динамики экономических показателей двусторонней торговли.

Литература

1. Быстрицкий А. Г., Караганов С. А. К Великому океану: хроника поворота на Восток. Сборник докладов Валдайского клуба. М.: Фонд развития и поддержки Международного дискуссионного клуба «Валдай», 2019. 352 с., ил. / URL: <https://ru.valdaiclub.com/files/28988/> (Дата обращения: 14.05.2020).
2. Интерфакс. Власти Подмосковья предоставили порядка 11 тыс. га земли под вьетнамский молочный завод <https://www.interfax-russia.ru/center/novosti-podmoskovya/vlasti-podmoskovya-predostavili-poryadka-11-tys-ga-zemli-pod-vetnamskiy-molochnyy-zavod> (Дата обращения: 14.05.2020).
3. То Ань Зунг. Поворот на Восток — поворот к миру / URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/povorot-na-vostok-povorot-k-miru/> (Дата обращения: 14.05.2020).
4. Дальний росток. Представители стран Восточной Азии обсудили первые итоги российского «поворота на Восток» / URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4081644> (13.05.20).
5. Бородачёв Т. Большая Евразия: что еще не сделано? / URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/bolshaya-evraziya-chto-eshchye-ne-sdelano/> (Дата обращения: 14.05.2020).
6. Колотов В. Н. Между Пекином и Вашингтоном: основные политические и экономические параметры вьетнамско-китайских отношений на современном этапе. Сравнительная политика. 2020;11(2): С. 53. <https://doi.org/10.24411/2221-3279-2020-10018>.

7. Бородачёв Т. Поворот на Восток и новая геополитика мира. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/povorot-na-vostok-i-novaya-geopolitika-mira/> (Дата обращения: 14.05.2020).

N. V. Kolotova (*St. Petersburg State University, St. Petersburg, nadyakolotova@gmail.com*)

RUSSIA — VIETNAM RELATIONS WITHIN THE POLICY RUSSIA'S PIVOT TO THE EAST

Abstract: *December 12, 2012, Russian President Vladimir Putin announced the changes the priorities of the foreign policy vector of the country — the Russian turn to the East. This course has been put forward in order to strengthen the country's position in the Far East, including Vietnam. According to numerous statements made during this time it has been given a significant boost for the promotion of economic and cultural ties between the countries.*

Keywords: *Vietnam and Russia, eastward turnaround, Comprehensive strategic partnership, Asia-Pacific, Cross Year of cultures of Vietnam and Russia.*

Колотов В. Н.

(Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, v.kolotov@spbu.ru)

ИСТОРИЯ ЛЕНИНГРАДСКОЙ/ПЕТЕРБУРГСКОЙ ШКОЛЫ ИЗУЧЕНИЯ ВЬЕТНАМА

Аннотация: *Преподавание и изучение вьетнамского (аннамского) языка началось в Ленинграде в первой половине 30-х годов XX века. Важную роль в этом процессе сыграл проф. Ю. К. Щуцкий, который подготовил первые пособия по аннамскому языку. В конце 1930-х годов он, как и многие другие востоковеды, был репрессирован, что привело к прекращению преподавания этого языка. Восстановление изучения Вьетнама, как и других стран Юго-Восточной Азии, произошло уже после Великой отечественной войны благодаря усилиям проф. Н. Д. Андреева. Вскоре в середине 1950-х годов для организации преподавания вьетнамского языка в ЛГУ из Ханоя был командирован проф. Нгуен Тай Кан, который заложил прочные основы изучения Вьетнама, которые развиваются в СПбГУ по настоящее время.*

Ключевые слова: *ленинградское вьетнамоведение, петербургское вьетнамоведение, Ю. К. Щуцкий, Нгуен Тай Кан.*

Санкт-Петербург занимает особое место в установлении и развитии российско-вьетнамских отношений. Общеизвестно, что именно Петроград стал первым российским городом, куда приехал Нгуен Ай Куок в 1923 году после знакомства в тезисами В. И. Ленина по национальному и колониальному вопросам.

Рис. 1. Акад. Нгуен Суан Тханг на встрече с ректором СПбГУ член-корр. РАН Н. М. Кропачевым. Фото СПбГУ

Именно с этого времени принято отсчитывать начало первых политически значимых контактов между нашими странами в формате Коминтерна, а также входивших в его структуру КУТВа и МЛШ. В этой системе были подготовлены высококвалифицированные кадры, которые заложили основы КПИК (в настоящее время КПВ) и современного вьетнамского государства.

Ленинград стал первым городом в СССР, где с 1931 г. началось преподавание аннамского, так тогда называли вьетнамский язык. Первоначально в Ленинградский Восточный Институт (ЛВИ) для этих целей из Москвы командировали тов. Дж. Минина (Нгуен Кхань Тоан), который обучал этому языку заинтересованных в изучении Вьетнама ленинградских востоковедов. Позднее Нгуен Кхань Тоан (1905–1993) стал видным вьетнамским ученым, с 1946 года работал заместителем министра образования в первом правительстве ДВР, а в период с 1965 по 1982 годы возглавлял Академию общественных наук Вьетнама. Информация о том, что первым вьетнамским преподавателем вьетнамского языка на берегах Невы был именно акад. Нгуен Кхань Тоан в ноябре 2019 года во время

визита в СПбГУ была доведена до сведения директора Государственной политической академии Хо Ши Мина проф. Нгуен Суан Тханга, который в недалеком прошлом возглавлял ту же самую Академию общественных наук Вьетнама, что и Нгуен Кхань Тоан.

В обнаруженном в архивах Санкт-Петербурга секретном документе за подписью сотрудницы Коминтерна В. Я. Васильевой речь идет о направлении товарищей Минина и Арцыбашевой в Ленинградский Восточный Институт для проведения занятий по аннамскому языку в 1931 году (рис. 2).

В 1933 году Дж. Минин (Нгуен Кхань Тоан) подготовил первый рукописный учебник аннамского языка.

Известный российский вьетнамовед А. А. Соколов отмечает, что «С начала 1930-х годов в Советском Союзе начинают публиковаться отдельные лингвистические работы по вьетнамскому языку, который тогда было принято называть аннамским или аннамским. Автором такой первой научной работы стал Ю. К. Щуцкий, блестящий знаток многих восточных языков, автор известного перевода на русский язык китайской классической «Книги перемен» («Ицзин»)»¹. По мнению А. А. Соколова «Сам факт появления подобных научных и учебных изданий позволяет заключить, что уже тогда в Ленинграде началось практическое изучение вьетнамского языка, видимо, для подготовки специалистов по Индокитаю»².

Считается общепризнанным фактом, что первым исследователем вьетнамского языка в нашей стране стал Ю. К. Щуцкий. Об этом факте писали многие отечественные ученые, включая В. М. Алпатова, А. И. Кобзева и других. И. С. Гумников также полагает, что «Ленинградский ученый-востоковед Ю. К. Щуцкий был первым исследователем аннамского языка»³.

¹ Соколов А. А. Из истории отечественного вьетнамоведения: Ленинградский Восточный Институт // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. Вып. XXVI (№ 26, 2015). С. 196.

² Там же.

³ Гумников И. С. Вьетнамистика: от истоков до наших дней. Вестник Военного университета. 2012. № 1 (29). С. 68.

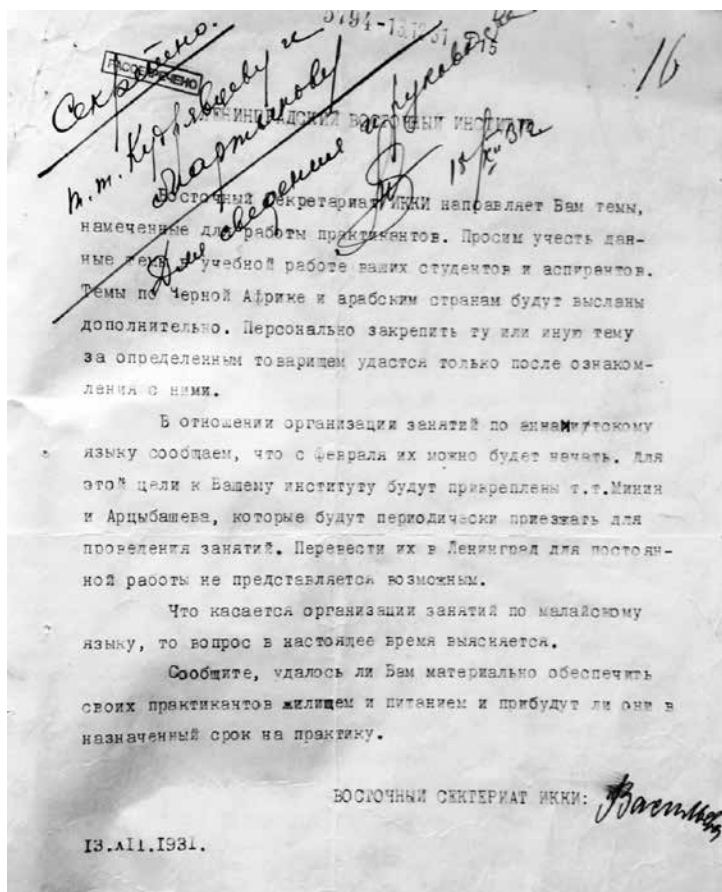

Рис. 2

Подготовка первых советских вьетнамистов велась на базе Ленинградского Восточного Института им. А. С. Енукидзе (1920–1938). Согласно обнаруженным в архивах Санкт-Петербурга документам¹, уже в августе 1931 года была создана кафедра

¹ Сканы документов были предоставлены Институту Хо Ши Мина СПбГУ Архивным комитетом Санкт-Петербурга по обращению КВС.

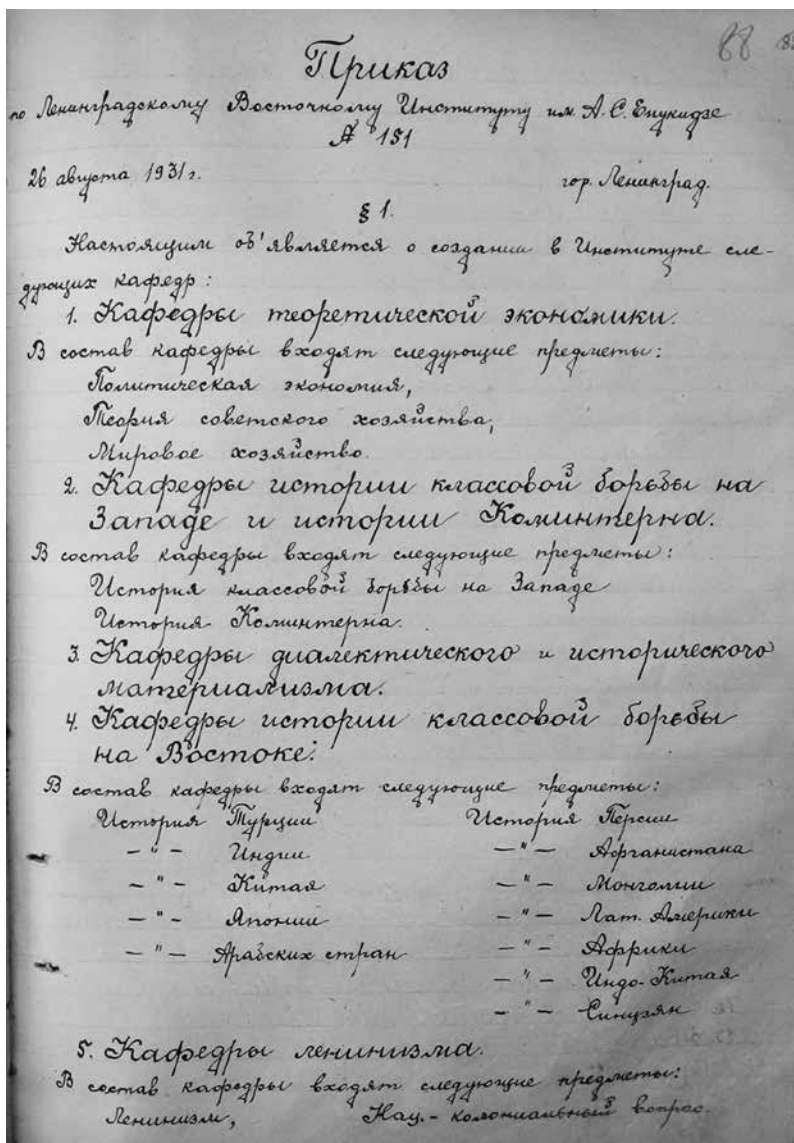

Рис. 3

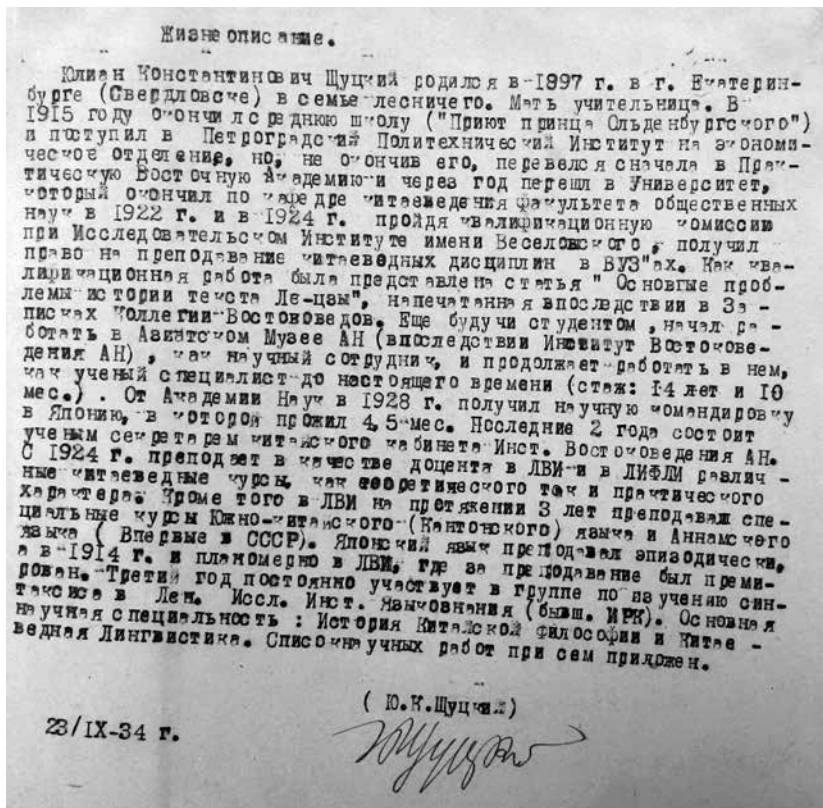

Рис. 4

истории классовой борьбы на Востоке, где студенты помимо других предметов изучали и историю Индокитаея.

В подготовке специалистов со знанием вьетнамского языка нуждались организации, в которых велась работа по изучению текущей политической ситуации в Индокитае. Судя по дошедшим до нас документам, один из первых выпускников ЛВИ Я. З. Новиков впоследствии работал начальником отдела кадров НИИНКП (Научно-исследовательского института национальных и колониальных проблем) и 30.09.1938 года подписал ставшее

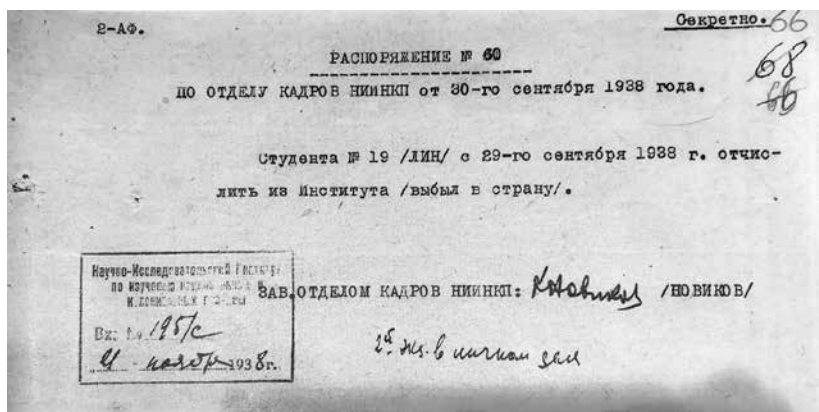

Рис. 5

историческим командировочное удостоверение студенту Лину (Хо Ши Мину), после чего вьетнамский революционер отправился на Родину через Китай.

Первым советским преподавателем вьетнамского (аннамского) языка стал проф. Ю. К. Щуцкий (1899–1938).

В автобиографии известного ленинградского полиглота (знал около 18 языков) и востоковеда Ю. К. Щуцкого от 23 сентября 1934 года подчеркивается, что он «на протяжении 3 лет преподавал специальные курсы Южно-китайского (Кантонского) языка и Аннамского языка (Впервые в СССР)». С учебно-методическими целями им были подготовлены к изданию «Учебник аннамского языка»¹ (1934) и книга «Строй аннамского языка»² (1936), которые стали основой в подготовке первых советских вьетнамистов. По мнению современных преподавателей вьетнамского языка СПбГУ, эти пособия были составлены на высоком методическом уровне. Первый учебник написан от руки печатными буквами, а второе издание уже было напечатано в типографии.

¹ Щуцкий Ю. К. Учебник аннамского языка. Л., 1934.

² Щуцкий Ю. К. Строй аннамского языка. Л., 1936.

За несколько лет были подготовлены первые специалисты со знанием аннамского языка, которые были направлены на работу в министерства и ведомства СССР (Коминтерн, НКВД и др.). В середине 1930-х годов А. С. Енукидзе впал в немилость и был расстрелян (реабилитирован в 1959). Позднее под каток попал и носивший его имя ЛВИ, который был в 1938 году расформирован, преподаватели репрессированы, а обучение прекращено. В это время маховик репрессий затронул и Ю. К. Щуцкого, который был арестован в 1937 и расстрелян в 1938 году. Репрессии существенно подорвали востоковедный научный потенциал СССР, а в области вьетнамоведения он был просто уничтожен и последующая посмертная реабилитация Ю. К. Щуцкого в 1958 году уже не смогла исправить положение.

Уже после Второй мировой войны допущенные ранее ошибки стали очевидны и в 1949 г. в ЛГУ был восстановлен Восточный факультет, который был образован в 1854 г. в соответствии с указом Николая I.

В 1955 г. по предложению проф. Н. Д. Андреева (1920–1997) началось изучение Юго-Восточной Азии и на кафедре китайской филологии Восточного факультета ЛГУ было открыто первое отделение вьетнамской филологии. «Тогда во вьетнамскую группу были зачислены Инесса Зимонина (она единственная изначально хотела изучать вьетнамский язык), Валерий Панфилов, Елена Кириллова и Роза Ардашова. Первые двое стали известными вьетнамоведами-филологами и переводчиками. Вьетнамский язык им преподавал сначала лингвист Н. Д. Андреев (самостоятельно выучивший вьетнамский язык), а затем известный ученый из ДРВ — Нгуен Тай Кан»¹.

Как вспоминал один из ведущих российских вьетнамоведов к. и. н. Е. В. Кобелев, в середине 1950-х годов во время встречи с Н. С. Хрущевым президент ДРВ Хо Ши Мин поблагодарил

¹ Соколов А. А. Из истории отечественного вьетнамоведения: Ленинградский Восточный Институт // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. Вып. XXVI (№ 26, 2015). С. 199.

советского лидера за создание условий для подготовки вьетнамских кадров в СССР и предложил направить советских студентов в ДРВ для изучения вьетнамского языка. Это дальновидное предложение было поддержано и вскоре в ДРВ на двухлетнюю языковую стажировку была направлена первая группа советских вьетнамистов из трех человек, в состав которой входили Е. В. Кобелев и В. С. Панфилов. С тех пор и по наши дни эта программа подготовки в целом работает не без проблем (периодически во Вьетнаме пытаются заблокировать стажировки российских студентов в городе Хошимине), но достаточно стабильно, благодаря чему молодые российские вьетнамисты имеют возможность пройти 10-месячную стажировку во Вьетнаме и повысить качество владения вьетнамским языком.

В середине 1950-х годов в ЛГУ вьетнамский язык стал преподавать самостоятельно освоивший его проф. Н. Д. Андреев (1920–1997). В 1955 году для закладки основ научного вьетноведения и обеспечения преемственности подготовки высококвалифицированных кадров из ДРВ в ЛГУ был направлен известный ученый-лингвист Нгуен Тай Кан (1926–2011), который поставил на очень высокий уровень преподавание и изучение вьетнамского языка. Его ученики проф. В. С. Панфилов (1938–2010) и доц. И. С. Быстров (1926–2004) творчески развивали школу ленинградского/петербургского вьетноведения в течение более полувека. За это время были подготовлены десятки высококвалифицированных специалистов со знанием вьетнамского языка, которые внесли большой вклад в науку и практическую деятельность в разных сферах.

Разработанные ими методики преподавания вьетнамского языка в модернизированном виде до сих пор успешно используются в учебном процессе.

Историю Вьетнама и другие страноведческие курсы многие годы читали А. И. Мухлинов (1928–1989) и Б. Н. Мельниченко (1935–2018). В конце 1990-х гг. к работе на Восточном факультете приступил В. Н. Колотов, который, закончив обучение по

двум профильным кафедрам (китайской филологии и истории стран Дальнего Востока), получил не только филологическое, но и историческое образование. Так были созданы условия для первого набора на профиль История Вьетнама в 1998 г. С 1998 г. к преподаванию вьетнамского языка приступила выпускница Педагогического университета г. Хошимина ст. преп. Нгуен Тхи Минь Хань.

В настоящее время в СПбГУ традиции, заложенные Нгуен Тай Каном, В. С. Панфиловым, И. С. Быстрым и Б. Н. Мельниченко, продолжают их ученики: ст. преп. К. С. Ефременко, проф. В. Н. Колотов, доц. Е. Ю. Кнорозова, ст. преп. Нгуен Тхи Минь Хань. Вьетнамоведение в Санкт-Петербурге развивается также в Санкт-Петербургском филиале ВШЭ силами выпускников СПбГУ Н. В. Григорьевой и Е. О. Стариковой.

В 2017 г. был издан учебник «Вьетнамский язык. Фонетический курс»¹, в котором представлена модернизированная методика постановки вьетнамского произношения, разработанная проф. Нгуен Тай Каном в середине 1950-х годов.

За прошедшие 89 лет со времени начала и 65 лет с момента восстановления изучения Вьетнама в Ленинграде/Санкт-Петербурге были подготовлены десятки специалистов, которые успешно работают в разных сферах науки, образования, дипломатии, экономики, внося своими знаниями важный вклад в укрепление российско-вьетнамских отношений.

О признании особой роли СПбГУ в изучении Вьетнама говорит тот факт, что первый и единственный в мире за пределами Вьетнама Институт Хо Ши Мина был открыт именно в СПбГУ. Открытие состоялось в мае 2010 г. при содействии ведущего научно-исследовательского учреждения во Вьетнаме — Государственной политической академии Хо Ши Мина (ГПАХШМ).

¹ *Ефременко К. С., Григорьева Н. В., Нгуен Тхи Минь Хань. Вьетнамский язык. Фонетический курс. СПб.: Каро, 2017.*

V. N. Kolotov (*Saint Petersburg State University, v.kolotov@spbu.ru*)

HISTORY OF THE LENINGRAD / PETERSBURG SCHOOL OF VIETNAM STUDIES

Abstract: *The teaching and learning of the Vietnamese (Annamic) language began in Leningrad in the first half of the 30s of the XX century. Prof. Yu. K. Schutsky, who prepared the first manuals on the Annamic language, played an important role in this process. In the late 30s, he, like many other orientalists, was repressed, which led to the cessation of teaching this language. The restoration of Vietnamese studies, like other countries of Southeast Asia, occurred after the Great Patriotic War thanks to the efforts of Professor Nikolay D. Andreev. Soon, in the mid-1950s, Prof. Nguyễn Tài Cẩn was sent from Hanoi to organize the teaching of the Vietnamese language at Leningrad State University, who laid the foundations for the study of Vietnam, which are still developing at St. Petersburg State University.*

Keywords: *Leningrad Vietnamese studies, St. Petersburg Vietnamese studies, Yu. K. Schutsky, Nguyễn Tài Cẩn.*

Крамарова С. Г.

(Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, svetkram@mail.ru)

ГЛАГОЛЫ С ПРЕФИКСОМ МА- В БАЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация: В статье говорится о глаголах с префиксом та-, который сохранился в балийском и некоторых других малайско-полинезийских языках, а в других исчез. Основная цель статьи — рассмотреть те модели, по которым образуются глаголы с этим префиксом. Выделено 14 глагольных значений данного префикса, из которых самыми употребляемыми являются «результатив» и «посессив».

Ключевые слова: балийский язык, префикс та-, результатив, посессив.

1. Предметом данной статьи являются глаголы балийского языка с префиксом та-, который возможно реконструируется для протоавстронезийского состояния, точно реконструируется для протомалайско-полинезийского языка и имеет соответствия в разных современных малайско-полинезийских языках (индонезийском, малайском, тагальском и др.) [Bethwyn E., Malcolm R.: 280–281]. Малайский язык данный префикс утерял. Сохранен он в тагальском, других языках Филиппин и в большинстве малайско-полинезийских языках Индонезии, в том числе в балийском. Глаголы с префиксом та- в балийском языке ряд авторов относят к среднему залогу (middle voice), выделяя несколько значений данной модели [Kardana I Nyoman 2009].

2. Материалом для анализа конструкций с префиксом *ma-* послужили, в частности, примеры из художественных произведений на современном балийском языке (жанр коротких рассказов (*serpen*) и жанр народных рассказов (*satua*)). Для анализа были отобраны также искомые лексемы из балийско-английского словаря [Tuttle Concise Balinese Dictionary], в котором статьи расположены не по гнездовому принципу, как в большинстве словарей балийского языка, а по алфавитному принципу, что удобно для отбора соответствующих лексем (с префиксом *ma-*).

Рассматриваемый префикс используется достаточно часто, наряду с другими глагольными аффиксами (префиксами *N*¹, *Ø*², *ka*³; суффиксами *-in*, *-ang*⁴, *-a*⁵ и некоторыми конфиксами). Он используется в словообразовательных моделях нескольких грамматических классов слов: непереходных глаголов (основная функция), переходных глаголов, а также некоторых модальных слов (например, *m-irib* ‘возможно’).

С помощью префикса *ma-* глаголы образуются от разных основ — корневых морфем (в том числе несвободных) и других производных — существительных, прилагательных, переходных и непереходных глаголов. Ниже будут рассмотрены модели с префиксом *ma-*, по которым образованы глаголы в балийском языке, с указанием производящей основы и реализуемых значений. В зависимости от производящей основы было выделено 4 модели: *ma-N*, *ma-Adj*, *ma-Vtr*, *ma-Vintr*⁶.

¹ Назальный префикс *N-* используется для образования переходных и непереходных глаголов.

² Нулевой префикс используется для образования одной из форм переходного глагола.

³ Префикс *ka-* образует пассивный глагол.

⁴ Суффиксы *-in*, *-ang* образуют переходные глаголы.

⁵ Суффикс *-a* образует пассивную форму глагола или является клитикой 3 лица агенса при нулевой форме глагола.

⁶ Здесь и далее приняты сокращения: *Adj* — прилагательное, *N* — существительное, *Vintr* — непереходный глагол, *Vtr* — переходный глагол.

2.1. Модель, образованная от существительного (ma-N).

2.1.1. Посессивное значение — ‘иметь; использовать то, что выражено существительным’.

Производящей основой в данной реализации модели являются существительные с широким спектром значений: *ma-isi* ‘иметь содержание, содержать’ (от *isi* ‘содержание’), *ma-katir* ‘использовать аутригер, плыть на аутригере’ (от *katir* ‘лодка аутригер’).

- (1) Yen suba dogen nawang(N-tawang) pesu, inget ja ia
 Если уже PART ACT-знать выходить помнить PART она
ma-suah. (SV)
 POS-расческа
 ‘Если бы только [она знала], что выйдет, она бы не забыла расчесаться.’

2.1.2. ‘Совершать действие, иметь состояние, испытывать то, что выражено существительным’.

Производящей основой в данной реализации модели являются существительные со значением действия, состояния или его результата: *ma-gae* ‘работать’ (от *gae* ‘работа’), *m-embah* ‘течь’ (от *embah* ‘течение’), *m-rasa* ‘чувствовать себя’ (от *rasa* ‘чувство’), *ma-keneh* ‘думать’ (от *keneh* ‘мысль’).

- (2) Iang dot *ma-keneh* Uncle Tom jani ada paek tekening iang
 я хотеть INTR-мысль дядя Том сейчас быть близко PREP я
 dini. (UK)
 здесь
 ‘Я думаю, что хочу, чтобы Дядюшка Том был сейчас рядом со мной.’
- (3) Yeh-e sedeng *m-embah* ke carik-e. (SM)
 Вода-DEF ASP INTR-течение PREP рисовое.поле-DEF
 ‘Вода течет на рисовое поле.’

2.1.3. Взаимность¹, совместность.

Производящей основой в данной реализации являются существительные, обозначающие симметричные понятия, группы (людей и т.д.): *ma-pisang* ‘быть соседями, соседствовать’ (от *pisang* ‘сосед’), *ma-banjar* ‘принадлежать к одной группе банджар’ (от *banjar* ‘группа людей в деревне — банджар’).

- (4) *Melahang*(N-*belahang*) *solah-e ma-banjar, ma-pisaga,*
 АСТ-раскалывать поведение-DEF REC-банджар REC-сосед
eda ma-gugonin Ø-rusit taken timpal. (ID)
 ПРОН RES-обращать.внимание ERG-раздражать PREP друг
 ‘Развалилось наше общество банджар, соседство, не обращают внимание, раздражают друзей.’

2.1.4. ‘Иметь характеристику или выполнять функцию, выраженную существительным’.

Производящей основой в данной реализации модели являются существительные, которые могут выражать либо характеристику, либо функцию, выполняемую субъектом: *ma-babon* ‘быть мамой (о животных)’ (от *babon* ‘мама (животного)’), *ma-besek* ‘грязный’ (от *besek* ‘грязь’), *ma-pikenoh* ‘быть полезным’ (от *pi-kenoh* ‘польза’).

- (5) *Sampunang lali, pamargi-ne puniki taler banget ma-pikenoh*
 ПРОН забывать путь-DEF этот также очень INTR-польза
sajeroning ng-lestariang palemahan-e mangda asri. (BB)
 когда АСТ-спасать земля-DEF чтобы вечный
 ‘Не забудьте, что этот путь также полезен для спасения нашей природы.’

2.2. Модель, образованная от прилагательного (*ma-Adj*)

Большая часть прилагательных в балийском языке представляет собой корневые морфемы. У данной модели выделено одно значение.

¹ Взаимное действие здесь понимается широко — взаимонаправленные, а также симметричные действия и состояния.

2.2.1. ‘Иметь качество, выраженное прилагательным’.

Производящей основой в данной реализации модели являются качественные прилагательные: *ma-bahat* ‘быть тяжелым’ (от *bahat* ‘тяжелый’), *ma-bahuk* ‘быть испорченным’ (от *bahuk* ‘испорченный’), *m-ender* ‘молчать’ (от *ender* ‘тихий, неразговорчивый’).

- (6) ... *tiang m-ender* *ma-imbuh* *nekep* (N-tekep) *kuping aji*
 я INTR-тихий POS-добавление АСТ-покрывать ухо PREP
 galeng.guling. (BB)
 подушка.круглая

‘... я хранил молчание и укрылся подушкой.’

2.3. Модель, образованная от переходного глагола (ma-Vtr)

В данной модели в качестве производящей основы используется либо основа переходного глагола (*ma-R*), либо его назальная (активная) форма (*ma-N-R-(-ang/in)*). Назальная форма переходного глагола образуется либо от корневой морфемы (*N-R*), либо от основы с суффиксами переходности *-ang/-in* (*N-R-ang/-in*).

Первый вариант модели (*ma-R*) используется для образования непереходных глаголов. По второму варианту модели (*ma-N-R-(-ang/-in)*) образуется переходный глагол (без изменения значения).

2.3.1. Непереходные глаголы

Непереходные глаголы, образованные по данной модели, характеризуются понижением валентности — устранением или понижением ранга одного из аргументов.

2.3.1.1. Рефлексив

Производящей основой в этой реализации модели является корневая морфема переходного глагола: *ma-sugi* ‘умываться’ (от *-sugi-in* ‘умывать’), *ma-cukur* ‘бриться’ (от *-cukur-in* ‘брить’).

- (7) *Panak iang-e takut sajan ma-cukur.* (SV)
 Ребенок я-DEF бояться очень REF-брить
 ‘Мой сын очень боится бриться.’

2.3.1.2. Реципрок

В этой реализации производящей основой является корневая морфема переходного глагола: *ma-palu* 'биться, драться' (от *-palu* 'бить'), *ma-bandung* 'соответствовать (друг другу)' (от *-bandung* 'соответствовать чему-либо'), *ma-diman* 'целоваться' (от *-diman* 'целовать').

- (8) *Ka-piragi krentengan suara-n gelas lan botol ma-palu.* (UK)
 PAS-слышать звук звук-LK стакан и бутылка REC-бить
 'Было слышно, как зазвенел, столкнувшись с бутылкой, стакан' (досл. стакан и бутылка ударились друг о друга).

2.3.1.3. Результатив

Производящей основой в данной реализации является корневая морфема переходного глагола: *m-ader* 'продан' (от *-ader* 'продавать'), *ma-gugut* 'укушен' (от *-gugut* 'кусать'), *ma-bada* 'быть помещенным в стойло' (от *-badain* 'помещать в стойло').

- (9) *Jajan-e suba ma-gugut.* (SM)
 Торт-DEF уже RES-кусать
 'Торт откушен.'

2.3.1.4. Декаузатив

Производящей основой в данной реализации является корневая морфема переходного глагола. Реализация данного значения ограничивается действиями, допускающими самопроизвольную трактовку: *ma-ineb* 'закрыться' (от *-ineb* 'закрывать'), *ma-breok* 'проливаться' (от *-breok* 'проливать'), *ma-bakar* 'жариться' (от *-bakar* 'жарить').

- (10) *Yeh ane Ø-aba-n-a uli pancoran-e ma-wadah*
 Вода REL ERG-нести-LK-3.Ag из источник-DEF POS-емкость
jun ma-breok di natah-ne. (BB)
 емкость DEC-проливать PREP земля-DEF
 'Вода, которую она несла в емкости (кувшине) из источника, пролилась на землю.'

2.3.1.5. Антипассив

Производящей основой в данной реализации является корневая морфема переходного глагола. Данное значение реализуется для глаголов со значением чувственного восприятия, умственной деятельности и некоторых других значений: *ma-pineh* ‘думать, быть в задумчивости’ (от *-pineh* ‘думать о’), *ma-daag* ‘есть’ (от *-daag* ‘есть что-либо’), *ma-basa* ‘читать’ (от *-basa* ‘читать что-либо’).

Реализуемое значение характеризуется, по сравнению с производящей основой, устранением прямого объекта (пример 11), замене его на предложное (пример 12) или употребление факультативного неопределенного дополнения (пример 11).

- (11) *Tiang ma-daar (nasi).* (SA)

Я AP-есть рис

‘Я ем (рис).’

- (12) *Ia ma-keneh teken tiang.* (SM)

Он AP-думать PREP я

‘Он думает обо мне.’

При употреблении дополнения с определенной референцией используется переходный глагол (с назальным префиксом N- или с нулевым префиксом Ø-).

2.3.2. Переходный глагол

2.3.2.1. Без изменения значения

Данная реализация имеет производящую основу — назальную (активную) форму переходного глагола и характеризуется той же семантической и синтаксической валентностью. Показателем активной формы переходного глагола в данной модели (а также в других моделях) является назальный префикс N⁻¹: *ma-mancing*

¹ Префикс *ma-* в данной модели следует отличать от активной формы глагола с назальным префиксом от основы с префиксом *pa-* (например, *ma-silihing* ‘одалживать’ (от *-pa-silihing*), *ma-dingehang* ‘слушать внимательно’ (от *-pa-dingehang*)).

‘ловить рыбу (с удочкой)’ (от *N-pancing*), *ma-nembok* ‘возводить стену вокруг’ (от *N-tembok*).

Данная реализация является малопродуктивной и, вероятно, акцентирует действие, выраженное глаголом, а также характеризует повышенный стиль языка. Также отмечено, что объект при таком глаголе часто имеет неопределенную референцию.

(13) I Nyoman *ma-nembok* (ma-N-tembok) umah. (BB)

ART Ньоман АСТ-возводить.стену дом

‘Ньоман стоит стены дома.’

2.4. Модель, образованная от непереходного глагола (*ma-Vintr*)

В данной модели в качестве производящей основы используются две формы непереходного глагола — корневая и назальная и выделяются два варианта модели: *ma-R* и *ma-N-R*.

Данная модель характеризуется теми же валентностями (синтаксическими), что и производящая основа.

2.4.1. Без изменения значения

Производящей основой является непереходный глагол в форме корневой морфемы (в том числе несвободной): *ma-kenyit* ‘мерцать’ (от *kenyit*), *ma-jujuk* ‘стоять’ (от *jujuk*), либо в назальной форме: *ma-manjak* ‘быть рабом, прислуживать’ (от *N-panjak*).

Лексическое значение в данной реализации либо полностью сохраняется, либо происходит его изменение. В последнем случае можно говорить о лексикализации.

(14) Marno ngenyitin(N-kenyitin) roko raris *ma-jujuk* nampek

Марно АСТ-зажигать сигарета потом INTR-стоять близко

jendela. (UK)

окно

‘Марно прикурил сигарету и потом встал у окна’

- (15) Irun *ma-manjak* (ma-N-panjak) ring puri. (BB)
 Он INTR-прислуживать PREP дворец
 ‘Он прислуживает во дворце.’

2.4.2. ‘Притворяться’

Данное значение реализуется от производящей основы, представляющей собой назальную форму непереходного глагола. Рассматриваемая реализация встречается нечасто, чаще то же значение выражается другими (лексическими) средствами: *ma-mules* ‘притворяться спящим’ (от *N-pules* ‘спать’), *ma-mongol* ‘притворяться глухим’ (от *N-bongol* ‘быть глухим’).

- (16) I pianak tusing ma-saut, prajani *mamongol* (ma-bongol),
 ART ребенок не INTR-ответ сейчас INTR-быть.глухим
 нуагу-нуагу sing ningeh (N-dingeh) ара. (BB)
 притворяться не АСТ-слышать что
 ‘Молодой человек не ответил, притворился глухим, притворялся, что не слышит ничего.’

2.4.3. Инхоативное значение — ‘становиться, переходить в состояние’

Данное значение реализуется от производящей основы, представляющей собой назальную форму непереходного глагола: *ma-meseh* ‘опухать’ (от *N-beseh* ‘быть опухшим’), *ma-manes* ‘становиться злым’ (от *N-panes* ‘быть горячим, злым’).

- (17) Lamun *ma-manes* (ma-N-panes), malenan lakar panadi-ne. (BB)
 Если INTR-быть.злым другой FUT происшествие-DEF
 ‘Если [он] разозлится, то будет иначе.’

3. Свойства моделей с префиксом *ma-*

3.1. Каждая из четырех выделенных моделей имеет несколько реализаций (за исключением модели *ma-Adj*). В модели *ma-Vtr*

выделяется пять реализаций, в модели та-N — четыре реализации, в модели та-Vintr — две реализации, в модели та-Adj — одна реализация. Данные цифры, а также наблюдения за употреблением реализаций моделей в текстах говорит об соответствующей продуктивности и частотности их употребления. К основным моделям можно отнести две: та-N и та-Vtr. Наиболее частотной в первой модели является реализация значения «посессивность», в во второй модели — значения «результатив». Первое реализуемое значение — «посессивность» — относится к активному, второе — «результатив» — к пассивному. Таким образом, префикс та- с одинаковой частотностью образует как активные, так и пассивные глаголы.

Префикс та- используется также в моделях глаголов — переходных и непереходных — без изменения значения по отношению к производящей основе. Являясь пустым с точки зрения деривации, данное явление, возможно, относится к стилистическим.

3.2. Показатель та- не является показателем категорий активность/пассивность и переходность/непереходность глагола. Большая часть реализуемых значений (десять) относятся к активным. К пассивным относятся только два реализуемых значения. Однако по продуктивности одно из пассивных значений — «результатив» — характеризуется высокой частотностью употребления, наряду с активным значением «посессив». Таким образом, префикс та- является нейтральным по отношению к оппозиции активность/пассивность глагола.

3.3. Модели с префиксом та- характеризуются отсутствием однозначного соответствия формы (модели) и реализуемого значения. Неоднозначность в большинстве случаев разрешается конкретизацией значения производящей основы. В некоторых моделях с определенными группами производящих основ могут быть реализованы несколько значений (например, от основы переходного глагола могут быть образованы глаголы со значениями рефлексива и реципрока).

Список сокращений

- 3-Ag — клитика 3-го лица Агенса
ACT — показатель актива переходного глагола
Adj — прилагательное
AP — показатель антипассива
ART — артикль
DEC — показатель декаузатива
DEF — показатель определенности имени
ERG — показатель эргатива
FUT — служебное слово — показатель будущего времени
INTR — показатель непереходного глагола
LK — связка
N — существительное
POS — показатель посессива
PREP — предлог
PROH — запретительное отрицание
REC — показатель реципрока
REF — показатель рефлексива
REL — соотносительное служебное слово
RES — показатель результата
Vintr. — непереходный глагол
Vtr. — переходный глагол

Источники и их сокращения

1. Basabali wiki (режим доступа: dictionary.basabali.org) (BB)
2. I Durma // Suara saking Bali Edisi IX (режим доступа: [www. calameo. com>books](http://www.calameo.com>books)) (ID).
3. Kardana I Nyoman Struktur Verba dan Tipe medial tindakan bahasa Bali // Linguistika Wahana Pengembang Cakrawala Linguistik. Vol. 16. No. 31. 2009 (SV).
4. Kayam Umar Siu Kunang-Kunang Ring Manhattan. Jakarta: Yayasan Obor Indonesia, 1999 (UK).
5. Shibatani Masayoshi Artawa Ketut The Middle Voice in Balinese // SEALS XIII The Australian National University, 2003. pp. 239–261 (SM).
6. Shibatani Masayoshi, Artawa Ketut Balinese valency classes // Valency classes in the world's languages. Vol.2. Case Studies from Austronesia, the Pasific, the Americas, and Theoretical Outlook / ed. Malchukov A., Comrie B. Walter de Gruyter GmbH & Co KG, 2015 pp. 877–940 (SA).

7. Tuttle Concise Balinese Dictionary: Balinese-Indonesian-English English-Balinese-Indonesian I Gusti Made Sutjaja 2013 p.

Литература

1. Bethwyn E., Malcolm R. The history of Proto-Oceanic **ma-* // Oceanic Linguistics. Vol. 40. No.2. December 2001. University of Hawai'i Press. P. 269–290.
2. Kardana I Nyoman, Satyawati Made Sri Morphosyntax of Balinese Reciprocal Construction // Internasional Journal of Linguistic. Vol. 6. No. 3. 2014. P. 168–180 (режим доступа: www.macrothink.org/ijl).
3. Kardana I Nyoman Struktur Verba dan Tipe medial tindakan bahasa Bali // Linguistika Wahana Pengembang Cakrawala Linguistik. Vol. 16. No. 31. 2009.
4. Shibatani Masayoshi, Artawa Ketut The Middle Voice in Balinese // SEALS XIII The Australian National University, 2003. P. 239–261.
5. Shibatani Masayoshi, Artawa Ketut Balinese valency classes // Valency classes in the world's languages. Vol. 2 Case Studies from Austronesia, the Pacific, the Americas, and Theoretical Outlook / ed. Malchukov A., Comrie B. Walter de Gruyter GmbH & Co KG, 2015. P. 877–940.

S. G. Kramarova (*Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, svetkram@mail.ru*)

BALINESE PREFIXED *MA-* VERBS

Abstract: *This article concerns the balinese verbs with the prefix ma-. Balinese and some other Malay-Polynesian languages still have this prefix while others don't have. The aim of this article is to represent prefixed ma- verb formation. 14 meanings of this prefix were found with two of them, resultative and possessive as the most used ones.*

Keywords: *Balinese, prefix ma-, resultative, possessive.*

Лобанова А. Я.

(Белорусский государственный университет,
Минск, a.labanava@gmail.com)

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СНА И СНОВИДЕНИЙ В ДАОСИЗМЕ И ТИБЕТСКОМ БУДДИЗМЕ

Аннотация: *В статье определяется роль сна и сновидений в даосизме и тибетском буддизме, устанавливается место рассматриваемых феноменов в практиках самосовершенствования обозначенных религиозно-философских течений, выявляются общие и специфические черты в восприятии сна и сновидений в рамках вышеупомянутых систем мировоззрения.*

Ключевые слова: *сон, сновидения, даосизм, тибетский буддизм.*

Сон — это базовая физиологическая потребность человека. Он представляет собой определенную границу, разделяющую сознательную жизнь на множество отрезков. В религиозно-философских учениях Дальнего Востока вышеупомянутому состоянию отводится важная роль.

Для Древнего Китая характерно понимание сна как канала связи между миром живых и миром мертвых, миром неких высших сил, а также как времени, когда душа покидает тело и отправляется в далекие странствия, которые ее хозяин наблюдает и ощущает с помощью сновидений. Следует отметить, что данные представления являются своего рода культурной универсалией, поскольку

характерны для многих народов на начальных этапах развития. Наиболее ранние артефакты, дошедшие до нас и свидетельствующие о важности трактовки «ночных посланий» в Китае, относятся к эпохе Шан-Инь (XVI–XI вв. до н. э.). Это гадательные надписи *цзягувэнь*. На них встречаются вопросы императоров о значении снов [Лобанова 2019а: 123]. Далее, с зарождением и развитием в Поднебесной даосизма и буддизма, данные представления усложняются, на смену им в кругах адептов вышеупомянутых учений, занимающихся самосовершенствованием, приходят новые.

Представление о сне и сновидениях в даосизме

Наиболее раннее философское осмысление сна в даосизме отражено в одном из основополагающих текстов данного учения — «Чжуанцзы» (III в. до н. э.). В нем транслируется идея о том, что жизнь есть сон, а смерть — пробуждение: *«Когда нам что-нибудь снится, мы не знаем, что видим сон. Во сне мы можем даже гадать по своему сну и, лишь проснувшись, знаем, что то был сон. Но есть еще великое пробуждение, после которого узнаешь, что есть великий сон. А глупцы думают, что они бодрствуют и доподлинно знают, кто в мире царь, а кто пастух. До чего же они тупы! И вы, и Конфуций — это только сон, и то, что я называю вас сном, тоже сон»* [Чжуан-цзы 1995: 72]. Е. А. Торчинов говорит о том, что в данном труде посредством сравнения жизни со сном демонстрируется доктрина об «уравнивании сущего» (мир рассматривается как некое абсолютное единство), а также в зачаточной форме отражается идея об иллюзорности жизни, «тезиса о нереальности явленного мира» [Торчинов 1998: 237]. В вышеупомянутом тексте данная идея фиксируется в знаменитом сюжете о Чжуанцзы и бабочке: *«Однажды я, Чжуан Чжоу, увидел себя во сне бабочкой — счастливой бабочкой, которая порхала среди цветов в свое удовольствие и вовсе не знала, что она — Чжуан Чжоу. Внезапно я проснулся и увидел, что я — Чжуан Чжоу. И я не знал, то ли я Чжуан Чжоу, которому приснилось, что он — бабочка, то ли бабочка, которой приснилось, что она — Чжуан Чжоу»*

[Чжуан-цзы 1995: 73]. Возникает идея относительности истины и обманчивости бытия, которая находит свое развитие в трактате «Лецзы» в истории о дровосеке и прохожем, которые не могли определить, кому принадлежит олень: кто его действительно добыл, а кто увидел во сне, а также в рассказе о рабе, который днем тяжело работал, а ночью, во снах, становился царем и вел праздный образ жизни, и его эксплуататоре по имени Инь, который, наоборот, в сновидениях превращался в раба [Чжуан-цзы 1995: 321–322]. Тем не менее, в тексте излагаются «восемь свидетельств о бодрствовании»: «Первое — событие, второе — действие, третье — приобретение, четвертое — утрата, пятое — печаль, шестое — радость, седьмое — рождение, восьмое — смерть» [Чжуан-цзы 1995: 318]. Эти «свидетельства» можно сравнить с декартовским принципом когерентности, в соответствии с которым предполагается, что если события, которые сейчас происходят, имеют тесную связь со всем ходом жизни человека, значит, он бодрствует; при этом даже тесная связь всех событий жизни не исключает того факта, что их непрерывная череда не может являться сном [Малькольм 1993: 8–9]. Приведенные сюжеты как нельзя лучше демонстрируют представление о вечном движении всего сущего, о его единстве в вечном превращении одних его составляющих в другие, об иллюзорности яви.

Значительно позже в памятнике «Гуань иньцзы» (VIII–X вв.) появляется представление о конструирующей роли сознания: *«Люди Поднебесной не умеют исчислять миллиарды и триллионы. Все люди видят сны, и все они различны. Сон одной ночи отличается от сна другой ночи. В них есть Небо, есть Земля, есть люди. Есть вещи, и все они созданы мыслью. Поэтому и не могут исчислить бесчисленное словно роящиеся пылинки. Откуда же знать, что и эти Небо и Земля не созданы мыслью?!»* [Торчинов 2007: 220]. Так, события сновидений и бодрствующей жизни в равной степени являются продуктами сознательной деятельности. Навевая буддистскими взглядами идея закрепляется в даосизме, впоследствии став его неотъемлемой частью.

С одной стороны, сновидения стали использоваться для демонстрации тезиса об иллюзорности бытия, идеи о том, что феноменальный мир нереален по отношению к высшей действительности, с другой — чтобы указать на то, что наличие дихотомии сон-бодрствование — это результат функционирования различающего сознания, которое является «конструктором» реальности в целом (древний аналог современного эффекта наблюдателя в квантовой механике).

«Сон и бодрствование» в даосизме сначала стали предметом философских размышлений и много позже — частью практик. Возникло отдельное направление — мастерство сна *шуйгун* (睡功), основоположником которого принято считать Чэнь Туаня (IX–X вв.). Оно представляет собой психопрактику йогического типа, в основе которой лежат традиционные принципы даосской внутренней алхимии [Лобанова 2018]. Анализируя тексты, описывающие практики самосовершенствования, можно заметить четкое разграничение сна как физиологического процесса и возникающих в данном состоянии сновидений.

Даосские адепты развили теорию о том, что сновидения — это главная преграда на пути совершенствования, называли сонливостью и желание спать демоном сна — *шуймо* (睡魔), который втягивает людей в сон, вызывая у них сновидения, приводящие, в свою очередь, к рассеиванию внимания и потере контроля над «тремя сокровищами» (*цзин* 精, *ци* 气 и *шэнь* 神) — основными энергиями, в результате работы с которыми становится возможным достижение бессмертия [李国兴 2004: 9].

Сон как физиологический процесс (без сновидений) рассматривался в качестве основы для практики. Считалось необходимым, чтобы тело было погружено в сон, а сознание оставалось ясным. Первое условие необходимо выполнять потому, что в таком случае обеспечивается правильное функционирование тела человека, его восстановление. В древнем даосском трактате «Десять вопросов» (《十问》) по этому поводу отмечается: *«Сон — не только лишь человеческая потребность. Все живые существа также*

нуждаются в нем. <...> Все они, только поглощая пищу, могут существовать и, только [периодически] погружаясь в сон, могут сохранить жизнь. Ведь сон [также] способствует усвоению пищи, и [во время сна] лекарства легко рассасываются и распространяются по всему телу. Сон и пища соотносятся друг с другом, как огонь и металл. Поэтому если не спать одну ночь, то и за сто дней не восстановить [потери]. <...> Поэтому все, знающие Дао-Путь [пестования жизни], ценят сон» [Торчинов 2007: 176–177]. Второе условие важно для непосредственной работы с внутренними энергиями и достижения конечной цели практики: «если не спать один год — в нижнем киноварном поле завязывается пилюля бессмертия; если не спать два года — в среднем киноварном поле завязывается пилюля бессмертия; если не спать три года — в верхнем киноварном поле завязывается пилюля бессмертия. Если свет озаряет пустую комнату¹, шэнь всегда будет ясной. Хоть и спишь, все еще бодрствуешь. Нет вреда в том, чтобы отправиться спать» [李国兴 2004: 9].

В остальном же мастерство сна не отличается от практики взращивания бессмертного зародыша в теле адепта. Оно также предполагает:

1. Опустошение сердца.

Устранение проявлений познавательной и психической деятельности человека таких, как мысли, желания, чувства. Уподобление сердца Вселенскому Дао. Это важно, поскольку «если сердце возбуждено, шэнь истощается. Если шэнь уходит, ци рассеивается. Ци рассеивается — цзин уменьшается. Цзин уменьшается — тело истощается. Истощение тела приводит к смерти» [Лобанова 2017: 38].

2. Работу с энергиями цзин, ци и шэнь.

Согласно теории тождественности макро- и микрокосмов, эликсир бессмертия, или бессмертный зародыш, можно создать непосредственно в теле адепта из его собственных соков, секретов

¹ Речь идет о сердце.

и энергий без принятия внешних снадобий. Для этого необходимо трансформировать энергии *цзин*, *ци* и *шэнь*. Чэнь Туань отмечает, что *«сперва необходимо очиститься от внешних пристрастий, внутри успокоить истинную сердечную природу, превратить цзин в ци, ци — в шэнь, а шэнь возвратить в Пустоту. Это то, каким образом мириады вещей возвращаются к трем. Три превращается в два, а два — в Одно. Одно возвращается к Пустоте¹. Это движение в обратном направлении необходимое для достижения бессмертия: вечной души, вечной жизни»* [Лобанова 2017: 39].

3. Правильное дыхание.

Каждому из этапов трансформации вышеупомянутых энергий соответствует определенный тип дыхания:

- *естественное дыхание*. Оно предполагает медленное и глубокое дыхание через нос. Рот при этом закрыт, кончик языка касается верхнего неба², «вдохи и выдохи свершаются естественно, внимание на них не сосредоточено» [Малявин 1997: 71];
- *зародышевое (внутриутробное)*. Чэнь Туань сравнивает его с медленным и редким дыханием черепах, осуществляющих вдох и выдох исключительно через ноздри. Его суть заключается в том, чтобы «запечатать привходящую энергию и удержать энергию, распространяющуюся внутри, чтобы она „вилась бесконечно, как бы существуя, и в применении была неисчерпаема“» [Малявин, Виноградский 1994: 167]. Такой способ необходим для формирования, созревания и направления к выходу бессмертного зародыша [Ян Цзюньмин: 119];
- *отсутствие дыхания*. Это тип дыхания соответствует наиболее продвинутому этапу практики и предшествует ее завершению. «Дыхание хотя и есть, но как бы отсутствует,

¹ Здесь речь идет о классической схеме космогенеза, изложенной в «Дао-эцзине»: *«Дао рождает одно, одно рождает два, два рождает три, а три рождают все существа»* [Дао дэ цзин 2011: 38].

² Таким образом строится «сорочий мост», то есть замыкается малый небесный круг.

о нем не забывают, но и не помнят, и это есть сокровенное действие превращений духа» [Малявин 1997: 72]. Это состояние напоминает промежуточное состояние между сном и бодрствованием, при котором жизнедеятельность «поддерживается за счет активации одного из древнейших механизмов — „портального сердца“» [Потапов, Осокина 2004: 118]. Оно характеризуется практически полным отсутствием дыхания и сердечной деятельности.

Таким образом, в даосской традиции происходит эволюция представлений о сновидениях: *сны как послания умерших предков / высших сил* → *сны как результат скитаний души* → *сны как метафора иллюзорности бытия* → *сны (как и бодрствование) результат функционирования различающего сознания*. Осуществляется четкое разграничение роли сна и сновидений. Тем не менее, у даосов-мирян сохраняется вера в пророческую функцию снов, в сновидения как инструмент передачи информации. В связи с этим в даосской традиции выделяются следующие виды сновидений: *обычные (естественные) сны; сны-предзнаменования, вещие сны (непроизвольные); управляемые сны, сны без сновидений (произвольные)* [Лобанова 2019b: 149].

Представление о сне и сновидениях в тибетском буддизме

В Тибет представления о сне и сновидениях проникли из Индии в VIII в. вместе с индийским тантрическим мастером Падмасамбхавой, основателем древней школы тибетского буддизма — нyingма. Сам Падмасамбхава получил наставления, которые он кодифицировал как «йога сновидений», от таинственного наставника по имени Лавапа. В последующие столетия позаимствованные у индийских адептов практики стали неотъемлемой частью практик в гималайской буддийской традиции, получив название *йога сна*¹.

Целью тибетских практик сна и сновидений является осознание иллюзорности бытия, достижение недвойственного восприятия,

¹ В ее основу легли отдельные составляющие «Шести йог Наропы».

пробуждение от неведения, пребывание в состоянии истинной природы ума.

Тибетская йога сна учит, что сновидения, как и различные переживания в состоянии бодрствования, имеют под собой энергетическую основу — *лунг*, или *прану*. Сновидения являются продуктом работы ума, однако энергия *лунг* придает образам сновидений динамичность и красочность [Sherab 2000: 24]. Все сновидения связаны с одним или несколькими из шести миров сансарного бытия (*лок*)¹, энергетическая связь с которыми осуществляется через особые точки тела — *чакры*. Во время сна сознание сосредотачивается в конкретной чакре, «высвечивая кармические следы и свойства соответствующего мира и само испытывает их влияние» [Sherab 2000: 29].

Согласно тибетской йоге сна, есть три типа сновидений:

1. Обычные кармические (сансарные) сновидения, возникающие главным образом в результате деятельности в течение дня, а также из предыдущего жизненного опыта и мыслей.

2. Сны ясности представляют собой некие духовные видения, благословения и энергетические открытия. В этих снах, как правило, сновидец что-то находит для себя.

3. Сны Ясного Света, в которых спящий пребывает в природе ума, его сознание не является различающим. Эти сны предшествуют достижению состояния Ясного Света, свободного от сновидений мыслей и образов [Bulkeley 2008: 11].

В тибетской традиции выделяются *йога сна* и *йога сновидений*.

В данной традиции работа со сновидениями начинается днем с определенной медитации, направленной на развитие сосредоточения и покоя ума. Это необходимо для того, чтобы не подвергаться пагубному влиянию кармических следов во время сна. Данная

¹ Это миры богов, полубогов, людей, животных, голодных духов и обитателей ада. Они представляют собой шесть измерений сознания, шесть измерений возможных переживаний. В человеке они проявляются в виде отрицательных эмоций: гнев, алчность, неведение, ревность, гордость и блаженная рассеянность (состояние, в котором вышеупомянутые эмоции находятся в гармонии) [Sherab 2000: 17].

медитация известна под названием «пребывание в покое», или «*шине*». Помимо нее в течение дня необходимо выполнять четыре вида подготовки, предшествующие главной практике, направленные на правильное использование ума:

1. Практика изменения кармических следов.
2. Практика устранения влечения и неприязни.
3. Практика укрепления намерения.
4. Практика развития памяти и радостного усилия [Sherab 2000: 49].

Они направлены на тренировку осознанности наяву и, как следствие, во сне, развитие в себе ощущения, что все происходящее — это сон, «иллюзия, образ сновидения, не обладающий ни малейшей конкретностью» [Sherab 2000: 50].

Помимо вышеописанных практик, крайне важным на подготовительном этапе является правильное дыхание. Для его достижения применяется древняя медитативная техника — *девять очистительных дыханий*. При выполнении девяти очистительных дыханий тело используется как средство соединения с естественным умом и поддержания полной осознанности, при этом внутри тела визуализируются три энергетических канала¹ и то, как по ним движется воздух [Ринпоче 2012: 130].

После выполнения перечисленных выше упражнений приступают к главной практике йоги сновидений. Она предполагает *введение осознания в центральный канал* (визуализацию в горловой чакре красного лотоса с четырьмя лепестками, на каждом из которых начертано по слогу: РА, ЛА, ША и СА, в центре находится тибетская буква «А», образованная чистым светом

¹ Три основных канала жизненной энергии: центральный, левый и правый. «Центральный канал берет свое начало в верхней части головы, под темечком, и проходит вниз вдоль позвоночника до точки, расположенной на расстоянии четырех пальцев ниже пупка. Правый канал отходит от центра сразу над бровями, идет параллельно центру на расстоянии примерно одного дюйма до тех пор, пока не соединится с центральным каналом под пупком. Левый канал является зеркальным отображением правого, он расположен с другой стороны от центрального канала» [Бреннан 2011: 27].

и сосредоточение на его центральной части); *развитие ясного видения и переживания* (сосредоточение на чакре, расположенной в области соединения бровей, и визуализация сияющего белого шара — *тигле*, слияния с ним); *усиление присутствия* (сосредоточение на сердечной чакре, в которой визуализируется черный слог ХУМ; необходимо самому стать этим слогом и позволить своему уму покоиться в нем); *развитие гневного аспекта* (концентрация на «тайной чакре», от которой исходит яркий черный свет; вхождение в этот свет и становление им). В результате последовательного выполнения всех вышеперечисленных практик развивается непрерывность осознанности ночью и днем, вместе с тем становится возможной трансформация содержания сновидения, способствующая постижению всеобъемлющей природы человека: воплощение им всей космической системы, тождественность макро- и микрокосма, происходит стирание пространственно-временных границ [Sherab 2000]. В ходе практики сновидений зарождается тело божества медитации (*йидама*), которое все еще не выходит за пределы субъектно-объектных отношений, поэтому она, скорее, является вспомогательной по отношению к йоге сна.

Йога сна, или йога Ясного Света, порождает ум божества, выходя за рамки субъектно-объектного восприятия, предполагает сохранение непрерывного недвойственного осознания (*ригпа*) в четырех состояниях: бодрствовании, сне, медитации и смерти. На данном этапе практика схожа с введением осознания в центральный канал, что было описано выше. Однако главное отличие заключается в том, что происходит визуализация не конкретных образов, а света, так как работа осуществляется с тонкими энергиями, происходит выход за пределы формы [Sherab 2000].

Йога сна способствует получению при жизни опыта пребывания в Ясном Свете и прохождению через точную копию всех стадий *бардо*, что позволяет в момент смерти сохранять полное осознание происходящего [Бреннан 2011: 176]. Так, адепт, при жизни познавший Ясный Свет, в момент смерти сразу узнает его и освобождается, покидает круг перерождений.

Сравнительный анализ сна и сновидений в даосизме и буддизме

В Тибете йога сна и сновидений появилась на несколько столетий раньше, чем подобная практика в даосизме, и является более проработанной. Основываясь на дошедших до нас источниках, трудно судить о том, сформировалась ли последняя под влиянием первой либо же она является неизбежным результатом развития религиозно-философского мышления. Стоит отметить, что сведения о роли рассматриваемых нами феноменов в даосизме приходится собирать по крупицам из различных источников, в то время как тибетские практики подробнейшим образом описаны и доступны широким массам и сегодня пользуются большой популярностью. Несмотря на это, мы можем судить о значительном сходстве взглядов на сон и сновидения в рассматриваемых нами учениях.

Главной целью даосского мастерства снов является достижение бессмертия, соединение с Дао; тибетской йоги сна и сновидений — выход из круга перерождений. Вопреки различиям в целях оба учения считают важным осознание иллюзорности бытия, необходимости избавления от разграничивающего сознания.

И даосизм, и тибетский буддизм разделяют работу со сновидениями и сон как физиологический процесс, являющийся основой осуществления практики. Сновидения при этом выступают как инструмент в понимании нереальности феноменального мира. Источником сновидений при этом рассматриваются чувства, мысли и переживания человека пребывающего в состоянии бодрствования, от которых необходимо избавиться. В тоже время в обоих учениях можно выделить определенные виды снов (табл).

В целом они сводятся к тому, что есть три основных типа снов: 1) сны, которые непроизвольно видят все люди; 2) возникающие непроизвольно либо вызванные в ходе определенных практик сны, выступающие в качестве канала связи неких сверхъестественных сил или умерших предком с человеком; 3) сны,

Таблица. Виды снов в даосизме и тибетском буддизме

Даосизм	Тибетский буддизм
• обычные (естественные) сны • сны-предзнаменования • вещие сны (непроизвольные) • управляемые сны • сны без сновидений (произвольные)	• обычные кармические (сансарные) сны • сны ясности • сны Ясного Света

которые доступны только практикующим адептам, сохраняющим осознанность.

Что касается непосредственно практики, то даосское мастерство сна предполагает работу с энергиями *цзин*, *ци* и *шэнь*, их трансформацию, превращение в бессмертный зародыш и «выпускание наружу», возвращение к Пустоте, к Дао. Тибетская практика связана с визуализацией определенных образов и света, формированием тела и ума божества, что позволяет при жизни получить опыт пребывания в Ясном Свете. При этом важную роль играет дыхание, а также опустошение сердца либо ума соответственно. Оба учения предполагают обезличивание своего я, выход за пределы форм и превращение в нечто бестелесное, неперсонифицированное, но обладающее ясной осознанностью.

Примечательно, что в ходе даосской практики превращенные энергии и получающийся в итоге бессмертный зародыш циркулируют по трем каналам тела. Тибетская практика предполагает дыхательные упражнения, в ходе которых визуализируется движение воздуха также по трем каналам, кроме того во время буддистской практики происходит работа с введением осознанности в центральный канал.

Таким образом, предварительный анализ практик в вышеупомянутых учениях показывает, что, несмотря на их различия в описании целей и внешней стороны, инструментария и способов выполнения, по своей сути они схожи и ставят перед собой идентичные задачи — осознание иллюзорности бытия и избавление от различающего сознания с помощью сна и сновидений.

Литература

1. *Бреннан Дж. Х.* Тибетская магия и мистицизм. Древняя мудрость с вершины мира. СПб.: Весь, 2011.
2. Дао дэ цзин. Книга пути и благодати / Пер. Ян Хин Шуна. М.: Эксмо, 2011.
3. *Лобанова А. Я.* Онейромантическая традиция Древнего Китая // Картина мира через призму китайской и белорусской культур: Сб. ст. междунар. науч.-практ. конф. / науч. ред. Н. В. Попок. Минск : БГАТУ, 2019а. С. 123–127.
4. *Лобанова А. Я.* Основы техники сна в учении Чэнь Туаня // Международные отношения: история, теория, практика: Материалы VIII науч.-практ. конф. молодых ученых фак. междунар. отношений БГУ / отв. ред. В. Г. Шадурский. Минск: БГУ, 2018. С. 285–288.
5. *Лобанова А. Я.* Перевод текста Чэнь Туаня «Общие наставления по двенадцати этапам мастерства сна с горы Хуашань» с комментариями переводчика // Беларусь — Китай: Сб. науч. трудов. Вып. 12: Китай в современном мире/ под общ. ред. А. Н. Гордея. Минск: РИВШ, 2017. С. 36–42.
6. *Лобанова А. Я.* Представление о сне в даосизме в контексте современного знания // Вести БГПУ. Серия 2. 2019b. Вып. 2. С.149–153.
7. *Малкольм Н.* Состояние сна / Пер. с англ. и предисл. В. П. Руднев. М.: Прогресс, Культура. 1993.
8. *Малявин В. В., Виноградский Б. Б.* Антология даосской философии М.: Товарищество «Клышников–Комаров и Ко, 1994.
9. *Малявин В. В.* Молния в сердце. Духовное пробуждение в китайской традиции М.: Наталис, 1997.
10. *Потапов А. В., Осокина Л. А.* Невероятная реальность [Эл. ресурс] // Интерактивная иллюстрированная библиотека. 2004. URL: <http://www.x-libri.ru/elib/ptpos000/index.htm> (дата обращения: 15.12.2019).
11. *Ринпоче Т. В.* Тибетская йога дыхания и движения: Пробуждение священного тела. М.: София, 2012.
12. *Торчинов Е. А.* Даосизм: Опыт историко-религиоведческого описания. СПб.: Лань, 1998.
13. *Торчинов Е. А.* Путь золота и киновари: даосские практики в исследованиях и переводах Е. А. Торчинова. СПб.: Азбука-классика; Петербургское востоковедение, 2007.
14. *Чжуан-цзы.* Ле-цзы / Пер. с кит., вступ. ст. и примеч. В. В. Малявина. М.: Мысль, 1995.
15. *Ян Цзюньмин.* Цигун-медитация. Зародышевое дыхание. М.: София, 2005.
16. *Bulkeley K.* Dreaming in the world's religions: a comparative History. New York: New York University Press, 2008.

17. Sherab K. P. A Modern Commentary on Karma Lingpa's Zhi-Khro: teachings on the peaceful and wrathful deities. Padma Gochen Ling [Electronic resource] // Turtle Hill Sangha. 2000. URL: <https://www.turtlehill.org/cleanup/khen/zhikhro.pdf> (date of access: 14.12.2019).

18. 李国兴. 侠门睡仙功 (一) // 武当. 2004. 第163期 [Ли Госин. Мастерство спящих святых школы рыцарей // Удан. 2004. вып. 163]. URL: <https://yrvps.com/Download/1/气功秘籍第三辑-200本/%5B侠门睡仙功%5D.李国兴.扫描版.pdf> (дата обращения: 02.03.2020). (На кит. яз.).

A. Y. Labanava (*Belarusian State University, Minsk,*
a.labanava@gmail.com)

COMPARATIVE ANALYSIS OF SLEEP AND DREAM IN TAOISM AND TIBETIAN BUDDHISM

Abstract: *The article defines the role of dream and sleep in Taoism and Tibetan Buddhism, determines the position of these phenomena in self-improvement practices of mentioned religious and philosophical traditions, reveals general and specific features of sleep and dream's understanding in the discussed systems of world view.*

Keywords: *sleep, dream, Taoism, Tibetan Buddhism.*

Маяцкий Д. И.

(Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, d.mayatsky@spbu.ru)

ЦИНСКИЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ ОПИСАНИЯ НРАВОВ НАРОДОВ ЮГО-ВОСТОЧНОГО КИТАЯ В СОБРАНИИ РЕДКИХ КНИГ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ СПБГУ¹

Аннотация: В докладе рассматриваются один ксилографический и четыре рукописных этнографических альбома конца XVIII — первой половины XIX в., хранящихся в Научной библиотеке им. М. Горького Санкт-Петербургского государственного университета (НБ СПбГУ) и изображающих сцены из повседневной жизни представителей малых народов южных китайских провинций Сычуань, Юньнань, Гуйчжоу, Гуандун, а также — Гуанси-Чжуанского автономного района. Раскрываются исторические обстоятельства создания альбомов, сравниваются их состав, содержание и особенности в изображении народов.

Ключевые слова: Китай, эпоха Цин, национальные меньшинства, народы мяо, «Хуан цин чжи гун ту».

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19–09–00218 («Китайский историко-этнографический памятник «Изображения данников правящей династии Цин» («Хуан цин чжи гун ту») и его значение в изучении представлений китайцев о других странах и народах в середине XVIII в.»)

К середине правления маньчжурской династии Цин (1644–1912) в результате успешной экспансии императоров, правивших под девизами Канси (Айсиньгёро Сюанье, 1661–1722) и Цяньлун (Айсиньгёро Хунли, 1736–1795) границы китайского государства максимально расширились в южном и юго-восточном направлениях. Произошло формирование границы Китая с Мьянмой, Лаосом и Вьетнамом почти в ее современном виде. Тогда же были учреждены или получили современные названия существующие по сей день китайские юго-восточные провинции Юньнань, Гуанси (в КНР обрела статус автономного округа) и Гуйчжоу, населенные преимущественно тибето-бирманскими (*и, хани, лису, лаху, наси, цзинпо, пуми, дулуны* и т. д.), тайскими (*чжуаны, дайцы* и т. д.) и мон-кхмерскими (*ва, буланы, палаунги* и т. д.) народами, а также многочисленными этносами группы *мяо-яо*.

Несмотря на то, что Китай в прежние эпохи (например, поход Чжугэ Ляна в юньнаньские земли в период Троецарствия, 220–280 гг.) уже предпринимал неоднократные попытки установить контроль над предками многих народов Юго-Восточной Азии, а с некоторыми из них (например, тибето-бирманским народом *туцзя* и народами группы *мяо-яо* в Хунани и Хубэе) китайцы жили бок о бок столетиями, специальное изучение их в Китае началось именно в цинское время. Важный толчок этому дал объявленный 23 июля 1751 г. императором Айсиньгёро Хунли особый указ, перевод текста которого можно увидеть в одной из статей И. Ф. Поповой [Попова 2010: 38–44]. Мы приведем содержание указа полностью: «Я, государь, повелеваю сообщить о варварах *мяо* и *и*, проживающих в объединенной моей династией Поднебесной и за ее пределами, насколько ценят [они] преобразующее [Наше] влияние. Об их одежде, головных уборах, внешности — что для каждого [народа] отлично, все записать. Всем губернаторам и генерал-губернаторам о подвластных им *мяо, яо, ли* и *чжуан-нах*, а также о внешних *и* и *фанях* собрать [сведения], их одежду и уборы зарисовать, [собранное] препроводить в Государственный совет (Цзюньцзичу) и представить на рассмотрение высших

инстанций, чтобы Чжао-ван смог это исполнить. Между губернаторами соседних земель надлежит установить курьерскую связь, но [им] не нужно направлять особых посланцев для передачи рисунков и записей, [их] можно передавать [прямо] в Канцелярию по принятию докладов на высочайшее имя (Цзоуши). Повелеваю огласить и быть посему» [Попова 2010: 38–39].

Указ Айсиньгёро Хунли способствовал возникновению практики сбора изобразительного и письменного материала о неханьских народах. Она сохранялась и при последующих государях Цин — примерно до середины XIX века. В результате за почти столетие были созданы десятки иллюстрированных историко-географических и этнографических сочинений, содержащих сведения об истории, местах проживания, социальной организации, хозяйственной деятельности, национальных обычаях и привычках, жилищах, одежде и других сферах жизни представителей этих народов. И хотя эти сведения не всегда точны, малоинформативны, даже поверхностны, отражают преимущественно официальный взгляд цинских ученых и чиновников (обычно китайцев и маньчжуров), тем не менее, они могут оказаться весьма ценными для современных востоковедов, специально занимающихся изучением истории упоминаемых в памятниках народов, поскольку иногда отражают давно утраченные явления, забытые названия социальных или этнических групп и племен, редкие топонимы и другие важные данные. Пять таких сочинений хранятся в фонде китайских рукописей и ксилографов Отраслевого отдела по направлению «Востоковедение» Научной библиотеки им. М. Горького Санкт-Петербургского государственного университета: два экземпляра ксилографа «Изображения данников правящей династии Цин» («Хуан Цин чжи гун ту», 《皇清職貢圖》; шифр хранения: Хул. 348), «Атлас городов провинции Юньнань и сцен их жизни с объяснениями» (данное название было присвоено каталогизаторами условно, т. к. оригинальное название на обложке или листах альбома отсутствует; Хул. F-25), «Рисунки, представляющие жителей провинции Юньнань» (также условное название, Хул. F-25-a), «Иллюстри-

рованное описание народов юга и запада китайской провинции Юньнань» (перевод названия на обложке: «Дяньшэн иси инань ижэнь тушо», 《滇省迤西迤南夷人圖說》, Xyl. F-26) и «Полное собрание изображений *мяо* провинции Гуйчжоу» (также перевод оригинального названия «Цюаньцзянь мяоту», 《全黔苗圖》, Xyl. F-27). За исключением ксилографа «Хуан Цин чжи гун ту», все другие альбомы — рукописные. Все они создавались разными мастерами, на что указывают неодинаковые стилистика, техника, краски и способы организации альбомов. Происхождение всех пяти памятников еще устанавливается. Известно, что они поступили в библиотеку СПбГУ в 1855 г. из Казанского университета, куда были привезены предположительно в 1850 г. В. П. Васильевым (1818–1900) из Пекина, где их могли приобрести в книжных лавках Люличана.

Более детальную информацию об истории создания, структуре, содержании, изучении и других вопросах «Хуан Цин чжи гун ту» можно посмотреть в публикациях сотрудников Восточного факультета СПбГУ Н. А. Самойлова, Д. И. Маяцкого, Т. С. Мироновой, Н. А. Сомкиной, А. М. Харитоновой и М. В. Черевко [Самойлов, Маяцкий 2019: 437–455], [Маяцкий 2019: 111–114], [Миронова 2019: 333–338], [Сомкина 2019: 450–459], [Харитонова-а 2019: 119–122], [Харитонова-б 2019: 43–50], [Черевко 2019: 526–533]. Аналогичные сведения об альбоме «Иллюстрированное описание народов юга и запада китайской провинции Юньнань» доступны во вступительной статье Т. С. Мироновой к его изданию на русском языке [Миронова 2020: 5–10]. Поиск литературы по двум безымянным альбому (Xyl. F-25 и Xyl. F-25-a) затруднен необходимостью их идентификации. Хотя уже сейчас можно утверждать, что ни они, ни третий альбом («Полное собрание изображений *мяо* провинции Гуйчжоу») в России еще не изучались и за рубежом тоже скорее всего — нет.

«Иллюстрированное описание народов юга и запада китайской провинции Юньнань» в библиотеке СПбГУ — это выполненная в 1839 году для некоего князя Младшего Доро Цин-цзюньвана

(小多羅慶君王) копия одноименного оригинального памятника 1788 года, хранящегося ныне в Германии в Лейпцигском этнографическом музее (Museum für Volkerkunde zu Leipzig) [Миронова 2020: 7–8]. Этот альбом был переведен на немецкий язык и издан в 2003 г. группой ученых во главе с Клаусом Даймелем (Claus Deimel) [Diansheng 2003]. Университетская копия представляет собой гармонику из 52 листов с узорной деревянной обложкой. Размеры ее: 27,2 × 20,1 см. На листах показаны 43 бытовые сценки из жизни 43 групп людей, подразумевающих отдельные этносы, субэтносы (племена) или социальные прослойки. Здесь можно увидеть *дулунов* («луны», «цуюжэни»), *и* («большеголовые лоло», «черные лоло», «белые лоло», «шаньсу», «лохэй», «малые лимы», «лими»), *хани* («тыквоголовые вони», «черные вони», «нобе», «кадо»), *дайцев* («сухопутные бай-и», «водные бай-и», «бо-и», «бирманские монахи», «манцзы», «божэни»), *лису* («пу-мани», «черные лису»), *лаху* («куцуну»), *байцев* («миныцзя», «цымао»), *чжуанов* («шажэни»), *ва* («кава»), *тибетцев* («деченские гуцзуны», «гуцзуны», «сифани», «тибетские да-эр-сань-бао»), *мяо* («цяотоужэни»), *качинов-цзинпо* («цинпуло») и *наси* («мосо», «жители деревни Сюэсунцунь») [Иллюстрированное 2020]. Некоторые группы не поддаются идентификации: «кагао», «саньцзомао» («трехпучковые»), «луцзюйжэни», «колдуны-дяоба», «мацзы», «красношапочные ламаисты» и «желтошапочные ламаисты». Каждый рисунок показывает несколько человек, занятых трудом или отдыхающими на досуге (охотящимися, боронущими поле, собирающими тростник или плоды растений, качающимися на качелях, купающимися в реке, играющими в облавные шашки, совершающими ритуальные действия и т. д.). В верхней части рисунка — слева, по центру или справа — приводятся лаконичные подписи объемом до ста иероглифов с обозначением названия группы людей, их места проживания, описанием образа жизни и черт характера, типичных мужских и женских занятий, одежды, пищевых привычек, досуговых развлечений и проч. Иногда дополнительно сообщаются факты исторических контактов с китайскими

чиновниками (несколько раз упоминается поход Чжугэ Ляна в Юньнань) и объясняются особенности фискальных отношений с китайской властью (вносят налог зерном, отбывают повинности по ранжиру и т. д.).

«Атлас городов провинции Юньнань и сцен их жизни с объяснениями» (Хул. F-25, датировка отсутствует) имеет вид гармоник из 152 листов размером $35,2 \times 30,0$ см каждый. На первых двух листах дается общая карта провинции Юньнань. Последующие листы разбиты на 75 пар, в которых один лист предлагает 3-d план отдельно взятой местности («чжоу») в Юньнани (с горами, лесами, реками, мостами, крепостными стенами, домами, храмами, воротами и т. д.), другой же — показывает на фоне видов природы сцены из жизни населяющих ее жителей. Над рисунком в специально выделенном поле приводится название местности и связанная с ней справка примерно на 70–80 иероглифов со сведениями об исторических изменениях в ее названии и административном подчинении, также — о современном состоянии (количество дворов, основные занятия местных жителей, их нравы и т. д.). Всего получается 75 карт и 75 рисунков.

«Рисунки, представляющие жителей провинции Юньнань» (Хул. F-25-a, во вложенной записке стоит датировка — 1844 г.) — набор из 72 отдельных листов размером $34,2 \times 27,6$ см, сложенных в одну большую закрывающуюся костяными застежками синюю папку. На каждом листе показаны на фоне природы сцены из жизни юньнаньцев и в верхней части — имеется наклейка с текстом объемом в 30–40 иероглифов, называющим место обитания и этническую принадлежность показанных людей, объясняющим смысл названия этноса и т. д.

«Полное собрание изображений *мяо* провинции Гуйчжоу» (Хул. F-27, без датировки) представляет собой гармонику из 56 листов. Первый и последний листы наклеены на оригинальную обтянутую узорной тканью деревянную обложку с названием памятника по центру. Листы разделены по два. На одном приводится текст, озаглавленный номером разворота (нумерация идет

с «разворота № 13»), на другом — бытовая сценка, причем показаны только люди и предметы (без природного фона). Благодаря наличию нумерации, видно, что университетский альбом неполный, так как первые 12 разворотов в нем отсутствуют. В тексте даны названия народов, их локации, указаны годы подчинения тому или иному административному центру, сообщается об одежде, языке, обычаях и фискальных обязанностях.

К сожалению, с последними тремя альбомами детально ознакомиться нам не удалось по причине многомесячной недоступности библиотеки Восточного факультета СПбГУ для посещения в период написания данной работы. Как только карантинные меры будут отменены, мы продолжим вести изыскания. Но уже тот объем, который нам удалось просмотреть, показал, что историко-этнографические альбомы цинского времени могут предлагать весьма ценный материал для изучения географии расселения, социальной организации, этнографии, хозяйственной жизни, быта малых народов Юго-Восточного Китая, а также многих других вопросов, способных возникнуть в связи с изучением этих народов. Хотя в действительности, штудии в этом направлении могут быть затруднены необходимостью решения ряда других проблем — отождествления приводимых в альбомах архаичных исторических названий этносов, племенных и социальных групп, происхождения задействовавшихся составителями источников и их достоверности и т. д. Несмотря на это, данный материал все равно способен глубоко заинтересовать специалистов по региону ЮВА.

Литература

1. *Маяцкий Д. И.* Традиционализм и новаторство: ксилографический памятник «Хуан цин чжи гун ту» и его место в серии китайских альбомов, посвященных «данникам» // XXX Международный конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки: к 150-летию академика В. В. Бартольда (1869–1930). СПб.: Студия «НП-Принт», 2019. Т. 2. С.111–114.
2. *Миронова Т. С.* «Иллюстрированное описание народов юга и запада китайской провинции Юньнань» из фонда старопечатных китайских книг Научной библиотеки им. М. Горького Санкт-Петербургского государственного

университета // Нравы народов Китая. Иллюстрированное описание народов юга и запада китайской провинции Юньнань / Отв. ред. и сост. Д. И. Маяцкий. Сост. Т. С. Миронова, Н. А. Сомкина. Перев. и коммент. Т. С. Мироновой, Н. А. Сомкиной, Д. И. Маяцкого. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2020. С. 5–10.

3. *Миронова Т. С.* Этнографические сведения о некоторых соседних с Китаем народах в ксилографическом альбоме «Изображение данников правящей династии Цин» (XVIII в.) // Россия — Китай: история и культура. Сборник статей и докладов участников XII международной научно-практической конференции. Казань: Издательство «Фэн» АН РТ, 2019. С. 333–338.

4. *Попова И. Ф.* «Изображения данников августейшей Цин» и «Первый альбом» о. Иакинфа (Н. Я. Бичурина) // «Первый альбом» о. Иакинфа (Н. Я. Бичурина). СПб.: Экстрапринт, 2010. С. 38–44.

5. *Самойлов Н. А., Маяцкий Д. И.* Китайский историко-этнографический памятник «Изображения данников правящей династии Цин»: Предыстория создания и социокультурное значение // Научный диалог. 2019. № 9. С. 437–455.

6. *Сомкина Н. А.* «Изображения данников правящей династии Цин» («Хуан цин чжи гун ту») как источник сведений о Тибете в XVIII веке // Россия — Китай: история и культура. Сб. статей и докладов участников XII международной научно-практической конференции. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2019. С. 450–459.

7. *Харитонова А. М.* Изучение ксилографического памятника «Изображения данников правящей династии Цин» в России и Европе // XXX Международный конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки: к 150-летию академика В. В. Бартольда (1869–1930). СПб.: Каро, 2019. С. 119–122.

8. *Харитонова А. М.* История изучения китайского ксилографического памятника «Изображения данников правящей династии Цин» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 6 (183). С. 43–50.

9. *Черевко М. В.* Государства Юго-Восточной и Восточной Азии в историко-этнографическом памятнике XVIII века «Хуан цин чжи гун ту» 皇清職貢圖 («Изображения данников правящей династии Цин») // Россия — Китай: история и культура: Сб. статей и докладов участников XII международной научно-практической конференции. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2019. С. 526–533.

10. *Diansheng Yixi Yinan Yiren Tushuo: Illustrierte Beschreibung der Yi-Stämme im Westen und Süden der Provinz Dian. Der Sammlung Hermann Freiherr Speck von Sternburg aus Lützschena / Texte: Claus Deimel.* Leipzig: Museum für Völkerkunde, 2003. 134 p.

D. I. Maiatckii (*St. Petersburg State University, St. Petersburg,
d.mayatsky@spbu.ru*)

**QING ILLUSTRATED DESCRIPTIONS OF THE PEOPLES
OF SOUTH-EAST CHINA IN THE COLLECTION OF
RARE BOOKS STORED IN THE ACADEMIC LIBRARY
OF ST. PETERSBURG STATE UNIVERSITY¹**

Abstract: *The report discusses one woodcut and four handwritten ethnographic albums of the second half of the 18th and the first half of the 19th centuries, stored in the Academic Library named after M. Gorky of St. Petersburg State University (AL SPbSU). They depict scenes from everyday life of representatives of small ethnic groups, inhabiting the southern Chinese provinces of Sichuan, Yunnan, Guizhou, Guangdong and Guanxi-Zhuang Autonomous Region. The historical circumstances of their creation are revealed. Their composition and content are analyzed and compared, unique features are found out.*

Keywords: *China, Qing era, national minorities, miao, “Huang Qing zhi gong tu”.*

¹ The reported study was funded by RFBR according to the research project № 19–09–00218 «The Chinese Historico-Ethnographic Album “Illustrated Tributaries of the Qing Empire” (“Huang Qing zhi gong tu”) and its Role in Studying the Chinese Worldview on Other Countries and Nations in the mid-18th Century»

Моисеев Е. А.

(НИУ ВШЭ, Москва, moiseevjen@yandex.ru)

СЕЗОННЫЕ ВОЙНЫ 1792–1799 гг.: ХАРАКТЕРИСТИКА КАМПАНИИ 1792–1793 гг.

Аннотация: Данная работа представляет собой анализ одной из череды военных кампаний, называемых «сезонными войнами», происходивших на территории современного Вьетнама в 1792–1799 гг. между династией тайшонов и лидером южных землевладельцев Нгуен Анем. Работа написана под руководством доктора исторических наук, профессора НИУ ВШЭ Рябина Алексея Леонидовича студентом I-го курса образовательной программы «Языки и литература Юго-Восточной Азии» Института классического Востока и античности (ИКВИА) НИУ ВШЭ Моисеевым Евгением Альбертовичем, по материалам А. Л. Рябина, основанных на вьетнамской хронике «Дай Нам Тхык Люк» — «Правдивые записи о Дайнаме».

Сезонные войны иллюстрировали решимость Нгуен Аня, правителя Зядини (впоследствии императора Зялонга, основателя династии Нгуенов, правившей Вьетнамом в течение практически полутора века) своими силами вести борьбу за власть против тайшонов, и стали своеобразной проверкой на прочность для будущего императора.

Эта кампания должна была стать первым шагом к самостоятельной победе над тайшонами: Нгуен Ань поставил цель захватить Куиньон, столицу одного из лидеров тайшонского восстания — Нгуен Ван Няка.

В результате изучения данной темы был сделан следующий вывод: хотя главная цель кампании: взятие Куиньона — не была

достигнута, «южане» создали себе плацдарм для будущих походов, кроме того они опробовали концепцию сезонных войн и использование национальных меньшинств в борьбе с тайшонами. Таким образом, кампания 1792–1793 года стала фундаментом будущих успехов Нгуен Аня.

Ключевые слова: *Вьетнам, история, сезонные войны*

В 1792 г. армия Нгуен Аня предприняла вылазку во владения тайшонов: шеститысячный отряд напал на Биньтхуан. Бои, происходившие в течение полугода закончились неудачно для правителя Зядини: его войска были вынуждены отойти. Это поражение заставило Нгуен Аня задуматься над тем, каким образом далее продолжать боевые действия против тайшонов. В начале 1792 г. военачальникам был представлен план наступательных действий против Куиньона и других областей Центрального Вьетнама: предполагалось ежегодно, весной в апреле — мае, когда дуют южные муссоны, направлять флот на север, а осенью, когда начинают дуть северо-восточные муссоны, возвращать его в Зядинь. Таким образом, предстоящие военные походы должны были носить стремительный характер.

Нгуен Ань решил использовать тактику «сезонной войны», которую применяли сами тайшоны во время походов в Южный Вьетнам в конце 70-х годов XVIII в. Так началась серия последовательных военных кампаний 1792–1799 гг., называемых «сезонными войнами».

Говоря о кампании 1793 года, стоит отметить серьезные различия между ней и походом-вылазкой 1792 года. Так, если кампания 1792 года носила характер «пропагандистско-демонстративный» [Рябинин: 377] и не отличалась особой тщательностью, то поход 1793 года характеризовался проведением серьезных по масштабу, всесторонних подготовительных мероприятий, которые затрагивали все сферы жизни Зядини, что было обусловлено иным характером предстоящих боевых действий: целью Нгуен Аня, правителя Зядини, был захват Куиньона, столицы Нгуен Ван Няка.

Нгуен Ань понимал, что успех новой военной кампании будет зависеть от постоянных и бесперебойных поставок продовольствия из Зядини (эту истину правитель усвоил в ходе предыдущего похода, во время которого недостаток продовольствия был серьезной проблемой), а потому ему нужно было укрепить тыл, оградить житницу с запада от возможных посягательств Сиам, с которым были напряженные отношения. Для упрочнения своих позиций на Крайнем Юге Нгуен Ань 11-го месяца 1792 года направил нового военного чиновника для охраны западной границы. Также, очевидно, с целью умиловить Сиам и доказать «добрососедский» характер отношений, Нгуен Анем был подтвержден двойной статус Хатиена, путем отправки Раме I плененных в результате попытки вторгнуться на побережье этой области малайских пиратов.

Также на северо-восточных границах Нгуен Ань боролся за влияние над горными народами, которых Зядинь хотела использовать в предстоящей кампании, и противоречия которых с долинниками (чамами и вьетнамцами), власти Крайнего Юга старалась усилить, стремясь тем самым вовлечь в предстоящие боевые действия весь Центральный Вьетнам. Вожди племен, пришедшие на поклон к Нгуену Аню, были им встречены, «обласканы», получили дары и были отправлены обратно с наказом организовывать борьбу против тайшонов, в чем горцам должен был помочь посланный вместе с ними управляющий дао ба фу тьонг ко по имени Ко.

Отметим также, что, возможно, и назначение 14-летнего принца Каня, находившегося под влиянием европейских сановников, наследником престола, было отчасти продиктовано желанием Нгуен Аня получить поддержку европейцев в предстоящей войне. Стоит отметить, что одновременно происходило приобщение юного наследника к классическим текстам, очевидно, с целью повлиять на его взгляды, таким образом, Нгуен Ань составил «систему синтеза европейского и конфуцианского воспитания сына с постепенным креном в сторону традиционного образования»

[Рябинин: 387]. Примечательно, что именно воспитанного в европейских манерах наследника вместе с пользующимися доверием правителя чиновниками в качестве советников, Нгуен Ань оставил и вместо себя в Зядини. В дальнейшем Нгуен Ань ставил принца командовать армиями на важнейших участках фронта, тем самым оказывая ему полное доверие.

Были совершены попытки координации военных усилий Нгуен Аня с антитайшонским движением на севере, возглавляемым Ле Зюи Ваном, сыном Ле Хиен Тонга. Однако кроме отправки письма лидеру северного антитайшонского движения в 3-ем месяце 1793 года, в дальнейшем правителем Зядини не были предприняты усилия к налаживанию контактов с Ле Хиеном: очевидно, «южане» решили, что и сами могут справиться с тайшонами, а поддержка со стороны Ле была чревата их претензиями на власть после победы, достигнутой общими усилиями.

Как уже было отмечено ранее, деятельность Нгуен Аня по подготовке к новой военной кампании было весьма обширна. При этом главной составляющей ее успеха полководец считал непрерывное снабжение армии продовольствием. В 12 месяце 1792 года было приказано собрать со всех категорий податного населения дополнительный рисовый налог (тхи тук) на военные нужды, составляющий от 1 до 5 фыонгов на человека в зависимости от социальной и профессиональной категории податных.

Примечателен указ, вывешенный на воротах Переднего ве в первом месяце 1793 года. Согласно этому документу Зядинь превращалась в огромный военный лагерь, для всех категорий населения которого были прописаны их обязанности в военное время: так, «военные чиновники должны были служить щитом и крепостью» [Рябинин: 383], а представители гражданской администрации были обязаны сделать все для обеспечения социальной стабильности (с этой целью были увеличены награды за поимку воров) и пополнения армия провиантом. Для достижения этих целей Нгуен Ань использовал методы управления, характерные для военного времени: гражданское население обязано было «зани-

маться своим делом и не лениться», чиновникам же запрещалось «лениться» и «играть в азартные игры» [Рябинин: 384].

Подготовка к новому походу дала толчок активным преобразованиям в самой армии. В войсках были произведены кадровые перестановки: прежде всего, были повышены верные Нгуен Аню хорошо зарекомендовавшие себя военные чиновники. Затем были проведены изменения в структуре армии: зинь Тянь во был перестроен в тьи Тянь во и вошел в состав зиня Средней армии. Превращение крупного воинского подразделения — зиня (численность, которого максимально могла достигать 800 человек) [Вотюков 2018: 74], в менее многочисленный тьи (точная численность тьи точно не установлена) была, очевидна, связана с потерями, понесенными зинем Тянь во время похода 1792 года.

Накануне похода 1793 года войскам было приказано интенсивно тренироваться и прежде всего это относилось к зядиньским лучникам. Особое внимание Нгуен Ань уделил усилению флота: было предпринято строительство 6 больших военных кораблей, произошло учреждение 3-х новых морских зиней, а экипажам судов были даны наставления: «смести врага, работая веслами» и «тренироваться лучше, чем китайцы на озере Куньмин» (озеро около административного центра в Юньнани) [Рябинин: 385]. Примечательно активное использование Нгуен Анем этнических китайцев во флоте. Так, командующим Патрульного морского зиня был назначен китаец Юань Цюань. Чтобы укрепить боевую мощь элевантерии Нгуен Ань послал чиновников для поимки слонов.

В результате активных подготовительных мероприятий к началу нового похода Нгуен Ань обладал армией численностью 140 тыс. человек, в состав которых входили 20 артиллерийских групп, 200 боевых слонов и саперные команды, и мощным флотом, включающем корабли европейского образца. этнический состав армии был разнообразен: вьетнамцы, чамы, по крайней мере 600 солдат кхмеров из Чавиня и представители различных горных племен.

Сигналом к активным действиям для Нгуен Аня стали события конца 2-го месяца 1793 года. Обострились противоречия в лагере тайшонов: после смерти Нгуена Хюэ его брат Нгуен Ван Няк отправился в Фусуан к племяннику Нгуен Куанг Тоану, дыбы выразить соболезнования в связи с кончиной его отца и своего родного брата. однако по прибытии в Куангнам, Няк узнал про отправку туда Тоаном «тысячной армии». это вызвало подозрения Няка по отношению к родственнику, что могло вылиться в военные действия. Эти родственные конфликты были на руку Нгуен Аню, и он решил использовать вражду между дядей и племянником в лагере неприятеля в свою пользу.

В начале 4-го месяца 1793 года Нгуен Анем были вызваны к месту движения на север сухопутные и морские войска всех военных зиней и назначена дата начала похода. «Идущие в бой» освобождались от подушных налогов на 1793 год. В конце 4-го месяца эскадра, ведомая лично Нгуен Анем, (в ее состав входили также и транспортные суда с продовольствием для всей армии) вышла из порта Канзо.

Уже в начале 5-го месяца 1793 года эскадра под непосредственным командованием Нгуен Аня стремительно подошла к Вунгтау, напугав тайшонский гарнизон до такой степени, что тот предпочел оставить порт и близлежащий форт без боя. В то же время сухопутные войска взяли форт Хоабонг, взяв таким образом под контроль все фу Зиенхань. Для того, чтобы развить успех, вперед были посланы 3 отборных воинских соединения — ве: Туен фонг та, Бан чык хау и Хо оай, которым было приказано выдвигаться на Бинькханг. По прибытии морской эскадры в бухту Хонкхой, Нгуен Ань не встретил никакого сопротивления. В результате практически без потерь было захвачено все фу Бинькханг. Армии правителя Зядини сдавались многие тайшоны, которые тут же включались в ее состав. Нгуен Ань сразу же предпринял меры по включению занятой территории в состав своего государства: установил провинциальную управу в Бинькханге, а также запретил солдатам и чиновникам грабить местных жителей, желая завоевать

авторитет у своих новых поданных. Для сбора податей и налогов в обоих захваченных фу был назначен специальный чиновник. Нгуен Ань стремился к тому, чтобы новые административные единицы могли прежде всего удовлетворить нужды армии в продовольствии.

Тем временем войска Тон Тхат Хоя выполнили задачу, поставленную еще в самом начале похода — взяли бао Фанри, а воины Нгуен Ке Ньюана захватили бао Майныонг, вынудив тайшонов отступать по горным тропам. Так был захвачен фу Биньтхуан, в котором также сразу же была создана управа и произведено назначение ряда военных и гражданских чиновников.

Наступление на Север продолжалось: Нгуен Ань продвинулся с флотом до порта Суандай в Фуиене, а войска Во Таня с успехом атаковали с суши бао Латхай: тайшоны отступали столь поспешно, что победителям досталось и все продовольствие. Фуиен был взят, и, как и в более южных провинциях, там сразу появилась управа и были назначены чиновники, причем, внимания на их политическую ориентацию обращалось мало: один из числа сдавшихся тайшонов даже получил должность судьи.

В конце 5-го месяца 1793 года корабли Нгуен Аня пристали к порту Тхинай в Кюиньоне. Во Тань взял местный форт (бао) находящийся неподалеку, после чего началась подготовка к осаде Кюиньона. Этот город-крепость — изначальная цель всей кампании, представлял собой провинциальный центр, путь к которому охраняли несколько тайшонских крепостей.

В начале 6-го месяца 1793 года Во Тань, разбив тайшонов на мосту Танхой, заставил их отступить в форт (бао) Укшон, преграждающий путь к Кюиньону. Гарнизон города предпринял вылазку: Нгуен Ван Бао, сын Нгуен Няка, был отправлен из крепости с отборными войсками и слонами (излюбленное оружие тайшонов). Однако в результате неудачного для тайшонов сражения Бао был вынужден отступить. Положение осажденных осложнилось еще и тем, что с юга сухопутным путем подошла пехота Тон тхат Хоя.

Армии Нгуен Аня противостоял непрерывный, простиравшийся от Тхошона до Укшона, ряд фортов.

Правитель Зядини использовал военную хитрость: поручив войскам и местному населению, находившимся на возвышенности, вырубать деревья и растительность, он заставил противника думать, что удар будет нанесен со стороны холма Фукуи. Сам же Нгуен Ань под покровом ночи перебросил войска через гору Кишон и, соединившись с Во Танем, нанес неожиданный и сокрушительный удар: войска «южан» смешали боевые порядки противника, чему в немалой степени поспособствовали боевые слоны как наступающих войск Нгуен Аня, так и в беспорядке отступивших тайшонов. Развивая успех, войска Та тьи под командованием Ву Ван Лыонга заняли территорию перед Укшоном. Тайшоны отступили, Нгуен Ван Бао вернулся в Кюиньон. В руки «южан» попали форты (бао) в Фучунге, Танане, Ламкиеу и Тхатьиене. Эта победа была достигнута, во-первых, благодаря эффективному взаимодействию сухопутных и морских сил, во-вторых, из-за хорошей выучки южных боевых слонов.

Примечательно, что Нгуен Ань, опасавшийся резни «южанами», питавшими ненависть к тайшонам, местного населения, отдал приказ об амнистии. Следует особо отметить, что за исполнением этого приказа правитель Зядини поставил наблюдать Нгуен Ты Тяу — бывшего тайшонского гражданского чиновника, перешедшего на службу к южанам. Нгуен Ань наделил его большими полномочиями, разрешив, например, применение казни после расследования. Сложно сказать, оправдались ли надежды правителя Зядини на то, что бывший тайшон будет строго следить за тем, как «южане» следуют предписаниям: он вполне мог пытаться «выслужиться» перед новым окружением и закрывать глаза на насилие по отношению к мирным жителям.

Заметна разница между, с одной стороны, «милосердным» отношением Нгуен Аня и его окружения к кюиньонцам, и, с другой стороны, жестким подходом к населению из более южных провинций: последнее сразу же начало активно эксплуатироваться

южанами. Крестьян из Фуиена и Бинькханга обязывали строить форты, а умело стреляющих из пушек бинкхангцев еще и забирали в армию. Все это свидетельствовало о том, что Нгуен Ань готовится к длительной осаде Кюиньона.

После победы южан у стен Укшона положение десяти тысячного гарнизона куиньонской цитадели становилось очень опасным: столица Нгуен Няка была практически полностью окружена, одной из немногочисленных преград, располагавшихся перед стенами крепости, было укрепление Кхошон на горе Канзыонг. Поскольку в прибрежных водах Кюиньона господствовали корабли Нгуен Ван Чыонга, в любой момент готовые предотвратить какие бы то ни было попытки помощи осажденным со стороны моря, то форт Кхошон на горе Канзыонг и стал следующей целью Нгуен Аня.

Тайшоны надежно закрепились в Кхошоне. Они отчаянно оборонялись, с возвышенности осыпая ядрами наступающих южан, в числе которых была и гвардия под личным командованием Нгуен Аня. После безуспешного штурма Кхошона правитель Зядини решил изменить тактику: осознав невозможность взять укрепление только лишь штурмом, он задумал посеять смуту среди осажденных. В условленный день к стенам Кхошона приблизился один из полководцев армии Нгуен Аня и обратился с речью к гарнизону, заявив, что все крепости тайшонов кроме столицы уже взяты, а Няк находится в безвыходном положении и удерживает лишь столицу.

Тайшоны молча слушали, ожидая наступления южан. Наконец войска Нгуен Аня начали штурм, в то время как в самой крепости произошло восстание, подготовленное Чан Конг Хиеном, «человеком из Куангнга», тайно проникшим в крепость ранее. Эта военная хитрость помогла войску Нгуен Аня овладеть укреплением, захватить 35 пушек, склады с продовольствием, огромное количество оружия, а также множество пленных, которые были помилованы. Чан Конг Хиену за смелость была пожалована должность военного чиновника кай ко.

Провинция Куиньон (за исключением столицы) была захвачена практически полностью. Поэтому следующим шагом Нгуен Ань было дальнейшее продвижение на север, в Куангнгай, населенный большим количеством горных племен, которые правитель Зядини стремился привлечь на свою сторону. В конце 6 месяца 1793 года Нгуен Ань обратился с воззванием к жителям Кунгнгай. В этом послании сообщалось об успехах армии южан и решении правителя Зядини освободить провинцию Куангнгай. В связи с этим Нгуен Ань призывал население этой провинции восстать против тайшонов. Подготавливая почву для будущего наступления, правитель Зядини колебался начать его. Он понимал, что продолжать продвижение можно лишь крупными силами, и оставлять в тылу непокоренную столицу Нгуен Няка опасно. Однако, опьяненный успехами, Нгуен Ань вероятно, посчитал, что вскоре тайшонский гарнизон куиньонской крепости сдастся сам. В конечном итоге он приказал сухопутным войскам у цитадели Куиньона «...спешно не атаковать, дать возможность жителям выйти...», а сам с флотом отправился на север. В порту Анзу корабли южан стремительно напали на судостроительные верфи, принудив к бегству не ожидавших атаки тайшонов. В результате в руки зядиньцев попало 30 только что построенных морских кораблей. Очевидно, нападение на верфь в порту Анзу имело характер упреждающего удара: новые корабли вполне могли быть использованы тайшонами для того, чтобы деблокировать Куиньон.

Очень скоро стало ясно, что Нгуен Ань сильно ошибся, предположив быструю сдачу Куиньона: гарнизон упорно сопротивлялся, Нгуен Няк Ван укрепил оборону столицы, приказав построить укрепление Зефу, а горожане не спешили покидать цитадель. В связи с этим правитель Зядини, оставив часть сил в Куангнгае, на реке Чакхук, вернулся в порт Тхинай, и отдал приказ всем войскам приступить к штурму города. Десятитысячные силы тайшонов упорно отбивали атаку за атакой, после чего южане решили сначала взять форт Зефу. В ходе реализации этой операции в плен был захвачен тайшонский военачальник док Дао Ван Хо, которого

после попытки к бегству южане казнили. Вскоре тайшонами был оставлено и укрепление Нгакчи. Казалось, что шансы кюиньонского гарнизона на продолжение успешной обороны минимальны.

Однако в начале 8 месяца 1793 года Нгуен Куанг Тоан по просьбе своего дяди, Нгуен Ван Няка, отправил из Фусуана в Куиньон армию, состоящую из 17000 человек, 80 боевых слонов и 30 военных кораблей. Эти силы напали на войска южан, стоявшие на реке Чакхук. В результате сражения южане, понеся тяжелые потери, были вынуждены отступить к границе между Куангнгаем и Куиньоном. Нгуен Ань незамедлительно отправил к ним подкрепление в виде восьмитысячной армии под командованием Нгуен Ван Тханя, которому была вручена как гражданская, так и военная власть над Куангнгаем.

Вскоре Тайшоны увеличили свою активность не только на суше, но и на море: их флот вошел в порт Дайап. В ответ Нгуен Ань немедленно выслал флот, имеющий целью воспрепятствовать продвижению противника на юг. Эта акция себя оправдала: южане разбили часть войска тайшонов в порту Дайтием, чем вынудили их флот отступить. Реальное господство Нгуен Аня на море снизило активность не только морских, но и сухопутных сил тайшонов, которые встали у реки Ве. В результате южанам удалось временно остановить продвижение противника.

Один из будущих всесильных лидеров объединенного Вьетнама, Нгуен Ван Тхань, которому в 1793 году впервые доверили самостоятельно командовать армией, рвался в бой и просил у Нгуен Аня разрешения атаковать противника. Однако правитель Зядини считал, что дальнейшее продвижение южан на север вынудит тайшонов прислать подкрепления из Фусуана. Для зядиньцев это означало ведение войны на два фронта. Нгуен Ань считал, что в сложившейся ситуации делать это очень опасно. К тому же Нгуен Ван Тхань рисковал в случае успешного продвижения вглубь Куангнгая оторваться от тылов, что грозило проблемами с продовольствием, которое, учитывая проводимую правителем Зядини «милосердную» политику по отношению к куиньонцам, сложно

было отбирать у местного населения соседней провинции. Нгуен Ань считал возможным начать наступление на реке Ве только в случае взятия Куиньона, гарнизон которого продолжал упорно сопротивляться. В результате воинственный Нгуен Ван Тхань вынужден был смирить свой наступательный пыл и довольствоваться ведением позиционной войны.

Тем временем на военно-политической арене появился новый игрок: армия короля Сиам, насчитывавшая 50 000 пехотинцев и 500 военных кораблей, в начале 9 месяца 1793 года без всякого предупреждения двинулась «на помощь» Нгуен Аню. В памяти южан всплыли картины сиамского вторжения в Зядинь в 1784 году, что принесло неисчислимые беды местному гражданскому населению. Считая, что в сложившейся ситуации ему не нужен актуальный союзник и потенциальный соперник, правитель Зядини отклонил помощь Рамы I, мотивировав свой отказ скорым началом сезона зимнего муссона, при котором ветры дуют с материка, то есть, с севера на юг, чрезвычайно затрудняя продвижение флота в северном направлении.

Реальной же причиной (помимо неприязни жителей Зядини к сиамцам), было осознание Нгуен Анем возможности одержать победу над тайшонами самостоятельно, пусть не в настоящий момент, но несколько позже. В сложившейся ситуации присутствие войск Сиам в Зядини, из которой ушла большая часть вьетнамской армии, могло поставить южан в зависимость от сиамского правителя.

Вскоре, как и предполагал Нгуен Ань, из Фусуана была прислана дополнительная помощь тайшонским войскам, стоящим на реке Ве. В результате позиции тайшонов были усилены настолько, что опасения Нгуен Аня о войне на два фронта становились все более реальными. Возможно, имел место разгром армии Нгуен Ван Тханя на реке Ву, о котором источник «Дай Нам Тхык Люк» умалчивает. В этом случае создавалась угроза поражения всей армии южан. В связи с этим, правитель Зядини созвал военное совещание, на котором было решено снять осаду с Куиньона,

покинуть провинцию и возвращаться на юг. Теперь Нгуен Ань считал возможным закрепиться лишь в южной части центрального Вьетнама: к войскам, стоящим в Фуиене, было направленно подкрепление, части армии было приказано охранять горные районы, чему должны были помочь местные жители.

Таким образом, сезонная кампания 1793 года, если исходить из поставленных целей, закончилась для Нгуен Аня неудачей.

Главная причина этой неудачи, вероятно, крылась в «головокружении от успехов» правителя Зядини: в 7–8 месяцах 1793 года южане полностью изолировали Нгуен Ван Няка в Куиньоне и тогда Нгуен Ань явно недооценил отважных тайшонов. Предположив, что эти непревзойденные воины, закаленные во множестве битв, овеянные многочисленными победами, в том числе над китайскими и сиамскими армиями, могут сдать сами, он отложил штурм крепости неприятеля и тем самым совершил непростительную ошибку. Промедление южан дало тайшонам время на сбор и отправку в Кюиньон многочисленного подкрепления из Фусуана, что привело к ситуации потенциальной войны на два фронта.

Промедление Нгуен Аня, если он хотел продолжать военные действия против тайшонов, привело его к необходимости трансформировать «сезонную» войну в непрерывную, а к этому он был не готов: армии не хватало продовольствия, ибо поставлять его с юга во время зимних муссонов было невозможно, а грабить местное население, плодя многочисленных врагов, он не желал.

Кроме того, во время северных муссонов невозможно было эффективно использовать против тайшонов боевой флот, а наиболее удачные сражения, в частности битва при Укшоне, были выиграны именно за счет взаимодействия армии и флота.

Однако кампания 1793 года, несмотря на то, что ее основная цель — взятие Куиньона — не была достигнута, имела для южан большое значение в плане приобретения боевого опыта. Во-первых, армия Нгуен Аня захватила Зиенкхань, Бинькханг и почти всю провинцию Кюиньон, кроме центрального города-крепости. Более того, войска южан продвинулись к северу от Кюиньона и заняли

провинцию Куангнгай, из которой их не без труда выбили тайшоны. Этот бесценный опыт показал, что южане могут удерживать центральные провинции, надо лишь лучше подготовиться для закрепления в этих местах: запастись большими объемами продовольствия и, главное, налаживать отношения с местными жителями. Во-вторых, сам ход военных действий во время кампании 1793 года показал, что южане могут побеждать тайшонов, что им не нужен никакой внешний союзник, например, сиамская армия. Правда, в этом случае, как уже отмечалось, у Нгуен Аня наступило «головокружение от успехов», что, в конечном счете, привело к неудаче всей сезонной войны. В-третьих, во время подготовки к походу 1793 года был назначен наследник, составлена программа его обучения, существенно повлиявшая на его будущие взгляды. В четвертых, во время подготовки кампании и в ходе боевых действий сформировалась национальная политика Нгуен Аня: он научился использовать национальные меньшинства в борьбе против тайшонов, в-пятых, зядиньской армии удалось закрепиться в южной части центрального Вьетнама, создав таким образом плацдарм для будущих походов на север; в-шестых, южане опробовали тактику сезонных войн на практике так, как они прежде этого не делали: в ходе «эксперимента» 1793 года зядиньское командование осознало не только положительные, но и отрицательные стороны сезонных войн, поняло «пределы» такой тактики, пришло к мысли о том, что для окончательной победы над тайшонами необходимо переходить от «сезонных» войн к постоянным, но что для этого времени предстоит еще долгий и трудный путь. Таковы итоги военной кампании 1793 года — кампании, которая стала фундаментом будущих успехов Нгуен Аня.

Литература

1. *Рябинин А. Л.* Перевод хроники Дай Нам Тхук Люк. Рукописный фонд А. Л. Рябинина.
2. *Вотюков В. А.* Меч, сокрытый в глубине вод (военная традиция средневекового Вьетнама). СПб: Евразия, 2018.

E. A. Moiseev (*The HSE University, Moscow, moiseevjen@yandex.ru*)

SEASONAL WARS OF 1792–1799: CHARACTERISTICS OF THE CAMPAIGN OF 1792–1793

Abstract: *The article, based on the materials of Alexey R. Ryabinin, Doctor of Sciences, the Professor of the HSE University, is devoted to one of a series of military campaigns called “seasonal wars” that took place on the territory of modern Vietnam in 1792–1799 between the Tây Sơn dynasty and the leader of the southern landowners Nguyễn Anh. The seasonal wars illustrated the determination of Nguyễn Anh, ruler of Gia Định (later he would become the Emperor Gia Long, the founder of the Nguyen dynasty, who ruled Vietnam for almost a century and a half) to fight for power against the Tây Sơn, and became a kind of a test for the future Emperor. The first campaign was to be a first step towards defeating the Tây Sơn dynasty. Nguyễn Anh’s goal was capturing Quynhon, the capital of Nguyen Văn Nhạc who was one of the leaders of the Tây Sơn uprising.*

Keywords: *Vietnam, history, seasonal wars.*

P. E. Moskalev

(St. Petersburg State University, St. Petersburg,
p.moskalev@spbu.ru)

THE CHINESE OVERSEAS IN THAILAND AND VIETNAM — SIMILARITIES AND DIFFERENCES

Abstract: *Thailand and Vietnam are among the leading countries in Southeast Asia in terms of area size, population density and among the most dynamically developing countries as well. Throughout the centuries in both of these countries numerous Chinese diasporas have been formed. The Chinese Overseas have become integral members of the local societies and have significantly influenced the development of various aspects of social life in these countries. At the same time, the Chinese Overseas in many aspects came to hold quite distinct positions in each of the aforementioned states. The report is dedicated to the analysis of some causes of differences and similarities in the positions of the Chinese Overseas in the Thai and Vietnamese histories.*

Keywords: *Thailand, Vietnam, history, Chinese Overseas.*

The positions of the Chinese Overseas in the historical development of Thailand and Vietnam, at least during the 20th and the beginning of the 21st centuries, were significantly different, there were, however, some similar traits as well. These circumstances were influenced largely by the specific conditions, which occurred in these countries, as well as by the specifics of their international relations with China.

The Chinese communities in Thailand and in Vietnam have been forming throughout several centuries. The peak of the influx

of Chinese immigrants to these countries happened during the second part of the 19th — first decades of the 20th centuries. That being the case, in Thailand the integration of members of the Chinese community for the most part of the 20th century and in the beginning of the 21st century as well has been going on quite successfully, Thailand has not seen any significant instances of withdrawal of the Chinese Overseas from it. The immigration of the Chinese people to Thailand has been, first and foremost, influenced by the economic necessities of the immigrants themselves and by the interests of certain members of the local Chinese diaspora, who sought to recruit their compatriots for the sake of further development of enterprises, which they owned. It is important to state, that the Thai government, for the most part, never intentionally attracted neither the Chinese labor, nor the capital to arrive in the country, however, at the same time, it never really effectively tried to hinder their arrival. If one looks at Vietnam in an attempt to figure out the causes of the formation of the Chinese community there during the 20th century, the situation there appears to be somewhat different from Thailand. The immigration of the Chinese to Vietnam during the colonial period of its history (before March 1945) was promoted by the beginning of the process of economic modernization, which was been carried out by the French colonial authorities. They were the ones most interested in attracting labor and capital resources of the Chinese Overseas at that time. From the financial point of view, the Chinese Overseas also benefitted from the cooperation with representatives of the colonial administration. The majority of immigrants from China to during the first half of the 20th century arrives to Vietnam after having signed labor contracts with French recruiters. Perhaps, this pattern or mode of initial immigration eventual turned out to be one of the reasons, that in the history of Vietnam during the 20th century several distinct periods can be traced, during which massive exoduses of the Chinese people from Vietnam have occurred: in the years of the Japanese occupation of Vietnam (September 1940 — August 1945), in the years of the First (December 1946 — July 1954) and the Second (1957–1975) Indochina Wars and particularly during the latter half of the 1970, when

the international relations between the Socialist Republic of Vietnam (SRV) and People's Republic of China (PRC) were especially tense.

The majority of the Chinese immigrants historically have been arriving to Thailand and to Vietnam by sea, even though there has always been a land border between China and Vietnam. Majority of immigrants have originated from several southern maritime regions of China. In Thailand most Chinese immigrants have been settling in urban areas, predominantly situated in the central and southern regions of the country, due to the fact that said regions usually have been the most developed ones economically, rich in natural resources and offered convenient access to both the Pacific and the Indian oceans. The most populous Chinese subethnic group in Thailand, at least by the early 1930s, turned out to be the *chaozhou* or *teochew* (潮州) group. The Chinese immigrants to Vietnam have also preferred to settle in the southern part of the country. It was there, where the majority of the Chinese Overseas have been residing for the better part of the 20th centuries and during the early 21st century as well. However, the historical prerequisites for this inclination of the Chinese Overseas in Vietnam might be somewhat different from the inclination of their counterparts in Thailand. First of all, the emperors from the Nguyễn feudal house, and later the dynasty, looked favorably upon the Chinese settlers, who came to the South looking for spare arable lands. Secondly, the density of population in southern Vietnam had historically been sparser than in the North of Vietnam, to that should be added the advantage of having an abundant river network, which allowed to set up the development of both trading and agricultural activity rather quickly. In Vietnam, unlike in Thailand, the *cantonese* or *guangdongren* (广东人) came to be the most populous subethnic group of the Chinese people, at least starting from the 1920s.

During the first half of the 20th century both in the Thai society, and in the Vietnamese society certain nationalistic ideas received substantial and wide-spreading support, especially from the latter half of the 1930s. The development of nationalistic rhetoric on the state level in pair with the introduction of the policy of economic protectionism negatively influenced the position of local Chinese people. At the same

time in Vietnam, nationalism had a somewhat less significant impact on the local Chinese community, partly this was due to the fact, that the French colonial authorities tried to strictly regulate the spread of nationalistic ideas.

During the World War II (1939–1945) the scope of Chinese immigration to Thailand and Vietnam decreased, the opportunities for the Chinese Overseas to further develop their commercial enterprises in both countries significantly dwindled. Many of the Chinese Overseas were forced to either cooperate with the Japanese military, or to leave.

After the end of the World War II in 1945 positions of the Chinese Overseas in both countries stabilized, more so in Thailand than in Vietnam. Many Chinese people once again gained opportunities to take part in commercial activities in a much more liberal manner. However, after the end of the Civil War in China and the proclamation of the PRC in October 1949 new cases of Chinese emigration became much less frequent in general. Nevertheless, in Thailand the processes of integration and assimilation of the Chinese Overseas into the local society, from the second half of the 1940s onward have been going on quite successfully. Vietnam after the end of the First Indochina War (1946–1954) was divided into two parts. The government of South Vietnam were trying to force members of the large local Chinese community to officially take up the Vietnamese citizenship, while in North Vietnam on the verge of government's activities to nationalize the economy, many Chinese Overseas, who had previously taken part in private business, were deprived of their assets.

In the years of the «Cultural Revolution» in the PRC (1966–1976) the volume and the scope of Chinese emigration decreased even further. Thailand was a country belonging to the «capitalist bloc», and as such it was often quite strongly opposing the PRC's policies, the admittance of new immigrants from China was put under strict control during that time. The local Chinese community was evolving mostly on the basis of human resources accumulated during previous decades. In 1960s–1970s Thailand saw an increase in the political influence of local businessmen of Chinese descent. In South Vietnam during the years of the American

aggression there (1964 — 1975) the Chinese Overseas also controlled a major part of local economic resources. They controlled up to 80 % of processing industry, almost 100 % of bulk trade, up to 50 % of retail trade and up to 90 % of all export trade of South Vietnam [Khanh 1999: 51]. In North Vietnam the number of the Chinese Overseas in the same years was much lower, their influence on the development of the country was also much weaker.

In Thailand during the first half of the 1970s a student-led movement against the military dictatorship regime of Thanom Kittikachorn gained momentum. Many activists of this movement were young people of Chinese descent. Therefore, it is possible to say, that the Chinese community at that time served as one of the sources of political opposition in Thai society. In Vietnam, after the final victory of the Northern forced in their fight with the Southern regime in April 1975, the whole country went on to develop as a unified socialist state. As a result of that, many of the Chinese Overseas, who resided in the South lost their dominating position in a number of sectors of the local economy. Since the second part of the 1970s the participation of the Chinese Overseas has drastically decreased in all the other spheres of social life in Vietnam as well, that was the time when a major withdrawal of the Chinese capital and labor force from Vietnam took place. Many enterprises, organization and institutions, that had been created by the Chinese Overseas during the previous decades, particularly Chinese schools and hospitals were nationalized or closed all together.

After the proclamation of the '*reforms and openness*' (改革开放) policy in China in December 1978 r., Chinese immigration to Thailand once again began to increase. Nowadays the Chinese diaspora in Thailand is considered to be one of the largest in the World in terms of number of people, who constitute it. The local Chinese community continues to evolve and, primarily, through births of children within families, founded by the Chinese Overseas. Such children, for the most part, are then brought up not only within the cultural traditions of their country of birth, but also by getting acquainted with the certain traditions of the Chinese culture. In Vietnam since 1985, the beginning of the policy of

'*Renovation*' (Đổi Mới), the local Chinese diaspora once again gained an opportunity to more actively participate in the social life of the country, which also included the ability to get involved in economic activity. An additional important factor, that should be mentioned, in relation to the improvement of the position of the Chinese Overseas in Vietnam was the stabilization of foreign relations between the SRV and the PRC, which happened in the early 1990s. This in turn led to the fast growth of bilateral trade between the two countries and general intensification of cooperation between them. Naturally, those Chinese Overseas, who still remained in Vietnam at the time of the stabilization of its relations with China could not help but benefitted from that process.

Returning to the Chinese Overseas in Thailand, it should be stressed, that they continued to play a crucial role in the economic development of that country continuously throughout the 20th century and now, during the early 21st century, they still remain very important in Thai economy. The number of successful businessmen of Chinese descent has been growing during the 20th — early 21st centuries. During the last four decades at least, it is the Chinese Overseas who consistently top the lists of the richest men in Thailand [Forbes]. According to the estimates made in 2002, the Chinese Overseas in Thailand generated over 33 % of the national GDP [Haley, et al. 2009: 15].

In Thailand it is not at all common to express any type of negative attitude to the public self-identification and acknowledgement of oneself as an Overseas Chinese person, and it was not common virtually ever in its history. Majority of Thai people do not consider the Chinese ethnic minority leaving in the country to be any kind of threat. As such, apart from maybe just a brief period in Thailand's history, when state inspired nationalism was on the rise, during the late 1930s, there has been almost no suspicion and hostility between the Thais and the people of Chinese descent, who live in Thailand. Moreover, by the late 20th century those Chinese Overseas people in Thailand, who managed to attain especially good results in business, started to also get more and more directly involved in local politics as well, even in politics on the highest level. Thus, almost all Prime Ministers of Thailand of non-military background

in the 21st century are publicly known to be people of Chinese descent: Chuan Leekpai (in office: November 1997 — February 2001), Thaksin Shinawatra (in office: February 2001 — September 2006), Samak Sundaravej (in office: January — September 2008), Abhisit Vejjajiva (in office: December 2008 — August 2011), Yingluck Shinawatra (in office: August 2011 — May 2014) — all of them have been the Chinese Overseas. In Thailand the Chinese Overseas for several decades at least already have been playing the roles of intermediaries, connecting various interests of the Thai and Chinese states [Marshall 2006].

At the same time, in SRV the environment for the public declaration of one's Chinese roots is quite different. Even though it is not explicitly expressed in any official documents, in modern Vietnam it is still quite rare for a successful businessman or a high-ranking politician to publicly acknowledge being a person of Chinese descent. As a matter of fact, this also makes it somewhat difficult to give any substantial assessment of how much really do the Chinese Overseas nowadays contribute to the economic development of Vietnam. Most such assessments can be seen as approximate. For instance, according to the assessment made in 2002, the Chinese Overseas, who lived in Vietnam at that time, generated less than 5 % of the national GDP [Haley, et al. 2009: 15]. It is plausible, that in reality the contribution of the Chinese Overseas to the economic development of Vietnam is much more significant. According to the publicly available sources, there also no people of Chinese descent among the modern high-ranking political leaders of Vietnam.

Even though modern Vietnam is a socialist republic, while Thailand is a constitutional monarchy, both countries, without doubt, are among the leaders in the processes of modernization and economic development on the Indochinese Peninsula. Both countries possess vast territories and stably increasing populations. However, both are located within the zone of the East Asian segment of the '*Eurasian arch of instability*', and this fact brings about significant difficulties in terms of their geopolitical position, especially in terms of their relations with China. In this respect, some seemingly counterintuitive conclusions can be made. Albeit, in terms of ideological foundations of the organization

of state and political system Thailand greatly differs from China, the cooperation between the two countries has been becoming more intense, their relations more close and friendly in recent years. Thailand and China benefit from a pragmatic approach to building relations with each other, and unity of economic interests between them fosters cooperation in multiple dimensions. The Asian economic crisis of 1997 also played an important role in the process of bringing the interests of Thailand and China closer together, Thailand's economy has suffered greatly during that crisis, and it led to the reevaluation of certain former partnerships and ties among Thai political leaders.

Another important factor that has been contributing to not only the development of friendly ties between the Thai and the Chinese states in recent years, but also to the generally favorable position of the many Chinese Overseas in Thailand, is that in the collective memory of the Thai people there is no place for wars with China, nor for any kind of fights for the sovereignty of their state against China. In the collective memory of the Vietnamese people, on the other hand, such conflicts are abundant. Another aspect worth considering is that, although, the history of Thailand during the 20th century was filled with phases of military dictatorships and *coups d'état*, Thailand, however, did not experience any sorts of radical rebuilding of the whole economic system of the country, as did Vietnam. Neither had Thailand, unlike Vietnam, been divided into two separate states for several decades. On Thailand's soil raged no long-term military conflicts, such as the First (1946–1954) and the Second (1965–1975) Indochina Wars. All these factors undoubtedly have been contributing to the fact that the Chinese Overseas in Thailand all in all have been living in much better conditions in comparison to their counterparts in Vietnam. To that should be added, currently Thailand and China have no unsolved territorial disputes among each other, while the conflict between China and Vietnam pertaining to the territories in the South China Sea is yet to be resolved. This conflict certainly does not help make the lives of Chinese Overseas living in Vietnam easier, as they can easily become targets of blame and aggression on the one hand, on the other hand — the subjects of manipulation and propaganda.

In recent years the position of Chinese Overseas in Vietnam has once again become a little more complicated. The problem is the more Beijing presses Hanoi to make concessions, the more Hanoi gets closer to Washington [Kolotov 2019: 4], even though this kind of alliance might create new threats to its internal political stability [Kolotov 2019: 4]. One thing is certain, the intensification of contradictions between the Vietnamese and the Chinese governments can only have negative influence on the position and status of the Chinese Overseas currently living in Vietnam.

Eventually, it is precisely the potential threat of geopolitical instability, that poses one of the major risks to how the Chinese communities in each of these countries will live and evolve. Whether their members might have to hide in plain sight, or freely express their ethnic background and heritage. Nowadays, Thailand and Vietnam have to permanently search for balance between the interests of China and of the USA within Southeast Asia. Quite often neither of those fully reflect their own, sovereign economic interests, which in turn are very closely tied to the reality of having large ethnic Chinese communities, who make up important parts of each societies.

References

1. *Haley, G. T., et al.* New Asian Emperors: The Business Strategies of the Overseas Chinese. Singapore: Wiley. 2009
2. *Khanh T.* Kitajskaya etnicheskaya obshchina vo V'etname: problemy i tendencii evolyucii (s konca XIX do konca XX v.): dissertaciya...doktora istoricheskikh nauk: 07.00.03. [Chinese ethnic community in Vietnam: problems and tendencies of evolution (from the late 19th to the late 20th centuries)]. Hist. doct. diss.: 07.00.03. St. Petersburg, 1999.
3. *Kolotov V. N.* Spory v YUKM i vnutripoliticheskaya situaciya vo V'etname. [Disputes in the SCE and internal political situation in Vietnam] / Aziya i Afrika segodnya, № 7, 2019. P. 2–9.
4. *Marshall T.* Southeast Asia's new best friend. Published: June 17th, 2006. / Los Angeles Times // URL: <https://www.latimes.com/archives/la-xpm-2006-jun-17-oe-marshall17-story.html>
5. Thailand's 50 Richest / Forbes // Режим доступа: <https://www.forbes.com/thailand-billionaires/list/#tab:overall>

Нгуен Тхи Минь Хань

(Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, valiaminhhanh158@gmail.com)

МАГИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ И ЯВЛЕНИЯ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ВЬЕТНАМСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Аннотация: *Вьетнам все еще находится на пути интеграции и продолжает подтверждать свое положение на международной арене и престиж страны, не забывая, однако, о сохранении традиционной национальной самобытности вьетнамского народа, у которого даже история происхождения носит причудливый характер, поскольку вьетнамцы считают себя потомками Дракона и Феи. Являясь сельскохозяйственной страной, Вьетнам в целях жизнеобеспечения продолжает полагаться на природные явления. Вьетнамцы верят в Бога, Будду, духов и предков.*

Ключевые слова: *Магический реализм, вьетнамская литература, вьетнамские легенды, вьетнамская духовная культура, вьетнамская культура.*

Вьетнам находится на пути интеграции и с каждым годом все больше укрепляет свое положение на международной арене. Однако при этом не забывает о сохранении своей традиционной самобытности, в том числе и о весьма загадочной истории происхождения вьетнамского народа, в соответствии с которой вьетнамцы являются потомками Дракона и Феи. Являясь

преимущественно сельскохозяйственной страной, вьетнамцы в своей повседневной жизни всегда учитывали различные природные явления, чтобы выжить в сложных условиях. Испокон веков вьетнамцы верят в Бога, Будду, духов и предков.

Современная вьетнамская литература широко использует и обогащает традиционные культурные ценности. В настоящее время литература активно впитывает в себя магические и духовные элементы культуры. Писатели обновляют свой творческий стиль для создания разнообразия и оригинальности в жанре прозы, описывая сверхъестественные духовные феномены, что делает содержание произведений более загадочным.

Жанр магического реализма выражает особенную силу слова, отражая наиболее яркий и глубокий контекст реальности: жизни, экономики, общества и политики новой эпохи. В своих произведениях писатели используют свое перо для создания значимых произведений, не только воссоздавая исторический контекст, реальную ситуацию, но и обращая внимание на исследование внутреннего духовного мира героев, переживания человека в реальной жизни: радость, гнев, любовь и судьбу человека в эпоху рыночной экономики. Каждый человек существует в гармоничных отношениях с обществом; самим собой и духовностью; гармонией между человеком и природой, своими обычаями и верой.

В этой работе нам хотелось бы обозначить неразрывную связь между литературой магического реализма и ценностями духовной культуры вьетнамцев в произведениях писательницы Во Тхи Суан Ха.

Во Тхи Суан Ха родилась и выросла в Ханое, где и работает в наши дни, родина же ее предков — Намфо, в Хюэ. Хотя писательница и молода, ее перу уже принадлежат многочисленные блестящие работы: 22 сборника рассказов, 2 романа, 2 тома повестей, а также некоторые очерки, заметки и исследования. Произведения писательницы неоднократно заслуживали премии Союза вьетнамских писателей. Во Тхи Суан Ха была сценаристом многих кинокартин. За свои сценарии она получала почетные премии Управления кинематографии Вьетнама. Сейчас писательница

занимает должность постоянного заместителя главы комитета творчества Общества писателей Вьетнама.

В июне 2020 года Во Тхи Суан Ха представила читателям собрание рассказов «Цветение ароматного императорского дерева», выпущенное издательством Союза вьетнамских писателей. Произведения сборника поднимают проблемы чести, человечности, жизненных перипетий, перемен, связи кармы человека с реальным миром и непостижимым сверхъестественным магическим миром. Автор как бы утверждает, что одновременно с миром реальности, в котором мы живем, существует и некий другой мир. И этот мир очень понятный: он требует от человека жить своей настоящей личностью, жить, прекратив вражду, жить правильно, руководствуясь понятиями Истины, Доброты, Красоты. Люди всегда полагали, что существует Бог, Будда, божества и святые, а также считали, что за злые деяния полагается наказание. А за хорошие поступки человек будет вознагражден счастьем. Однако люди не задумываются о том, что Добро и Зло, Награды и Кару творят их собственные души и разум.

Творчество писательницы Во Тхи Суан Ха разделено на три главные темы:

- Произведения с жизненными историями: о женской доле, внутренней борьбе, препятствиях в судьбе каждой женщины: мечтаниях и разочарованиях. Женские персонажи всегда стремятся найти дорогу, ведущую к счастью. Такой общественный порок как нелегальная торговля женщинами через границу до сих пор является актуальной проблемой, которая существует и в современном обществе. Эта тема нашла отражение в коротких рассказах «Цветение ароматного императорского дерева», «Тысячи жемчужин», «Пограничная застава».
- Короткие рассказы о сверхъестественном духовном мире. В этих рассказах писательница уделила особое внимание теме войны и послевоенному периоду. Автор описала загадочную духовную связь между пожертвовавшими собой воинами и жизнями продолжающих жить их родственниками: бабуш-

ками, матерями, женами и пр. Данная проблематика нашла отражение в следующих произведениях: «Перед старым домом», «С победой», «Письма с моря», «Долгая ночь». Кроме того, необходимо упомянуть произведение «История Красавицы Тхе».

- Произведения о реальной жизни и внутренних противоречиях. Каждый герой сталкивается с жизненными трудностями, с борьбой между Ангелом и Демоном внутри себя, чтобы выбрать правильный путь в своей жизни в условиях постоянно меняющимися общественными обстоятельствами: «Отшельник и прячущая лицо женщина», «Вершина Туанма», «Клочок земли для Тони», «В мире воцарилось спокойствие».

Но на этом семинаре мы бы хотели более подробно рассказать о сверхъестественных духовных феноменах в произведениях писательницы Во Тхи Суан Ха.

1. Произведения о солдатах

Автор написала рассказ «Письма с моря» во время путешествия на острова Спратли в 2014 году, который был напечатан Издательством Народной армии в одноименном сборнике рассказов вьетнамских авторов в 2014 году и переиздан в сборнике рассказов «Цветение ароматного императорского дерева» Издательством Союза вьетнамских писателей в 2020 году.

Острова Спратли и Парасельские острова находятся в Южно-Китайском (Восточном) море и считаются территорией Вьетнама. С 1974 года Вьетнам постоянно воевал, защищая свои земли от китайской экспансии в Восточном море. В своем рассказе автор прославляет храбрость, несгибаемую волю молодых солдат, погибших, обороняя Родину; писательница преклоняется перед ними. Параллельно она делает гармоничную отсылку к вьетнамской легенде «Май Ан Тиём» как напоминание молодому поколению о необходимости помнить историю своей страны. *«Я представляю себе, что наш ребенок похож на эту девочку, крохотную, как*

бутон жасмина. Однако она должна ехать вместе с родителями на остров. Это похоже на историю супругов Май Ан Тием, но чувство счастья переполняет этих людей»¹.

Начало рассказа задумано как «письмо к родным», которое пишет дух погибшего воина. Автор рассказа искусно связывает историю с вьетнамскими обычаями, верованиями, традициями культа, которые отправляются на острова Спратли, чтобы вспомнить о погибших солдатах, защищавших эти острова: *«Но когда за клубится дым благовоний, духи умерших почувствуют аромат благовоний, которые зажгли родственники в родном краю в память о молодых людях, прах которых не будет похоронен в родных местах, но навсегда останется в море»²*. Вьетнамцы верят, что души умерших всегда существуют рядом с ними. Обряд зажжения поминальных палочек (или же палочек с благовониями) в память об этих духах — является особой традиционной чертой священных обрядов вьетнамского народа. Распространяющийся аромат благовоний — это как бы приглашение ныне живущих к усопшим предкам, это невидимый мост между живыми людьми и миром духов. Запах благовоний наполняет воздух спокойствием, теплотой, торжественностью. Ароматные палочки — символ веры, честности каждого человека перед предками. Обряд зажжения благовоний на алтаре предков в каждой семье стал одной из черт культурной идентичности народов Вьетнама.

В рассказе дух умершего военного вспоминает о близких, о тех делах, которые он не успел сделать для родных. Вместе с однополчанами воин должен был строить объекты на островах, веря в наступление мира. *«На судне не было современного оружия, были лишь строительные инструменты и несколько ружей для самозащиты»³*.

Выстраивая рассказ, автор начинает его с настоящего и при-

¹ Во Тхи Суан Ха. Письма с моря // Цветение ароматного императорского дерева: Рассказы. Хошимин: Издательство Союза писателей, 2020. С.113.

² Там же. С.111.

³ Там же. С.114.

водит к событиям истории прошлого, что дает читателю возможность почувствовать, как безоговорочно солдат любит жизнь, как он хочет принести счастье своим близким и никогда не разрушать мир, красоту природы, с каким трепетом относится он к образу своей жены, оставшейся в родных краях и заботящейся вместо мужа о родителях, воспитывающей детей, лишь бы солдат со спокойной душой защищал страну. Писательница обращает внимание читателя на то, что солдаты Народной армии Вьетнама всегда сражались за справедливость, противостоя иностранной агрессии. В последнее мгновение перед смертью в душе военного возникает образ Матери (его Матери, а также Матери — Родины).

В рассказе «Перед старым домом» автор ведет повествование от первого лица, чтобы ввести читателя в тему. Персонаж бабушки со стороны матери всегда помнит о муже и сыновьях, погибших, обороняя страну. Наступление Нового года по лунному календарю — повод для того, чтобы вся семья собралась вместе. Как на земле, так и на небесах! Семья бабушки готовится к празднику, покупает персиковые ветви — писательница полагает, что в персиковом лесу живут духи ее дядей, отдавших жизнь за справедливость: *«Почему же я думаю, что персиковые деревья в горах далеко? Или там живут мои дяди?»*¹ И она хочет, чтобы они вместе с ветром вернулись домой встретить Новый год: *«...Мои дяди пригласят друг друга вернуться домой вместе с ветром, что рождается в том зеленом лесу»*². Автор «шьет новую одежду» для усопших: *«Я рисую для своих дядей новую модную одежду»*³. Героиня очень заботливо шьет для каждого своего дяди новый костюм, отличающийся от других в зависимости от характера каждого из них еще при жизни.

Здесь мы можем рассказать про еще один из обычаев вьетнамцев: ритуал сожжения бумажных предметов на Новый год. По

¹ Во Тхи Суан Ха. Письма с моря // Цветение ароматного императорского дерева: Рассказы. Хошимин: Издательство Союза писателей, 2020. С.33.

² Там же. С.33.

³ Там же. С.35.

древней традиции, предков, приглашенных 30 числа (а если месяц неполный, то 29 числа) вместе отпраздновать 3 дня Тета (Нового года по лунному календарю), когда наступает последний день их пребывания в земном мире. 3 числа Тета (по лунному календарю) или 7 числа, потомки провожают их обратно в мир усопших. Вьетнамцы верят, что если праздник Тет — веселый праздник потомков, то и предки должны им насладиться. Сжигая бумажные предметы, потомки посылают усопшим близким в иной мир вещи, деньги, подготовленные на алтаре предков по случаю праздника. Этот обычай основан на культе предков: посылаемые предметы связаны с обычной жизнью, чтобы верить в то, что усопший живет в своем мире рядом с миром живых.

Автор также описывает и послевоенную судьбу женщины, создавая образ, олицетворяющий героических вьетнамских женщин, мужа и сыновья которых погибли. Молодые женщины растят детей одни. Молодая мать-одиночка должна провести ритуальный посмертный свадебный обряд со своим погибшим возлюбленным, за которого она не успела выйти замуж до его кончины. Женщина по своей воле проводит обряд перед алтарем предков своего погибшего мужчины, обещая добровольно больше не выходить замуж, почитать мужа и растить его детей. Это древний обычай, в соответствии с которым люди верят, что если им было суждено встретиться друг друга в этой жизни, но один из них, к несчастью, умер, то связь супружеских уз останется в этом мире и не покинет его, уйдя в иной мир. У живущего человека остаются глубокие чувства к усопшему. В рассказе «Перед старым домом» читатель может увидеть трагическую жертвенность женщин послевоенного времени.

2. Произведения с жизненными историями

В настоящее время, несмотря на бурное развитие технологий, еще осталось множество вопросов, касающихся судьбы каждого конкретного человека, которые все еще невозможно объяснить.

В действительности, когда люди встречаются со сложностями и разочарованиями в жизни, они обычно обращаются к факторам народных верований и религии, то есть человек все еще продолжает верить в сверхъестественные силы. До сих пор во Вьетнаме люди верят в гороскопы, фенгшуй (кит. феншуй), физиогномику, карты Таро, в предсказания судьбы, в потусторонний мир, в покровительство сверхъестественных сил, выбирают благоприятные даты для совершения того или иного важного дела, они верят в существование потустороннего мира и в получение помощи от духов предков...

Необходимо сразу сказать, что в духовной культуре также вперемежку существует множество суеверий, псевдонаучных и антинаучных концепций, которые могут быть опасными для жизни и пагубно отражаются на здоровье человека. Например, лечение с помощью «волшебных» амулетов и талисманов, изгнания нечистой силы, использования «святой» воды, и все это писательница отразила в своем рассказе «Амулет»¹.

Автор описывает историю о том, как она получила от одной женщины — шаманки амулет. Парадокс тут в том, что автор не верит в святость амулета, но все равно готова «быть обманутой». Колдунья изображается как грязная женщина с перепачканными руками, костлявая... как наркоманка, которая однако владеет физиогномикой и может запросто «прочитать» слабые черты клиента: с грустными глазами, страдающая от чувств, невезучая в любви... На самом деле, главная героиня — это мать-одиночка, недоумевающая, ждущая счастья от нерешительного мужчины. Его счастье зависит от согласия родителей. Но именно из-за слабости главной героини мы можем видеть обряды, поклонения, проводимые колдуньей: *«Она встала на колени на холодный кирпичный пол, зажгла девять палочек для благовоний, затем взмахнула руками в воздухе девять раз, бормоча и молясь. После девяти взмахов, молодая женщина*

¹ Во Тхи Суан Ха. Амулет // Двухязычный вьетнамско-китайский сборник. Ханой: Женщина, 2018.

*широко раскрыла губы, поднесла все горящие красным палочки к горлу и закрыла рот. Огонь благовоний вздымался красным в горле, устрашающе лился сквозь щель между губами красными струями»*¹ — все согласно ритуалу. Колдунья постоянно использует вещи, связанные с числом 9: *«Мне разрешено помочь только девяти людям», «зажгла девять палочек для благовоний, затем взмахнула руками в воздухе девять раз», «Вы дадите мне девятьсот тысяч донгов, и я проведу для вас обряд по срезанию ниспосланной судьбой любви, тогда вам не будут докучать негативные люди», «Я низко кланяюсь по девяти направлениям к небу и по десяти направления к земле»*²... Почему же число девять? — Согласно традициям фэнгтхуи (кит. фэншуй), число 9 — это число счастья, спокойствия и благополучия. Это число олицетворяет прекрасную неизменность, вечное существование. Шаманка с легкостью умела бить по психике доверчивых, легковверных людей. У каждого индивида есть свобода выбора, но выбор ограничен, личность одинока. С психологической точки зрения, человек не всегда поступает по велению здравого смысла, а часто совершает поступки иррационально, руководствуясь чувствами, внезапным порывом, при этом вера в сверхъестественные духовные феномены является частью иррациональности, которая играет большую роль. Автор критикует действительность жизни — это все еще есть люди, которые злоупотребляют доверчивостью одиноких людей, верящих в сверхъестественное. Они добывают себе на жизнь, используя суеверия и наивность.

Литература всегда отражает действительность, и, безусловно, элементы сверхъестественной духовности также находят отражение в ней. Писательница Во Тхи Суан Ха использовала методу «психоанализа» для рассмотрения психологии персонажей

¹ Во Тхи Суан Ха. Амулет // Двухязычный вьетнамско-китайский сборник. Ханой: Женщина, 2018.

² Там же.

в рассказах «Мать», «Уважаемый старик» и душ «младенцев» в коротком рассказе «Сад детских духов»¹. В этом рассказе автор описывает один из пороков современного вьетнамского общества, когда количество аборт в Вьетнаме растет и насчитывает более 300 000 случаев в год.

В данном контексте весьма характерны воспоминания духа девочки о том, как духи умерших во время аборта детей ждали полнолуния, ждали ароматов благовоний, будто бы призывающих их вернуться в земной мир, они сидели на банановых деревьях в саду, чтобы иметь возможность попробовать подношения из ароматических палочек и цветов, которые мама принесла для совершения ритуала (обычай зажжения благовоний был показан в «Письмах с моря»). Автор анализирует психологию духа «маленькой девочки», которая всегда желает находиться подле Матери, мечтает получить ее сочувствие и тепло. Она обижена на мать, зла на отца за то, как безразлично и безжалостно они избавились от своих детей, которых *«Возможно, всего было двадцать одна или двадцать две. Точно и не припомнить»*². Они прозябают в саду, им нельзя заходить в дом — можно только смотреть в окно, следя за каждым шагом Матери. У читателя возникает чувство сострадания, когда автор описывает жизненные сцены, причины избавления от плода: бедственная жизнь, разлад в семье, загубленная любовь...

Вера в сверхъестественные духовные феномены — это вера в потусторонний мир, в сверхъестественные силы, управляющие действительностью. Есть множество способов соприкосновения с другим миром, одним из таких способов являются сны — это мост, соединяющий этот мир с другим миром, находящимся «по ту сторону». Сны — это выход из реальной жизни. Сны имеют философское измерение, помогающее понять истину и сущность жизни. Ночью женщина во сне видит ангелов, видит мир, в котором полно

¹ Во Тхи Суан Ха. Сад детских духов // Темный мир. Ханой: Женщина, 2009.

² Там же.

детей. Женщина, которая живет в бедности, которая всегда страдает, которая терзается из-за того, что у нее нет убеждений, которую муж принуждает избавиться от ее собственных детей. Женщина беспомощна, она просит прощения у духов детей. Если есть сон, то есть и момент пробуждения от него. Пробуждение — это возвращение в реальность, размышление о реальной жизни. Женщина осознает, что в реальном мире все еще существуют непонятные закономерности, стихийные бедствия, болезни, которые не так страшны, как судьба человека. Услышав и приняв идущие от сердца слова Матери, «маленькая девочка» спокойно взмывает вверх *«Дети в добротной одежде, держась за руки, поют ангельские песни. Они верят, что, если спеть много ангельских песен, то их судьба изменится»*¹.

В этом саду все еще остался уважаемый старик, который добровольно занимается добрым делом — строит для духов детей постоянный дом, заботиться о них с мечтой о том, что они поднимутся на небеса и смогут изменить судьбу, станут Людьми в следующей жизни.

Произведения писательницы Во Тхи Суан Ха стилистически разнообразны. Автор использует творческие приемы для анализа психологии персонажей, излагает ощущения и размышления персонажей, тем самым постигая взгляды на жизнь, но в то же время отражает моменты, когда персонажи критикуют сами себя. Мы можем видеть, что ностальгическое мышление — это характерная особенность произведений этого автора. Автор направляет читателей по потоку времени от прошлого к настоящему, использует воспоминания для более детального повествования о сути произведения. В произведениях всегда присутствует гуманистическое чувство, напоминающее молодым людям о том, что необходимо всегда чтить и хранить культурные традиции Вьетнама, всегда открывающие дорогу, веру и надежду в светлое будущее.

¹ Во Тхи Суан Ха. Сад детских духов // Темный мир. Ханой: Женщина, 2009.

Литература

1. Во Тхи Суан Ха. Сад детских духов // Темный мир. Ханой: Женщина, 2009.
2. Во Тхи Суан Ха. Амулет // Двухязычный вьетнамско-китайский сборник. Ханой: Женщина, 2018.
3. Во Тхи Суан Ха. Письма с моря // Цветение ароматного императорского дерева: Рассказы. Хошимин: Издательство Союза писателей, 2020.

Nguyen Thi Minh Hanh (St. Petersburg State University, St. Petersburg, valiaminhhanh158@gmail.com)

MAGIC REALISM AND THE PHENOMENON OF SPIRITUAL CULTURE IN VIETNAMESE LITERATURE

Abstract: *Vietnam is still standing on the path of integration and affirming its prestige and position in the international arena. Although Vietnam does not forget to preserve its traditional cultural identity. The origin of Vietnamese people has a mythical element. The Vietnamese people are the descendants of the Dragon and the Fairy. Being an agricultural country, Vietnam always relies on favorable weather to survive. Vietnamese people always have faith in God, Buddha, spirits and ancestors.*

Keywords: *Magic realism, Vietnamese literature, Vietnamese legends, Vietnamese spiritual culture, Vietnamese culture.*

Новакова О. В.

(Институт стран Азии и Африки, Московский государственный университет, Москва, Oksana_novakova@mail.ru)

100-ЛЕТИЕ ЛАТИНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ «КУОК НГЫ» ВО ВЬЕТНАМЕ, 1919–2019. КУЛЬТУРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ИСТОРИИ И СОВРЕМЕННОСТИ

***Аннотация:** В 2019 г. научная общественность и центральная пресса Вьетнама широко отметили 100-летний юбилей письменности куок нгы. В данной статье предпринята попытка путем анализа опубликованных выступлений вьетнамских и зарубежных ученых рассмотреть взаимодействие двух культур: западно-европейской и вьетнамской через внедрение латинизированной письменности, обозначившей культурную революцию в истории и современности.*

Ключевые слова: Вьетнам, миссионеры, письменность куок нгы, научные симпозиумы, дискуссии.

Уже на рубеже XX и XXI вв. в странах ЮВА становится заметным проявление нового феномена: возрастание влияния региональных цивилизационных особенностей, самобытности и национальной специфики. Во Вьетнаме с провозглашением политики «обновления» в конце 1986 г. процесс возрождения ценностей традиционной культуры наблюдался особенно ярко. Кроме того, в некоторых научных кругах стран ЮВА сформировался интерес

к истории новшеств, пришедших с Запада как к собственному местному культурному цивилизационному феномену, а не как к копии западной культуры или слепого орудия иноземных политических сил [Ломанов 2002:10].

Проведение многочисленных научных мероприятий по изучению различных проблем, связанных с новой письменностью, говорит о стремлении вьетнамских ученых пристально взглянуть в прошлое и детально изучить процесс изобретения, распространения и применения вьетнамской письменности за прошедшие столетия.

100-летний юбилей 2019 г. широко отмечался не только в главных городах страны — Ханое и г. Хошимине, но и в других местах, история которых была связана с католическими миссионерами и началом распространения письменности куок нгы в XVII в..

Крупная международная научная конференция была организована Ассоциацией исторических наук города Дананга. В конференции приняли участие члены созданного в Дананге Национального почетного общества вьетнамского языка и вьетнамской письменности, Португальско-вьетнамской ассоциации дружбы (г. Порту, Португалия), Ассоциации врачей доктора Йерсена. (г. Монпелье, Франция), Ассоциации «Тихоокеанский мост» и Школы Аулак Вьет (Au Lac Viet, в Женеве, Швейцария). На конференции присутствовали многие ученые, исследователи, преподаватели университетов Вьетнама и таких стран, как Австралия, Португалия, Канада, США, Румыния, Швейцария, Китай, Таиланд, Корея, Франция [Văn nghệ quân đội: 30.12. 2019]. Названия стран не случайны, там проживает довольно многочисленная вьетнамская диаспора.

Интересна юбилейная дата — 1919 г., установленная вьетнамскими авторами для празднования этого юбилея. Она связана с колониальным периодом, когда 100 лет тому назад император Кхай Динь 28 декабря 1918 года (в 4-й день 4-го месяца 3-го года его правления) издал Указ № 123 об отмене прежних литературных конкурсов на основе китайской иероглифической письменности династии Хань. Соответственно, с 1919 года монополия конфуцианского образова-

ния и его уникальные позиции в этой сфере закончились, по крайней мере, формально. С этого времени вьетнамский и французский языки были признаны официальными и использовались в выборных и административных учреждениях Вьетнама. В Южном Вьетнаме (Нам Ки) отказ от использования китайских иероглифов в пользу вьетнамской латинской письменности в административной системе произошел намного раньше — 1 января 1882 г.

Тем не менее, отмена конкурсов императором Кхай Динем в 1919 г. стала важной вехой, создавшей предпосылки для признания письменности куок нгы в качестве национальной во Вьетнаме, — отмечалось на конференции. Следующей вехой в признании письменности куок нгы был Указ императора Бао Дая (Пан Юй) № 67 от 30 июля 1945 года, предусматривавший преподавание куок нгы во вьетнамской системе образования. Наконец, Постановление № 20 от 8 сентября 1945 года, подписанное министром внутренних дел Во Нгуеном Зиапом от имени правительства Демократической Республики Вьетнам, означало полную замену китайских иероглифов и признание письменности куок нгы официальной государственной письменностью Вьетнама [Văn nghệ quân đội: 30.12. 2019].

Выступления на конференции были очень насыщенными и охватывали множество тем: историю формирования и развития письменности куок нгы во Вьетнаме, роль западных католических миссионеров, а также и вьетнамцев в создании, совершенствовании и распространении вьетнамской письменности во Вьетнаме в течение почти 400 лет — с начала пребывания на вьетнамской земле католических миссионеров. Прессу, издававшуюся на куок нгы, общественные движения начала XX в., связанные с модернизацией и письменностью куок нгы и др., то есть все эти темы можно объединить под одним заголовком: процесс латинизации вьетнамского языка. Начальный период — с 1615 по 1651 г. выделяется отдельно. Таким образом, вьетнамские авторы вводят также свою новую периодизацию.

Следует отметить, что этот период тесно связан с началом истории распространения христианства во Вьетнаме. Обращает на себя

внимание локализация, привязка к местам, где эта письменность впервые возникла благодаря деятельности миссионеров: Тхань-тием, Хойан или Ньюкман (в то время это территория — часть Вьетнама, носившая название Дангчаунг) [Văn nghệ quân đội: 30.12. 2019].

В выступлениях была показана роль католических миссионеров в создании вьетнамской письменности, прежде всего, вклад таких миссионеров как Франческо де Пина́ и Александр де Род. стоявших у истоков создания письменности куок нгы. Представляет интерес точка зрения участников конференции относительно участия вьетнамского народа («современной интеллигенции того времени и коренных народов») в создании и завершении вьетнамского письма. Докладчики были единодушны в своем мнении о том, что участие и роль вьетнамской стороны были значительны, особенно в завершении написания письменности куок нгы в XVII и XVIII вв.

На конференции в Дананге была исследована практически вся история Вьетнама под углом зрения создания и распространения латинской письменности куок нгы. Было проявлено уважение научного сообщества по отношению к вьетнамским деятелям, занявшим новаторскую позицию и способствовавших распространению, письменности куок нгы в период с конца XIX до середины XX в., таких, как Петрус Чьонг Винь Ки, Хюинь Тинь Куа, Чьонг Минь Ки, Нгуен Ван Винь и др.; были проанализированы взгляды «великих интеллектуалов современного Вьетнама», таких как Фан Тю Чинь и Фан Бой Тяу и деятельность таких новаторских общественных движений во Вьетнаме в первой половине XX в. как движение Донг Зу и Зюи Тан.

Участники конференции пытались осмыслить языковую ситуацию во Вьетнаме за период с конца XIX в. до начала XX в. через анализ уже ставших такими типичными новых газет, как «Зядинь бао» (Gia Định báo), а также журналов «Индокитай», «Нам Фонг» и др. [Đỗ Quang Xung 2001: 16.], признавая, что эту новую прессу с латинским алфавитом надо рассматривать как эффективные каналы для расширения знаний, образования, поощрения

реформ, а также поощрения патриотизма вьетнамского народа. Представители «новой» вьетнамской элиты того времени видели в реформированном образовании основной путь к пробуждению вьетнамского самосознания и достижения независимости. Эту же цель преследовала и Тонкинская общественно-просветительская школа «Донг Кинь Нгиа Тхук», открытая в Ханое в марте 1907 г. [Новакова О. В., Соколова В. Н. 2011: 261]. Стоит отметить, что появление прессы и журналистики на основе латинской письменности куок нгы, а также роль и значение во вьетнамской истории начала XX в. указанных просветительских движений было расценено участниками конференции как культурная революция своего времени [Văn nghệ quân đội: 30.12. 2019].

Кроме пленарных заседаний на конференции в Дананге работали и секции, где обсуждались более конкретные вопросы, касающиеся письменности куок нгы. На наш взгляд, обращает на себя внимание интерес к христианской тематике и к работе во Вьетнаме католических миссионеров по созданию переводов христианской литературы для верующих вьетнамских католиков. Участники конференции проявили глубокое знание различных работ и документов, созданных миссионерами в период XVII–XIX вв. Это мемуары, различные словари, составленные Кристофоро Борри, Александром де Родом, епископами Пиньо де Безном, Жаном-Луи Табером, вплоть до перевода на вьетнамский язык молитвы Господней «Отче наш». Особенно отмечается работа Александра де Рода по составлению правил написания топонимов данной местности во Вьетнаме в XVII веке.

Были показаны достижения и дана оценка вьетнамской поэзии и литературы на куок нгы в начале XX в. Важным вопросом было обсуждение преподавания письменности куок нгы и сохранение вьетнамского языка для зарубежных вьетнамских общин [Văn nghệ quân đội: 30.12.2019].

Конференция «100 лет письменности куок нгы во Вьетнаме», организованная Городской научной ассоциацией Дананга и компанией Тао Дан Чу Цюань, была шестой и заключительной по

счету в череде подобных мероприятий, посвященных 100-летию юбилею. Другие научные форумы были проведены научно-исследовательскими институтами, профессиональными ассоциациями, религиозными учреждениями в Ханое и г. Хошимине (Вьетнам), в Лиссабоне (Португалия). Эта шестая конференция привлекла внимание не только академических кругов, но и местных и зарубежных СМИ.

Казалось бы, совсем иной тематике был посвящен другой научный форум, организованный Вьетнамской академией общественных наук совместно с Институтом истории и исследований Хан Ном при сотрудничестве с Гарвард-Йельским институтом (Гарвардский университет, США) в Ханое — Международная научная конференция «Вьетнамский конфуцианский колледж наук (1075–1919) — 100 лет ретроспективы». В 2019 году исполнилось 100 лет со дня закрытия традиционной номинации. Обращает на себя внимание другая дата — 1075 г., когда в Тханлонге (Ханое) был впервые проведен конфуцианский конкурс. Хотя формально институт конфуцианского образования был упразднен в начале XX в., его влияние по-прежнему распространялось на все аспекты общественной жизни стран Восточной Азии, включая Вьетнам, — справедливо отметили участники форума. Изучение конфуцианского наследия, системы образования составляют в определенном смысле обратную сторону медали изучения проблемы письменности куок нгы.

В конференции принял участие один из ведущих экспертов по изучению Вьетнама профессор Гарвардского университета Хыу-Там Хо Тай [Văn nghệ quân đội: 15.08. 2019].

В своих выступлениях участники отмечали, что в первые десятилетия XX в. во Вьетнаме произошли изменения в одной из областей, которые оказали наиболее глубокое влияние на систему образования и формирование элиты прежнего Вьетнама. 844-летняя Конфуцианская школа образования, укоренившаяся во вьетнамском обществе, утратила свое монопольное положение, она была заменена системой образования нового типа, что

привело к сильному потрясению идеологической основы, этики, социальной философии и научной практики [Văn nghệ quân đội: 15.08. 2019]. В начале двадцатого века некоторые радикально настроенные конфуцианские ученые осознали моральное устаревание конфуцианской научной школы, поэтому они поддерживали движение Зюи Тан.

Возврат к конфуцианским ценностям от школьной морали до идеологии социального управления, влияние этого традиционного учения все еще глубоко ощущается в сознании современного вьетнамского общества, в истории вьетнамской культуры и в восточно-азиатском регионе в целом, — отметили участники конференции [Văn nghệ quân đội: 15.08. 2019].

В конференции приняли участие 62 ученых из таких стран, как США, Германия, Франция, Япония, Китай, Тайвань, а также Вьетнамской академии общественных наук и исследовательских центров, учебных заведений по всей стране. Этот действительно качественный научный форум дал возможность вьетнамским и зарубежным ученым всесторонне обсудить состояние конфуцианских исследований во Вьетнаме [Văn nghệ quân đội: 15.08. 2019].

Газета «Закон» (Pháp luật) г. Хошимина в разделе «Культура» от 11 мая 2020г. помещает большой материал под названием **«100 лет письменности куок нгы: выбор вьетнамского народа»**. В статье рассматриваются выступления участников международной конференции в Дананге, в частности, сообщение профессора, доктора Ролана Жака, (Университет Святого Павла, Канада). Говоря о вьетнамском языке, он подчеркнул: «Это действительно язык, которым мы все гордимся. Вы — волшебный дракон, а мы — люди, которые любят страну, людей, язык и все что с ним связано» [Roland Jacques: 30.12.2019].

На обсуждение были вынесены некоторые дискуссионные вопросы: следует ли улучшать вьетнамскую письменность? Вьетнамская письменность — это достижение цивилизации или «инструмент вторжения»? Профессор Нгуен Данг Хынг считает, что два португальских миссионера — Франческо де Пина

и Александр де Род, одними из первых, приехавшие во Вьетнам, изобрели латинскую письменность с целью евангелизации, а не с целью модернизации нашей страны. Это историческая правда, — сказал он. Вьетнамский ученый также высоко отозвался о лингвистических способностях и знаниях этих двух миссионеров, отметив музыкальные способности де Пина́, что помогло ему правильно уловить все шесть тонов вьетнамского языка. В заключение своего выступления Нгуен Данг Хынг сделал очень значимый вывод, приведя вьетнамскую пословицу «пьешь воду — помни об источнике» и, подчеркнув, что современные вьетнамцы должны быть благодарны этим людям, создавшим новую вьетнамскую письменность. Вьетнамский ученый высказался также и в том плане, что неверно считать этих двух миссионеров шпионами, так как их пребывание во Вьетнаме датируется XVII веком, тогда как французское колониальное завоевание началось только в середине XIX в., то есть эти события разделены во времени почти в два века. Это не соответствует истории, а предшественники ложно оклеветаны, — сказал г-н Хынг. [Nguyễn Đăng Hưng: 30.12.2019].

Часть общественности Дананга выступила с предложением назвать именем А. де Рода одну из улиц Дананга, но это предложение было отложено на неопределенный срок [Pháp luật: 11.05.2020].

В этом же разделе «Культура» газета «Закон» города Хошимина («Pháp luật») помещает различные материалы, связанные со 100-летним юбилеем письменности куок нгы. Так, Народный комитет города Дьен Бан (провинция Куангнам) принял решение о создании фонда в честь вьетнамского языка и вьетнамской письменности. Фонд имеет свой правовой статус, средства для самофинансирования и управления. Председателем фонда был избран профессор Нгуен Данг Хынг.

В интервью газете «Закон» города Хошимина профессор Нгуен Данг Хынг прокомментировал это решение Народного комитета города Дьен Бан положительно: «Это то, к чему мы стремились. Это показывает заинтересованность местной власти в развитии вьетнамской письменности, тем более, что, как известно, этот город,

носивший раньше название Тхань Тием (Thanh Chiêm), был тем местом, где впервые появились вьетнамские миссионеры. Это также то место, где г-н де Пина основал первую вьетнамскую школу, пусть и небольшую, но это был исторический шаг», — сказал он [Nguyễn Đăng Hưng: 30.12.2019]. На конференции также было выдвинуто предложение о создании специального дня в честь письменности куок нгы. Поддерживая проект создания культурного пространства вокруг проблемы изучения письменности куок нгы в Куангнаме, поэт Во Суан Тонг сказал: «Празднование 100-летия вьетнамской письменности — это первая возможность для нас оставить память нашим потомкам, чтобы все могли знать происхождение и большую ценность куок нгы во вьетнамской истории», — сказал он [Võ Xuân Tòng: 30.12.2019].

В праздновании 100-летнего юбилея письменности куок нгы приняла участие также и католическая церковь Вьетнама. 25–26.10.2019 в комитете по культуре при Конференции епископов Вьетнама в пасторальном центре в г. Хошимине состоялось заседание, где с обширным докладом выступила доктор факультета лингвистики Новой Сорбонны Фам Тхи Киеу Ли. Ее сообщение было посвящено истории письменности куок нгы с 1615 по 1919 гг. Д-р Киеу Ли подробно остановилась на появлении католических миссионеров сначала в Кохинхине (Данг-чаунг), затем в Тонкине (Дангнгоай) в XVII–XVIII вв., затем на этапах французского колониального завоевания и рассмотрела ту роль, какую играла письменность куок нгы для французской администрации. В этой связи Киеу Ли показала систему школьных учебных заведений, создававшихся французскими властями сначала в Кохинхине, затем в Тонкине. Автор не могла обойти молчанием Тонкинскую просветительскую школу Донг Кинь Нгиа Тхук и движение Зюи Тан за модернизацию Вьетнама и распространение письменности куок нгы в начале XXв. [Phạm Thị Kiều Ly: 10.02.2020].

В конце своего сообщения д-р Киеу Ли сделала интересные замечания относительно письменности куок нгы. Она

процитировала мнение известного французского ученого Эймонье, стоявшего у истоков создания ставшей знаменитой Французской школы Дальнего Востока (начало XX в) и полагавшего, что вьетнамский язык беден в лингвистическом отношении и в силу этого не способен выражать метафизические идеи философского учения о неизменных, раз навсегда данных и недоступных опыту началах мира [Phạm Thị Kiều Ly: 10.02.2020]. Затем автор утверждает, что такое мнение очень схоже с мнением докторов университета Сорбонны в XVI в. относительно французского языка в сравнении с латинским языком — основным, преподававшимся в то время в университетах Франции, тогда как французский язык оставался языком повседневного общения.

Д-р Киеу Ли в своем докладе дает подробный анализ вьетнамской журналистики — нового жанра информации, появившегося во Вьетнаме благодаря распространению сначала французского языка, а затем вьетнамской письменности куок нгы с применением латинского алфавита, называя Кочинчину (написание того времени — О. Н.) колыбелью вьетнамской журналистики конца XIX века. В ее докладе мы также находим четкое определение других новых явлений того времени: так, ученого-католика Чьонг Винь Ки д-р Киеу Ли считает основателем национальной языковой прессы, а газету Зядинь бао, по ее мнению можно считать первой национальной газетой Вьетнама [Phạm Thị Kiều Ly: 10.02.2020]. Стоит отметить еще один вывод автора: вьетнамский язык — единственный язык в Индокитае, где письменность основана на латинице. К этому надо добавить еще одно обстоятельство: этот язык объявлен государственным в ДРВ/СРВ с 1945 г.

Ассоциация лингвистов города Хошимина также подключилась к празднованию юбилея, организовав научную конференцию «100 лет Куок Нгы». Председатель лингвистической ассоциации города Хошимин доктор Данг Нгок Ле подчеркнул, что письменность куок нгы глубоко изменила вьетнамскую культуру. Он также отметил, что уже в начале XX в. движение Донг Кинь Нгия Тхук

провозгласило: «Национальный язык — это душа страны [Đặng Ngọc Lê: 12.22.2019].

100-летний юбилей письменности куок нгы был отмечен 8 сентября 2019 г. и во Французском институте в Ханое (IFV, l'Espace Hanoi). В своем выступлении деятель вьетнамской культуры Хоанг Хынг поблагодарил директора Этьена Роллана Пиег за организацию этого исторического события [Hoang Hung: 19.09.2019]. Предполагалась большая программа выступлений, в том числе д-ра Сорбонны, лингвиста Фам Тхи Киеу Ли о процессе латинизации вьетнамского языка с 1615 по 1651 год.

Деятели искусства Вьетнама также не остались в стороне от этого события. Скульптор Фам Ван Ранк создал скульптурные портреты (барельефы) двух самых известных миссионеров — Франческо де Пина и Александра де Рода, что является большой редкостью, так как известны их портреты, но скульптурные произведения были сделаны впервые [Lao Đông: 22.12.2019].

Популярная газета Danang Today помещает подробную статью д-ра Ван Ван Санга «История Куок Нгы и современная стандартизация правописания» [Van Van Sang: 28.12.2019] а также очень редкую фотографию могилы А. де Рода в Исфагане, Иран — месте его последнего служения. Согласно тексту, вьетнамские католики регулярно посещают эту могилу в далеком Иране, приносят цветы и ухаживают за могилой.

Завершая этот обзор и анализ центральной вьетнамской прессы, освещавшей 100-летний юбилей письменности куок нгы во Вьетнаме, стоит отметить необычайно широкий масштаб этого юбилея, участия в нем практически всех крупных научных исследовательских центров и университетов Вьетнама различных профилей — исторического, лингвистического и т. д. Иностранные ученые всех стран, связанные с изучением истории письменности куок нгы, работой католических миссионеров во Вьетнаме, начиная с XVII в. также присутствовали на всех научных форумах юбилея. Важным итогом этого события можно считать значимые переоценки событий и личностей всего 400-летнего периода.

Литература

1. Ломанов А. В. Христианство и китайская культура. М. 2002.
2. Новакова О. В., Соколова В. Н. Вьетнамская «старая» и «новая» элита в колониальный период: суть конфликта (первая половина XX в.). М. 2011.
3. *Đỗ Quang Xung*. Lịch sử báo chí Việt Nam 1865–1945. Nhà xuất bản đại học quốc gia HN. 2001. (До Куанг Хынг. История прессы Вьетнама 1865–1945, Ханой, 2001).
4. *Phạm Thị Kiều Ly*. Lịch sử chữ Quốc Ngữ từ 1615–1919 // История письменности Куок Нгы с 1615–1919.
5. Văn nghệ quân đội: 15.08. 2019.
6. Văn nghệ quân đội: 30.12.2019.
7. Pháp luật TP HCM : 30.12.2019.
8. Lao Đông: 22.12.2019.
9. Danang Today: 28.12.2019.

Интернет ресурсы

1. http://vannghequandoi.com.vn/su-kien/chinh-tri-xa-hoi/100-nam-chu-quoc-ngu-o-viet-nam_10342.html последнее обращение 10.05.2020.
2. http://vannghequandoi.com.vn/su-kien/chinh-tri-xa-hoi/khoa-cu-nho-hoc-viet-nam-1075-1919-100-nam-nhin-lai_9792.html последнее обращение 10.05.2020.
3. https://plo.vn/van-hoa/100-nam-chu-quoc-ngu-su-lua-chon-cua-dan-tocviet8https://static.plo.vn/2017/App_Themes/img/PLO_logo.png80656.htm последнее обращение 10.05.2020.
4. https://www.youtube.com/watch?v=B_0pMZbxvxE#HoidongGiammucVietNam#400namChuQuocNgu последнее обращение 11.05.2020.
5. <https://nld.com.vn/giao-duc-khoa-hoc/nhin-lai-100-nam-chu-quoc-ngu-quia-nhung-khao-cuu-quy-gia-20191221163005916.htm> последнее обращение 12.05.2020.
6. <http://vanviet.info/van-de-hom-nay/toa-dm-ky-niem-100-nam-chu-quoc-ngu-ln-ngi/> последнее обращение 12.05.2020.
7. <https://baodanang.vn/channel/5433/201912/100-nam-chu-quoc-ngu-lich-su-chu-quoc-ngu-va-van-de-chuan-hoa-chinh-ta-hien-nay-3267374/> последнее обращение 12.05.2020.

O. V. Novakova (IAAS MSU, Moscow, oksana_novakova@mail.ru)

**THE 100TH ANNIVERSARY OF THE WRITTEN SCRIPT
“KUOK NGU” IN VIETNAM, 1919–2019. CULTURAL
REVOLUTION IN HISTORY AND MODERNITY**

Abstract: *In 2019 researchers and major press celebrated the 100th anniversary of the written script “kuok ngu”. The author tries to analyze published performances of Vietnamese and foreign researchers and interaction of two cultures: European and Vietnamese through development of Latin written script that defined the cultural revolution in history and modernity.*

Keywords: *Vietnam, missionaries, written script “kuok ngu”, scientific symposia, discussions.*

Сабелкис М. Д.

(Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, mariasabelkis@gmail.com)

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КИТАЯ И АСЕАН В РАМКАХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НЕЗАКОННОМУ РАСПРОСТРАНИЮ НАРКОТИКОВ ИЗ «ЗОЛОТОГО ТРЕУГОЛЬНИКА» В 1990-е гг.

Аннотация: Данная статья рассматривает основные моменты взаимодействия Китая и АСЕАН в рамках противодействия производству и распространению наркотиков на территории «Золотого треугольника» в 1990-е годы. Выявлен ряд изменений, отличающий этот период от предыдущих десятилетий, проанализированы статистические данные и разобраны главные этапы сотрудничества. Рассмотрено взаимодействие в форматах АСЕАН + 1 (Китай), АСЕАН + 3 (Китай, Южная Корея, Япония), а также сотрудничество Китая с отдельными странами организации.

Ключевые слова: Китай, АСЕАН, Золотой треугольник, незаконный оборот наркотиков

Географически «Золотой треугольник» расположен в горной зоне на стыке границ Таиланда, Мьянмы и Лаоса. Эта область характеризуется благоприятным для культивации опиумного мака климатом и была известна контрабандой наркотиков еще с 1880-х гг., когда британские колонизаторы впервые применили там технологии производства опиума.

К моменту обретения Мьянмой независимости в 1948 г. торговля опиумом широко распространилась в штате Шан и за его пределами. Когда некоторые члены Гоминьдана, бежавшие из Китая после поражения в борьбе против коммунистов, осели в северной Мьянме, их основным методом дохода была торговля наркотиками, масштабы которой значительно увеличились в 1950–1970-х гг.

До конца 1980-х гг. «Золотой треугольник» означал область размером около 100 000 квадратных километров на границах Мьянмы, Лаоса и Таиланда. Основную территорию «треугольника» занимали штат Шан в Мьянме, провинции Мэхонгсон и Чиангмай в Таиланде и провинция Луангпхабанг в Лаосе. В этой области производили около 1000–1500 т опиума и 80–100 т героина в год [Sheng 2006:100]. Другие виды наркотиков были не очень распространены. С начала 1950-х гг. основные силы, стоящие за контрабандой, были Гоминьдановские беженцы и бирманские повстанческие армии Кхун Са и Ло Си Хана. К концу 1980-х годов армия Ло Си Хана распалась, а две оставшиеся были очень ослаблены. В 1996 г. Кхун Са сдался властям Мьянмы.

С 1990-х гг. торговля наркотиками в «Золотом треугольнике» вышла за его пределы, приближаясь все ближе к границам китайской провинции Юньнань и к провинциям Чианграй, Чиангмай и Мэхонгсон в Таиланде, провинциям Пхонгсали, Удомсай, Луангпхабанг, Луангнамтха в Лаосе, а также вышла в северо-западные районы Вьетнама. Таким образом, появился новый «Золотой треугольник», чья площадь превосходила предыдущую почти в два раза и составляла 200 000 квадратных километров, включая в себя более 3000 городов и деревень [Dwyer 2015:30]. Штат Шан, самый большой штат в Мьянме (около $\frac{1}{4}$ территории страны), являлся центром производства наркотиков. Штат специализируется в основном на выращивании опиумных маков и производстве героина; тайская часть «треугольника», в которой раньше производили опиум, героин и марихуану, теперь стала делать ставку на марихуану и амфетамины. Лаосская часть, ранее занимавшаяся

в основном культивацией мака и производством опиума, сделала упор на производства героина.

В 1980-е года в незаконном бизнесе, связанном с оборотом наркотиков, отсутствовала центральная координация, но в 1990-е система стала более сложной и эффективно организованной. Китайская полиция описывала «успех» этих процессов, ссылаясь на «пять централизаций» — централизованное финансирование, ценообразование, хранение, производство, транспортировка и продажа [Sheng 2006:104]. В целях безопасности наркомафия переместила свои базы в пограничные районы Мьянмы-Лаоса и Мьянмы-Таиланда, подкупая чиновников из местных органов власти и военных, выплачивая им проценты от доходов с оборота наркотических веществ.

Незаконное производство и оборот наркотиков в «Золотом треугольнике» стали развиваться угрожающими темпами. Площадь выращивания мака в 1990-х гг. увеличилась примерно до 100 000 га, с годовым объемом производства от 1800 до 2000 т опиума и более 150 т героина по сравнению с 1000–1500 т опиума и 80–100 т героина ранее. По данным УНП ООН, площадь выращивания мака к 2000 году увеличилась до 128 642 га с объемом производства опия 1260 т [UNODC WDR 2000:18].

Если до 1990-х гг. локальный наркобизнес на определенной территории находился под контролем одной компании, то в 1990-е они начали вести активное сотрудничество. Так, в 1998 г. из более чем сорока фабрик, расположенных вдоль границы Мьянмы и Китая, больше двадцати управлялись двумя, тремя и четырьмя компаниями. Начало совместного регулирования предприятий стало новым этапом развития сотрудничества.

Тем не менее, Китай начал налаживать кооперацию между странами для контроля за распространением наркотиков. Так, сотрудничество в рамках АСЕАН + 1 — АСЕАН и Китай — началось в октябре 2000 г. на Международном конгрессе в Бангкоке. На этом конгрессе Китай и АСЕАН приняли план действий, в котором было объявлено о намерении очистить АСЕАН от наркотиков. Были

установлены основные направления в их сотрудничестве, в том числе, повышение осведомленности общественности об опасности наркотиков и принятие мер по противодействию их потреблению; учреждение программ сбора данных, профилактики и лечения наркозависимости; обеспечение контроля над соблюдением законов об употреблении и хранении наркотических веществ; налаживание механизма мониторинга ситуации на границах.

Сотрудничество в рамках АСЕАН + 3 — АСЕАН, Китай, Япония и Южная Корея — началось с совещания министров стран АСЕАН + 3 по борьбе с транснациональной преступностью, которое состоялось в Бангкоке 11.01.2004 г. На совещании были обсуждены вопросы сотрудничества в области предотвращения наркотиков и общие вопросы безопасности.

Помимо коллективного сотрудничества со странами АСЕАН, Китай также сотрудничает с отдельными странами ассоциации. В августе 1990 г. Министерство общественной безопасности КНР направило делегацию в Мьянму и Таиланд для консультации по вопросам транснациональных преступлений, связанных с наркотиками. Кооперация и сотрудничество продолжились и далее. В мае 1991 г. официальные лица из Китая, Мьянмы, Таиланда и представители Управления ООН по наркотикам и преступности встретились в Пекине для обсуждения данных вопросов. Годом позже в Янгоне было подписано соглашение о запуске проектов сотрудничества по искоренению незаконного оборота и сокращению спроса на наркотические вещества. В 1993 г. был подписан «Меморандум о взаимопонимании», целью которого было остановить культивирование опийного мака посредством ликвидации незаконного оборота наркотических средств и химических веществ, используемых для производства запрещенных веществ, а также сокращение спроса на местное потребление наркотиков. Меморандум также затрагивал проблему ВИЧ / СПИД-инфекции, непосредственно связанной с наркотрафиком. В 1995 году к меморандуму присоединились Камбоджа и Вьетнам. Такие же меморандумы были подписаны с Индонезией, Малайзией и Филиппинами.

Обеспокоенность Китая относительно этой проблемы понятна. В период с 1991 по 1999 гг. в Китае было зафиксировано более 800.000 случаев, связанных с контрабандой наркотиков. В 1988 г. в Китае было официально зарегистрировано около 50 00 наркоманов, в 1991 г. — 148 000, в 1995 г. — 520 000, в 2003 г. — 1,05 млн [Sheng 2006:121]. Весь героин, обнаруженный в Китае, доставлялся контрабандой из «Золотого треугольника». Примерно 100 т героина были ввезены контрабандой в Китай в 2003 г., что составляет 70 % всего героина, произведенного в «Золотом треугольнике» в том году. Другими словами, Китай стал крупнейшим потребителем героина из «треугольника». Страна рассматривает незаконный оборот наркотиков как серьезную угрозу национальной безопасности, экономике и региональной стабильности. Так, финансирование борьбы с наркотиками возросло с \$1 млн в год в середине 1990-х гг. до \$17,5 млн в 2003 г. [Clarke 2008:88].

Правительство Китая полагает, что без всеобъемлющего стратегического сотрудничества с другими странами региона битву против запрещенных веществ выиграть невозможно. Предпринимаются множественные меры для решения этой проблемы и противодействия незаконному производству и распространению. Сотрудничество в данной сфере, в сочетании с экономическим взаимодействием, способствует целям Китая в укреплении тесных связей со странами АСЕАН. Помимо этого, для Китая важность стабилизации ситуации в странах «треугольника» выходит за рамки простых добрососедских отношений. Согласно стратегии «Один пояс — один путь» именно через территорию на севере Мьянмы должен проходить «Экономический коридор» Бангладеш — Китай — Индия — Мьянма, имеющий огромное экономическое и геостратегическое значение [Козьма 2018:3].

Тем не менее «Золотой треугольник» и по сей день остается основным источником наркотрафика в КНР. Так, в 2017 г. в Китае было изъято более 30 т стимуляторов амфетаминового ряда, что ставит страну на второе место по этим показателям после США, и более 300 т кокаина; более тонны экстази; более 10 т героина

и морфина [UNODC WDR 2007–2017]. В совокупности на три страны — Китай, Российскую Федерацию и Соединенные Штаты Америки — приходится около 26 % населения мира, но общий процент потребляемых на их территории наркотических веществ составляет около половины от общемирового количества [UNODC WDR 2019:21].

Литература

1. *Cheng-Chwee K.* Multilateralism in China's ASEAN policy: Its evolution, characteristics, and aspiration // *Contemporary Southeast Asia: A Journal of International and Strategic Affairs*. 2005. Vol. 27. № 1. С. 102–122.
2. *Clarke R.* Narcotics trafficking in China: Size, scale, dynamic and future consequences // *Pacific Affairs*. 2008. Vol. 81. № 1. С. 73–93.
3. *Dwyer M. B.* Trying to follow the money: Possibilities and limits of investor transparency in Southeast Asia's rush for "available" land. CIFOR, 2015.
4. *Sheng L.* China-ASEAN cooperation against illicit drugs from the golden triangle // *Asian Perspective*. 2006. Vol. 30. № 2. С. 97–126.
5. United Nations Office for Drug Control and Crime Prevention. Global illicit drug trends 1999. United Nations Publications, 1999.
6. United Nations Office on Drugs and Crime. World Drug report 2000. United Nations Publications, 2000.
7. United Nations Office on Drugs and Crime. World drug report 2015. United Nations Publications, 2015.
8. United Nations Office on Drugs and Crime. World drug report 2019. United Nations Publications, 2019.
9. United Nations Office on Drugs and Crime. Partnership, Cooperation and Action in the Greater Mekong Sub-region. United Nations Publications, 2019.
10. United Nations Office on Drugs and Crime. Map of annual seizures 2007–2017. Available at: https://dataunodc.un.org/drugs/seizures_map-2017 (accessed 8 May 2020)
11. *Козьма П.* Китайский зонтик для Мьянмы // *Рос. совет по междунар. делам*. 2018. Т. 19.

M. D. Sabelkis (*Saint-Petersburg State University*
St. Petersburg, mariasabelkis@gmail.com)

CHINA AND ASEAN COOPERATION IN THE CONTEXT OF PREVENTING GOLDEN TRIANGLE DRUG TRAFFICKING IN THE 1990s

Abstract: *This article explores the main points of interaction between China and ASEAN in the context of countering the production and distribution of drugs in the Golden Triangle in the 1990s. A number of changes that distinguish this period from previous decades are identified, such as a significant increase in trafficking rates and a shift in the types of drugs produced. In addition, statistical data and key developments of the period are analysed. This cooperation is examined under the framework of ASEAN + 1 (China), ASEAN + 3 (China, South Korea, Japan), as well as interactions between China and individual countries of the organisation.*

Keywords: China, ASEAN, Golden Triangle, Drug Trafficking.

Сапронов А. В.

(Московский государственный институт международных
отношений (Университет) МИД России, Москва,
sapronov.a.v@my.mgimo.ru)

РОССИЙСКО-СИНГАПУРСКИЕ ОТНОШЕНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Аннотация: *В представленном вашему вниманию докладе рассматриваются динамика развития и современное состояние российско-сингапурских отношений в политической, экономической и гуманитарной областях. Анализируются основные проблемы, препятствующие интенсификации двустороннего взаимодействия, и потенциально перспективные сферы сотрудничества. Изучается роль и место политического диалога на многосторонних площадках и в международных организациях, а также влияние инструментов «мягкой силы» на характер российско-сингапурских отношений.*

Ключевые слова: *российско-сингапурские отношения, АСЕАН, Сингапур, ЕАЭС, Юго-Восточная Азия.*

Тема доклада звучит следующим образом: «Российско-сингапурские отношения на современном этапе: актуальные проблемы и перспективы развития (1991–2019 гг.)».

Актуальность темы обусловлена тем, что на фоне многовекторного разворота российской политики и экономики по

направлению к восточным партнёрам руководство России не раз высказывалось за расширение сотрудничества со странами Юго-Восточной Азии, особенно учитывая экономические санкции, введённые некоторыми странами Запада против России. Повышенный интерес к Сингапуру связан с его негласным статусом своего рода финансового моста между Азией, Европой и Америкой, а также его лидирующими позициями в области ведения бизнеса, развития инновационных технологий и управления инвестициями. Кроме того, Сингапур рассматривается российской стороной как «окно» в Азию для отечественного бизнеса. Используя Сингапур в качестве надёжной экономической платформы, у России появляются дополнительные возможности выхода на рынки, не ограничиваясь ростом экспорта натуральных ресурсов и расширяя взаимодействие в высокотехнологичных областях, в сфере медицинских инноваций и жилищно-коммунальной инфраструктуры. Также Москву привлекает опыт структурных реформ Сингапура, который за три десятка лет сумел совершить скачок от типичной страны третьего мира до высокоразвитой рыночной экономики. Наконец, в 2018 г. отмечалось пятидесятилетие установления российско-сингапурских отношений. Полувековой юбилей двустороннего сотрудничества является временем подведения итогов и разработки планов на будущее, поэтому обобщение и анализ межгосударственного взаимодействия представляется весьма своевременным.

Цель исследования: выявить динамику развития российско-сингапурских отношений, их наиболее перспективные сферы и препятствующие факторы. Для достижения цели исследования был решен ряд *задач*, а именно:

- выделены основные направления в политической сфере российско- сингапурского сотрудничества;
- изучена структура внешней торговли и взаимных инвестиций двух стран;
- исследовано гуманитарное сотрудничество России и Сингапура;

- выявлены пределы и лимиты российско-сингапурского сотрудничества в основных сферах взаимодействия;
- изучены наиболее перспективные сферы сотрудничества двух стран.

Объектом исследования стали непосредственно российско-сингапурские отношения, а *предметом* — перспективы и проблемы двустороннего взаимодействия.

Степень изученности темы и материалы исследования. На данный момент отсутствуют комплексные исследовательские работы, обобщающие основные факты и тенденции российско-сингапурского сотрудничества и отражающие двустороннее взаимодействие во всех сферах на современном этапе. Существующие труды обычно отражают конкретные элементы или события взаимоотношений. Показательно, что зарубежных исследований российско-сингапурских отношений значительно меньше, чем отечественных. Следовательно, российская сторона более заинтересована в развитии и интенсификации двустороннего взаимодействия. В ходе исследования были проанализированы тексты официальных документов, международных договоров, соглашений, меморандумов. Поскольку тема работа охватывает двустороннее взаимодействие на современном этапе, ее значительную часть представляет анализ событий в основных направлениях межгосударственных отношений. Сведения о происходящих событиях почерпнуты из новостных сообщений авторитетных информационных агентств и центров международных исследований

В результате проведённой исследовательской работы были сделаны следующие **выводы**:

Во-первых, инициатива по расширению и углублению российско-сингапурского политического сотрудничества принадлежит российской стороне, тогда как сингапурские политологи опасаются, что сближение с Россией негативно скажется на отношениях Сингапура с западными союзниками.

Во-вторых, угрозой для российско-сингапурского сближения представляет американская концепция Индо-Пацифик, поскольку

она подрывает значение АСЕАН в регионе и, следовательно, нарушает все сложившиеся способы и линии взаимодействия.

В-третьих, российско-сингапурское военно-техническое сотрудничество находится на весьма невысоком уровне, несмотря на попытки российской стороны стимулировать участие стран в совместных учениях и поставках вооружения.

В-четвертых, перспективным в рамках усиления двустороннего экономического сотрудничества представляется деятельность таких двусторонних площадок и организаций, как Российско-Сингапурский деловой форум, Российско-Сингапурский Деловой Совет, Межправительственная российско-сингапурская комиссия высокого уровня, Российско-Сингапурский Бизнес Союз.

В-пятых, в условиях абсолютного преобладания в российском экспорте углеводородов, угрозой для российско-сингапурских экономических отношений является переориентация Сингапура на других поставщиков энергоносителей.

В-шестых, перспективным видится экономическое сотрудничество стран в рамках зон свободной торговли АСЕАН-ЕАЭС и Сингапур-ЕАЭС.

В-седьмых, двустороннее взаимодействие в гуманитарной сфере является весьма эффективным средством формирования благоприятного имиджа России в Сингапуре, и продвижения ее интересов.

В-восьмых, в действиях Сингапура по ограждению интернета на территории страны от проникновения посторонних сил во внутриаполитический процесс можно усмотреть косвенное подозрение России во вмешательстве в избирательный процесс в некоторых других странах, что является угрозой политическому сближению стран на равной основе.

A. V. Sapronov (*Moscow State Institute of International Relations,
Moscow, sapronov.a.v@my.mgimo.ru*)

RUSSIA-SINGAPORE RELATIONS AT THE CURRENT STAGE: RELEVANT PROBLEMS AND PROSPECTS

Abstract: *the report examines the dynamics of development and current state of Russia-Singapore relations in the political, economic and humanitarian spheres. The author analyzes the main problems hampering the intensification of bilateral relations and potentially promising areas of cooperation. The role and place of political dialogue in multilateral platforms and international organizations are studied, as well as the impact of soft power instruments on the nature of Russian-Singaporean relations.*

Keywords: *Russian-Singapore relations, ASEAN, Singapore, EAEU, Southeast Asia.*

Серин П. А.

(Институт этнологии и антропологии РАН, Москва,
pavel-serin@yandex.ru)

ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ И ЭТНИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В СОВРЕМЕННОЙ ИНДОНЕЗИИ

Аннотация: *В 1930 году Нидерланды впервые попытались наложить на Индонезию свою этническую классификацию. Режимы Сукарно и Сухарто игнорировали этнический вопрос в переписях населения и старались построить единую индонезийскую нацию, которая складывается вокруг принципов “Панча Сила” и ограниченного количества разрешенных религий. После 2000 года Индонезия возвращается к вопросу об этническом и языковом составе страны в переписи населения.*

Ключевые слова: *Индонезия, перепись населения, этническая политика, языковое планирование, этническая идентичность*

Перепись населения — особое проявление государственной политики по учету жителей страны. Вопросы, которые переписчики задают жителям, очень четко показывают, какие именно сведения важны для государства на конкретном этапе своего развития. На большем протяжении человеческой истории правителей интересовала общая численность населения, половой состав, основной источник дохода и занятия, — минимум, позволяющий государству понять, на какое количество налоговых поступлений в казну оно может рассчитывать. Религиозный состав часто интересовал

светских и религиозных правителей с точки зрения возможности дополнительных налогов и лояльности или нелояльности подданных, проживающих на конкретных территориях.

Этничность, как и языки, изначально считались сферой исключительно торговых, религиозных и научных интересов, не имевших большого значения для государственной политики. Только в конце 19 века, когда этнический национализм поднимается на знамена борцов за независимость, правительства начинают интересоваться вопросом, какими народами они правят.

Нидерланды очень долго не видели практической ценности в подробном учете культурного, этнического и языкового разнообразия своей самой главной колонии. Но в начале XX века в Индонезии все сильнее проявлялось движение за независимость, которое все чаще оперировало некой «индонезийской общностью», а после 1928 года — и «индонезийским языком», как языком национального единства. Этот аспект повлиял на проведение переписей в 1920 и особенно в 1930 году, когда Нидерланды впервые попытались наложить на Индонезию новую этническую классификацию.

Здесь следует указать на то, что ни одна перепись населения не соответствует «объективному составу населения». Правительство, чиновники и переписчики оперируют определенным и ограниченным набором понятий, отвечающим тем или иным интересам. И Индонезия снова становится экспериментальной площадкой: ученые и переписчики учитывают население опираясь не на «низовые представления» жителей о себе и своих соседях, но накладывая классификационную сетку, разработанную с учетом представлений того времени. Эта классификация пережила и нидерландское правление, и первых президентов независимой Индонезии.

Режимы Сукарно и Сухарто вполне сознательно игнорировали этнический вопрос в переписях населения в 1961, 1971, 1980, 1990 годах. Центральное правительство старалось построить единую индонезийскую нацию, которая складывается вокруг

принципов «Панча Сила» и ограниченного количества разрешенных религий.

После падения режима президента Сухарто Индонезия переживает период децентрализации во многих сферах экономики и политики и неожиданно для всех возвращается к вопросу об этническом и языковом составе населения в переписи 2000 года.

Следующая перепись 2010 года подтвердила, что интерес к этническому и лингвистическому разнообразию страны был не просто случайным эпизодом в истории государственной статистики.

Очередная перепись 2020 года снова демонстрирует желание центрального правительства учитывать культурное, лингвистическое и этническое богатство страны. Однако подходы к такому учету и вызывают вопросы у этнолога и антрополога.

Почему формально «этничность» в новейших переписях Индонезии учитывается «по линии отца», хотя в реальной жизни на этническую идентичность индонезийца чаще влияют другие факторы? Насколько владение индонезийским и местными языками влияет на национальную и этническую идентичность индонезийских граждан? Что для современного индонезийца оказывается важнее: этническая, региональная или религиозная идентичность?

Результаты последних переписей, полевых наблюдений, а также мониторинг СМИ и социальных сетей говорят о том, что ни один из этих аспектов не является однозначно доминирующим в современной индонезийской политике. И можно говорить о том, что этничность сама по себе слабо влияет на политическое поведение индонезийцев. Поэтому в своем докладе я хочу обсудить возможные причины и последствия статистического учета этнического многообразия страны индонезийскими властями.

P. A. Serin (*The Russian Academy of Sciences Institute of Ethnology and Anthropology, Moscow, pavel-serin@yandex.ru*)

CENSUSES AND ETHNIC POLITICS IN MODERN INDONESIA

Abstract: *In 1930 the Netherlands tried to apply a 'european' ethnic classification to Indonesia for the first time. The Soekarno and Soeharto regimes ignored the ethnic issue in the censuses and tried to build a united Indonesian nation, forming it around the principles of "Pancha Sila" and the limited number of permitted religions. In 2000, Indonesia returned to the issue of the ethnic and linguistic composition of the population in the censuses.*

Keywords: *Indonesia, census, ethnic politics, language planning, ethnic identity.*

Смирнова Н. В.

(Петрозаводский государственный университет,
Петрозаводск, burlana@mail.ru)

О КИТАЙСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦАХ В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА

Аннотация: *В статье рассматривается жизнь и деятельность китайских переселенцев в Юго-Восточной Азии в первой трети XIX века. Анализируются «Путешествия и новейшие наблюдения в Китае, Маниле и Индо-Китайском архипелаге» неофициального представителя российского правительства на Филиппинских островах Петра Васильевича Добеля, опубликованные в 1833 году. Многолетнее пребывание в Кантоне, Маниле, рассказы и описания путешественников позволили П. В. Добелю показать в труде разнообразие природных богатств «Индо-Китайских островов» и развитие китайской торговли в регионе. Развитию торговли способствовал тот факт, что большое число китайцев, выходцев из юго-восточных провинций, поселилось как на островах Малайского архипелага, так и в Индокитае.*

Ключевые слова: *китайские переселенцы, Юго-Восточная Азия, П. В. Добель, «Путешествия и новейшие наблюдения в Китае, Маниле и Индо-Китайском архипелаге»*

В Научной библиотеке Петрозаводского государственного университета есть редкие востоковедные издания отечественных и зарубежных ученых XVIII — первой половины XX века.

Исследования помогают студентам-историкам не только проследить этапы развития ориенталистики и выявить вклад выдающихся востоковедов в развитие науки о Востоке, но и в изучении истории и культуры восточных стран. «Путешествия и новейшие наблюдения в Китае, Маниле и Индо-Китайском архипелаге» (Ч. II, 1833 год) неофициального представителя российского правительства на Филиппинских островах Петра Васильевича Добеля интересны для знакомства с жизнью и деятельностью китайских переселенцев в Юго-Восточной Азии в первой трети XIX века.

П. В. Добель кратко описывает «Индо-Китайские острова»: «Обширная группа островов, находящихся между Индией и Китаем, может без преувеличения называться плодороднейшей страной на земном шаре: там природа щедро разлила свои дары, сделавшиеся необходимыми потребностями для Европы, и начиная от Александра Македонского до наших времен, произведения сих островов привлекали к себе не только жадность торговцев, но и честолюбие победителей... Жители сих островов, разделяясь на поколения, занимаются земледелием, мануфактурами и мореходством. Крестьяне обрабатывают рис, табак, сахар, бумагу, индиго и пр. и снабжают оными те поколения, которые сим не занимаются, а довольствуются отчасти тем, что сама благотворная природа производит без стараний человеческих. В числе поколений, занимающихся земледелием и мануфактурами, отличаются обитатели островов Люсона, Явы, Суматры, Бали и Ломбое, кроме прибрежных жителей, кои, занимаясь мореходством, весьма предприимчивы и деятельны, но зато буйны и часто, под видом торговли, занимаются морским разбоем...» [Добель 1833: 151–155].

Путешественник, указывая, что «беспечность туземцев делала богатства сии бесполезными; ибо они столь же великое показывают к подобным работам отвращение, сколько и негры американские» [Добель 1833: 169], обращает внимание на трудолюбие китайских переселенцев: «Острова сии, особенно же Ява, Суматра, Люсон, Борнео и Макаassar, много обязаны удивительному прилежанию,

промышленности и трезвости китайских колонистов: они тихи, скромны, послушны и работящи, и посему везде их охотно принимают, впрочем, иногда случаются и переселенцы европейские, индийские и аравийские с берегов Персидского залива и Черного моря» [Добель 1833: 156]. Китайцы умели ладить с малайцами и ездили на острова совершенно безоружные: «Груз большой китайской джонки ценится от 300 000 до 500 000 пиастров (от 1 500 000 до 2 500 000 руб.); на возвратном пути они нагружаются разными предметами, как то: золотым песком, серебром в слитках, оловом, алмазами, жемчугом, перламутром, сахаром, перцем, пряностями, бичдемаром, птичьими гнездами, оленьими жилами, арекой, которую жуют с листьями бетеля, раттанами, род тростника употребляемого на канаты, кожами быков и буйволов, бумажною пряжью, рыбьими перьями, воском, кожей и рогом носорога, слонокостью, черным деревом, алоем, сандалом, камфорой, бензоеном, драконовою кровью, араком, саго, агарагарем, род мха морского, китайцами вместо гумми или камеди употребляемого на фабриках, и многими другими, в Европе неизвестными предметами» [Добель 1833: 167].

П. В. Добель пишет о разнообразии и богатстве «произведений» островов Малайского архипелага. На острове Борнео, богатом оловом и золотым песком, китайские переселенцы начали разрабатывать рудники и промывать золотоносные пески: «На острове Борнео 6.000 китайцев, занимаясь промывкою песков, между реками Самбасом и Понтиньяком, добывают ежегодно золота на 1 500 000 пиастров (7 500.000 руб.). Самый песок добывается из рудника, почти на поверхности земли или неглубоко от оной находящегося, и осушаемого посредством простой деревянной, из Китая привезенной, гидравлической машины» [Добель 1833: 169]. «Олово, предмет, сделавшийся в торговле важнее самого золота, находится большей частию на островах, лежащих к западу... Один из важнейших предметов торговли малайской есть перец... [Добель 1833: 171]. Опий, столь вредное для здоровья человека произведение, считается предметом роскоши, почти необходимой

для малайцев и китайцев... [Добель 1833: 172]. Между разными произведениями островов сих я должен был упомянуть о тековом дереве, которое во множестве растет на острове Ява. Дерево лучше всякого иного для строения судов всяких величин; обделываешь оное несравненно легче, чем дубовое, а прочность и твердость его удивительная. ...Яванские леса тека, без сомнения, суть великолепнейшие из всей Азии [Добель 1833: 182]. Табак, соль и спирт из кокосов суть главнейшие источники доходов на Филиппинских островах» [Добель 1833: 195].

Китайцам стал дозволен торг морем только со времени «татарского нашествия», а прежде внешняя торговля была воспрещена: «Китайские джонки, не смотря на неудобность свою, спокойно плавают по сим морям. На семи или восьми из сих судов, ежегодно отправляются до 4.000 человек китайцев в Яву и там поселяются; все переселенцы мужского пола, ибо женщинам правительство выезжать запрещает; даже женатым запрещено брать жен своих с собой... законом и мужчинам запрещается переселение, но мандарины смотрят на сие сквозь пальцы, за малую плату» [Добель 1833: 166]. Китайские переселенцы должны были жениться на малайках, но ни они, ни их дети не изменяли своим обычаям, языку или нравам: «Поселенные на западном берегу Борнео составляют народонаселение в 200 000 душ, и живут почти независимо; ибо только по имени подчинены правителям той страны. В Батавии число китайцев простирается до 100 000; они сохраняют свою религию, язык, нравы и одежду, но судятся голландскими законами» [Добель 1833: 166–167].

В труде П. Добеля представляют интерес прибавления «О переселении китайцев» на основе сведений, собранных английским парламентом и опубликованных, как пишет автор, в «одном современном журнале». Англичане обратили внимание на китайскую торговлю в Юго-Восточной Азии по причине возможности заменить торговлю в Кантоне «торговлею туземцев», в случае, если бы китайцы «заперли свои гавани» для иностранцев: «Китайскую торговлю, на джонках китайских, сиамских и других, полагают

в 80 000 тонн, считая среднюю пропорцию джонки в 300 тонн» [Добель 1833: 233]. «Народонаселение китайское», в государствах, соседствующих Китаю, определяется следующим образом: «На островах Филиппинских — 15 000; Борнео — 120 000; Яве — 45 000; в голландских поселениях, около пролива Малаккского — 18 000; в Синкапоре — 6 200; Малакке — 2 000; Пеннанге — 8 500; на полуострове Малайском — 40 000; в Сиаме — 440 000; Кохинхине — 15 000; Тонкине — 25 000. Всего — 734 700» [Добель 1833: 229–230].

Китайцы сохраняли постоянные сношения со своим отечеством, которое называли Дайцин, нигде не образовывали отдельного государства и покорялись законам той страны, где жили: «Китайцы отправляют каждый год великое число своих джонок (судов) с товарами в Синкапор, Кохинхину, Яву, Японию, и вообще во все соседние государства <...> торговля производится весьма деятельно. Пошлины, взимаемые правительством с сего рода торговли, равняются только ко двум третям пошлин, платимых европейцами; сверх того, китайцы пользуются преимуществом выходить из различных гаваней своей страны, а европейцы ограничены одной Кантонскою. Китайцы выходят обычно из тех областей, где производится иностранная торговля, а именно: из Кантона, Фокиена, Шекиена и Кианнина. Из двух последних переселения бывают редко, и кажется только в Тонкин и на Филиппинские острова. Выходцы отправляются во все соседние Китаю государства, где они могут найти занятие и покровительство; но в некоторых странах их не принимают, или притесняют по политическим причинам; в других они неохотно селятся по отдаленности расстояния, или по недостатку места» [Добель 1833: 222–223].

Китайские выходцы принадлежали к классу поденщиков и работников: «Обыкновенно имеют они с собой в дороге платье, которое на них, узел с платьем поношенным, да матрац и подушку, испачканные на которых спят. Лишь только они приедут, их состояние видимо улучшается. Они находят земляков, и может быть, родственников и друзей. Тотчас сыскивается для них работа

в стране, похожей на их отечество, но где труд дороже втрое, а все необходимые предметы почти в половину дешевле... Ростом китаец выше сиамца почти двумя дюймами, и тремя выше жителя Кохинхины и малайца или яванца. Он силен и строен. Превосходство его еще заметнее в ловкости и сметливости. Разные китайские выходцы живут отдельно, не только от других народов, но и между собой» [Добель 1833: 225–226].

П. В. Добель выделяет разряды китайских переселенцев, в труде показана разница в характере и привычках китайцев различных областей: «Уроженцы Фокиена могут похвастаться лучшими в обращении с людьми. Выходцы из Кантонской области разделяются на три разряда, то есть, это или жители Кантона и его окрестностей, или жители Макао и островов речных, или уроженцы гористых округов сей области. Первые, кроме страсти к торговле, отлично занимаются ремеслами, и весьма способны к предприятиям, относящимся до разработки руд. Они более всех употребляются при серебряных рудниках Тонкина, Борнео и Малакки, также при оловянных рудниках сего полуострова и Банки. Китайцы макаоские, и другие жители тамошних островов, не уважаются соотечественниками, но третий, и самый многочисленный разряд, есть самый последний. Его занятие — рыболовство и кораблеплавание. Из этих людей прежде набирали европейцы матросов, когда бывало нужно. Это самые непослушные и буйные из всех китайцев... Различествуя в обычаях, в привычках, и даже в языке или наречии, сохраняя взаимную приязнь и предрассудки областные, китайские выходцы часто ссорятся, дерутся, и даже проливают кровь при сих схватках» [Добель 1833: 227–229].

Китайцы почти исключительно занимались «произращением и обработкою Индейской акации (sachou) по берегам пролива Малаккского, перцу в Сиаме, сахару на острове Ява, в Сиаме и на островах Филиппинских» [Добель 1833: 228]. Оплачивалась работа китайца дороже, чем индийца или малайца: «Доказательством сему может послужить сравнение платы разным жителям в Синкапоре; например, там платят за работу различным наемщи-

кам таким образом: китайцу восемь пиастров в месяц, уроженцу Коромандельского берега шесть, малайцу четыре. Но где ловкость и сметливость зависят от навыка, там разница еще более: китайский плотник получает двенадцать пиастров в месяц, индеец только семь, а малаец, кроющий дома соломою, или пильщик (так как из этого народа нет плотников), только пять» [Добель 1833: 226].

Многолетнее пребывание в Кантоне, Маниле, рассказы и описания путешественников позволили Петру Васильевичу Добелю показать в труде разнообразие природных богатств «Индокитайских островов» и развитие китайской торговли в регионе. Развитию торговли способствовал тот факт, что большое число китайцев, выходцев из юго-восточных провинций, поселилось как на островах Малайского архипелага, так и в Индокитае. Китайские переселенцы в труде П. В. Добеля — это работающие, ловкие, сметливые, сильные, скромные и умные жители Юго-Восточной Азии: «Физически и умственно китайцы превосходят все народы и племена, у коих они поселяются».

Литература

Добель П. В. Путешествия и новейшие наблюдения в Китае, Маниле и Индо-Китайском архипелаге, бывшего Российского Генерального Консула на Филиппинских островах, Коллежского Советника Петра Добеля. Составил и с английского перевел, с Высочайшего соизволения, А. Дж. В 2 частях. Ч. II. Санкт-Петербург: В типографии Н. Греча, 1833. 272 с.

N. V. Smirnova (*Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, burlana@mail.ru*)

ABOUT CHINESE SETTLERS IN SOUTHEAST ASIA IN THE FIRST THIRD OF THE XIX CENTURY

Abstract: *The article examines the life and activities of Chinese settlers in Southeast Asia in the first third of the XIX century. The article analyzes "Travels and latest observations in China, Manila and*

the Indo-Chinese archipelago” by the unofficial representative of the Russian government in the Philippine Islands, Peter V. Dobel, published in 1833. Long-term stay in Canton, Manila, stories and descriptions of travelers allowed P. V. Dobel to show in his work the variety of natural resources of the “Indo-Chinese Islands” and the development of Chinese trade in the region. The development of trade was facilitated by the fact that a large number of Chinese from the Southeastern provinces settled both on the Malaysian Archipelago and in Indochina.

Keywords: *Chinese settlers, Southeast Asia, P. V. Dobel, “Travels and the latest observations in China, Manila, and the Indo-Chinese Archipelago”.*

Соколов А. А.

(Институт востоковедения РАН, Москва, ansokolov@mail.ru)

КАК НАЧИНАЛОСЬ ОТЕЧЕСТВЕННОЕ ВЬЕТНАМОВЕДЕНИЕ: ЛЕНИНГРАД, 1930-е ГОДЫ

Аннотация: *В статье сделана попытка показать, как начиналось отечественное вьетнамоведение. Первые кадры советских вьетнамоведов начали готовить еще в 1931 году в Ленинградском восточном институте. Известные советские востоковеды Ю. К. Щуцкий и А. А. Драгунов, жившие и работавшие тогда в Ленинграде, подготовили ряд научных лингвистических работ и учебник по аннамитскому (вьетнамскому) языку. Систематическое изучение Вьетнама и вьетнамского языка началось на Восточном факультете Ленинградского государственного университета в 1955 году.*

Ключевые слова: *востоковедение, Индокитай, Коминтерн, Ленинградский восточный институт, вьетнамский язык.*

Практическое изучение вьетнамского языка в нашей стране относится к началу 1950-х годов — после установления дипломатических отношений между СССР и ДРВ. В различных учебных, академических и практических учреждениях Москвы, а позднее Ленинграда, стали создаваться группы по изучению этой далекой страны Юго-Восточной Азии. Однако рождение отечественного вьетнамоведения произошло гораздо раньше — в 1930-е годы, когда в учебных заведениях Коминтерна (Коммунистический уни-

верситет трудящихся Востока — КУТВ, Международная ленинская школа — МЛШ, Научно-исследовательский институт национальных и колониальных проблем — НИИНКП), готовились партийные кадры для коммунистических организаций зарубежного Востока. В их числе были и индокитайцы (так тогда именовали вьетнамцев), которые активно участвовали совместно с преподавателями в различных научных разработках, связанных с Индокитаем и проблемами национально-освободительной борьбы в колониальных и зависимых странах. Они же были авторами ряда статей и рефератов, главным образом, по исторической и социально-политической проблематике.

После поражения восстания индокитайских крестьян и рабочих в провинциях Нгеан и Хатинь в 1931 году особое значение стало придаваться подготовке профессиональных кадров по этой колониальной стране. Восточный секретариат Исполнительного комитета Коминтерна на своем заседании 5 октября 1931 года специально остановился на вопросе о подготовке аспирантов по Индокитаю как в КУТВ, так и в других вузах страны. Вскоре несколько студентов Ленинградского восточного института имени А. Н. Енукидзе (ЛВИ) были вызваны в Москву для работы с индокитайскими учебными группами в КУТВ и НИИНКП.

В созданном в 1920 году ЛВИ действовали группы по изучению зарубежного и Советского Востока [Кононов 1977]. В нем готовили преподавательские кадры, специалистов для научно-исследовательских учреждений, референтов для Коминтерна, Профинтерна и других подобных организаций, а в начале 1930-х годов «фактически превратился в Институт по изучению колониального Востока» [Кононов 1977: 72].

Введение Индокитая в учебный план ЛВИ, по видимому, состоялось в 1931 году, когда расширилась номенклатура изучаемых государств. Уже тогда на 1 курс общественно-политического факультета было распределено 4 студента для изучения Индокитая [Кононов 1977: 73]. У института не было ни опыта, ни пособий для этой новой учебной группы, что создавало несомненные трудности в учебном процессе.

О деятельности индокитайской группы в ЛВИ известно крайне мало. В институте происходили многократные реорганизации и даже ликвидации отдельных страноведческих секторов, которые не смогли обеспечить квалифицированными преподавателями по языку и стране, и в числе таковых названы Индонезия и Индокитай. Некоторых студентов перевели на другие специальные отделения [Кононов 1977: 83]. Поэтому вполне вероятно, что в ЛВИ удалось подготовить только один выпуск этих специалистов по Индокитаю. Так, в сводном списке студентов, окончивших ЛВИ по специальности «Индокитай», в 1934 году числятся 2 человека [Кононов 1977: 126]. Кроме того, в 1933 году в аспирантуру института по специальности «Индокитай» был распределен 1 человек [Кононов 1977: 105].

Первое упоминание студентов ЛВИ в штате числе сотрудников и преподавателей Индокитайского кабинета НИИНКП относится как раз к 1934 году. В их числе — Я. З. Новиков, в ЛВИ учился на историко-экономическом отделении, в 1934 году с 3-го курса направлен на практику в КУТВ, где был оставлен на учебно-практическую работу [РГАСПИ: 1115], стал ассистентом (аспирантом) Индокитайского кабинета НИИНКП.

Е. Е. Ривлина окончила два курса ЛВИ, с 1934 года работала в Индокитайском кабинете НИИНКП, числилась аспиранткой. В архивных материалах также есть указания на то, что в 1934 году проблемами Индокитая в различных подразделениях Коминтерна занимались Н. Н. Кукин и А. М. Кулаков, которые также были направлены ЛВИ [РГАСПИ: 24–26, 54].

С начала 1930-х годов в Советском Союзе начинают появляться и отдельные лингвистические работы по вьетнамскому языку, который тогда было принято называть аннамитским или аннамским. Автором такой первой научной работы стал Ю. К. Щуцкий, блестящий знаток многих восточных языков, автор известного перевода на русский язык китайской классической «Книги перемен» («Ицзин»). В то время он числил научным сотрудником Азиатского музея (с 1930 г. Институт востоковедения). Еще

в 1931 году Щуцкий составил указатель чтения по кантонскому диалекту к аннамским иероглифам, позднее вместе с коллегой, сотрудником Китайского кабинета ЛВИ А. А. Драгуновым подготовил хрестоматию и глоссарий по кантонскому диалекту (обе работы не сохранились). Ю. К. Щуцкий как профессиональный лингвист неоднократно обращался к аннамскому языку, им была написана работа «Яфетическое обследование аннамского языка» (1931), сделаны доклады «Об аннамском языке» и «Грамматика аннамского языка» (оба — 1932), подготовлен «Учебник аннамского языка» (1934, на правах рукописи). В 1936 году он выпустил брошюру «Строй аннамского языка» (Ленинградский научно-исследовательский институт языкознания).

Очередная попытка начать изучение Вьетнама и вьетнамского языка в Ленинграде связана с именем известного китаеведа М. В. Софронова, Он, будучи студентом последнего курса Восточного факультета ЛГУ, заинтересовался вьетнамским языком и отправился в Москву, где на Московском радио уже началось вещание на вьетнамском языке и работали профессиональные дикторы-вьетнамцы. Однако свою мечту — изучать язык далекой страны Юго-Восточной Азии — Софронову не удалось.

Возрождение вьетнамоведения как учебной дисциплины произошло в 1955 году на Восточном факультете Ленинградского государственного университета. Тогда в первую вьетнамскую группу были зачислены Инесса Зимонина (она единственная изначально хотела изучать вьетнамский язык), Валерий Панфилов, Елена Кириллова и Роза Ардашова. Первые двое стали известными вьетнамоведами-филологами. Вьетнамский язык им преподавал сначала лингвист Н. Д. Андреев (самостоятельно выучивший вьетнамский язык), а затем известный ученый из ДРВ — Нгуен Тай Кан.

Литература

1. Кононов А. Н., Иорши И. И. Ленинградский восточный институт. М., 1977.
2. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Фонд 495. Опись 154. Дело 544. Листы 24–26, 54, 1115.

A. A. Sokolov (*Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, ansokolov@mail.ru*)

HOW THE VIETNAMESE STUDIES BEGAN IN SOVIET UNION: LENINGRAD, 1930s

Abstract: *The article attempts to show how Russian Vietnamese studies began in Soviet Union. The first cadres of Soviet scholars in Vietnamese studies began to be prepared in 1931 at the Leningrad Oriental Institute. Famous Soviet orientalists Yu. K. Shchutsky and A. A. Dragunov, who lived and worked in Leningrad at that time, prepared a number of linguistic research papers and a textbook on the Annamite (Vietnamese) language. Systematic study of Vietnam and the Vietnamese language began at the Eastern faculty of Leningrad State University in 1955.*

Keywords: *Oriental studies, Indochina, Comintern, Leningrad Oriental Institute, Vietnamese language.*

Травкин П. С.

(Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, travkin.17@mail.ru)

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ АРМИИ В ИНДОНЕЗИИ

Аннотация: *Индонезийская армия на протяжении всей истории независимой Индонезии была одним из самых значимых институтов страны. Армия прошла через несколько этапов развития. В основу формирования Национальной Армии Индонезии был заложен синтез западной и восточной модели развития армии, а дальнейшее политическое и экономическое развитие Индонезии в XX в. привнесло ряд особенностей в создание и развитие вооруженных сил, непосредственно влияющих на положение армии в современной Индонезии.*

Ключевые слова: *развитие армии, ТНИ, политика Индонезии.*

Индонезийская армия — ТНИ (*индон.* Tentara Nasional Indonesia) начала формироваться в 1945–1952 гг. и по своему составу была крайне неоднородна. В ее состав вошли Представители Голландской Колониальной Армии — КНИЛ (*нидер.* Koninklijk Nederlandsch-Indisch Leger), которые видели будущую армию Индонезии аполитичной и профессиональной, и добровольцы, созданной японцами Армии Защитников Родины — ПЕТА (*индон.* Pembela Tanah Air), отличавшихся патриотизмом и поддержкой прямого вмешательства армии в политику страны. Это привело к синтезу двух идей о роли армии в государстве. Вооруженные силы совмещали профессионализм с безграничным патриотизмом

и вовлеченностью в процесс национальной борьбы за независимость [Панченко 1994: 20–27].

В период 1945–1949 г. политическая элита республики была слишком занята внутренними спорами и была неспособна хоть как-то справиться с агрессией войск союзников. Поэтому армия консолидировалась перед лицом военной угрозы. Также в этот период начала формироваться «двойная функция армии» (*индон. Dwifungsi*). Из-за недостатка снабжения и парализованности центральной власти армия была вынуждена взять на себя заботу снабжения личного состава и занять гражданские должности на местах [Мирский 1970: 173]. «Двойная функция армии» окончательно оформится во времена президентства генерала Сухарто (1967–1998), но слияние военных и гражданской власти и вовлеченность армии в экономику зарождалось именно в этот период.

После колониальной войны позиции армии укреплялись за счет участия ТНИ в подавлении оппозиционных, террористических и сепаратистских движений в Индонезии в 1945–1970-е гг. [Цыганов 1992: 91–96].

Правительственные кабинеты распадались, а центральная власть во главе с Сукарно не могла выработать единую экономическую и социальную политику [Цыганов 1992: 96–104].

Именно в этих условиях армия начала восприниматься как наднациональная и стабилизирующая сила, способная не только защитить государство от распада, но и модернизировать страну. Армия продолжала усиливать свои позиции на местном уровне и в экономике, стали все чаще высказываться мнения о необходимости все большего влияния на политический процесс в Индонезии стране. Тем не менее, командование ТНИ не собиралось устанавливать единоличную диктатуру военной хунты, как это было, например, в Чили, а пойти по турецкому сценарию и сосуществовать наравне с гражданской властью, лишь иногда вмешиваясь в политическую жизнь страны, но при этом сохраняя большой авторитет в обществе и вовлеченность в экономику и сферу бизнеса страны [Petrik Matanasi 2019].

В 1950-е гг. армия быстро становится влиятельным игроком индонезийской политики, и вскоре становится в оппозицию президенту Сукарно.

В 1967 г. армия окончательно отстранила президента от власти. В стране на больше чем 30 лет установился авторитарный режим генерала Сухарто. За этот период армия укрепилась в экономике страны, окончательно была оформлена «двойная функция армии». Теперь военные были введены в парламент, и им официально было разрешено совмещать гражданские и военные должности. Также армия в период «Нового порядка» также стала главным инструментом репрессий в стране.

В последние годы режима Сухарто армия окончательно закрепила свои позиции. Армия, несмотря на свои внутренние разногласия и неоднородность формирования в 1945–1952 гг., была едина в защите государства и своих интересов, а также основным рычагом подавления любой оппозиции режиму.

В 1998 г. режим Сухарто пал. Новое демократическое правительство объявило о ряде демократических реформ, в том числе была объявлена и реформа армии.

В период 1998–2004 гг. правительство достигло некоторых успехов в области реформирования армии: военные были выведены из парламента. «Двойная функция» была отменена на бумаге, но в реальности некоторые полномочия военных сохраняются и по сей день. Однако армия по-прежнему присутствовала в экономике и зачастую злоупотребляла полномочиями.

В период экономической и политической нестабильности 1998–2004 гг. TNI вновь начала позиционировать себя как наднациональная и стабилизирующая сила. Более того, первые два президента демократической Индонезии при возникновении любых противоречий с парламентом и угрозы импичмента старались в той или иной степени опереться на армию в целях удержать власть [Marcus Mietzner 15–27].

Тем не менее, с 2004 г. реформа армии не продвинулась дальше, а наоборот в период второго срока президента С. Б. Юдойоно

(2009–2014) появились тенденции к возвращению армии в политику страны. Эти тенденции еще больше усилились во время первого срока Джоко Видодо (2014–2019). ТНИ вновь набирает авторитет в обществе, бывшие военные все чаще участвуют в выборах, в том числе и в президентских, (бывший генерал спецназа, а с октября 2019 г. министр обороны, Прабово Субианто участвовал в выборах 2014 и 2019 гг.), более того военные все чаще заявляют о своем желании получить избирательные права. Правительство частично восстанавливает программы времен Сухарто. Например, программу помощи ТНИ сельскому хозяйству («Армия идет в деревню») [Другов 2018: 103], также некоторые губернаторы провинций по причине нехватки кадров на местах отдают гражданские должности военным и привлекают их в многочисленные проекты по улучшению жизни в провинции. Помимо прочего, правительство не делает никаких шагов по ликвидации бизнеса военных и выводу активов армии из экономики страны.

Итак, многие черты армии имеют исторические предпосылки, такие как: вовлеченность в экономику, связи с деревней, попытки оказывать влияние на внутреннюю политику государства, позиционирование себя как наднациональная, стабилизирующая и, в некоторых случаях, единственная модернизационная сила, способная защитить государство от распада, внутренней дестабилизации, внешних атак, а также в случае необходимости косвенно самой взять власть в свои руки и навести порядок [Другов 2016: 43].

Армия формировалась на основе синтеза двух разных идей о роли армии в стране. Этот синтез идей до сих пор заложен в основе ТНИ и продолжает играть свою роль. Вооруженные силы Индонезии на данный момент имеют ряд серьезных внутренних противоречий, однако на примере истории можно увидеть, что армия с легкостью мобилизует и консолидирует силы перед лицом угрозы своим интересам [Made Supriatma 2019: 2–4].

На протяжении всей своей истории армия была так или иначе связана с экономикой. Проблема вовлеченности вооруженных сил в экономику несет в себе множественные риски, начиная от

неконтролируемости деятельности вооруженных сил, заканчивая тем, что контроль со стороны армии является тормозом к развитию бизнеса и экономики. На сегодняшний день правительство предпринимает недостаточно действий для ликвидации бизнеса военных и вывода их активов из экономики.

Вооруженные силы в Индонезии всегда демонстрировали свой интерес к влиянию на политический процесс в стране, новый и самый наибольший подъем таких настроений отмечается прямо сейчас. Однако, на мой взгляд, заигрывания центральной гражданской власти с армейскими кругами могут привести лишь к усилению позиций армии в экономике и политике, но не приведут к установлению диктатуры военной хунты, так как история развития Национальной Армии Индонезии свидетельствует о том, что армия хоть и проявляет интерес к власти, но никогда не стремилась к единоличному правлению.

Таким образом, на основе анализа истории и текущих тенденций развития ТНИ можно наблюдать, что армейская элита решила действовать по примеру турецких вооруженных сил, то есть иметь достаточный уровень профессионализма и патриотизма личного состава, сохранять свои позиции в экономике, в политике и власти, не продвигать и открыто не поощрять инициативы сильного реформирования вооруженных сил и вмешиваться во внутриполитический процесс только в исключительных ситуациях.

Литература

1. *Другов А. Ю.* Индонезия в 2015 году. Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. Вып. XXX (№ 30, 2016). М.: ИВ РАН, 2016.
2. *Другов А. Ю.* Индонезийская армия и демократические реформы. Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. Т. I, № 1 (38). М.: ИВ РАН, 2018.
3. *Мирский Г. И.* Армия и политика в странах Азии и Африки. М.: Наука, 1970.
4. *Панченко Л. П.* Армия и модернизация общества (опыт Индонезии). М.: Наука, Восточная литература, 1994.
5. *Цыганов В. А.* История Индонезии. Ч. 2: Учебник. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1993.

6. Made Supriatma. Tensions among Indonesia's Security Forces Underlying the May 2019 Riots in Jakarta. Singapore: Perspective № 61, 2019.

7. Mietzner M. The Politics of Military Reform in Post-Suharto Indonesia: Elite Conflict, Nationalism, and Institutional Resistance, 2006.

8. Matanasi P. Abdul Haris Nasution Si Penggagas Dwifungsi ABRI. URL: <https://tirto.id/abdul-haris-nasution-si-penggagas-dwifungsi-abri-cv3x> (дата обращения: 10.05.2020).

P. S. Travkin (*Saint-Petersburg State University, St. Petersburg,*
travkin.17@mail.ru)

SPECIAL FEATURES OF THE DEVELOPMENT OF THE INDONESIAN ARMY

Annotation: *Indonesian army during the history of independent Indonesia was one of the most important institutions of the country. The army had several stages of its development. It was based on the synthesis of western and eastern type of army's development. The further political and economic development of Indonesia in XX century brought some features in the establishment and development of the armed forces which still have an impact on the army's place in contemporary Indonesia.*

Keywords: *Development of army, the TNI, the Policy of Indonesia.*

Фролова М. В.

(Институт стран Азии и Африки МГУ им. М. В. Ломоносова,
Москва, m.v.frolova@gmail.com)

**РОМАН «КРАСОТА НАНОСИТ РАНЫ»
«ИНДОНЕЗИЙСКОГО МАРКЕСА» ЭКИ КУРНИАВАНА
КАК ПОСТМОДЕРНИСТСКИЙ САДУРАН**

Аннотация: Дебют индонезийского писателя Эки Курниавана (род. 1975) «Красота наносит раны» (*Santik itu Luka*, 2002) был изначально принят критиками за неудачную копию культового романа «Сто лет одиночества» Г. Г. Маркеса. На первый взгляд, роман относится к магическому реализму, патентованному латиноамериканскому художественному методу, оказавшему сильнейшее влияние на литературы ускоренного развития постколониальных стран Азии и Африки.

Однако, при детальном рассмотрении, поэтика рассматриваемого текста соответствует основным положениям, характерным для постмодернистской концепции мира художественного произведения. Похищая у Маркеса образы персонажей и целые сюжеты, Эки Курниаван встраивает их в свое постмодернистское повествование, осознанно возвращает популярную в начале XX в. практику садурана, пересказа иностранной литературы с перенесением действия в Нидерландскую Ост-Индию.

Ключевые слова: Эки Курниаван, магический реализм, Гарсия Маркес, современная индонезийская литература, интертекст, индонезийский постмодернизм.

Дебют индонезийского писателя Эки Курниавана (род. 1975) «Красота наносит раны» (*Cantik itu Luka*, 2002) был изначально принят критиками за неудачную копию культового романа «Сто лет одиночества» Г. Г. Маркеса. Сага о гибели пяти поколений одной семьи на протяжении нескольких десятилетий новейшей истории Индонезии, начиная с конца колониального мира и до 1997 г., полна сверхъестественными событиями. Сюжеты о прекрасной слабоумной девушке, о свадьбе девочки и взрослого бандита, о роковой любви жестокого военного, о страстях в борделе, о хитром поясе целомудрия, о рождении чудовища в результате запутанных инцестуальных связей в одном роду, над которым тяготеет проклятие, вторят аналогичным сюжетам в романе Маркеса. На первый взгляд, роман относится к магическому реализму, патентованному латиноамериканскому художественному методу, оказавшему сильнейшее влияние на литературы ускоренного развития постколониальных стран Азии и Африки.

Однако, при детальном рассмотрении, поэтика рассматриваемого текста соответствует основным положениям, характерным для постмодернистской концепции мира художественного произведения. «Магический реализм» Эки Курниавана, возникший в окружении постмодернистской культуры, несет в себе многие ее основополагающие черты. Привлекательность текста обеспечивается за счет «фирменного» обращения писателя к кодам массовой литературы. Его персонажи колоритны: голландцы, партизаны, японские солдаты, военные, заключенные, сумасшедшие, проститутки, коммунисты, бандиты, красавицы и «чудовище» по имени «Красавица» (Чантик, младшая дочь Деви Айю), имамы и призраки. Несмотря на множество узнаваемых сюжетов и образов, эти персонажи не являются точными копиями, а могут одновременно мимикрировать под двоих или троих из «Сто лет одиночества», но без явной отсылки к одному референту. Например, в образе Деви Айю мерцают Пилар Тернера, Петра Котес, Урсула и Амаранта. Шире, центральный женский персонаж саги, Деви Айю, демонстрирует лишь различные тексты, в которых отражается та или иная цитата, поданная как загадка для читателя. При этом с помощью ее

образа разбиваются религиозный, логоцентрический и фаллоцентрический дискурсы (сцена воскрешения, травестийное снижение плана святости и т. д.). Особенности симуляционных заимствований не в плагиате, а в ироничной интертекстуальной игре. Эка Курниаван предлагает читателю угадать, какие именно персонажи и сюжетные ходы имитируют подобные у его колумбийского предшественника, а какие он берет из местной фольклорно-мифологической традиции и индонезийской истории. Похищая у Маркеса образы персонажей и целые сюжеты, Эка Курниаван встраивает их в свое постмодернистское повествование, осознанно возвращает популярную в начале XX в. практику садурана, пересказа иностранной литературы с перенесением действия в Нидерландскую Ост-Индию. Заимствования служат доказательством традиционной индонезийской восприимчивости к разнообразным внешним воздействиям. Индонезийская цивилизация испытала на себе волны разных влияний — индийскую, ближневосточную, европейскую, в которой литературные вкусы всегда подстраивались под общую культурную парадигму. Обращение к латиноамериканскому магическому реализму говорит и о расширении литературных границ, и об ироничном переосмыслении практики садурана в рамках интертекстуальных связей между текстами и неизменной иронии и черного юмора; благодаря своей смелости, провокационности и мастерству Эка Курниаван и стал одним из ведущих писателей Индонезии, получивших мировое признание.

M. V. Frolova (*Lomonosov Moscow State University Moscow,*
m.v.frolova@gmail.com)

BEAUTY IS A WOUND BY “INDONESIAN MÁRQUEZ” EKA KURNIAWAN AS A POSTMODERN SADURAN

Abstract: *The debut novel Beauty is a Wound (Cantik itu Luka, 2002) by Indonesian writer Eka Kurniawan (born in 1975) was received by critics for not a good copy of the cult fiction One Hundred Years*

of Solitude by G.G. Márquez. At the first sight, the style of the novel is akin to magic realism, the well-known style of fiction due to Latin American literature with its huge impact on the emerging literatures of postcolonial Asian and African countries. But the closer look upon the poetics of the Eka Kurniawan's text reveals the corresponding ties with guidelines of postmodernist concept of fiction. Stealing the ideas from Márquez, Eka builds them into his own postmodern narrative, and makes the return of the saduran practice from the early years of XX century — the retelling of the foreign literature set in Dutch East Indies.

Keywords: *Eka Kurniawan, magic realism, García Márquez, contemporary Indonesian literature, intertext, Indonesian postmodernism.*

Харитонов А. М.

(Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, a.kharitonova@spbu.ru)

**РЕФОРМЫ ПЕТРА ВЕЛИКОГО И ИМПЕРАТОРА
МЭЙДЗИ КАК ОДИН ИЗ ИДЕЙНЫХ
СТИМУЛОВ ВЬЕТНАМСКОГО
НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО
ДВИЖЕНИЯ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX вв.¹**

Аннотация: *Национально-освободительное движение в среде патриотически настроенных вьетнамцев стало зарождаться на рубеже XIX–XX вв. Помимо прочего на начальном этапе на него значительное идейное влияние оказал пример успешных реформ, проводившихся в России при Петре Великом и в Японии в эпоху Мэйдзи. Этот успешный опыт транслировался в различных сферах жизни вьетнамского общества, в том числе — в литературе. Он использовался, чтобы пробудить патриотические настроения в стране, обосновать идею государственной модернизации и проиллюстрировать возможность проведения внутри страны реформ сверху.*

Ключевые слова: *Вьетнам, национально-освободительное движение, Петр I, эпоха Мэйдзи*

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20–09–42018 («Образ Петра Великого в странах Восточной Азии: социокультурная интерпретация и адаптация»)

В 1887 году французские владения в Индокитае были объединены в единый Индокитайский союз, в который входил и Вьетнам, разделенный на Тонкин, Аннам и Кохинхину. На рубеже XIX–XX вв. в среде патриотически настроенных вьетнамцев, недовольных колониальной зависимостью своей страны от Франции, стало зарождаться национально-освободительное движение. В идейном плане на становление вьетнамского национально-освободительного движения повлияли: 1) социально-экономические изменения в обществе, произошедшие в результате интенсивного влияния французской колониальной системы; 2) труды французских просветителей XVIII века (Д. Дидро, Ж. Руссо, Ш. Монтескье); 3) китайские реформаторы Кан Ювэй и Лян Цичао; 4) сведения об удачных реформах в других странах, в частности — Петра Великого в России и, особенно, успех японской модернизации (реформы Мэйдзи), подкрепленный, в глазах вьетнамцев, победой Японии в русско-японской войне 1904–1905 гг.

К наиболее активным патриотическим движениям и организациям того времени можно отнести: 1) «Поддержим короля» (*Phong trào Cần Vương*) — движение в поддержку монархии и партизанское движение за обретение независимости, действовавшее в период с 1885 по 1896 гг. 2) «Общество обновления Вьетнама» (*Việt Nam Duy Tân Hội*) — политическая организация (1904–1912), созданная по инициативе идеолога Фан Бой Тяу (*Phan Bội Châu*), выступавшая за изгнание колонизаторов и установление конституционной монархии по японскому образцу; 3) «Движение на Восток» (*Đông Du*) — созданное в начале XX века, оно способствовало организации учебы вьетнамской молодежи в Японии; 4) «Тонкинская общественно-просветительская школа» (*Đông Kinh Nghĩa Thục*) — образовательное учреждение, существовавшее в 1907 г. и ратовавшее за осуществление социальных реформ во Вьетнаме; 5) «Общество возрождения Вьетнама» (*Việt Nam Quang Phục Hội*) — было создано в 1912 г. под влиянием Синьхайской революции в Китае и преследовавшее в качестве основной цели — обретение государственной неза-

висимости и установление республиканского демократического строя.

С национально-освободительным движением связано появление новых явлений в разных сферах общественной жизни Вьетнама, в том числе в литературе. В 1905–1906 гг. в произведениях вьетнамских авторов стали упоминаться Россия, Петр Великий, реформы Мэйдзи. Например, в поэме «Песнь Азии» (*Á té Á sa*) Россия описана великой, сильной и богатой страной, рассказывается о реформах Мэйдзи и причинах победы Японии в войне с ней. В этой поэме также упоминается столица Санкт-Петербург (*Bỉ Đắc*). В другом анонимном стихотворении «Разговор о пяти континентах» написано о России, поразившей автора своими размерами. Чтобы ответить на вопрос, что сделало Россию великой, автор значительную часть стихотворения посвящает рассказу об императоре Петре Великом, его реформах и военных победах. Главным фактором, приведшим к успехам, названо просветительство, проводником которого показан русский царь: *«Поехал в страну Англию, в страну Голландию, // Научился корабельному делу, // Вернулся, своих людей обучил... // Во времена цивилизации и прогресса // Каждый обновляется...»*.

Подобные произведения создавались вьетнамскими поэтами с целью подъема патриотических настроений в стране, а также для того, чтобы обосновать идею модернизации вьетнамского государства, весьма волновавшую участников национально-освободительного движения. Успех реформ Петра Великого в России и реформ эпохи Мэйдзи в Японии, использовался вьетнамскими просветителями конца XIX-начала XX века как идейный импульс и как иллюстрация возможности проведения внутри страны реформ сверху. Однако, в силу исторических перемен, методы и идейная наполненность национально-освободительного движения стали меняться, о чем свидетельствует вся дальнейшая история Вьетнама.

A. M. Kharitonova (*St. Petersburg State University, St. Petersburg,
a.kharitonova@spbu.ru*)

**REFORMS OF PETER THE GREAT AND MEIJI EMPERORS
AS IDEOLOGICAL FACTOR OF NATIONAL LIBERATION
MOVEMENT AT THE END OF THE XIXth AND THE BEGINNING
OF THE XXth CENTURIES**

Abstract: *The national liberation movement among patriotic elements of the Vietnamese society began to emerge at the turn of the XIX–XX centuries. At the initial stage to some extent it was influenced by the example of successful reforms carried out in Russia under Peter the Great and in Japan during the Meiji era. This successful experience was popularized in various areas of the life of Vietnamese society, including literature. It was used to arouse patriotic feelings in the country, to substantiate the idea of state modernization and to illustrate the possibility of reforms by the ruler within the country.*

Keywords: *Vietnam, national liberation movement, Peter I, Meiji era.*

Kharitonova A. M.

(St. Petersburg State University, St. Petersburg,
a.kharitonova@spbu.ru)

THE HISTORICAL STATES OF THE EASTERN INDOCHINA IN THE WOODCUT “ILLUSTRATED TRIBUTARIES OF THE QING EMPIRE”¹

Annotation: *The illustrated woodcut album “Huang Qing zhi gong tu” contains historical and ethnographic information about 265 countries and regions of the world. The talk discusses material on three historical states of eastern Indochina: “Annam” (Annan 安南), “Lan Xang” (Nanzhang 南掌) and “Cambodia” (Dongpuzhai, 柬埔寨). Information about the states and peoples can be divided into 3 topics: geographical description, political history (including the history of relations with China) and ethnographic information.*

Keywords: *Qing Empire, Indochina, tributaries, “Huang Qing zhi gong tu”.*

The woodcut album “Huang Qing zhi gong tu” (“Illustrated Tributaries of the Qing Empire”, XVIII century) contains 598 annotated illustrations depicting the population of 265 countries and regions of the world. In the album you can find drawings of residents of the countries of

¹ The reported study was funded by RFBR according to the research project № 19–09–00218 The Chinese Historico-Ethnographic Album “Illustrated Tributaries of the Qing Empire” (“Huang Qing zhi gong tu”) and its Role in Studying the Chinese Worldview on Other Countries and Nations in the mid-18th Century.

the island and mainland of Southeast Asia. This information is presented in the first notebook of the album.

The talk discusses material on three countries of eastern Indochina — Vietnam, Laos and Cambodia. They appear under the names Annam (Annan 安南), Lan Xang (Nanzhang 南 掌) and Cambodia (Dongpuzhai, 东埔 寨), respectively. The Vietnamese are shown in six paired drawings (families of officials, commoners and representatives of the Miao people), Lao — in four (families of officials and commoners), Khmers — in two (ordinary family). Information is first provided with geographical, then historical, and at the end ethnographic content in the descriptions attached to the drawings. In this you can trace the reiteration. The closer the state was to the Qing Empire, the more informative the description of it. Information about the Vietnamese and Laotians is voluminous; the Khmer is written concisely. In view of the immediate proximity of Annam and Lan Xang to the Qing Empire, descriptions of these states are distinguished by detailed historical background and details of ethnographic features. The history of relations with China occupies an important place in the historical parts of the description. In this case, factual errors and errors in the information about the ruling elites of the states can be noticed. In the ethnographic section, a description of peoples is given along the points: 1) male and female costumes; 2) distinctive attributes of the people (carrying weapons, the presence of a specific hairstyle); 3) household features, occupation (growing elephants, weaving the mats, salt production); 4) features of a national character.

The woodcut offers important data for studying the ideas of the Chinese about the history and life of the peoples who inhabited the territory south of the Qing Empire.

Яковлева Е. А.

(Московский государственный институт международных
отношений, Москва, yel.yakovleva@yandex.ru)

К ВОПРОСУ О ПЕРИОДИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ЛАОСА

Аннотация: В докладе сделана попытка прояснить и дополнить представления об исторических этапах, пройденных Лаосом со времени создания его народом основ своей государственности. Акцент сделан на политическом аспекте эволюции Лаоса.

Ключевые слова: мыанг, тяумыанг, государственно-политическая децентрализация, Меконг, Лансанг, буддизм тхеравады, Лаос.

История лаосского государства по ряду причин изучена значительно слабее, чем исторические пути его соседей по региону. Хотя основные этапы политической эволюции Лаоса известны в самых общих чертах, они зачастую привязаны к именам лаосских монархов, а не к результатам довольно сложной динамики первичных государственных образований — мыангов (один из возможных вариантов перевода — княжество), во главе которых вплоть до французской колонизации стояли их родовые правители — тяумыанги. Социально-экономические процессы в Лаосе, отгороженном от основных морских и материковых коммуникаций более быстро развивающимися соседями, были крайне замедленными. Это однако не исключило выраженного своеобразия политического пути тяготеющих к Меконгу лаосских государственных образований. До начала

XVIII в., когда перестало существовать единое, но не успевшее завершить формирование устойчивых структур централизованной власти государство лаосцев (этноним — лао) — Лансанг, поэтапно были решены три фундаментальные задачи. Первая — территориальное обособление населенных лаосцами земель от ослабевшей к XIV в. кхмерской империи Камбуджадеши. Вторая — этнографическое и политическое противопоставление Лансанга сиамскому королевству и выход на позиции партнерского равноправия с ним. Третья — завершение начатого в 1404 г. процесса превращения в официально зарегистрированного в Китае данника. В рамках существования Лансанга, начиная с традиционно приводимой даты — 1353 г., когда северолаосский тямуманг — завоеватель, ставший королем Фангумом, «очертил» в районе Среднего Меконга почти правильный эллипс, который обозначил весьма точно границы земель, в той или иной мере компактно заселенных лао, и до его распада в 1707–1713 гг., стоит выделить два судьбоносных для Лаоса события. Это официальное введение буддизма тхеравады в Лансанге королем Пхотхисалатом в 20-е гг. XVI в., что, в свою очередь, ставит под сомнение приоритет кхмеризированного буддизма в Лаосе и заставляет обратиться к более раннему (монскому) варианту этого вероисповедания как к первооснове тхеравадизации лао. Вторым рубежным событием в истории Лаоса в указанный период стала бирманская военная кампания XVI в., приведшая к переносу столичного района с севера (Луангпхабанг) почти точно в геометрический центр упомянутого «эллипса» — в окруженный значительно более обширными рисоводческими угодьями Вьентьян (1563 г.). Это сразу придало ощутимый импульс социально-политическому развитию Лансанга, отдалив местопребывания его руководства от Бирмы и Китая и приблизив к коммуникациям с дружественным тогда Сиамом, а также позволив осваивать стратегически важные центральные земли Индокитайского полуострова.

Распад Лансанга на три независимых друг от друга королевства в 1707–1713 гг. так и не был преодолен в доколониальные времена. Этот почти двухвековой период представляет собой самостоятельную

эпоху — эпоху государственно — политической децентрализации, во время которой ощутимо динамизировались социально-политические и военно-политические процессы в Лаосе, значительно развив культурно-идеологическое самосознание лао. Стратегическим противником в это время становится направивший свою экспансионистскую активность на восток и преуспевший в этом Сиам. В обозначенный период в лаосском национальном сознании зарождается и утверждается стойкий антисиамизм.

Период французского колониализма в Лаосе (1893–1953) в целом представляется достаточно гомогенным с точки зрения периодизации, подтверждением чего является то, что формальный Договор о протекторате был подписан Францией с Лаосом лишь в 1941 г., да и то под воздействием агрессивных военно-политических и идеологических действий Японии. Колониальные реформы 1946–1953 гг. в Лаосе были стандартными для всех других частей Французского Индокитая, они не отменили того факта, что главным во взгляде Парижа на Лаос оставалась стратегическая «отложенность» его всесторонней эксплуатации.

Не имея реальной возможности отстоять провозглашенную 12 октября 1945 г. группой аристократов и разночинцев независимость от Франции с опорой на англо-американцев (эти события были в той или иной мере синхронизированы с Августовской революцией во Вьетнаме), Лаос получает в 1953 г. независимость, «дарованную» Парижем под нажимом Вашингтона. Таким образом, последовавший за этим период американского, прежде всего, финансового, доминирования над вьетнамской элитой был логическим продолжением зависимого развития Королевства Лаос, несмотря на то, что на лаосской политической арене весьма ярко и самобытно проявили себя такие нейтраллисты, как Суваннафума и его ближайшие сподвижники, а также руководители НРПЛ/ПФЛ (Кейсон Фомвихан, Фуми Вонгвичит, Суфанувонг), причем вынужденная ориентация последних на ПТВ отнюдь не была их единственной характеристикой. Не случайно нейтраллисты и «левые», пусть ненадолго, но объединились в рядах Третьего коалиционного правительства

(1974–1975), в котором последовательно проамериканские деятели уже не могли играть никакой роли и в мае 1975 г. бежали из страны.

Период 1975 г. — рубеж 80–90 гг. XX в. — период ориентации ЛНДР на советско-вьетнамскую модель развития. Несмотря на слабое практическое соответствие стандартам страны, строящей социализм, именно на этом этапе происходит важнейший процесс создания целостного лаосского национального сообщества. В прошлое уходит традиционная и крайне затянувшаяся в Лаосе регионально — мыанговая разобщенность, тесно связанная с патриархальными устоями и натуральным хозяйством. Последнее, правда, очень непросто уступает свои позиции.

Смысловым стержнем современного этапа политической истории Лаоса, на наш взгляд, является его членство в АСЕАН (с 1997 г.). Впервые в истории своей формальной независимости лаосское государство в качестве члена солидной интеграционной группировки выходит на позиции субъекта международных отношений. Очевидным, правда, является и то, что функционально ЛНДР оказывается все более прочно привязанной к «китайскому флангу» АСЕАН. Впрочем, дальнейшая политическая эволюция не только Лаоса, но и других стран региона Большой Восточной Азии неизбежно связана как с поведением КНР, так и с общей перестройкой системы международных отношений, особенно в «послевирусный» период.

E. A. Yakovleva (*Moscow State Institute for International Relations, Moscow, yel.yakovleva@yandex.ru*)

THE PHASES OF THE POLITICAL EVOLUTION OF LAOS

Abstract. *The author seeks to explain and perfect the understanding of the historical phases Laos underwent since the foundation of early forms of statehood by its people. The author stresses the political aspect of the evolution of Laos.*

Keywords: *meuang, chau meaung, decentralization of state, Mekong, Lan Xang, Theravada Buddhism, Laos.*

Янковская А. А.

(МЭ РАН, Санкт-Петербург, vulpecula@list.ru)

КАРО-БАТАКСКИЕ ТКАНИ В КОЛЛЕКЦИЯХ МАЭ И СОВРЕМЕННОЙ ИНДОНЕЗИИ

Аннотация: Доклад посвящен обзору основных типов тканей уис и их функций в современной культуре батаков каро (о. Суматра, Индонезия). Окрашенные индиго темно-синие ткани, представленные в батакских коллекциях МАЭ РАН (Кунсткамеры), сегодня почти вышли из употребления. Современный репертуар уисов составляют ткани в красных, пурпурных и других тонах, причем за каждым из приблизительно 20 типов закреплены определенные цвета, композиция и функции. Как и внешний вид уиса, его роли в культуре каро претерпевают постоянную эволюцию.

Ключевые слова: ткани, уис, батаки каро, Суматра

Ткаческие традиции батакских народов, населяющих индонезийскую провинцию Северная Суматра, принадлежат к древнейшим в Юго-Восточной Азии. В наши дни ткани, произведенные на наспинных ткацких станках и известные в первую очередь под тоба-батакским названием *уис*, продолжают бытовать среди батаков в различных, преимущественно ритуальных, контекстах. Для каждой из подгрупп батакских народов характерен определенный репертуар таких тканей, отличающий их от соседей. Репертуару одной из них, батаков каро, посвящено настоящее сообщение,

основанное на полевых наблюдениях в Индонезии в 2015 и 2018 гг. Каро-батакские ткани (*уис*) и ткацкие станки представлены в коллекциях МАЭ РАН (Кунсткамеры), отражающих состояние ткаческой традиции этого народа в конце XIX в. К сожалению, на сегодняшний день техники производства *уисов* были почти полностью утрачены каро. Тем не менее, эти ткани продолжают производиться для них соседними группами и сохранять свои функции в каро-батакской культуре.

Уис представляет собой прямоугольный кусок домотканой материи, изготовленный на наспинном ткацком станке с применением техник *икат* и *сонгкет*. Размеры *уисов* варьируются, в ширину они не превышают ширины станка, а с двух, более коротких сторон, как правило, украшены бахромой из скрученных нитей основы. Для композиции *уиса* характерно его деление на три поля — широкое центральное и две более узкие боковые панели. Орнаментация имеет геометрический характер и выполняется двумя способами. Почти все *уисы* имеют рисунок в виде продольных полос, реже ромбов или зигзагов, достигаемый путем предварительного крашения нитей основы (техника *икат*). Большинство тканей также украшается дополнительной орнаментацией вдоль утка при помощи металлизированной нити (*сонгкет*). Ранние образцы каро-батакских тканей изготовлены из хлопковой пряжи с применением натуральных красителей, однако в современном производстве *уисов* все более широкое распространение получают синтетические материалы, а также использование готовой окрашенной основы.

Репертуар каро насчитывает около 20 различных типов *уиса* [Sitepu 1998: 47–59], каждый из которых имеет определенные цветовую гамму, композицию и функции. *Уис* является многофункциональным предметом одежды, способным выступать в роли наплечного платка, саронга или головного убора. В прошлом эти ткани были частью повседневного костюма каро, однако в XX в. они были постепенно вытеснены одеждой европейского и общеиндонезийского типов. Тем не менее, до сегодняшнего дня *уис*

остается неотъемлемым элементом обрядов жизненного цикла, и в меньшей степени других праздников и гражданских торжеств, таких как сельскохозяйственный фестиваль *Kerja Tahun* и празднование Дня независимости Индонезии. Для носителей культуры характерна ярко выраженная ассоциация *uisa* с семейными событиями, он считается обязательным элементом костюма для свадеб и похорон, а также выступает предметом дарения в ходе таких практик, как *mereken uis* и преподнесение *pinggan pasu*. *Уисы* носят, дарят, покупают и продают, а также хранят в шкафах и передают по наследству.

Внешний вид каро-батакских тканей претерпел значительные изменения за последние полтора столетия, в ходе которых на смену темно-синей цветовой гамме пришла ярко-красная. Окрашенные индиго темно-синие *уисы* можно до сих пор увидеть в домах каро, где они хранятся как семейные реликвии, а также в музейных и частных коллекциях по всему миру. Ткани этого типа представлены в батакских коллекциях МАЭ РАН (Кунсткамеры), собранных и переданных музеем в конце XIX — начале XX в. В коллекциях № 381 (собиратель Г. Мейсснер, поступила в 1897 г.) и № 855 (К. Машмейер, 1904 г.) можно найти не только *уисы*, но также образцы пряжи и ткацкие станки [см. Ревуненкова 1995]. Примечательно, что в конце XIX в., когда собирались эти коллекции, репертуары каро и соседних батакских групп не были четко разграничены и во многом пересекались. Одни и те же типы *uisa/ulos* могли бытовать и у каро, и у тоба, различались лишь их названия.

Uis teba переводится буквально как «*уис* тоба», среди самих тоба он известен как *ulos bolean*. Для этого типа характерна простая композиция, состоящая из широких полос темно-синего цвета, перемежающихся тонкими светло-голубыми. Раньше такие *уисы* носились в качестве саронга или женского головного убора *tudung*, сегодня их почти не используют, но продолжают хранить в домах. Во время поездки в Индонезию в 2018 г. я видела схожие образцы *uis teba*, возраст которых оценивался информантами как более

чем 50 лет, в сувенирной лавке на о. Самосир и в частном доме в каро-батакской деревне Синга. В коллекциях МАЭ этот тип *уиса* представлен под № 381К-18 и № 855–109, 110 и 111.

Два других распространенных типа синих *уисов* — *uis julu* и *uis suri-suri*. Название последнего совпадает у батаков каро и тоба и переводится как «щетка». Для этого типа характерны частые светлые полосы, заполняющие центральное поле темно-синей ткани (№ 381К-29). Класс *uis julu* (*ulos sibolang* у тоба) включает в себя различные вариации больших синих тканей, наиболее красивые из которых отличаются геометрическим рисунком с плавными переходами цвета, выполненным в технике икат. В коллекциях МАЭ можно найти более простые разновидности этого типа, для которых характерно частое переплетение темных и светлых нитей на центральном поле (№ 381К-16, 17; № 855–113).

На сегодняшний день техники производства синих тканей с использованием натуральных красителей практически утрачены батаками, а старые образцы служат преимущественно объектами коллекционирования и хранения. И каро, и тоба редко используют такие ткани в своих ритуальных практиках, предпочитая *уисы* и *улосы* более ярких расцветок. Современные образцы синих тканей производятся с использованием искусственных красителей, встречаются грубые имитации икатного рисунка, выполненные печатью поверх ткани. Синие *уисы*, бытующие сегодня среди каро, отличаются от более ранних образцов дополнительной орнаментацией металлизированной нитью в технике *сонгкет*.

Uis gatip и *uis jungkit mbiring* сочетает в себе икатный рисунок светло-синего цвета и поперечные ряды золотистого орнамента. *Uis gatip* служит обязательным элементом костюма жениха и носится на поясе поверх брюк; также его могут использовать как покрывало для тела покойника. *Uis jongkit mbiring* также надевается на свадьбу, как мужчинами, так и женщинами. Кроме того, существует современная вариация *uis julu*, которую невеста и ее родственницы носят на поясе поверх длинного саронга. Такой *уис* имеет черные боковые

панели и однотонное центральное поле достаточно яркого синего цвета и украшен поперечными полосами золотистого орнамента.

Современный репертуар *уисов*, бытующих сегодня среди каро и получивших распространение после формирования батакских коллекций МАЭ, составляют в первую очередь ткани в красных и пурпурных тонах. Среди наиболее распространенных типов можно назвать красные *ragi barat* и *beka buluh*, пурпурные *uis gara* и *uis jongkit siwah*, а также многоцветный *uis nipes*.

Ragi barat представляет собой ярко-красный *уис* с тонкими полосками желтого и белого цветов на центральном поле, украшенный орнаментом из золотистой металлизированной нити, который образует зигзагообразные линии на боковых панелях. *Ragi barat* носят невеста на свадьбе и молодые девушки как часть «традиционного костюма» для танцев. Он используется чаще всего в качестве женского головного убора *тудунг*, реже обертывается вокруг талии поверх саронга или накидывается в сложенном виде на одно плечо.

Другой красный *уис*, *beka buluh*, носится мужчинами — женихом и его родственниками во время свадебного торжества, а также молодыми людьми в составе «костюма каро» для различных мероприятий. Этот *уис* складывается треугольником и накидывается на плечи, либо используется для создания мужского головного убора *буланг-буланг*. Нередко в костюме присутствуют два *beka buluh*, на плечах и на голове. Такие ткани украшают желтые, белые и синие полосы на красном фоне и дополнительный орнамент из золотистой металлизированной нити, образующий, как и у *ragi barat*, зигзагообразные линии на боковых панелях.

Пурпурные *uis gara* (или *uis gara-gara*) и *uis jongkit siwah* объединяет их функция головного убора для замужних женщин (*тудунг*). Для обоих типов характерен икатный рисунок на центральном поле, образующий ряды ромбов. Однако *uis jongkit siwah* имеет также поперечные полосы дополнительной орнаментации золотистой нитью, которой *uis gara* лишен. *Uis gara*, как правило, надевают на похороны, тогда как *uis jongkit siwah* служит головным убором для замужних родственниц невесты на свадьбе.

Наименее строго регламентированным с точки зрения цветовой гаммы и композиции представляется популярный тип *uis nipes*, выступающий важным элементом праздничного женского костюма. Такой *уис* подбирают под цвет длинной блузки *кебайи* и носят на поясе поверх саронга или накидывают в сложенном виде на одно плечо. *Uis nipes* часто можно приобрести комплектом, состоящим из саронга и наплечного платка (*сленданг*). Такие ткани имеют икатный рисунок любых доступных благодаря современным красителям цветов и обильную дополнительную орнаментацию вдоль утка, выполненную металлизированной или неметаллизированной золотистой нитью.

Как можно видеть, со времен формирования батакских коллекций МАЭ репертуар каро-батакских тканей претерпел заметные изменения. История батакской, в том числе и каро-батакской ткаческой традиции до 2000-х гг. описана в фундаментальном труде С. А. Ниссен [Niessen 2009], однако эта традиция не прекращает видоизменяться. Появляются новые материалы и композиционные решения, а также инициативы по переносу на ткань мотивов каро-батакской архитектуры, автоматизации процесса производства и использованию *уисов* в дизайне одежды современного кроя. *Уисы* сохраняют свои ритуальные функции, но в то же время можно наблюдать, как в ряде случаев их заменяют яванскими или малайскими тканями. Как и цвет и композиция *уиса*, его функции в культуре каро претерпевают постоянную эволюцию. В этом отношении интересным направлением для исследования представляется изучение циркуляции *уисов* в сообществе и их роли как предметов дарения, обмена и наследования.

Литература

1. Ревуненкова Е. В. Коллекция батакских тканей в МАЭ // Сборник Музея антропологии и этнографии. № 46. СПб: МАЭ РАН, 1995. С. 94–107.
2. Niessen S. A. Legacy in Cloth: Batak Textiles of Indonesia. Leiden: KITLV Press, 2009.
3. Sitepu A. G. Mengenal seni kerajinan tradisional Karo. Kabanjahe, 1998.

A. A. Iankovskaia (*Museum of Anthropology and Ethnography
(Kunstkamera), St. Petersburg, vulpecula@list.ru*)

KARO BATAK TEXTILES IN THE COLLECTIONS OF THE MUSEUM OF ANTHROPOLOGY AND ETHNOGRAPHY (KUNSTKAMERA) AND IN CONTEMPORARY INDONESIA

Abstract: *The paper provides a review of the major types of uis textiles and their functions in the modern culture of the Karo Batak of North Sumatra, Indonesia. Naturally dyed blue textiles represented in the Batak collections of the Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) have all but gone out of use. The modern repertoire of uis includes red, purple and other textiles, each of the approximately 20 types associated with particular colours, design and functions. Both the designs of uis and its roles in the Karo culture are undergoing constant change.*

Keywords: *textiles, uis, Karo Batak, Sumatra.*

Bui Thi Thao

(History Department, Hue University of Education, Hue University,
Vietnam, btthao@hueuni.edu.vn; thaohasp@gmail.com)

THE SUNNYLANDS DECLARATION (2016) AND THE US — ASEAN RELATIONS IN EARLY DECADES OF THE TWENTY-FIRST CENTURY

Abstract: *The Sunnylands Declaration was issued after a two-day summit on February 15 and 16, 2016 in California (USA) between the U.S. and the ten member nations of the Association of Southeast Asian Nations (ASEAN). This is the first time the United States of America has hosted a special leaders' summit with ASEAN countries in the U.S. after nearly four decades of diplomatic relations (1977). The birth of the Sunnylands Declaration not only marks adjustment in the U.S. policy and a strong commitment of this power to Southeast Asian nations but also shows the growing role of ASEAN in complex, multifaceted changes in East Asia and Asia-Pacific. Even then, Russia (5–2016), China (11–2017) and India (1–2018) have adopted similar declarations to ASEAN, but the Sunnylands Declaration is still considered the most important. Will the changes in the U.S. foreign policy under the President Donald Trump (1–2017) and the rise of China's influence undermine the existing the U.S. engagement with ASEAN? This paper will focus on analyzing the significance of the Sunnylands Declaration and its impact for the future of ASEAN's consensus and the US-ASEAN relations in the early decades of the 21st century.*

Keywords: *Sunnylands Declaration, the U.S.- ASEAN Relations, impact, future.*

1. The ups and downs in US-ASEAN relations before the Sunnylands Summit (1977–2015)

The relationship between the United States and the Association of Southeast Asian Nations (ASEAN)¹ depends closely on the position / importance of the Southeast Asia sub-region and its role in the overall US's policy towards Asia — Pacific.

Although the U.S. used to be the power to actively promote the establishment of this association, in the early stages of ASEAN's establishment, the U.S. did not have the opportunity to intervene deeply in the organization. Because of the complex international relations in Southeast Asia, the strong development of regionalism in this region, especially after the U.S.'s failure in Vietnam War and the strategic calculations of America on the more importance of Europe at the time, the US was very cautious in establishing relations with ASEAN. Ten years after the establishment of ASEAN (1967–1977), the United States established official relations with this regional organization. Even so, decades later, the United States did not appreciate ASEAN's role as the most important multilateral cooperation organization in Southeast Asia. Under the President G. H. W. Bush (1989–1993), America's Asia strategy after the end of the Cold War period was neglected and the decline of this power in Southeast Asia is considered to create a "power vacuums" for other great powers, especially China. Under the President Bill Clinton (1993–2000), the United States adjusted that restriction and formulated

¹ ASEAN was officially established on 8/8/1967 in Bangkok (Thailand), initially consists of 5 countries: Indonesia, Malaysia, Singapore, Philippines and Thailand. Brunei is the 6th member (1984). On July 28, 1995, Vietnam joined ASEAN, then Laos, Myanmar (1997) and Cambodia (1999), made ASEAN a regional association. From this time, ASEAN step by step perfected its institutions and expanded the scope of cooperation outside the region through open and multifaceted cooperation mechanisms; constantly asserting a strong role in Southeast Asia, Asia and over the world. Currently, the 11st country in Southeast Asia is the Democratic Republic of Timor Leste, established in May 2002, is an observer of ASEAN. In the 9th ASEAN Summit (Bali, Indonesia, Oct. 2003), leaders decided to build up the single ASEAN Community (AC) in 2020 (after that in 2015) with three major pillars: Political-Security Community (APSC), Economic Community (AEC) and Socio-Cultural Community (ASCC).

a new strategy — the Engagement and Enlargement Strategy, gave more attention to East Asia. However, involvement in the Middle East prevented the U.S. from concentrating on Southeast Asia — where developments are still considered “benign” by them and the role of ASEAN is still weak.

In fact, the United States recognized Southeast Asia's strategic importance early, in the 1970s and 1980s, when they began to shift their strategy from West to East with the emergence of China after reform in 1978 but with low priority order. So the implementation concern on Southeast Asia took place slowly according to pragmatic thinking, focusing on selective problems and in a bilateral way. “The U.S. concerned with Southeast Asia in a situational rather than an unity area, focusing much on security and defense issues. America didn't pay more attention to the dynamism of this region”¹. Even as a really important economic-trade partner of the United States (more important than Latin America, Russia, the Middle East and Africa)², Southeast Asia is also not a main focus on the United States policy. The U.S. approach S.A. as a “second front” in the global fight against terrorism along with most security-defense cooperation initiatives and agreements. The U.S. has not yet recognized the ASEAN's lead role in Southeast Asia and realized that it is not necessary to promote comprehensive and full cooperation with ASEAN. This because of many reasons.

Subjectively, the US still gives more priority to Northeast Asia over the entire Asia-Pacific policy. As for Southeast Asia, the US has not changed traditional thinking about its essential interest in this sub-region: security and politics continue to focus on the United States. As a result, the United States even “merely observes the area under the lens of terror”³ and it seems that this greatest US's concern has been

¹ See Tommy Koh (2009), “The U.S. and Southeast Asia” in Vietnam Academy of Social Sciences and the Asia Foundation” (2009). The role of the US in Asia — The perspective of American and Asian scholars” (2009), Publisher. Social Science, Hanoi, Vietnam, pp. 56.

² Tommy Koh (2009), The role of the US in Asia — The perspective of American and Asian scholars”, pp. 57.

³ In 2002, the US and ASEAN issued a Joint US-ASEAN Declaration on Cooperation in Counter-Terrorism (August 2002), but with low effectiveness.

resolved by traditional bilateral security alliances as well as economic agreements.

Objectively, until the late 1990s, ASEAN's integration level was still low and lax and was viewed by the American authorities as a “*talk shop*” rather than / instead of an effective cooperation mechanism, has strong legal status. More importantly, China under Hu Jintao's generation of leadership is still “hide and wait” in the trajectory of “peaceful development” (when China was still a “potential rival”, a creditor and a partner of the United States in the global coalition against terrorism) while the U.S. is facing “urgent war need” in the Middle East. That makes Southeast Asia and ASEAN a “strategic meeting point” instead of a “strategic partner”.

Advances in US-ASEAN relations are evident from the second term of the G.W.Bush administration (2005–2008) when extreme unilateral foreign policy failed and multilateral tendencies in international relations is more focused by the US. This was also the period China pushed the “Asia of the Asians”¹ policy, strengthened negotiation, and moved towards replacing the underlying economic and security structures of the US in Southeast Asia with new ones dominated by China: the “new Security Concept” (calling for collective security cooperation in the ARF instead of the “Cold War structure” that implies the U.S.'s bilateral alliances); signed a framework decree to establish the ASEAN — China Free Trade Area (CAFTA — 2002). The mid-first decade of the 21st century was also the time the United States saw most clearly a decline in their role that risks becoming secondary as ASEAN is increasingly maturing and establishing / leading many important multilateral cooperation mechanisms that do not include the U.S. (ASEAN + 3, ASEAN + 1, EAS...).

Facing this fact, the U.S. has tightened relations with ASEAN and the two sides have reached many cooperation agreements in the most important areas: Joint Vision Statement on Strengthening ASEAN — the U.S. Partnership (17–11–2005); the U.S. — ASEAN Framework

¹ The word is used by Lyle Brink in “China — Southeast Asia Relations: Beijing promotes the “Asia of the Asians” policy”. *Comparative Connections*. Vol. 4, N. 3, October 2002 (quoted from TTTK on International Relations, July 2003).

Agreement on Trade and Investment (TIFA — 2006). The US's Senate also approved a resolution upholding 30 years of US — ASEAN relations (June, 2007), appointed the U.S.'s Ambassador to ASEAN (2007) and became the first ASEAN's dialogue partner to appoint ambassadors, opened the process of promoting the US — ASEAN relations. However, the absence of representatives of the U.S. administration in important ASEAN meetings has not convinced the confidence of ASEAN countries.

Movements in the U.S. — ASEAN relations have become stronger under President Barack Obama (2009 — 2016). Along with the “Pivot to Asia — Pacific” policy (also known as the “Rebalance” strategy) in Asia, the Obama administration has shown their efforts to realize a “Comprehensive Asia Policy” with the complementary focus is on the Southeast Asia sub-region. Accordingly, at the 3rd US — ASEAN Summit in Kuala Lumpur (November 2015), the United States and ASEAN upgraded their relations to strategic partnership; launched “Action Plan for the implementation of the ASEAN — US Strategic Partnership in the period of 2016–2020”, at the same time the two sides implemented many cooperative activities in many fields. In particular, the first time the U.S. hosted a special summit with ASEAN countries in the U.S. land after nearly 40 years of cooperation and made the US-ASEAN Joint Declaration in Sunnylands, California. This was a diplomatic event with particularly important significance, demonstrated a strong adjustment of the U.S. policy towards Southeast Asia and the ASEAN organization.

2. Sunnylands Declaration (2016): the landmark movement of the U.S. — ASEAN Relations

2.1. The contents of the Sunnylands Declaration¹

In this section, we focus on analyzing two following issues: Main contents of the Sunnylands Declaration; Why is this declaration considered important?

¹ Read the full document at: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2016/02/16/joint-statement-us-asean-special-leaders-summit-sunnylands-declaration>.

Regarding the contents, the Declaration includes 17 points, mentions the following contents:

- Recall the important development step of the U.S. — ASEAN relations when the two sides upgraded their relationship to a Strategic Partnership in 2015;

- Reaffirm the key principles that will guide the US-ASEAN strategic partnership in future. These principles must base on the principles and purposes of the Charter of the United Nations, the ASEAN Charter and international law (Article 1);

- Emphasize the important role of economic cooperation for peace, security and mutual development of the two sides; recognize each other's economic development policies (articles 2, 3)

- Respect and support for ASEAN Centrality and ASEAN-led cooperation mechanisms in developing regional architecture of the Asia-Pacific (article 5)

- Joint commitment to:

- + Solve disputes based on international law and the United Nations Convention on the Law of the Sea 1982; maintain peace, respect regional order; respect the rights and privileges of all nations; promote cooperation to address maritime security challenges and non-traditional security issues (articles 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12);

- + Ensure opportunities for all parties to promote democratic rights, build a rule of law society, protect environment (Article 4);

- + Strengthen people — to — people connection, especially the young generation; increase support for the realization of the ASEAN Community' goals (articles 13, 14);

- + Promote a global partnership for sustainable development between ASEAN and the U.S. (article 15);

- + Enhance collaboration at international and regional cooperation forums, especially at existing ASEAN — led mechanisms (article 16);

- + Commitment to sustainably maintain political dialogue at the Head of State/Government level between the U.S. and ASEAN through the annual ASEAN — U.S. Summit and the East Asia Summit (EAS) (article 17).

The content of the declaration (had layed out in detail in document the “Plan of Action to Implement the US — ASEAN Strategic Partnership”) shows that the key topics that the US and ASEAN focus on are economic and trade cooperation, ensure security, special maritime security in the East Sea (the South China Sea).

In particular, economic cooperation becomes a priority target, was mentioned before security issues, which has demonstrated a strong change in the development direction of the US — ASEAN relations. It is high time for the U.S. to actively materialize economic cooperation initiatives and economic security initiatives that were previously designed and activate them with drastic, concrete actions. The second focus is on security cooperation (consists maritime security and non-traditional security issues). In particular, maritime security, security of the South China Sea and methods of dealing with maritime security challenges were affirmed in the spirit respect for international law, rights and privileges of nations.

In the context of China’s expanding economic influence, clear their ambition to control the life-and-death shipping path around the Strait of Malacca and their intention to monopolize the East Sea, the US and ASEAN’s above- mentioned commitments are timely and have profound significance.

2.2. Why is the Sunnylands Declaration important?

First of all, the Sunnylands Declaration has significant symbol because it was issued in the context of the first US — ASEAN Summit held in the US after nearly 40 years of cooperation. Therefore, the introduction of this declaration not only marked a turning point in the U.S. policy towards ASEAN and Southeast Asia but also affirmed ASEAN’s growing role in the face of complex security movements in the region. At the same time, it also has implications for direction of the US policy towards ASEAN when it is introduced in the final year of President B. Obama’s term, after many strong adjustment efforts in the policy toward Southeast Asia.

Secondly, this US-ASEAN Summit is considered a real/substantial working opportunity between ASEAN and U.S. leaders, not "the annual hasty interaction". This shows strong determination of the two sides, especially the US, in realizing the strategic partnership with ASEAN (November 2015).

Third, the content of the Sunnylands Declaration focuses on practical and urgent issues that meet the expectations of ASEAN countries in the increasingly complex security context in Southeast Asia, especially from China's strong, systematic but potentially many threats influence across East Asia and the Pacific through major projects such as: The One Belt One Road Initiative, BRI, 2013); Asia Infrastructure Investment Bank (AIIB), "One axis two wings" strategy...

Fourth, through the commitments made in the Sunnylands Declaration, the United States wants to send a strong message to competitors, especially China about America's pioneering role in the region, affirms America's determination to protect their multifaceted interests in Southeast Asia, while pledges their strong supports to ASEAN against security threats here.

Fifth, the impressively/ strongly effect of the Sunnylands Declaration. After the US reached a joint declaration with ASEAN during the 2016 Special Summit, other important ASEAN partners also quickly adopted similar statements to affirm their position in Southeast Asia order and their developing relationship with ASEAN. Among them, notably is the joint Declaration Russia-ASEAN in Sochi (Russia, May 20, 2016) on the occasion of the 20th anniversary of the establishment of their Dialogue Partnership, the India-ASEAN Joint Statement in New Delhi (India, January 25, 2018) on the 25th anniversary of the establishment of the Dialogue Partnership... Although these documents have many contents, more specifically mentioned, they are still considered to be less important than the Sunnylands Declaration because they were issued later, were inherited and supposed to be reaction of these powers to America's pioneering action. This is clearly not because of the content of each statement, but also because of the symbolic meaning and the different level of impact of each document in the specific situation

For all the reasons mentioned, the Sunnylands Declaration marks a historic shift in US-ASEAN relations, considered by observers to be more important than similar statements (Russian — May 5, 2016; China — November, 2017 and India — January 2018) which were issued later.

3. The impact of the Sunnylands Declaration and future of the U.S. — ASEAN relations in coming decades of the twenty-first century

3.1. The Impact of the Sunnylands Declaration

3.1.1. For ASEAN countries

The adoption of the Sunnylands Declaration with the world's leading great power shows the level of autonomy in the foreign policy of Southeast Asian countries, the strong role of ASEAN as an organization represents the interests, will, and goals of Southeast Asia countries. This not only has a direct impact on ASEAN's intra-regional movement, but also affects the regional landscape and the shaping security architecture in the region.

Accordingly, ASEAN countries recognize their greater role and responsibility for the development of the ASEAN association and the regional future. Collective strength through ASEAN's strong role will promote ASEAN countries to strengthen cooperation, increase consensus to resolve common issues of region in cooperating with great power partners.

3.1.2. For the United States of America

For the U.S., the Sunnylands Declaration is a legal document reaffirming the fundamental principles to guide US — ASEAN relations in coming time. With the results achieved, the declaration is considered a strong commitment of the B. Obama administration and is the highest commitment ever by the US to ASEAN. Together with a host of other

positive moves, this statement has shown real interest in both theory and practice in the context of Southeast Asia becomes central in America's new Asia strategy.

The Sunnylands Declaration is essentially the field development of an important US strategic goal in Southeast Asia and East Asia. Thereby, the US publicly asserted their leadership status and important role in the region, and explored the reaction and level of concern of competitors. Because of these, the U.S.'s move has quickly promoted another powers to adjust policy, first of all, China, Russia, Japan, India... towards ASEAN. Through their moves to promote ties with ASEAN by similar statements, these countries also identified with ASEAN their position in Southeast Asia. This reaction of the great powers helps the U.S. soon determine the necessary/ appropriate direction and methods to develop the US policy to ASEAN. However, under the impact of increasing access to or increasing influence of another powers on ASEAN, the US — ASEAN relations in the coming decades will face many challenges.

3.2. The future of US — ASEAN relations in the early decades of the twenty-first century

After the Sunnylands declaration, the B.Obama administration has made efforts to implement a number of important commitments in the diplomatic, economic and security fields. In which, it is noteworthy that the US proposed initiatives on economic integration¹, organized many economic seminars to help the remaining ASEAN countries to join TPP...; actively participate in key meetings with ASEAN through the annual summit and the EAS Summit; there are many vigorously, openly and frequently acts of refuting China's illegal conduct and ambition in the South China Sea...

One question is, will the President D. Trump administration continue to pursue and realize the commitments made between the predecessor government and ASEAN? The unpredictable moves and "flickering"

¹ Such as: EDGE initiative (Initiative for economic development through energy), ITAN initiative (Transactions and Infrastructure Initiative)...

policies of President D. Trump during the first time in office have caused people to doubt about the US commitment in implementing the goals of cooperation with ASEAN in The Sunnylands declaration, especially when D. Trump withdraws the US from the TPP, imposes economic sanctions (imposes anti-dumping duties) and declares the re-investigation of trade relations with 16 countries, including ASEAN countries (Indonesia, Thailand, Malaysia and Vietnam), sending a low-level delegation to the 7th ASEAN — U.S. Summit in 2019... People are concerned that the D. Trump government completely negates B. Obama's Southeast Asia policy and returns to protectionism policy. However, these are only individual events, representing D. Trump's typical behavior and method of action towards trade and alliances problems. The highest goal of the D.Trump administration and its successors is to make America "great again" and "America first." Therefore, the US will continue the "Pivot to Asia" strategy, continuing to be present and maintaining the influence and interests in the Asia-Pacific, where Southeast Asia is a strategic focal point. This means that the U.S. will fulfill their commitments with ASEAN. However, the approach may be different from the B.Obama administration.

In fact, the development of US — ASEAN relations under President D. Trump has proved that. In the National Security Strategy announced in December 2017, the D. Trump administration has positioned ASEAN and APEC as the core and foundation of the US policy of gathering forces in the Indo-Pacific region. to promote a "liberal-based regional order". At the 7th US — ASEAN Summit in Bangkok (Thailand, November 4, 2019), President D. Trump sent an inviting letter to leaders of 10 ASEAN countries to attend a special summit in the US on a favorable occasion in 2020. This move dispels ASEAN's skepticism about the U.S. role under D. Trump administration.

However, the future of US-ASEAN relations in the coming decades of the twenty-first century depends on many factors. In which, the three biggest factors are China, the US and ASEAN.

From the US side, the biggest concrete objective factor is China (in the general context of the world and regional situation). The strength of

China, the development of US — China relations and China's behavior towards Southeast Asian countries and the region will directly dominate US — ASEAN relations. China's ambition for a sea power, intensifying its militarization and brutal, illegal behavior in the South China Sea, as well as their intention to manipulate the economy of the region through the flip side of major projects are China's major limitations in gaining confidence from ASEAN countries. These are opportunities for the US.

The subjective factor belongs to the decisions of the ASEAN countries and the US.

On the US side, no matter the method, the US government cannot lose ASEAN and Southeast Asia. Therefore, harmonizing the US interests with ASEAN and increasing influence in this region will be inevitable. But whether or not to be dominated by other partners / regions / issues depends on America's strategic priority for Southeast Asia and ASEAN in particular circumstances.

On the ASEAN side, the possibility of consensus in cooperation with the US will depend on the interests of each country rather than the interests of the whole. The US-ASEAN relations will be favorable as the US can reconcile the interests with ASEAN countries and demonstrate their commitment to protect the interests of Southeast Asian countries, ensuring a peaceful, security and prosperous Southeast Asia. In the mid-term future, due to limited capacity and "delicate" strategic position, ASEAN will maintain a balance policy and selective cooperation with the US and China to ensure benefits. The worst scenario can be mentioned is the US-China relationship cannot be saved, then, depending on national interests, ASEAN countries fall into a situation where they are forced to choose and ASEAN will be divided.

In comparison with other ASEAN's great partners, China is the fastest-growing country in developing relations with ASEAN: only 12 years since the establishment of diplomatic relations (July 1991 — 10/2003), the two sides upgraded to a strategic partnership level. Meanwhile, the US needs 38 years to reach this cooperation mechanism. Currently, ASEAN and China have expanded the scope

of cooperation in more than 20 fields with 40 different mechanisms¹. China is considered as the most important external partner of ASEAN today thanks to the results of their cooperation with ASEAN.

Given the above reality, along with ASEAN's increasingly affirmed role in the Indo-Pacific regional structure, the US will continue to strengthen and actively promote to realize their commitments with ASEAN. In the context of strategic competition with other powers, especially with China in Southeast Asia is increasingly strong; maritime security and economic security are threatened, we believe that: in the set of priorities for ASEAN, the US will pay more attention to national security interests, economic interests and increase soft power "Great America" for ASEAN. Accordingly, the US will promote and diversify ways of enhancing cooperation with ASEAN through two channels: bilateral and multilateral.

4. Conclusion

The Sunnylands Declaration shows strong adjustments in the U.S. policy towards Southeast Asia in the following key areas: 1) Demonstrate America's decisive determination to "return" to Southeast Asia; 2) Affirm Southeast Asia's position as the center of the "Comprehensive Asia" policy of the U.S. instead of focusing on Northeast Asia and some individual interests in Southeast Asia as before; 3) Emphasize economic cooperation as key interests/priority of the US in addition to efforts to strengthen cooperation in common security and maritime security; 4) The U.S.'s approach to Southeast Asia moves from bilateral to multilateral and focuses on both at the same time. With adopting such an important document, the 4th U.S. — ASEAN Summit and the Sunnylands Declaration were seen as a groundbreaking diplomatic message that demonstrates the determination of the B. Obama administration in shaping the U.S. policy towards ASEAN and Southeast Asia in the early decades of the twenty-first century,

¹ Seen My, Nguyen Thu; Hoang, Dam Huy; Hiep, Tran Xuan (2016). 25 years ASEAN — China Relations — Processes, Achievements and Issues, The World Publishing House, Hanoi, Vietnam, pp.11.

and affirmed the pioneering and leading role of the United States in guaranting the Southeast Asia's security and prosperity.

Adjustments of the D.Trump administration's security policy towards East Asia with a broader strategy — the Indo-Pacific Strategy of Peace and Openness (FOIP) did not diminish the key strategic position of Southeast Asia and the central role of ASEAN in implementing the East Asia policy of the United States. US — ASEAN relations from 2016 to the present, with many important results, especially the drastic actions of the President D.Trump administration in protecting maritime security in the South China Sea has proved that.

In fact, ASEAN is a regional organization that comprises small and medium-sized countries with developing economies. Although ASEAN's motive for establishment was deeply influenced by politics and security, its priority goal and the biggest concern were emphasized by ASEAN countries from the beginning, especially from second half of the 1970s up to now, is to focus on economic development, industrialization and modernization and strengthening national defense capacity. Therefore, the current expansion of China's influence, especially in economic sphere, is a major challenge for the United States. Because that there is the fact that ASEAN countries's economic dependence on China is increasing due to the deep and diversified China-ASEAN economic links; Southeast Asian countries' demand for trade, investment capital and markets of China is increasing. Therefore, in addition to effectively implementing security-defense commitments and a strong military presence to support the security-defense capabilities of ASEAN countries, curb China's ambitions, expanding the partnership network, focusing on multilateral economic initiatives and actively implementing commitments are essential for the United States in the future.

It can be said that the Chinese factor as well as the competition of other great powers in Southeast Asia has affirmed the strong influence of the Sunnylands Declaration on the strategic move of the US. That creates a strong motivation for the U.S. to quickly and effectively implement their commitments to ASEAN.

References

1. Binh, Le Hai (2018). New movements in the regional and world landscape and impact on Vietnam. *Communist Journal*, No. 905, p. 95–100.
2. Thao, Bui Thi (2016). The US factor in Vietnam's current defense-security policy. *Southeast Asian Studies Journal*, No. 8, p. 14–23.
3. Vinh, Vo Xuan (2017). Original consensus ASEAN's: Roles and Challenges for Conflict Prevention in the South China Sea. *Journal of Southeast Asian Studies*, No. 8, p. 54–60.
4. Prashanth Parameswaran. “Why the US-ASEAN Sunnylands Summit Matters”, *The Diplomat*, available at <https://thediplomat.com/2016/02/why-the-us-asean-sunnylands-summit-matters>.
5. Joint Statement of the US-ASEAN Special Leaders’ Summit: Sunnylands Declaration available at <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2016/02/16/joint-statement-us-asean-special-leaders-summit-sunnylands-declaration>.
6. *Vietnam Academy of Social Sciences and the Asia Fondation* (2009). *The role of the US in Asia — The perspective of American and Asian scholars*”(2009), Publisher. Social Science, Hanoi, Vietnam.
7. Thanh Ha (2020). “US Secretary of State supports ASEAN in the East Sea and Mekong River” at <https://www.rfi.fr/vi/quoc-tê/20200912-hoa-ky-asean-bien-dong-song-mekong>.
8. My, Nguyen Thu; Hoang, Dam Huy; Hiep, Tran Xuan (2016). *25 years ASEAN — China Relations — Processes, Achievements and Issues*, The World Publishing House, Hanoi, Vietnam.

P. Charoenpacharaporn

(University College London, London, ucrapc1@ucl.ac.uk)

CIRCUMVENTING THE COLD WAR DIVISIONS: THAILAND AND INDIA IN THE SOUTH-TO-SOUTH DIPLOMATIC SPACE

Abstract: *As the Cold War intensified, tensions between the Western camp led by the US and Britain, and the Eastern camp led by the Soviet Union increasingly dominated international relations. Countries in Asia began to be pressured to identify their positions in the Cold War. India, Burma, and Indonesia decided to be non-aligned. Nevertheless, Thailand chose alignment with the US and other Western powers. These ideological divisions inevitably put constraints on the normal channel of diplomatic communications as different countries found themselves part of exclusive blocs. This paper considers the question of how non-aligned India and US-leaning Thailand used the Bandung Conference to circumvent the divisions of the Cold War*

This paper is inspired by the revival of academic interests in the Third World and its moment of postcolonial future during the 1950s. The Bandung Conference enabled unprecedented 'South-to-South' communications on the international platform, and this is the framework of this paper. This paper aims to place Thailand into the historiography of the Third World in the Cold War; this will be the first to narrate the relationship between Thailand and the postcolonial non-aligned moment. Furthermore, this paper makes an original contribution to the historiography of Indo-Thai relations by examining Thai participation

in the forum in which India played a prominent role during the early years of the Cold War.

This paper will commence by looking at the Bandung Conference with a focus on India and Thailand and its aftermath will follow, arguing that the Bandung Conference marked a watershed in the Thai foreign policy that led to a rapprochement with the PRC in the framework of Panchsheel pioneered by Nehru.

Keywords: *Cold War, Global South, Bandung Conference, Indo-Thai Relations.*

Circumventing the Cold War divisions: Thailand and India in the South-to-South Diplomatic Space

As the Cold War intensified in the late 1940s and early 1950s, tensions between the Western camp, led by the United States and Britain, and the Soviets increasingly dominated international relations. Countries in Asia began to be pressured to identify their positions in the Cold War. India, Burma, Sri Lanka and Indonesia decided to be non-aligned. Thailand, in contrast, aligned itself with the United States and other Western powers, even though the Soviet Union did not block Thailand from United Nations membership in December 1946 and opened an embassy in Bangkok in 1948. These ideological divisions inevitably put constraints on the normal channel of diplomatic communications as different countries found themselves part of exclusive blocs. This paper considers the question of how non-aligned India and US-leaning Thailand used the Bandung Conference to circumvent the divisions of the Cold War.

This paper is inspired by the ongoing revival of academic interest in the Third World and in actors' optimism in a moment when postcolonial futures were being imagined during the 1950s, as embodied especially at the Bandung Conference in 1955. Following the fiftieth anniversary of the Bandung Conference in 2005, Vijay Prasad traced the genealogy of the Third World and argued that the Third World was a project of the peoples of Africa, Asia, and Latin America who battled against colonialism and dreamed of a better world. [Prasad 2007; See also Mackie 2005; Aydin 2007; Lee 2010; Wood 2011] In his view, the

Bandung Conference was in the moment of Quest, before the Third World project faced what he called its Pitfall and Assassination.

This paper also aims to place Thailand into the historiography of the Third World in the Cold War. In so doing, it will be the first scholarly narrative of the relationship between Thailand and the non-aligned moment. The Bandung Conference, a subject of so much debate and discussion in Thailand in 1954–1955, has not been examined in seminal works on the foreign policy of Thailand and on Thailand in the Cold War. These works, examine this period in modern Thai history through Thai relations with the United States [Duke 2001; Chulasirivong 1991; Philip 2017]. Duke did not mention the Bandung Conference in her survey, and Philips did not focus on Thai relationship with non-alignment. Moreover, while Fineman and, more recently, Benjamin did include the Bandung Conference and the Thai underground diplomatic mission to the People's Republic of China (PRC) in their analyses. Both argue that this was a moment of second thought in the Phibun Government. These scholars did not link Thai interaction with the non-aligned moment and the consequential rapprochement with the PRC into a wider framework of Nehru's foreign policy towards Thailand [Fineman 1997: 212–15; Zawacki 2017: 27–31].

This paper will also make an original contribution to the historiography by examining Thai participation in the forum in which India played so prominent a role during the early years of the Cold War. At the current stage, the historiography of Indo-Thai relations remains sporadic. The existing works focus on these three themes: the Indian independence movement in Thailand [Charoenpong 2014; Beaumont 1999] and the primordial cultural connections and post-Cold War relations following India's Look East policy in 1992 [Ghosh 2017; Sahai and Mishra 2006]. Nevertheless, Charoenpong and Beaumont did not give any narrative of what had happened after 1945, while the two edited volumes by Ghosh, and Sahai and Mishra only touched the subject of Indo-Thai relations between 1947 and 1957 very briefly. The years between 1947 and 1957 were important because they were the formative years of the foreign policies of India and Thailand that

left behind many legacies. As little scholarly attention has been paid to Indo-Thai relations in the early Cold War years, this means that this work will be the first one to cover it in depth.

This paper will commence by looking at the Bandung Conference with a focus on India and Thailand and its aftermath will follow, arguing that the Bandung Conference marked a watershed in the Thai foreign policy that led to a rapprochement with the PRC in the framework of Panchsheel pioneered by Nehru. In May 1957, Phibun announced at the celebrations of 25 centuries of Buddhism in Bangkok that 'it is now time for the government to show itself neutral and find a route toward global peace... [and] refuse to be mastered by either Eisenhower or Bulganin' [Philips 2017: 132].

The Bandung Conference

The Bandung Conference or the Afro-Asian Conference took place from 18 to 24 April 1955 in Java, Indonesia. The five Colombo Powers, namely Prime Minister Jawaharlal Nehru of India, Prime Minister Mohammed Ali of Pakistan, Prime Minister Nu of Burma, Sir John Kotelawala of Ceylon and President Sukarno of Indonesia, decided to organize and sponsor this conference. It was partly a response to the establishment of SEATO in September 1954, which to the Colombo Powers (especially India) was an encroachment of American intervention in the Asian regional affairs. It was partly to promote a South-to-South discussion over the issue of anti-colonialism and anti-imperialism among the newly independent (and about- to-be-independent) nations from Asia and Africa without the intervention from Western imperialist nations such as Britain, France, and the Netherlands, nor the Superpowers. The Bandung Conference would in this sense embody the solidarity of the Afro-Asian countries that would promote non-alignment. Of the twenty-nine participants, fifteen were Asian including Afghanistan, Burma, Cambodia, Ceylon, the PRC, Japan, Laos, India, Indonesia, Nepal, Pakistan, the Philippines, Thailand, North and South Vietnam. Ten were from the Middle East, namely Egypt, Iran, Iraq, Jordan, Lebanon, Libya, Saudi Arabia, Syria, Turkey, and

Yemen. Only four were from sub-Saharan Africa. These were Ethiopia, the Gold Coast (Ghana), Sudan, and Liberia.

These twenty-nine countries shared the experience of colonialism. Although Japan and Thailand (previously Siam) might stand out at first glance as these two states had never been formally colonized, both had certainly suffered at one time or another from the possibility of Western domination. The threat of foreign domination led Japan to the policy of isolationism until the United States finally forced it to open with gunboat diplomacy in 1854. In the nineteenth century, Thailand only narrowly escaped foreign domination by sacrificing its protectorates east of the Mekong river to France and those to the south to Britain, as well as compromising its sovereignty by allowing extraterritorial rights for British and French subjects. This fraternity of the non-white peoples can be seen as a solidarity of the Third World. The term was coined by the French historian Alfred Sauvy in an article published by *L'Observateur* in August 1952. Sauvy used the analogy of the Third Estate during the French Revolution, which consisted of the commoners in France who had been 'ignored, exploited, and despised' by the First Estate (the clergy) and the Second Estate (the nobility) [Sauvy 1952: 14]. In this sense, the Third World referred to former colonies or semi-colonial countries in Africa, Asia and Latin America that had been subject to European domination.

The vision of non-alignment embodied by the Bandung Conference was a brainchild of Nehru, Josip Tito, Nu and Sukarno. Nehru had constantly promoted his version of non-alignment from the beginning of India's independence to stay out of the two blocs and to pursue an independent foreign policy in the Cold War. Between the late 1940s and the early 1950s the concept of non-alignment as a political force was in the air. In short, it was part of the zeitgeist. There were several countries that aspired to be the third power between the two superpowers. Ernest Bevin, British foreign minister in the postwar Labour cabinet, and General Charles de Gaulle, President of France, possessed their own versions of leading an independent third bloc. Nevertheless, Bevin gave up the idea of Third Force Europe (TFE),

while De Gaulle was constrained by domestic and geopolitical factors due to France's position next to Germany—a Cold War flashpoint—and the volatility within the Fourth Republic [Charoenpacharaporn 2016: 38–40; Lundestad 2003: 86; Kent and Young 1992: 41–61; Sforza 1948: 450–456; Ruddy 2000: 67–80]. Tito's eighteen-day visit to India in December 1954 just before the Bogor Conference gave Nehru a spur to formally expand his vision to a regional scale regarding the SEATO collective security pact. Tito and Nehru jointly endorsed the principle of 'peaceful coexistence' as a basic political conception which should govern international relations' [*Bangkok Post*, 24 Dec 1954]. Moreover, they insisted that non-alignment, which would lead to collective peace, was the only basis on which collective security can really rest [*Bangkok Post*, 24 Dec 1954]. It was in this spirit that Nehru boarded a Royal Indian Airforce plane, had Nu join him in Rangoon, and made a long stop-over in Bangkok, the soon-to-be headquarters of SEATO.

By December 1954, Nehru was keen to have Thailand on board in the Afro-Asian Conference. Nehru expressed his intention in early December to make a brief stop-over in Bangkok on 26 December to 'sound out Thai opinion on attending the African-Asian Conference' [*Bangkok Post*, 8 December 1954, 23 December 1954]. The Thai Government prepared to receive him as an honoured guest. Perhaps most importantly Momluang Karb Kunchorn, the Secretary General to the Prime Minister, said that Phibun would welcome an invitation to visit India from the Indian Government [*Bangkok Post*, 8 December 1954]. Shortly before 26 December, Nu who had just returned from a visit to Beijing announced that the PRC 'sincerely' wanted peaceful 'co-existence' and that he would accompany Nehru during his stop-over in Bangkok [*Bangkok Post*, 21 December 1954]. The speculation in Bangkok that attending the Bandung Conference would mean Thailand recognized the PRC ran wild. Having been paranoid that this might complicate the Thai relationship with the United States which had just provided for the collective security as well as huge sums of aid, Acting Minister of Foreign Affairs Vorakan Bancha issued a statement declining Thai participation in the Bandung Conference before receiving

any invitation because Thailand was not part of non-alignment and was fully committed to the Liberal Democratic camp [*Bangkok Post*, 24 December 1954].

The Phibun Government treated Nehru-Nu's Bangkok stop-over as if it were a state visit. In contrast to the Pakistan Premier Mohammad Ali's stop-over on the same day during which he was received in the airport VIP room, the Burmese and the Indian Premiers were greeted by the Thai Prime Minister Phibun, Colonel Vorakan, acting Minister of Foreign Affairs, and the Marshall of the Airforce [*Bangkok Post*, 24 December 1954]. Perhaps, this contrast was reflective of the nature of Thai-Pakistani relations. Their partnership in SEATO engendered not by the closeness of their relationship but the fact that both looked to the United States for military support. A review of a military guard of honour was followed by Phibun placing fresh flower garlands onto Nehru and Nu as a welcoming gesture. Then, the three leaders ascended a Cadillac Cabriolet and drove off through heavy traffic from Don Muang Airport to Bangkok. All of this welcoming ceremony was covered in detail in *Thailand Illustrated*—a monthly magazine published by the government's public relations department that presented the works of the Prime Minister and the government through photojournalism. The Nehru-Nu stop-over was presented just after the report of the SEATO Conference in Bangkok, which made the cover story of the issue. This reflected the Phibun Government's position in late 1954 to 1955, which Prince Wan explained to the British ambassador Berkeley Gage that Thailand would now make strong efforts to improve its relations with neighbouring countries and the Colombo Powers in conjunction with its defence commitment under the Manila Pact [Confidential Telegram no. 1011/34/55 from Berkeley Gage to FO, dated 2 August 1955, in FO 371/117338 Situation in Siam, National Archives (Kew) henceforth NA].

Nehru and Nu signed the guest book at the Grand Palace. Then it was time for the Prime Ministers' discussion. While it remained unclear what was discussed between the three leaders until more sources become available, it was possible to speculate that Nehru and Nu would have

inquired Phibun's opinion on attending the Bandung Conference, on the possibility of regarding recognition of the PRC, and on closer relations between Thailand and the Colombo Powers. Later in the evening, a state banquet was given in honour of the Prime Ministers of India and Burma by Phibun and his wife Lady La-iad, the Chairman of the Women's Culture Institute at the Government Residence. On replying to the welcome speech given by Phibun at the banquet, Nehru commented that India and Thailand had been friendly as well as expressed his hope that they would 'become friendlier'. As for Nu, he apologized for what he considered to be a 'historical debt' which Burma owed to Thailand. By this he meant a series of Burmese-Siamese wars fought from the 16th to 19th centuries. Nu's apologetic tone heralded a new era of Burmese-Thai relations that would leave the traditional rivalries of the past behind. These closer Burmese-Thai relations meant not only improved neighbouring ties but also a closer relationship with one of the Colombo Powers.

What were the implications of this brief December encounter? On the Indian side, the fact that Nehru showed a specific intention to stay in Bangkok longer than was necessary was part of what Archarya called Nehru's 'engaging China strategy' [Acharya 2017: 98–105]. This referred to Nehru's specific approach to dealing with the PRC, which rejected containment and favoured a policy of constructive engagement [Acharya 2017: 99]. This policy resulted in India becoming the second country outside the Communist bloc, after Burma to recognize the PRC, and the Buddhist inspired Panchsheel or Five Principles of Peaceful Coexistence proposed by Nehru and signed between India and the PRC in 1954. Panchsheel is a Sanskrit term for the five precepts which are the basic daily guideline for Buddhists. This showed that Nehru deliberately employed Buddhist elements in his foreign policy. The Panchsheel signed between India and the PRC constituted mutual respect of each other's territorial integrity and sovereignty; mutual non-aggression; mutual non-interference in domestic affairs; equality and mutual benefit; and peaceful co-existence.

This policy of constructive engagement was based on two assumptions. On the one hand, Nehru believed that China's main goal was regime legitimization through rapid economic development, and it was for this reason that China needed a period of peace and stability [Acharya 2017: 99]. On the other hand, Nehru was convinced that although China wanted peace, it had serious concerns about American policy in Southeast Asia. The Cold War in the Asia theatre was heightened after the Korean War, and the United States was escalating its intervention in Indochina in response to the defeat of the French in the battle of Dien Bien Phu in May 1954. Moreover, the United States had involved Thailand—China's neighbour, in its strategy of containment and military alliances which resulted in the establishment of SEATO in September 1954. Thailand was the key state that enabled the US presence in the mainland Southeast Asia [Neuchterlein 1965: xiii-xiv]. Thailand held the strategic location as frontline which was the key to the West's attempt to contain communism in the mainland Southeast Asia. Thailand had greater strategic advantages than the Philippines, the other Southeast Asian country in SEATO, due to at least three factors. Firstly, the distance from the Thai northeastern provinces such as Nakhon Panom, Ubon, Udorn and Korat, to North Vietnam was almost half of that between the Philippines and North Vietnam. Secondly, as Thailand is situated in the mainland this meant that the US weapons, ammunitions and food supply could be sent from Bangkok to different bases in Thailand and South Vietnam by roads, which would cost less than flights and arrive faster than ships from the Philippines to South Vietnam. Thirdly, the fact that Thailand was the only country in Southeast Asia that had no sense of bitterness against white foreigners and its strong sense of anti-Communism, which had already existed, made it a good partner in the American global Cold War strategy.

Thai cooperation with the United States in turn threatened Chinese security. However, had Thailand changed its path to India's positive engagement with the PRC, that would have lessened the American presence in the Southeast Asian mainland, which would have consequently eased the Cold War tensions in the region. This was

perhaps the reason why Nehru and U Nu decided to personally sound out Phibun's opinion on the Bandung Conference and convince him that this Conference would present an opportunity for Thailand to meet with Zhou Enlai, hoping it would lead to a different Thai foreign policy approach towards the PRC.

On the Thai part, the responses from government officials in December 1954 were conflicting. The implications were two-fold. Firstly, it was clear that Phibun was enthusiastic in warming up ties with India and Burma — the Colombo Powers, as evidence of Phibun welcoming the opportunity of an invitation for a state visit to India and the way Phibun received Nehru and Nu in Bangkok. Secondly, improving relations with the Colombo Powers at this point did not translate into Thailand joining non-alignment. This explained why Acting Minister of Foreign Affairs Vorakan issued a statement declining Thai participation in the Bandung Conference prior to the Nehru-Nu visit. All together these suggested that the Phibun Government would now prioritise Thai relations with Asian neighbours alongside its commitment to defence under the Manila Pact.

Accepting the Bandung Invitation

At the end of the Bogor Conference, the Colombo Powers announced on 30 December 1954 a list of thirty nations invited to the Bandung Conference which would take place between 18 and 24 April in Java, Indonesia. Thailand was included, despite the Acting Minister of Foreign Affairs' statement declining Thai participation in the Bandung Conference. Phibun's closest personal advisor, Sang Phathanothai saw this as an opportunity to get to know the PRC, and about non-alignment, both of which could be used as a balancing force to the United States by Thailand [Phathanothai 1994: 43]. Sang argued that while the Americans were important, Thailand 'must learn to live with China' [Phathanothai 1994: 40]. Phibun agreed. However, he did not know how to explain to the Americans Thailand's participation without giving an impression that his government wished to explore an alternative path other than the ongoing alignment with the United States [Phathanothai

1994: 40]. The Americans were not at all pleased with the prospect of the Bandung Conference. Phibun realized that appearing too keen on the Bandung Conference might not only affect the military, financial and developmental aid the United States had been pouring into the country, but also destabilize SEATO, the security pact Thailand had long hoped for.

Nevertheless, Phibun and his Foreign Minister Prince Wan had for some time shared a concern over the country's increasing overreliance on the United States. The appointment of new American ambassador to Thailand John E. Peurifoy, who had recently been involved in the 1954 Guatemalan coup against the supposedly pro-Communist Jacobo Arbenz Guzmán government, had made Phibun cautious of the possibility of himself being overthrown by the US Government [Fineman 1997: 212- 213]. The fear ran so deep that Peurifoy felt it necessary to ask Phibun's daughter at a private dinner party to tell her father that the United States had no intention of ousting him [Fineman 1997: 212–213]. These factors made the possibilities of exploration of new foreign policy at the Bandung Conference appealing to Phibun. It was not until the SEATO Pact formally passed votes in the US Congress, and the French National Assembly that the Thai Government announced their decision to send a delegation led by Prince Wan, who had previously met Zhou at the Geneva Conference, to Bandung [*Bangkok Post*, 2 February 1955; Puangkasem 1973].

The Afro-Asian Conference at Bandung offered the opportunities Phibun and Sang had hoped for. Nehru had personally taken it upon himself to engage Communist China in the international community, and the Bandung Conference was to be the first international meeting a representative from the PRC had ever attended. Nehru had not only ensured Zhou would be invited, arranged an Air India plane specifically for Zhou, but also introduced Zhou to the Conference. Bandung, where Prince Wan could not avoid meeting Zhou, would be the ideal setting for Phibun to make an opening to the PRC [Fineman 1997: 213]. Before Prince Wan left, Phibun had instructed the Prince to defend

Thailand's commitment to SEATO and discuss the issue of perceived Chinese Communist infiltration in the Northern provinces, overseas Chinese dual nationality, and the alleged PRC government support to Pridi Panomyong, Phibun's political rival, who was in exile in China [Waithayakorn 2011: 61]. Phibun personally paid for a delegation of Thai journalists to cover the conference [Fineman 1997: 213]. Never before had a group as large as twenty-two Thai newsmen gone abroad for one event.

As the fact that Thailand sent a delegation to Bandung had not yet fulfilled Nehru's ambition, he tried to further engage the Thai representative with his 'positive engagement with China' at his own cost. First, Nehru nominated Prince Wan, the head of the Thai delegation, to be elected as rapporteur of the political committee, although the Thai delegates intended to attend Bandung as participants. It proved to be a key position to the success of the Conference since the Prince had to convince Zhou in a lengthy debate to endorse the ten principles in the final communique of the Bandung Conference. Zhou finally agreed to the wordings.

Furthermore, Nehru arranged a private dinner for Prince Wan and Zhou Enlai so that they could discuss Phibun's points of concern regarding the PRC [*Bangkok Post*, 21 April 1955]. First, it was about the dual-nationality which three-million Chinese immigrants in Thailand enjoyed that caused the Thai Government's wariness about the Chinese immigrants' loyalty. Zhou promised the PRC would cancel Chinese nationality for the overseas Chinese in Thailand, similarly to what he had just agreed with the Indonesian Government. Secondly, Prince Wan asked Zhou to clarify the PRC's involvement in the Independent Tai guerrilla movement in Yunnan, which Zhou denied. Thirdly, Prince Wan inquired about Pridi's political exile in China. Zhou explained that although Pridi currently held the status of political refugee in the PRC, he was no longer permitted to be involved in political activities against the Government of Thailand [Waithayakorn 2011: 61]. Moreover, Zhou invited Prince Wan to see the situation in the PRC for himself.

The Period of Panchsheel in Thai Foreign Policy

It is now necessary to focus on Thai rapprochement with the PRC in order to understand how Thailand between 1955 and 1957 fit into Nehru's vision of postcolonial Asia. Following Prince Wan's cordial encounter with Zhou at the Bandung Conference, Nehru's strategy of 'positive engagement with China' had borne fruit in Thailand as the Thai rapprochement with the PRC began. The continuing US pressure against relations with the PRC made it impossible for Prince Wan to respond officially to Zhou's invitation [Waithayakorn 2011: 61; Tan 2018: 90]. Instead, Phibun and Prince Wan gave Sang, Phibun's advisor, who had no official position, their consent to send a secret delegation to Beijing [Phathanothai 1994: 50–51; Kusalasaya 2002: 10–14]. Sang made arrangements in September for Ari Phirom and Karuna Kusalasaya to travel covertly via Hong Kong to try to establish communication with the Chinese political leadership.

Ari and Karuna were suitable for this mission. They were Sang's confidants, and each had contacts and attitudes necessary for this mission to succeed. Ari was an old colleague of Sang's in the Propaganda Department in the Second World War. Fluent in Chinese and Thai as he was born to a Chinese mother and a Thai father, he had translated and summarized Chinese newspapers, both Chinese and Thai publications, for the government until the early 1950s. He also owned a Chinese-language school in Bangkok. His interactions with the Chinese publishing community in Thailand connected him closely with leftist circles, some of which had fled to the PRC to take on important political positions when their Chinese newspapers in Thailand were closed by the Phibun Government in late 1952 [Tan 2018: 90]. Ari's interactions with the Chinese leftist circles in Thailand had also caused him to be in and out of jail under the Thai anti-Communist laws. For this, Sang had used his connection and influence to bail Ari out a number of times.

As for Karuna, not only did he have diplomatic experience while working at the Indian embassy in Bangkok, but he was also an admirer of Nehru and his foreign policy of non-alignment [Kusalasaya 1999: 101–3, 152–5, 158–9, 160–2]. During the twelve years Karuna spent

in India, he had gone to Visva-Bharati, the university founded by the Indian Nobel Laureate Rabindranath Tagore in 1921. It was there that Karuna studied Sanskrit and later proceeded to read Indology. At the same time, he worked as a personal secretary for Professor Tan Yun Shan, the director of Cheena Bhavana (Centre of Sino-Indian Cultural Studies) [Kusalasaya 1999: 99–103]. It was also there that Karuna got involved in the cause of Indian independence through his Indian friends, who not only brought him to meetings of the Indian National Congress, but also to Jawarhalal Nehru at Anand Bhavan in Allahabad [Kusalasaya 1999: 102]. Correspondence between Karuna and Nehru soon followed [Kusalasaya 1991: 12–15]. It turned out that Nehru was deeply impressed by one of Karuna's letters and included it in his *Discovery of India*, published in 1946 [Nehru 1994: 209–10]. Karuna's knowledge of the Indian struggle for independence and Nehru's non-alignment was beyond anyone else's in the Thai political landscape at the time [Kusalasaya 1999: 183].

Ari used his connections in Hong Kong and China and together they managed to establish contact with PRC authorities around October 1955. Then, two Thai Members of Parliaments—Sa-ing Marangkun and Amphon Suwannabon joined them in China before Zhou hosted them at a dinner and arranged for them to meet Mao Zedong in December 1955. In this meeting, Mao stressed the PRC's sincerity and willingness to establish trade relations with Thailand even in the absence of formal diplomatic relations [Kusalasaya 2002: 100, 118]. A memorandum affirming the friendship between China and Thailand would suffice for now.

At the same time, the memorandum affirming friendship would be signed in the Chinese embassy in Rangoon where Phibun was attending the celebrations of 2,500 years of Buddhism organized by Nu. It was not the only time that cultural events presented political opportunities. Phibun had arranged for Sang and Luean Buasuwan—the chief financier of Police General Phao Sriyanon, to travel to Rangoon separately from his party in order to hide their activities from public knowledge. This was because the knowledge of such activities would have led to American suspicion [Kusalasaya 2002: 81, 91–2]. Sang and Luean, as

representatives of the Phibun Government, met up with the Chinese ambassador to Burma Yao Zhongming [Tan 2018: 91–2; Phathanothai 1994: 51–3. Sang, Luean, and Yao signed the memorandum which affirmed the ‘deep historical friendship between China and Thailand’ and agreed to ‘increase mutual exchanges and establish contacts in trade and culture aiming to normalize their relations in the long run’ [Tan 2018: 92; Phathanothai 2011: 34].

This memorandum and its reference to Panchsheel was indeed a mark of success for Nehru in drawing Thailand into his ‘positive engagement with China’. This was the first time Panchsheel, which Nehru and Zhou came up with in 1954, was used as a framework for diplomatic relations in Asia outside of the non-aligned circle. This achievement of Nehru was not just symbolic, but more importantly it demonstrated that such a pro-western state as Thailand came to accept Nehru’s vision of postcolonial Asia and was willing to become part of it. Perhaps the strongest bond in this rapprochement was Sirin and Wanwai Phathanothai, children of Sang, who were sent to live with Zhou Enlai in 1955 as a token of Thai friendship. Initially, Wanwai was chosen because his name would remind Zhou of Prince Wan and their encounter. But it was Sirin who stayed longer until the beginning of the Cultural Revolution when Zhou suggested she leave for England with an English academic. All of these demonstrate Phibun’s attempts to balance Thailand’s relationship with the United States with another powerful nation — the PRC, which followed the footsteps of Nehru in his policy of ‘positive engagement with China’.

Conclusion

In conclusion, by placing Thailand in the historiography of the Third World in the Cold War, this paper has demonstrated the shift in the foreign policy of Thailand from a pro-western stance to accepting the policy of positive engagement with China and non-alignment championed by Nehru. The Bandung Conference marked the point where Thailand began to place greater importance on other Asian neighbours and explored alternative foreign policy opportunities. Thanks to Nehru’s involvement at Bandung,

it was possible for Prince Wan to discuss the Thai Government's points of concerns with Zhou, which led to a Thai rapprochement with the PRC under the framework of Panchsheel. This in turn provides insight into the Indo-Thai relationship during the early years of the Cold War.

Bibliography

Primary Sources

1. 1. Bangkok Post. 8, 21, 23–24 December 1954, 2 February 1955, 21 April 1955.
2. Confidential Telegram no. 1011/34/55 from Berkeley Gage to FO, dated 2 August 1955, in FO 371/117338 Situation in Siam, National Archives (Kew) henceforth NA.

Secondary Sources

3. *Acharya A.* East of India South of China. Oxford: Oxford University Press, 2017.
4. *Aydin C.* The Politics of Anti-Westernism in Asia: Visions of World Order in Pan-Islamic and Pan-Asian Thought. New York: Columbia University Press, 2007.
5. *Beaumont R.* The Hidden Truth: A Tribute to the Indian Independence Movement in Thailand. London: Minerva, 1999.
6. *Charoenpacharaporn P.* India under Nehru 1950–1964. BA diss. Exeter, 2016.
7. *Charoenpong S.* Cultivating Friendship in the Name of Bharat: the Role of Rabindranath Tagore, Swami Satyananda Puri and Subhas Chandra Bose in Thai-Indian Relations. Bangkok: Chulalongkorn University Press, 2014.
8. *Chulasirivong C.* Five Decades of Foreign Policy of Thailand: From Conflicts to Cooperation. Bangkok: The Office of National Culture Commission, 1991.
9. *Duke P.* Foreign Affairs and Independence of Thailand (From Rama IV to Pibulsongram). Bangkok: The Royal Institute, 2001.
10. *Fineman D.* A Special Relationship: the United States and Military Government in Thailand, 1947–1958. Honolulu: University of Hawaii Press, 1997.
11. *Ghosh L.* India-Thailand Cultural Interactions: Glimpses from the Past and Present. Singapore: Springer, 2017.
12. *Kahin G. M.* The Asian-African Conference: Bandung, Indonesia, April 1955. Ithaca: Cornell University Press, 1955.
13. *Kent J., Young J. W.* British Policy Overseas: The 'Third Force' and the Origins of NATO-in Search of a New Perspective [Book Section] // Securing Peace in Europe, 1954–62 / book auth. Heuser B. and O'Neill R. London: Palgrave Macmillan, 1992.

13. *Kusalasaya K.* India a Magnificent Subcontinent. Bangkok: Siam, 1991.
Kusalasaya K. Life without a Choice. Bangkok: Maekamphang, 1999.
14. *Kusalasaya K.* A Secret Mission to Beijing. Bangkok: Sukaphap Jai, 2002.
Nuechterlein D.E. Thailand and the Struggle for Southeast Asia. Ithaca: Cornell University Press, 1965.
15. *Lee C. J.* Making a World after Empire: The Bandung Moment and its Political Afterlives. Ohio: Ohio University Press, 2010.
16. *Lundestad G.* The United States and Western Europe Since 1945. Oxford: Oxford University Press.
17. *Mackie J.* Bandung 1955: Non-alignment and Afro-Asian Solidarity. Singapore: Editions Didier Millet, 2005.
18. *Nehru J.* The Discovery of India. Delhi: Oxford University Press, 1985.
19. *Prasad V.* The Darker Nation. London and New York: The New Press, 2007.
20. *Phathanothai S.* The Dragon's Pearl. London: Simon & Schuster, 1994.
21. *Phathanothai W.* Zhou Enlai: The Man Who Cultivated Thai-Chinese Friendship. Prathumthani: Prakonchai, 2011.
22. *Philips M.* Thailand in the Cold War. Abingdon: Routledge, 2017.
23. *Puangkasem P.* Thailand and SEATO. Bangkok: Thai Watana Panich, 1973.
Ruddy T.M. US Foreign Policy, the 'Third Force,' and European Union: Eisenhower and Europe's Neutrals. The Midwest Quarterly. 2000. No 42. P. 67–80.
24. *Sahai S., Misra N.* Mapping Connections: Indo-Thai Historical and Cultural Linkages. New Delhi: Mantra Books, 2016.
25. *Sauvy A.* Trois Mondes, une Planete [Three worlds, one planet] // L'observateur. 14 August 1953. P. 14
26. *Sforza C.* Italy, the Marshall Plan and the 'Third Force' // Foreign Affairs. 1948. No 26. 3. P.450–456.
27. *Tan M.* Confronting Communism Sang Phatthanothai and Thailand's Dynamic Relationship with the Cold War World, 1948–1957 // Journal of Social issues in Southeast Asia. 2018. No 33. 1. P. 59–115.
28. *Waithayakorn W.* When I met Zhou Enlai at Bandung [Book Section] // 120 Years Wan Waithayakorn / book auth. Ministry of Foreign Affairs. Bangkok: Ministry of Foreign Affairs, 2011.
29. *Wood S. P.* Constructing an Alternative Regional Identity: Panchsheel and India- China Diplomacy at the Asian-African Conference [Book Section] // Alterities in Asia, Reflections on Identity and Regionalism. Abingdon: Routledge, 2011.
30. *Wright R.* The Colour Curtain: A Report on the Bandung Conference. Bristol: Dennis Dobson, 1956.
31. *Zawacki B.* Thailand: Shifting Ground between the US and a Rising China. London: Zed Books, 2017.

Le Thi Qui Duc

(University of Education, Hue University, Vietnam,
lequiduc.his.sp@gmail.com)

**RELIGIOUS FACTOR IN THE TRADITIONAL
EDUCATIONS IN SOUTHEAST ASIAN COUNTRIES:
STUDY THE CASES OF VIETNAM,
MALAYA AND BURMA**

Abstract: *Before facing the aggression and domination of Western colonialism, countries in Southeast Asia underwent the period of formation and development of feudal regimes. Under those regimes, all of the rulers chose a certain religion to support the monarchy. Because of this important position and its advantages, religion has had a great influence on every aspect of social life in Southeast Asian countries, including education. By using a historical approach based on the methods of synthesis, analysis and comparison, the article shows the mark of religious factor in traditional educations in Southeast Asian countries: Vietnam, Malaya and Burma. In particular, the article focuses on analyzing the influence of religions in the components of those traditional educations. At the same time, the research also highlight the positive impacts as well as the problems that exist of these religiously-based educations for the development process of the above-mentioned Southeast Asian countries in history.*

Keywords: *religion, traditional education, Southeast Asia, Vietnam, Malaya, Burma.*

Le Vu Truong Qiang, Duong Quang Hiep

(Hue College of Science, Hue University, Vietnam)

**BEHAVIORAL MANNER OF POLITICAL SUBJECTS
IN THE SOUTHEASTERN ASIAN REGION
TO THE INVASIVE AND COLONIZED PROCESS
OF WESTERN COUNTRIES**

New geographic discoveries at the end of the XV century and the beginning of the XVI century signaled the dawn of capitalist era and opened up the confrontation of the two East-West civilizations. In this context, Southeast Asia was a populous, resource-rich region, thus it soon attracted the attention of Western colonial countries. When penetrating this region, western countries initially engaged in a predominant form of trade and missionary activity, and when the appropriate occasion occurred, they quickly turned to colonial aggression.

The political subjects in Southeast Asia have been subject to great challenges from the countries of Portugal, Spain, the Netherlands, England, France and so on. Facing the threat of national-country sovereignty from Western colonialism, the ruling class of Southeast Asian countries have had the choice of situational solutions with ingenious, flexible foreign policy or tough military confrontation policy and so forth to respond the process of Western invasion and colonization. Because of the implications of the problem, in this article we mainly clarify the behavioural manners of trade, politics, security without mentioning the ones with the infiltration of Christianity because this

is the difference problem, which has been clarified by the researchers.

During this period, Southeast Asia had an unequal development among territories. In some places, centrally powerful feudal states existed, some were primitive ones, and others were in the form of groups and tribes.

Therefore, we have used political subjects in each region and each country in the region to have a more comprehensive approach to the process of invasion and colonization by Western colonists. On the other hand, this classification aims to look at the differences in the behavior of each subject. For example, how do strong feudal states behave, primitive states and non-state territories used what methods to deal with the foreign invasion of Western colonialists.

1. From the reception of commercial activities and economic exchange

What the West easily accesses to Southeast Asia's sovereign lands is nothing more than the convenience and necessity of reciprocal trade between the two sides. The XVI–XVII centuries were a flourishing period of trade flows opened after geographical discoveries. Europe very desirably find a rich source of fragrance for itself and the Southeast Asian countries have been really attractive to meet that demand. Mary Sommers Heidhues also said, “... *the desire to participate in the sale of luxury goods with China, through Southeast Asia, where trade is possible even if China is closed to the outside.*”[1] And another motive that goes hand in hand with legitimate trading is that “*merchant ships are carrying missionaries to the region, hoping to bring Christianity to the remotest regions of Asia.*”[2] This was the period when Western countries exchanged trading, most of which had cooperation between the two sides. This created a vibrant trade flow in the region in the XVI-XVII centuries. Southeast Asian states also want to trade with the West to have the necessary items such as weapons for war, luxury goods for the wealthy aristocracy. The weapon is really useful in the constant battles in Dai Viet, Myanmar, Siam, small states on the territory of Malaysia and Indonesia. In the case of Vietnam, in the late sixteenth

and early seventeenth centuries, when the Trinh Lord in Dang Ngoai and the Nguyen Lord in Dang Trong allowed Westerners to come to trade, the Vietnamese foreign trade developed, contributing to the picture of Vietnam into commercial centers at that time such as Ke Cho (Hanoi), Pho Hien (Dang Ngoai), Hoi An, Thanh Ha, Nuoc Man (Dang Trong)... Dutch, English, and French established many rest houses in Ke Cho, while Portuguese and English placed them in Hoi An. These trade relations are mutually beneficial for both sides thus have been maintained for a long time. The dynasties in the two Cochinchina had a smart attitude to Western proposals and used them as merchants of weapons and goods to develop their power. Popular Western items in Vietnam at that time were silk, fabric, pepper, pottery, handicrafts, precious wood, yellow silk, cinnamon, some frankincense, and ky nam (precious frankincense)... In return, Western countries sold wool, felt, guns, matches, glass, metals such as zinc, copper, products from Japan, China... to the kings in Dang Trong and Dang Ngoai. But in the first half of the nineteenth century, the Nguyen dynasty kings were quite embarrassed when both wanted to “open the door” to integrate into the world market and wanted to “close” to prevent colonialism, so the relations between Vietnam and the West fall into a deadlock, vicious. However, basically, the Nguyen Dynasty still implemented the “closed door” policy to the outside world.

Meanwhile, the economic picture in island nations is somewhat more dynamic. Partly because of the aroma, the West needs to concentrate mainly on the islands. For example, East Indonesia at the time of the first maritime trade was the only place in the world to grow cloves and nutmeg. In the case of Portugal, when they invaded the Bantam commercial area, they had transferred about 3.5 million pounds of pepper per year to the Indian and Chinese markets.[3]

The expansion of the market of the East India company V. O.C. of the Netherlands in the 17th century, the most prosperous period from 1623 to 1684 showed that trading activities became an effective way to reach countries in the region, especially the strong ones in the Southeast Asian continents like Siam, Burma, Dai Viet.

A conspicuous feature is that Southeast Asian political subjects mostly encourage trade and exchanges with the West in the form of pure trade. However, illegal exploration activities, violent acts and the political conspiracy behind the trade and evangelical crust have pushed relations between the two sides to different levels and states of relations.

2. To the prudent attitudes and cautious diplomatic

When the political ambitions to invade Southeast Asia of Western colonialism began by covering under economic needs, some countries in the region were aware of the potential risks. Political subjects in Southeast Asia began to implement their responding policies. Vietnam during the Nguyen Dynasty, the Chakri Dynasty in Thailand, the Kingdom of Johor and the Kingdom of Meleka all had diplomatic actions to prevent Western invasion. Preventive diplomacy is manifested by clever behavior, limited communication, specifically through the closure and opening up in some areas of foreign trade and mission. Even some countries are so wary that they only accept foreign trade and prohibit missions like Vietnam.

In Vietnam, by the eighteenth century, the commercial activity decreased in both Dang Trong and Dang Ngoai. Along with trade with Western countries, Catholicism also began to be introduced into Dai Viet. The Trinh lords and the Nguyen lords did not want the presence of this religion, so there was little support. In 1802, Nguyen Anh, with the support of a number of French, defeated the Tay Son Dynasty to establish a new dynasty. The Nguyen Dynasty proved to be a dynasty with close relationships to some French groups. When coming to power (1802), Gia Long maintained the policy of *“trying to maintain a good relationship with France within the allowable capacity.”*[4] The precautionary policy was implemented by the Nguyen kings from Gia Long to Tu Duc to escape from the colonial “pincers”. The Nguyen dynasty *“while still defending against the West such as controlling ships, carrying out defenses in dangerous places like Hai Phong, Da Nang, Thi Nai, Con Lon,... it still creates conditions for the Western merchants to trade...”*[5] In particular, the policy of precaution at a

level of toughness that is manifested most is the policy of closing and banning and killing missionary is implemented, negatively affecting the missionary activities of Western clergymen, during the reigns of Minh Mang, Tu Duc, implemented “very strictly”, which harmed the relations between the two sides and was an important chance for the French firing of guns to invade in 1858.

For Siam, from the beginning of the sixteenth century, European merchants came to Siam to trade and establish relations. For example, relations with Portugal, from the 1511s, when Portugal invaded Melaka, the reaction of the Siamese government at that time was silent because the Thai people did not understand anything about Portugal. In order to establish dominance in Melaka, Portugal went to the King of Siam to consult and ask for a cross in the great square of Siam. The Siamese king agreed to establish diplomatic relations with Portugal. In its relationship with this country, the Siamese government also restricted the opening of free trade and was limited to the Ayuthaya Capital, Mergui and Tennasserim.[6] Siam has made good relations with the Portuguese in such a preventive and scrutiny manner but has achieved some good results in the trade process, playing an important role as a stopover in the maritime itinerary Portuguese — China. Later, with the intention of taking over Siam more and more clearly through the actions of Western countries, the Siamese court ordered the closure and restriction of foreign merchants to come to trade. Until the 20s of the 19th century, under increasing pressure from Western countries, led by the United Kingdom, Siam had to implement an open door policy.

3. Forms of connecting with the Occident to gain political targets

The expansion of the Dutch company V. O.C on the old Portuguese control areas with the support of several kingdoms in Indonesia and Siam is a clear demonstration of the “symbiotic link” to gain national benefits. At the end of the sixteenth century and the beginning of the seventeenth century, the kingdom of Johor, a division after the fall of the Melaka Muslim kingdom when the Portuguese attack occurred, became prosperous. Upon arriving in this area, the Dutch saw Johor

as a useful counterweight to compete with the Portuguese in Melaka, and they stepped up their trade with the kingdom of Johor. In 1637, the Kingdom of Johor allied with the Dutch through a treaty signed between Emirate Abdul Jali and the Dutch. The Kingdom of Johor sent a fleet of 40 warships to help the Dutch expel Portugal from Melaka in the final battle (1640–1641).[7] This form of coalition helped Indonesia to dispel an old enemy, but gradually fell into the hands of a new enemy. To a certain extent, they have achieved some of the political goals that they pursue but do not anticipate the price to pay before a formidable colonial opponent of the Netherlands with the rising power of the first capitalist country in Europe.

Siam also had a similar action with the Netherlands when established an intimate relationship with this country in 1604. Siamese considered such action as a strategic relationship to get rid of Portugal's presence. Therefore, on 11/9/1608, Siam sent an embassy to the Netherlands and received a solemn welcome from the prince, asking the Netherlands to provide engineers to build dams, boats and even provide weapons. Siam gave the Netherlands the privilege of trading as well as the close relationship of military cooperation. Therefore, from 1628 to 1635, when Portugal and Spain waged war against Siam, the Netherlands intervened by sending five warships to assist.[8] Siam, along with the island kingdoms, contributed with the Netherlands to dispel the old enemies, instead being a "more comfortable" new opponent.

Besides, another form of association is a form of coalition to compete for benefits, expressed through the temporary alliance of Siam — England is a clear evidence of this behavioral manner. The history of Siam in the early nineteenth century shows that Siam's foreign relations under Rama III with Britain in the overall relations with Western countries were most noticeable. After capturing Singapore (1819), the UK focused its attention on Peninsular Malaysia and the Siam market. On February 10, 1822, the Anglo-Siamese treaty was signed forming the initial premise in Anglo-Siamese relations in the new situation. Two years later, the situation became more complicated when British colonists launched a war to invade Burma in March

1824. Immediately after coming to power (August 1824), Rama III immediately sent three troops to the Burmese-Siam border, surveying British military activities to wait for the opportunity. In 1825, he sent an embassy to Siam for reinforcements. King Rama III immediately agreed to help Britain to fight Burma, but did not coordinate with the British troops but independently entered the Burmese territory. In the face of strong British and Siamese attacks, the Burmese king had to proclaim his surrender and sign the 10-point inequality treaty with Britain. What is special in this treaty is that it was clearly stated that “*the Siamese king, a very honest ally of England, would enjoy many benefits.*”[9] Thus, thanks to the clever participation in the war, Siam has contributed to destroying Burma — its long-time rival, not falling into British conspiracy, on the contrary, being divided and becoming allies with Britain in the Anglo-Burmese war. Behavioral manner of “leaning on the wind” before a strong opponent of Siam solved the urgent security and political issues of Siam at that time. At the same time Siam gained the benefit of rare opportunities by taking advantage of military clashes between the parties.

The case of Vietnam is another type of alliance, which is the representative of the groups between Nguyen Anh and Ba Da Loc in assistance to help Nguyen Anh gain some advantages in military activities. The alliance was specified in *The Treaty of Versailles* (1787)[10] — officially marking the binding relationship between the governments of Louis XVI and Nguyen Anh. Later, under the Treaty of Versailles, France thought that they had a legal basis to claim its interests in Vietnam reasonably. In fact, the *bona fide* military assistance activities of Bishop Ba Da Loc are not the official assistance of the French government, but rather the voluntary action of a group of people following individual mobilization of the bishop. Some French officers and soldiers have made certain contributions to Nguyen Anh's succession such as Dayot (Mr. Tri), Philippe Vannier (Mr. Chan), Chaigneau (Mr. Thang)... Assessing contribution by the French, D. Hall said, “*the help of the French volunteer army was of great value to the Nguyen cause. Some of these men had a great role in helping train and*

organize the Nguyen army and navy.”[11] These people were ordained, used for a time for the Nguyen. However, the dynasties of Gia Long and Minh Mang did not really enjoy their presence and gradually eliminated them. However, the French government still remembered the Treaty of 1787 as if it were French assistance to Nguyen Anh in Vietnam, and there was no longer any good evidence for that, but they kept it to force the Nguyen to make certain concessions.

We can find that the behavioural manner uses the power of the West to drive away other Western forces (type of Johor) or to gain interests (type of Siamese) or to borrow the force to drive away the domestic opponent forces (type of Nguyen Dynasty) have made the relationship between the West and some Southeast Asian countries interdependent at some point. This form of association and alliance is transitory, unsustainable and all have historical consequences for each relationship.

4. Toughly reacting by military actions and fulfilling war to respond threats

The intimidating diplomatic actions and then the power of cannons and warships to attempt to invade the colony made the Southeast Asian political subjects unacceptable.

One of the first military-colored behaviors erupted when the Kingdom of Melaka dealt with the Portuguese attack in 1511. This can be seen as the earliest clash and Melaka was put in a state of passive status. The people of Melaka fought stubbornly and collapsed after a month of besieged by the Portuguese guns and overwhelming potential. Melaka became one of the territories of Southeast Asia first invaded by the West. Despite this, the sons of Melaka's last Muslim monarch founded the Muslim kingdoms at various locations on the peninsula: the Perak Muslim Kingdom in the north, the Johor Muslim Kingdom in the south. After Melaka's collapse, the three sides fought to gain control of the Melaka Strait for decades.

The Kingdom of Aceh was one of the leading countries against Portugal after 1526. From 1529–1587, the Acehs tried continuously to recapture Melaka from Portugal. According to D. Hall, their greatest

effort came in 1558, when a fleet of 300 warships, 15.000 troops and 400 artillery from Turkey came to surround Melaka a month.[12] The subsequent military efforts of Aceh and some of the kingdoms in Indonesia made Portugal always in tension. However, all these attacks were defeated with the policy of reinforcements from Goa to maintain the bases of Portugal.

As another example, the Burmese dynasty in the war against the British army taking place in 1824–1825 proved very tenacious. Burmese armies, under the talent lead of Bandula, caused great casualties to the British. Total British losses totaled no less than 15.000 of the 40.000 troops in the expeditionary army that died, partly from fighting, partly from illness and death in Burma.[13] However, due to the disparity in weapon power, the Burmese army also suffered great setbacks and was forced to surrender, subject to unequal items to Britain.

The Kingdom of Brunei alone is a fierce competitor to the presence of imperial countries. In the 16th and 17th centuries, Brunei became a significant kingdom in the region, as its influence spread to the south of the Philippines and its territory extended to most lands in the northern part of the island of Kalimantan, including what is today the states of Sarawak and Sabah of Malaysia. As the first Muslim kingdom in the region, Brunei was the base for Islamization in the south of the Philippines and surrounding areas, often in conflict with Spain at the time occupying the Philippines, whose religion is Christianity, after Spain captured Luzon as an island in the centre of the Philippines.

During the Dutch expansion period, the largest independence uprising was probably the one of Prince Diponegoro. This uprising led to the Java War (1825–1830) between Prince Diponegoro and General De Kock in Indonesia. As a result, hundreds of thousands of Indonesians died, while 8,000 were Dutch and 7.000 soldiers were killed [14]. This strong military reaction caused both sides to suffer many losses, causing great difficulty for Dutch rule. After that, the protest movements were suppressed but showed the Indonesian spirit of agitation.

For Vietnam, right from the time France invaded, a wave of revolts broke out with the determination to protect the nation's independence.

People everywhere participated in fighting against the enemy from the fronts of Da Nang, Gia Dinh and Chi Hoa, the revolts against the French in the Southeast and the North, the uprising of the warring faction in Hue citadel in 1885, the Can Vuong movement, the Dong Du movement, the Duy Tan movement and so on. Tens of thousands of people joined the uprising army to fight the French colonialists with the spirit of indomitable unyielding fighting. The Nguyen dynasty itself immediately after the gunshot of the French ship fired at Son Tra peninsula encouraged the army and people to fight and won initially against the enemy. But due to the historical conditions that could not compete with the French colonialists who were stronger than the means of war, gradually discouraged and feeble, the country fell into colonial hands.

The resistance of the Nguyen Dynasty and the people of Vietnam, the spirit of the Melaka Kingdom, the protests of the Filipino tribes proved that. Most of the occupation of the western colonialism went through war, and when the victory was won, the Western countries could control the situation. During the process of rule, constantly being patriotic movements, the uprising raised out and threatened the colonial rule.

5. Finally, “reluctant openness” and acceptance of fully depending on Western countries

This behavioural manner was used by Filipino natives in a state where they had no other choice. A disjointed territory in the organization, without a complete state, made the Philippines a bait for Spain to invade shortly after the Magellan expedition, first setting foot on the islands in 1521. Spanish sailors quickly established churches and fortresses, while still searching for gold and spices. Roman Catholics were brought in and gradually the majority of people followed.

During this period, the Philippines did not form a clear political subject as a state. Instead, *“Spain did not have to deal with a problem of being a political force. The only political unit, Barangay, was a relatively small family, so the armed resistance takes place only on a local scale.”*[15] It can be understood that in this period, the Barangays

were the tribal form in the Philippines in a primitive state, not yet reaching the level of civilization compared to other countries in the region. J. S. Furnivall later called it “*multi-ethnic society*”[16] when more Chinese and other islanders resided. However, resistance was still taking place in these primitive tribes. The uprisings of the mountain tribal groups in northern Luzon and the coastal areas occasionally occur, because of the cruel punishment, heavy taxes and wrongdoing of the Spaniards. Muslims continue to resist in the southern islands of Mindanao. This was the first protest of the islanders. It was clear from the beginning that Spain was not well-received. In the end of the sixteenth century, the archipelago was almost entirely in the hands of Spanish colonialists. Despite this, the protest of the Philippines was in fact not a major obstacle to Spain because most were small and local. From the middle of the nineteenth century, marking the awakening of the Philippines people with many uprisings, special revolutionary movements after the time of 1898. General assessment of the behavioural manner of political subjects in the Philippines was the “reluctant opening” of Western values and local resistance, lack of system, did not change the situation of the country and finally accepts to be a colony for Spain during many long centuries.

In addition, other special cases, appearing as vulnerable political subjects, have had dependent behavioural manners and lack of resistance of the ruling class. We would like to denote as following.

The case of Cambodia: from the middle of the 17th century on wards, Cambodia became seriously weakened before two mighty neighbors, Siam and Dang Trong (Vietnam). The residence of Vietnamese in the Mekong Delta in the early 17th century led to a territory becoming the land of Lord Nguyen. In the west, Thais continued to invade and annex Battambang and Siem Reap provinces into Siamese territory. When the French came to Indochina to protect Cambodia since the treaty on August 11, 1863, gradually imposed their influence, rejecting the intervention of Siam. As a result, a power competition in Cambodia took place between France and Siam, while Cambodia had no counter-reaction to the “chess board of situation” being arranged. Finally, the

advantage prevailed in France with the French-Cambodian treaty ratified by Napoleon III in April 1864 recognizing French protection. Later, France also forced Siam to make further concessions when signing the 1867 French-Siamese treaty on Cambodia. Since then, the Norodom court in Cambodia has no other choice and reluctantly becomes a French colony.[17]

The case of Laos: Laos before the confrontation with the West had never been fully united but divided into many kingdoms, except the case of the unified kingdom of Laos Lan Xang of Pha Ngam in the 14th century. The relationship between Laos and the West is generally small, not as complicated as with other countries in the region. Partly due to the geographical position of Laos it is difficult to place trade in the years of the century of international maritime trade. On the other hand, the territory of Laos was not attractive to colonial countries because of the limited resources and political intervention of Siam in the long run. In the mid-19th century, France peered into this country, then intervened and gradually seized Laos in 1893. There was almost no conflict and reaction by military operations from the state. Instead of which, it is their acceptance. The kingdom of Luang Phrabang and the Principality of Champasak were still protected areas with internal autonomy, but in reality they were ruled by French envoys.

Under the oppression of the French, in 1901 a rebellion broke out in the south by a Lao — Theong named Ong Kakeo and Ong Kommadam led many people to support and only until 1937 it was radically suppressed. Other uprisings such as Po Co Duot (1901–1903) and Patchay (1918–1922) were gradually extinguished.

Thus, the attitude of cooperation and opposition of Laos existed during the period of French colonial rule and it was only untied after 1945. In general, Lao people were not as strong against the colonial people as other nations. The attitude of being forced to accept openness and colonization of France was the most conspicuous behavioural manner of a country with such weak potential as Laos in the 19th century.

This reluctant openness and acceptance of the dependency determined the historical fate of nations and territories in Southeast Asia that either were born or were colonized and subjected to heavy exploitation by Western colonialism.

6. Conclusion

During nearly four centuries of penetration and colonization in Southeast Asia, Western colonial countries were faced with the different behavioural manners of Southeast Asian political subjects. Historical reality shows that many behavioural manners are implemented depending on the political position of each subject. The political subject as a strong state implements clever and tough policies and actions. Weak subjects have a passive behavioural manner and are more easily conquered. Territories that do not yet have a state polity are not uniformly behaved but the majority had few political opinions and were easily colonized.

Strong states in Southeast Asia behave differently from small states. The toughness of states is built on the basis of a political, economic and military power in the face of Western invasion. But depending on the time and the stage, that action may change.

Most of the tough behavioural manners caused major wars that most of Southeast Asian countries failed and were colonized. It is clear that the Western power on the side of military is strength as well as the ability to wage war to win prevailed over Southeast Asian countries. The first states such as Melaka, Bantaram, Vietnam, and Burma, etc. had drastically anti-Western attitudes that eventually lost their independence.

The attitude of political subjects in Southeast Asia to the intrusion of Western colonialism is a combination of many factors, including cultural values, religions, political position and military power of each subject, stipulating the behavioural actions of each subject over time. Although the end result was not as expected, the protests of the peoples of Southeast Asian countries embody patriotism in the process of fighting against Western colonialism.

Notes

1. & 2. Mary Somers Heidhues (2007), *The developmental history of Southeast Asia*, Culture & Information Publishing House, Hanoi.

3. D. G. E. Hall (1997), *History of Southeast Asia*, National Political Publishing House, Hanoi, p. 386.

4. Nguyen Van Tan (2001), *Relations of the Nguyen Dynasty with Western countries (in comparison with Thailand and Japan)*, Some world history major topics, Hanoi National University Publishing House, pp. 229.

5. Nguyen Van Tan (2001), *ibid*, page 233.

6. D. G. E. Hall (1997), *ibid*, p. 387.

7. D. G. E. Hall (1997), *ibid*, p. 526.

8. Le Van Quang (1995), *History of the Kingdom of Thailand*, Ho Chi Minh City Publishing House, pp 89–91.

9. Akin Rabibhadawa (1996), *The organization of Thai society in the early Bangkok period, 1782–1873*, Amarin Printing & Publishing Public Company limited, Bangkok, page 134.

10. This treaty consists of 10 items, the main content is about French king's commitment to provide Nguyen Anh with 4 warships and 1.200 infantry, 200 artillery and 250 African black soldiers and vice versa Nguyen Anh accepted to yield the Da Nang seaport and Con Lon archipelago to France, allowing the French to freely trade and control foreign commerce in Vietnam, providing essential food and supplies for France when France at war with another country in the Far East (see also Ta Chi Dai Truong (1973), *History of Civil War in Vietnam from 1771 to 1802*, Literature & History Publishing House, Saigon.

11. D. G. E. Hall (1997), *ibid*, p. 636.

12. D. G. E. Hall (1997), *ibid*, p. 380.

13. D. G. E. Hall (1997), *ibid*, p. 876.

14. Vu Duong Ninh — Nguyen Van Hong (1996), *History of modern world*, Education Publishing House, Hanoi.

15. D. G. E. Hall (1997), *ibid*, p. 390.

16. Mary Somers Heidhues (2007), *ibid*, p. 131.

17. See also Dang Van Chuong (2004), *Siamese-Laos-Cambodia-Vietnam relations from 1778 to 1945*, Summary report of scientific thesis on the ministerial level, Hue College of Education, pages 37–41.

Nguyen Huu Phuc

(Department of History, Hue College of Education, Vietnam,
thienphuc2509history@gmail.com)

**BRITISH EDUCATIONAL POLICY IN MALAYSIA
AND THE NETHERLANDS IN INDONESIA FROM
THE LAST HALF OF THE 19th CENTURY
TO THE FIRST HALF OF THE 20th CENTURY:
SOME SIMILARITIES**

Abstract: *Education in Malaysia and Indonesia have taken a journey of development and profound change from feudal education to modern education. The important factor influencing this change was derived from the policies of rule of British and Dutch in these colonies. The nature of these policies doesn't towards the inherent good values of an activity that leads to social progress. But the results of colonial education in Malaysia and Indonesia went far beyond the original aims of the British and the Dutch. The educational policies of British colonialists in Malaysia and the Dutch in Indonesia have a strong influence on the development of the country later. Through this article, the author wants to clarify the main contents of British and Dutch educational policy in colonial Malaysia and Indonesia. From there, clarify the similarities and differences of British educational policy in Malaysia and the Dutch in Indonesia during the colonial period.*

Keywords: *Education policies, British, Dutch, Malaysia, Indonesia, colonial period.*

1. Education is considered a central content of colonial policy

Because of its extremely favorable geographical location, an important strategic point in trade and defense between the Indian Ocean and the Pacific Ocean, which is adjacent to many of the region's rich resources, very early, Dutch and British colonists tried to invade Indonesia and Malaysia. After a period of fierce competition with other Western colonial countries, by means of diplomacy and force, Britain controlled and monopolized Malaysia and the Netherlands became the dominant ruler in Indonesia second half of the nineteenth century.

Isolated in an unfamiliar country, what both the British and the Dutch needed was political stability; there was a qualified human force and the necessary loyalty for the colonial government apparatus, the domesticity and gratitude of the indigenous people to the colonial government. In their calculations, all plans to spread Western religion and civilization and, most importantly, assimilation policy will be hindered when education policy is not deeply ingrained in colonial lands. Together with the operations, all these desires were given to the educational cause by the British and the Dutch themselves.

Prior to the arrival of the British and the Dutch, traditional education in Malaysia and Indonesia took place in the form of Quran classes conducted by Muslim clerics. "This education system only teaches subjects about religion; teaching the Qur'an, preaching, shariat Islamic law along with other Islamic customs and traditions ... Islamic classes are often held in cathedrals or chapels run by religious dignitaries, who understand the Qur'an in charge"¹. Because education focuses on religion, scientific knowledge and secular subjects are not mentioned in these Islamic schools. Aware of this, both the British and the Dutch gradually set up Western-style education, moving toward replacing the traditional education that has existed for centuries.

It can be said that through education to spread and assimilate culture is one of the main goals of British imperialism and Dutch colonialism. The

¹ Pham Thi Vinh (1992), *Islamic Education and Development in Southeast Asia*, *Southeast Asia Research Society*, Vol. 4, p. 55.

key to achieving that goal is to discourage native-language education, but instead impose colonial-language education on administrative and commercial transactions. And “with the policy of discouraging indigenous language learning, the need for work has drawn a part of indigenous people, mainly upper-class children to Western schools”¹.

Thus, during the colonial rule, along with the consolidation of administrative regimes and the enhancement of colonial exploitation, the British and Dutch colonial governments stepped up the implementation of the education policy towards colony. The colonial government saw the educational front as a major tool in achieving its goal of cultural assimilation and supporting colonial policies.

2. Education was deeply influenced by the divided and conquered policies of British and Dutch colonists.

The main aim of British and Dutch colonization was to control colonies, convert them into a market for supplying raw materials, labor and consumption of the nation's consumer goods. With the advancement of science, technology, military and maritime transport since the second half of the nineteenth century, they has intensified the process of annexing not only inland but also deep regions. All jobs such as setting up administrative structures, implementing cultural policies, schooling, etc. are also mainly designed to raise income and enrich the colonial government. To be able to exploit the colony effectively, in addition to applying feudal exploitation such as paying land taxes, harvest tax, ... the British and Dutch colonists also pursued a policy of division and rule. Therefore, the implementation of education policy in the colonies was not outside the control of this policy.

With the influence of that policy, from the outset, Malaysian education designed by the British emphasized adaptability to each “*ethnic group and their respective group and to the political role as well as the distinct economic status of each group in the structure of colonial society. British*

¹ Tran Khanh (2012), *Southeast Asia History*, Volume IV, Social Sciences Publishing House: Hanoi, p. 240.

education policy aims to emphasize differences in ethnic history and culture, factors that will help preserve the unique character of each different group”¹. The British 'aim was to enforce this educational policy to ensure that the Malaysian colonies ethnic groups did not come together to form a force that impedes British colonial interests. A person who wants to enter the colonial education system therefore needs to address the question: to which social group do you belong (Malay, Chinese or Indian)? Who are you (whether noble or commoner)? Because this is the identification card this indicates the type of school the person may enter.

As for the Dutch, after the re-establishment of the Dutch government in Indonesia in 1824 through the Anglo-Dutch Treaty², they began to adapt their colonial policy of exploitation to create an abundant financial source, a powerful economy to regain their position in the international arena. The Dutch government also adopted a division policy to rule Indonesian society not only with indigenous peoples, but also with other immigrant groups such as Chinese, Indian, Eurasian with specific economic activities and political positions to secure the colonial system and retain its dominance in Indonesia. And like the British, Dutch colonists saw schooling as a means of “conquering the spirit,” helping to train a large contingent of minions to control, control and govern. It is analogous to the British view of education as the colonial government introduced educational policies as well as other governance policies with the above-mentioned objectives in the “divide” and “rule” policy system, ensuring that ethnic groups in Malaysia and Indonesia did not unite into forces that would hamper colonial government interests.

The British and Dutch colonial governments, under the “divide and conquer” scheme, established separate education systems for each ethnic group residing in the colonies. For the British, they built four school

¹ Ly Tuong Van (2011), British education policy for indigenous Malay communities (from the late nineteenth century to the early twentieth century), Southeast Asian Research Journal, No. 5/2011, p. 11.

² In 1824, under the Anglo-Dutch Agreement for the Area of Influence in Southeast Asia, signed in London on March 17, the Netherlands took control of most of Java and Indonesia's other islands.

systems: English schools, Malay schools, Chinese schools and Indian schools with the respective teaching facilities being English, Malay, Chinese and Tamil. With the teaching medium being the native language, schools in Malay, Chinese, and Indian are built only for a certain ethnic community. Malays, Chinese, and Indians were then only able to engage in the form of school taught in their own language, not that of other cultures. As for the Dutch, they also set up three types of schools, Dutch Indonesian school (Hollands Inlandse School — HIS), Europeese Lagere School (ELS), Dutch Chinese schools (Hollands Chinese School — HCS). Although these schools are trained in the Western educational model, all use Dutch as the main language of instruction, but learners are not allowed to go to other community schools. Commenting on the British education system in Malaysia, Chai Hon Chan also asserted that: “*social differences appeared between the English-educated Chinese and the Chinese-educated Chinese, as there did between the English-educated and vernacular-educated among the Malays and Indians*”¹.

The existence of different types of schools on the one hand stems from the needs of ethnic communities because schools are the place to spread the cultural and religious values of each community. Above all, the colonial government wanted to take advantage of that mentality to maintain various types of indigenous schools to ensure that the groups, even though they were next to each other, could not merge, forming a force that hindered colonial interests. Clearly, the existence of different school systems has given rise to local psychology, contributing to facilitating the formation of communityism, a dangerous thought that prevents solidarity and unity between ethnic groups. As a result of that policy, communities are isolated within their own social and cultural environments.

3. The educational policy is set by the colonial government, which directly operates and manages

If in the Philippines, Spain sees education as a powerful tool for missionary purposes. Therefore, during the period of Spain's rule, colonial

¹ Chai Hon Chan (1977), *Education and Nation- building in Plural Societies: The West Malaysian Experience*, Canberra: The Australian National University. P. 27.

education was directly controlled by Christian clergy. It is entirely different from the colonial education in Malaysia and Indonesia, not based on missionary purposes and founded and implemented directly by the colonial British and Dutch governments. 1876 was considered an important milestone for Malaysian education when the Strait Settlement (SS)¹ used its political power to introduce new educational policies for Malaysia. From here, the education situation in Malaysia has made great strides, first in the fact that education policies have been more clearly planned through the Committees of Education and the Education Laws are issued. One of the laws on education which has a significant effect on Malaysia is the Malaysian law on education enacted by the British government in 1899. The code had been in force for almost 20 years, until it was revised in 1908.

By the end of the nineteenth century to the beginning of the twentieth century, when expanding its influence on Malaysian boards, the British colonial government became increasingly aware of the importance of education to colonial exploitation. In an effort to restructure English-oriented education, British policy provided the basis for a clear shift in education in colonial Malaysia.

In Indonesia, the Dutch colonial government was interested in the development of education here very early, specifically in 1818, through the Dutch Indian Basic Law, which said: "it was the duty of the government to provide educational facilities for indigenous as well as European children"². By 1848, after reaching an agreement with the Batavia government, a royal decree was passed. The Dutch government must provide the governor with an sum of 25,000 guides to set up human resource training schools for the colonial government system according to the decree. The Dutch government released an educational decree to complete the colonial training program, which stressed the development of public education both in Java and some other Indonesian islands. Beginning from this stage, the teachers' training became more oriented

¹ Straits Settlements (SS) includes Wellesley province (including Penang Island, Kadah coastal area and Naning land), Malacca state, Singapore island.

² Christiaan Lambert Maria Penders (1968), *Colonial education policy and practice in Indonesia: 1900–1942*, Th. D Thesis: Australian National University, tr. 7.

than before, in order to train the best teachers, 6 pedagogical colleges were founded between 1873 and 1879. Not only has the number of teacher training schools increased, but *“the number of public primary schools expanded: in Java the Madura from 82 in 1873 to 193 in 1883, and in all other islands from 117 to 284. The number of pupils and number of teaching staff in Java and Madura increased regardless of ethnic background, respectively from 5,512 to 16,214 and from 223 to 582”*¹.

Although the Dutch attempted to promote education in colonial Indonesia to meet the need for governance, the results were not expected. Therefore, in 1893 and 1901, the Dutch government enacted two educational reforms to improve quality and ensure the effectiveness of colonial colonization and colonization according to the situation at the time. The central content of the first educational reform (1893) was that *“the new Dutch had just opened two systems of junior high schools, specifically for indigenous people: One was a first-class, specialized school for the children of the aristocracy, mandarins (Priyayi) and the second class Local School to teach children of different classes, mainly to poor rural and urban people”*². By 1901, when the Dutch government issued the “New Way” or “The Ethical Policy,” education was *“a means, an effort to return to the indigenous people for the losses³ they have suffered from their harsh rule of rule”*⁴. Accordingly, the Dutch government has completely developed the education system with all levels of primary, secondary and tertiary vocational education. The

¹ Agus Suwignyo (2012), *The Breach in the Dike: Regime change and the standardization of public primary — school teacher training in Indonesia (1893–1969)*: Universiteit Leiden, tr. 52.

² Tran Khanh (editor) (2012), *Southeast Asia History*, Vol. IV, Social Sciences Publishing House: Hanoi, p. 247.

³ To revive the economy, the Dutch colonialists carried out many new exploiting tactics such as issuing compulsory military service and draft for indigenous people, especially applying the “cultivation regime”. With these brutal policies, Indonesia has had many changes, unemployment and famine are rampant, more than half a million people starve to death.

⁴ Nguyen Huu Phuc (2018), Dutch education reform in colonial Indonesia (1893–1901), *Journal of Science & Education University of Education, Hue University*, No. 2, p. 82.

Dutch government has also sent several students to the Dutch from this time on to practice. Through the sending of students to study abroad, Indonesia in the early decades of the twentieth century formed an intellectual class, a western school, they are the nucleus of the national liberation movement and struggle independence for Indonesia in the 20–40s of the twentieth century.

Thus, after the completion of control of Indonesia, both the British and the Dutch wished to build an administrative management education system to maintain influence and create stability in social order. Therefore, an educational system was established to train Indonesian employees, appointed to positions in the public bureaucracy and labor force (low level) directly run by colonial governments. With the policies of the British and Dutch colonial rule, Malaysia and Indonesia had a unified state apparatus on a national scale and the educational development was relatively comprehensive and progressive compared to the previous period. The impact of the educational policy that the Western colonial government brought Malaysia and Indonesia to a new level, from a pristine country in terms of both state organization and education.

4. Both the British and the Dutch implemented a “dual education” policy in the colonies

A similarity in the educational policies of the British and Dutch colonies in Malaysia and Indonesia were the implementation of the “dual education” policy during their rule. With this dual education system, a Western-oriented “elite” education program specifically for aristocratic children, Europeans and another “rural character” program will be devoted to The lower middle classes are mainly farmers and fishermen. The goal of the “*dual education*” policy was to “*on the one hand attract the support of the aristocracy, on the other hand continue to curb the intellectual and economic viability of the lower classes, to prevent thoughts of freedom and independence*”¹. To accomplish this

¹ Hoang Phan Hanh Hien (2017), British education policy for Malay people, Vietnam Journal of Social Sciences, No. 12, p. 97.

goal, the British government has established a public education system that teaches English from elementary to university level. Accordingly, the curriculum at these schools is mainly secular subjects and English language is considered compulsory. Other subjects such as Malay language and culture are only taught in the first year with very little time.

This was aimed at “Anglicizing” the Malay aristocracy. The colonial government was very hopeful of this goal because by giving priority to the aristocracy, the British colonial government would exercise control over the majority of the people. On the other hand, the British were quite aware of the traditional spirit of Malaysian Muslims to always adhere to social order and not to oppose the aristocracy, so creating friendly relations with the aristocracy will help the British government in “*neutralizing the challenge of the radical intellectual class on the opposing side*”¹.

In contrast to the elite English education for the aristocracy, the content of education for ordinary Malaysians during the colonial period with the knowledge provided was sufficient to read, write, and do math, and to formulate habits of obedience, hygiene and observance of the rules, the time. Accordingly, the educational program with the knowledge taught in the local language and not exposed to higher education levels in the villages. If they want to go on to higher education, they must take special English language conversion classes called “Remove Class” for two years. It can be said that, in educational goals, the British do not want to apply the education system in English, because they think it is dangerous to teach English indiscriminately. Swettenham, when discussing this, said: “*I don't think we should try to give the children of farmers a new level of knowledge about the language because only a very small amount of knowledge it can also make them feel incompatible with the obligations of life and make them discontent with anything that belongs to manual labor*”².

¹ Ly Tuong Van (2011), British education policy for indigenous Malay communities (from the late nineteenth century to the early twentieth century), *Southeast Asian Research Journal*, No. 5/2011, p. 22.

² Rex Stevenson (1975), *Cultivators and Adminisstrtors: Bristish Education Policy Towards the Malays 1875 — 1906*, Oxford University Press: Kuala Lumpur, tr. 57.

As analyzed above, the Dutch government also implemented a “dual education” policy to divide the Indonesian and Chinese communities with Eurasian crossbred. Compared to the British, the Dutch “dual education” policy was not much different, also established two educational systems, namely indigenous education and Western model. *“The native schools was conducted with the local vernacular as the language for instruction and Dutch oriented schools was operated with Dutch as the language for instruction”*¹. Initially, the Dutch educational policy was to establish in Indonesia a common education for aristocracy and peasantry. Because the nobility *“felt their ancient privileges were violated when they were mixed with commoners in school”*². This was the basis for the Dutch to change their educational policy in 1893, with the construction of First Class school and Second Class school dedicated to all walks of life in Indonesian society.

Right from the time of Indonesian colonial rule, the Dutch colonists paid attention to the bureaucracy, indigenous nobility. Therefore, colonial government always had more priority for the upper class in recruiting into the civil apparatus than the peasantry. Attached to the importance, the Dutch government designed a Western-style curriculum for the aristocracy of Indonesia, complete with high-quality education, specialized vocational schools and Dutch language used in the curriculum. As for the peasantry, education only focuses on helping learners to read, write, calculate and master manual labor skills. Therefore, indigenous education stops at primary and vocational levels, but students do not have the opportunity to attend higher levels. If a farmer wants to access the higher levels of Dutch education and wants to move on the path of “fame” like the aristocracy, after completing the program at secondary school or village school, through a 5-year training course at the Associate

¹ Soewandi Ronodidjojo (1968), *A study occupational education in Indonesia*, India University, p. 29.

² Willy Rothrock (1975), *The development of Dutch — Indonesia primary Schooling: A study in Colonial education*, The University of Alberta, p. 47

School (Schakelschools). The purpose of establishing the Link School is to *“bridge the gap between native vernacular elementary education and the Dutch-oriented education program in order that the path to higher education might be opened to more of the capable in indigenous students”*¹.

Under the influence of the colonial government’s “dual education” policy, the new knowledge contingent of the Malaysian and Indonesian communities was divided into two sects with two different educational systems: one side is Western-oriented education and the other is indigenous education. Following the education system is the ability to advance at work, because the colonial government only employs those trained in the Western-style education system, who know foreign languages and loyal to the government of the geography. In parallel with the policy of ethnic discrimination in education, the colonial government also had racial discrimination in the appointment of civil servants and pay. *“Having the same qualifications, learning the same job, even learning quite well, but the path of advancement of indigenous people is more difficult”*². Thus, along with other policies in the colonial rule program, the “double education” policy for the aristocracy with the peasantry, the peoples of Malaysia, Indonesia and the European within the system of policies divided and conquered.

5. The educational content is designed according to the secular and modern trends

During the period of colonial rule, the education of Malaysia and Indonesia made great strides, changing fundamentally and comprehensively according to the secular trend. In which, the transformation of the education system from the form of religious education to the Western educational model is considered a prominent

¹ Soewandi Ronodidjojo (1968), *A study occupational education in Indonesia*, India University, tr. 41

² Tran Khanh (editor) (2012), *Southeast Asia History*, Volume IV, Social Sciences Publishing House: Hanoi, p. 248.

feature of the secularization of education in Malaysia and Indonesia. It can be said that secularization of education is a phenomenon and in fact, it has been introduced from outside to Southeast Asian countries in general, in Malaysia and Indonesia in particular during the colonial period.

Back in time before the nineteenth century, the Quran class, pesantren, pondok were traditionally popular forms of education in the villages of Malaysia and Indonesia. Education takes place mainly in the churches or private houses of religious dignitaries, subjects related to religious content are the main content of the educational program. Therefore, in parallel with the colonial exploitation process, the British and Dutch colonists by various measures gradually turned religious classes into secular educational institutions by converting them into native school.

In this type of education, children of Malaysia and Indonesia are provided with basic knowledge in the local language including basic subjects such as reading, writing, arithmetic, hygiene, primary agricultural skills, equality and a knowledge of geography and history. These free content subjects are included in the formal curriculum, while traditional Quran classes are retained but as an informal educational content. Compared to the French when implementing educational policies in Vietnam, the French want to find ways to abolish and eventually completely replace traditional Confucian education with an education with the element of "Franceization". The greatest advantage of the education that the British and the Dutch bring to a new education for the colonial countries is that it has a European influence such as centralized management, compilation of textbooks by grade and subject, focusing on practical and natural sciences. Clearly, the purpose of establishing secular schools is to transform traditional Quran classes in indigenous villages. Although these schools were still wearing religious dresses, they were gradually faded and were obscured by secular shirts. Under the organization and control of the colonial government, the indigenous schools in Malaysia and Indonesia have profoundly changed to become secular educational institutions.

In addition to secular education, for the first time, the Bahasa Malayu languages of Malaysia and Indonesia were Latinized into new writing and introduced into indigenous schools to gradually replace the characters Jawa complexity has brought advantages to the acquisition of education. Another aspect of secular tendency and modernization of education is the establishment of modern vocational and technical schools in the early years of the twentieth century. It can be said that, for the first time in Malaysia and Indonesia, education is managed through legal documents such as: “education law” and “education decree”. Educational institutions as well as educational titles are established and appointed: Education Committee, Education Director, Education Inspectorate, etc. At the same time, educational policies have been institutionalized, the interests of people in general and women in particular have more equal opportunities in education. The status and rights of women were higher than before and compared to some Southeast Asian countries at the time, when most women were denied their rights to education in a patriarchal society with the notion that women should only take care of housework.

Thus, with the aim of turning education into a tool to support the colonial exploitation, the British and Dutch colonial governments have restructured the educational system in Malaysia and Indonesia with the Western model. The presence of British and Dutch colonialists brought a transformation to the foundation of an outdated educational model in the previous colonies. All elements and parts of colonial education were very new to Malaysians and Indonesians.

6. Conclusion

In short, due to the characteristics of each country and the colonial rule policy of the British and the Dutch, the educational policies in Malaysia and Indonesia are not the same, but, it can be noticed that, with similarities in space, time, and educational policies, but the content of British education policy in Malaysia and the Netherlands in Indonesia has a lot in common. These commonalities are the trend

of “Westernizing” — a tendency to bring colonial peoples around the influence of the capitalist world. At the same time, Western colonial education policy has laid the foundation for the integration process with the world education.

Notes

1. Chai Hon Chan (1977), *Education and Nation- building in Plural Societies: The West Malaysian Experience*, Canberra: The Australian National University.
2. Hoang Phan Hanh Hien (2017), *British education policy for Malay people*, Vietnam Journal of Social Sciences, No. 12.
3. Tran Khanh (2012), *Southeast Asia History*, Vol. IV, Social Sciences Publishing House: Hanoi.
4. Ly Tuong Van (2011), British education policy for indigenous Malay communities (from the late nineteenth century to the early twentieth century), *Southeast Asian Research Journal*, No. 5/2011
5. Pham Thi Vinh (1992), Islamic Education and Development in Southeast Asia, *Southeast Asia Research Society*, Vol. 4.
6. Christiaan Lambert Maria Penders (1968), *Colonial education policy and practice in Indonesia: 1900–1942*, Th. D Thesis: Australian National University.
7. Nguyen Huu Phuc (2018), Dutch education reform in colonial Indonesia (1893 — 1901), *Journal of Science & Education University of Education*, Hue University, No. 2.
8. Agus Suwignyo (2012), *The Breach in the Dike: Regime change and the standardization of public primary — school teacher training in Indonesia (1893–1969)*: Universiteit Leiden.
9. Rex Stevenson (1975), *Cultivators and Adminisstrtors: Bristish Education Policy Towards the Mlays 1875–1906*, Oxford University Press: Kuala Lumpur.
10. Soewandi Ronodidjojo (1968), *A study occupational education in Indonesia*, India University.
11. Willy Rothrock (1975), *The development of Dutch — Indonesia primary Schooling: A study in Colonial education*, The University of Alberta.

Nguyen Thi Vinh Linh

(Quang Nam University, Vietnam, nguyenthivinhlinh@gmail.com)

**THE EDUCATIONAL POLICY OF THE BRITISH
COLONIAL GOVERNMENT FOR INDIGENOUS
MALAYS AND THE EDUCATIONAL POLICY
OF THE FRENCH COLONIAL GOVERNMENT
FOR VIETNAMESE PEOPLE (DURING THE LATE
19th AND EARLY 20th CENTURIES) —
A COMPARATIVE RESEARCH**

Abstract: *In the first part of the XIX century, by displacing the Portuguese and the Dutch from the Malayan peninsula, Britain established successfully their domination in this area. Due to colonial attitude, initially, the British colonial government did not focus on developing the local education. However, in the first part of the XX century, because of a lack of native human resources serving the civil administrative system in Malayan colonies, they were forced to apply a new educational policy for native people. Although this policy emphasized cultural and racial differences between immigrant and indigenous communities leading to obvious ethnic isolation and social status gap among them, it had positive impacts on Malayan society. At the same time, in French Cochinchina, the French colonial government also enforced a separate educational policy for Vietnamese people. Therefore, in the sphere of this paper, we will focus on the educational policy of the British colonial government related to the indigenous Malays and its positive and negative impacts on this community.*

Besides, we will examine some features of the educational policy of the French colonial government for Vietnamese people. On that basis, we will discuss the similarities and differences between these two educational policies and its impacts on establishing modern education in the Federation of Malaysia and Vietnam. In order to carry out this research, we used the historical analysis method, combined with comparative research based on relevant sources.

Keywords: *colonial education, indigenous Malay community, Vietnamese people, British colonial government, French colonial government.*

Nguyen Tuan Binh, Le Minh Chinh

(University of Education, Hue University, Vietnam,
nguyentuanbinh@gmail.com)

SOUTHEAST ASIA IN THE STRATEGIC COMPETITION BETWEEN THE U.S. AND CHINA IN THE CONTEXT OF TWO DECADES OF THE EARLY 21st CENTURY

Abstract: *With the advantages of geostrategic location, socio-economics, in spite of existing many “hot spots” in terms of security, Southeast Asia became the disputed territory for the important influence of many major countries in the world, including both two powers and the two largest economies in the world — the U. S. and China. The two countries are competing in the influence and leadership position in the Southeast Asia through the integration plans and different geopolitical approaches. Since the early 21st century, the relation between the U. S. and China with Southeast Asia has had great developments. Although the two countries have a starting point of different strategies and tactics for Southeast Asia, both parties have many common interests in promoting cooperation with the region. Southeast Asia is peaceful, stable and prosperous in accordance with the common interest of the U. S. and China. The article compares China and the U. S. foreign policy and analyses the strategic competition between the two countries in Southeast Asia to clearly understand the strategic direction of foreign affairs as well as the influences of both the U. S. and China to the situation of Southeast Asia for two decades of the early 21st century.*

Keywords: *China, competition, Southeast Asia, the U. S., 21st century.*

Nguyen Tuan Binh,
Nguyen Huu Thien Phuc

(University of Education, Hue University, Vietnam,
tuanbinhkhواسu@gmail.com)

**THE NATIONAL REFORM MOVEMENT
AT SOME SOUTHEAST ASIAN COUNTRIES
FROM THE SECOND HALF OF 19th CENTURY —
A CASE STUDY OF BURMA,
SIAM AND VIETNAM**

Abstract: *Reform is an indispensable need in the history of a people, to bring the developed country, escape from poverty, backward and dependence. From the second half of the 19th century, Western colonial countries directed attention to the Southeastern region to attribute and make it a colony — the source of materials and markets that consumed the goods. In that situation, in order to protect the independence, sovereignty and territorial integrity, some Southeast Asian countries like Burma, Siam, Vietnam conducted the national reforms to deal with the risk of expansion of the invasion from Western colonial countries, escape from colonial relatives and integrate into the world. Although the results achieved were uneven between countries, the reforms of the aforementioned countries contributed to a new trend in the national salvation movement in Southeast Asia — a tendency to reform and modernize the nation, self-strengthening nationalism to against the threat of national*

independence and sovereignty. This article highlights the most basic features of the national reform movement in Burma, Siam and Vietnam in the context of world history and the region from the second half of the 19th century, thereby not only identifying accurately and objectively about the reform movements in some Southeast Asian countries, but also drawing the similarities and differences between these reforms.

Keywords. *Burma, national reform, Southeast Asia, Thailand, Vietnam.*

Tran Thi Mai An

(The University of Danang, Vietnam, maiansp@gmail.com)

WATER WORSHIP IN SOUTHEAST ASIAN COUNTRIES

Abstract: *Southeast Asia is an area with long-standing history and culture, once called the South by the Chinese, Nan Yo by the Japanese, Qumr by the Arabian, and Suvarnabhumi by the Indian. The position of Southeast Asia plays an important role on the cultural map of the world, because it is often considered a “crossroads”, a “corridor”, a “bridge” to Eastern Asia, Western Asia and the Mediterranean. In terms of territorial sovereignty, Southeast Asia currently has 11 countries, but in terms of cultural space, this is an area having the common indigenous cultural foundation (G. Coedes, 1944) which manifests in aspects of community life such as material, society, folklore and spirituality. In order to further clarify the unity in the cultural diversity of the current Southeast Asian region, the article presents the expressions of water worship in Southeast Asian countries, a phenomenon of beliefs emerging from very early in the community of Southeast Asian residents and having still been maintained. This article will contribute to affirming the common indigenous cultural foundation of Southeast Asia — an area of cultural unity and diversity.*

Keywords: *Southeast Asia, Water worship, indigenous cultural, unity, diversity.*

Tran Thi Que Chau

(Hue University of Education, Vietnam, tqchau@gmail.com)

THE ROLE OF THE CHINESE FOR THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF SOUTHEAST ASIA'S TRADE CENTER IN THE SIXTEENTH AND SEVENTEENTH CENTURIES: CASE STUDY OF MANILA

Abstract: *The 16th and 17th centuries were considered a turning point in the history of Southeast Asian trade, also known as the “trade boom period”. The presence of Western countries had prompted Southeast Asian countries to increasingly integrate into international trade. One of its consequences was the establishment of major trade centers in Southeast Asia such as Batavia, Sumatra, Ayuthaya, Pho Hien, Hoi An, Manila, ... The birth and development of these commercial cities had been contributed by the immigrant Chinese community. In the case of Manila, the Chinese's role was expressed in three aspects. Firstly, the regular presence of the Chinese is a key factor in the establishment of the largest Spanish settlement in Manila; Secondly, the Chinese acted as a “bridge” for trade between the Philippines and China, providing a major volume of goods for intra-regional trade and Manila Galleon international trade. Finally, the Chinese was labour that provides essential services to residents of metropolitan Manila.*

Keywords: *The Chinese, trade centre, Manila, sixteenth century, seventeenth century.*

Научное издание

**МЕЖДУНАРОДНАЯ
НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ,
ПОСВЯЩЕННАЯ 65-Й ГОДОВЩИНЕ
НАЧАЛА ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВ
ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ
В НАШЕЙ СТРАНЕ**

Санкт-Петербург, 15–16 сентября 2020 г.

Сборник материалов

Составитель Е. Н. Колпачкова
Верстка и дизайн Е. В. Владимировой

Все статьи печатаются в авторской редакции

Подписано в печать с авторского оригинал-макета 11.09.2020

Формат 60 × 84/16. Печать цифровая

Усл. печ. л. 21,5. Тираж 50 экз.

Заказ № 906

Академия исследования культуры
197376, Санкт-Петербург, ул. Чапыгина, д. 6, лит. А
post@arculture.ru

Отпечатано в типографии «Поликона»
190020, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 199

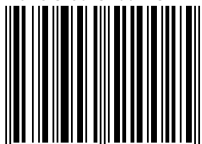
На обложке: фото статуи Пра Апхай Мани (источник: пресс-служба СПбГУ)

Подаренную Таиландом СПбГУ скульптуру легендарного тайского героя Пра Апхай Мани открыли в 2012 году. Пра Апхай Мани — главный герой повести поэта Сунтона Пу, которого называют «тайским Пушкиным», поскольку поэт не только олицетворяет культуру Таиланда, но и является мировым классиком.

Поэма «Пра Апхай Мани» входит в золотой фонд мировой литературы.

Начавшееся в 1955 году системное исследование народов и культур материковой и островной Юго-Восточной Азии, преподавание в стенах Ленинградского государственного университета языков этого региона привело к становлению в Ленинграде/Санкт-Петербурге известной научной школы, которая органично вписалась в традиции петербургского востоковедения. Сборник материалов научной конференции охватывает самый широкий круг проблем, связанных с изучением Юго-Восточной Азии. Учитывая разнообразие интересов специалистов по данному региону, тематика мероприятия включает такие традиционные для отечественной ориенталистики аспекты и направления, как языки, литература и фольклор, религии и культуры народов ЮВА, история и современное развитие государств ЮВА.

ISBN 978-5-6045100-2-5

9 785604 510025 >